

Саид РАХМОН

Полководец Масъуд

РОМАН

**Авторизованный перевод с таджикского
Зафара Муродова**

**«Эжод»
Душанбе - 2008**

Воюют цари, страдает народ

Спустя три десятка лет после второй мировой войны, к страницам мировой истории, вслед относительно спокойного периода холодной войны, вторая половина двадцатого столетия добавила и немало других кровавых страниц. Одной из них является и кровавая трагедия, развернувшаяся в Афганистане. Еще раз столкнувшись лбами, две мировые системы в лице двух сверхдержав выбрали полигоном для своих разборок горы и равнины многострадального Афганистана. Воюют цари, страдает народ. Война, длившаяся десять лет, своими кровавыми отблесками не утихающая и по сей день, не могла не задеть и простого афганского дехканина Ахмадшаха Масъуда, волей судьбы оказавшегося в самой гуще этой переделки и по злему умыслу прихотей властелинов мира ставшего и великим полководцем.

Великому сыну афганского народа Ахмадшоху Масъуду и посвящена книга известного таджикского прозаика Саида Рахмона.

Во имя Оллоха Всемогущего и Милосердного!

Глава I

*И вод морей не хватит, чтоб кончик пальца обмочить,
И книг благоденний твоих перелистать страницы.*

Холодный зимний вечер. Снег валит непрерывно. Закончив сумеречный намаз, сложив молитвенный коврик, уложив его в нише, старушка Хадича взялась топить танур. Положила туда охапку сухих дров, обратилась к внуку Масъуду, сидевшему в углу избы.

- Родненький мой! Да не ослабеть твоим цепким ручонкам и орлиным глазкам. Принеси-ка в кочерге головешки огня и клади под дрова. Да, не забудь, потом и дымоход открыть, чтобы ветром подуло на дрова. Оллох даст, зажжем огонь, посидим у сандали*, отдохнем хорошенько.

- Бабуся, а ты мне потом сказку расскажешь? – взяв у двери кочергу, повернувшись к бабушке, словно услуга за услугу, как бы невзначай, вопрошает Масъуд.

- Ах, ты мой родненький! Как я тебя люблю! Еще есть немного времени. Конечно расскажу! Как только закончу вечерний намаз, до самой ночи, пока не уснешь, сказки тебе буду рассказывать. Хорошо? – разостлав молитвенный коврик, старушка повернулась к внуку.

- Бабуся, еще и песенки споешь? – заметив в ее интонации готовность уступить, Масъуд вставил и свое второе пожелание.

- Конечно, и песенки спою, родненький ты мой. Поставь-ка лампу в нише, чтобы и во внутренней комнате было светло.

Узнав, что и этим вечером его ждет продолжение вчерашней сказки и много-много песен, Масъуд был вне себя от радости. Потому с особым рвением взялся за дело.

Подобрав и сложив в кучу головешки, Масъуд встал, обратил свой взор на дымоход, откуда до слуха доносился злобный вой холодного ветра. Чувствовалось, что с наступлением вечерних сумерек стало еще холоднее. Что и снег стал валить еще сильнее, можно было судить по падающим через дымоход снежным хлопьям. Снежинки на время заняли собой детское воображение, увели в дальние дали: «Вот ухвачусь за кончик снежной нити и поднимусь по ней над всем кишлаком, над ущельем, горами, поднимусь аж до самой вышины, чтобы сверху посмотреть, чем заняты люди в эту пору, каково им жить, у всех ли тепло дома, ...Ах!» И воображение тут же вернуло его обратно. Сразу вспомнил, что никак не получается у него зажечь огонь. Царила уже ночь. Масъуд снова взялся за дело. Надеясь, что долгожданный огонек вот-вот высунет свой красный язычок, лизнет ему ручонку, он все сильнее и сильнее дул на потухающие головешки. И, судя по затаившимся в них искоркам, можно было понять, что огонек внутри все еще не погас. Масъуду было обидно, что огонек никак не желает услышать его просьбу зажечься.

*Сандали – камин

Старушка возвела руки к лицу. Поблагодарив Всевышнего за ниспосланное,

приветствием воздав дань уважения пророку Мухаммаду и всем святым, закончила намаз, вчетверо сложила молитвенный коврик и повернулась к внуку, копошившемуся у танура. По доносившемуся оттуда шелесту поняла, что ему все еще не удалось разжечь огонь.

- Огонек все еще не слушается тебе, родненький мой?

- Сейчас, бабуся, разожгу. Еще чуточку подую, и разожгу огонь. – все еще продолжая дуть, выдохнул Масъуд.

- Не мучь себя, родненький! Дай, я сама мигом разожгу. Если опоздаем, затухнут и оставшиеся головешки. Тогда труднее будет и лампу зажечь. Быстрее неси сюда кочергу, сладость ты моя!

С кочергой в руке Масъуд подошел к бабушке и сел рядом. Старушка свернула правый рукав, взяла кочергу, глубоко вдохнула и начала дуть на черные головешки. Переводя струю воздуха с одной головешки на другую, она словно искала, где прячется огонек, чтобы поймать его и выдавить наружу. И, наконец, будто нашла, что еще раз быстро и глубоко вдохнула, набрала в щеки воздуха, подула сильнее. Головешки ожили, побагровели и заискрились. Первую, слабую, попытку язычка пламени встать сменила вторая, более сильная попытка, и язычок пламени, теперь уже более крепкий, чем первый, обхватил собой всю головешку, выпрямился и поднялся во весь рост, на мгновенье озарив довольное лицо старушки.

- Видишь, сыночек! Всевышний услышал мои молитвы и своим светом озарил наш с тобой очаг!

А про себя подумала: «Значит, Всевышний оставил мне еще силы, чтобы в теплоте и уюте содержать домашний очаг. Благодарю тебя, о Оллох, что позволяешь мне своим участием принести хоть какую-то пользу своим родным и близким!»

Старушка снова глубоко вдохнула воздуха и подула на разгорающиеся угольки. Извиваясь, пламя вмиг охватило собой все содержимое кочерги, и, словно красный мак в весеннюю пору, среди желтой нивы, покачнувшись, своим язычком благодарственно лизнуло и наклонившееся лицо старушки.

- Родненький мой! На вот, неси. Сперва лампу зажги, затем подложи под дрова, что в танур положила. – протянув Масъуду кочергу, старушка облегченно вздохнула.

Фитилек лампы воспылал, озарив своим слабеньким светом маленькую избу старушки. Раздающийся треск свидетельствовал о том, что огонь и в тануре набирает силу.

Постепенно становилось теплее и светлее. Лишь доносившийся снаружи злобный вой ветра, напоминающий волчий, не давал забыть, что за стеной избы, в дальней глуши огромного ущелья продолжает лютовать холодная зима.

При слабом свете огня танура* Масъуд, провожая взглядом струю дыма, поднимающегося вверх, углубился в мир своих детских фантазий: «Неужели у дыма есть глаза, что он находит дымоход, выбирается из нашей темной и маленькой избы, окажется снаружи и увидит такие же струйки дыма, выходящие из других изб. Присоединится к ним и поднимутся вместе еще выше, окажутся над всеми разбросанными по всему ущелью такими же избами. И на этой огромной высоте будут гулять, любясь дальними далями. Как это красиво!..»

- Родненький ты мой! Ну-ка бери коврик, стели у танура и неси курпачи**. Настало время ужина. – старушка Хадича перебила полет его фантазии. - Очевидно, в такую погоду, да еще в темноте твоя мама с братиками не смогут выбраться из дома. Да и дедушка сам болеет, иначе сам бы привез их на лошадях! Вот уже два дня, как нет от них никаких вестей. Если бы не этот злополучный снег, невестка с внуками сами пешком вернулись бы домой. И от отца твоего почему-то никаких известий. Видимо дела по службе в Герате не отпускают его домой. Да и в Герате ли он? Сама толком не знаю, в Герате ли он, в Кабуле или в другом месте. Где бы он ни был, да хранит его Оллох.

Он единственный наш с тобой кормилец. А что есть в этом отдаленном горном ущелье, чтобы он остался здесь работать, а не ездил по городам и весям, чтобы раздобыть нам на пропитание? Ничего!

- Бабуся, когда сказку расскажешь-то? – усаживаясь поудобнее на курпачу, Масъуд перебил череду ее размышлений вслух.

- Погоди, сыночек, не торопись. Подай-ка мой халат, а то кости мои старые от холода продрогли. Дрожу вся. Глядишь, сейчас вода в чайнике закипит, поужинаем, сядем у сандали. И чай будем пить, и сказки рассказывать. Интересные сказки. Очень. ...Уфф, старость, как говорят, не радость. Все силы отнимает!.. – Надев свой старенький халат, старушка тоже расположилась поудобнее. При свете фитилька бабушка и внук ели свой нехитрый ужин. Запах жареной пшеницы дразнил аппетит. Горстками пережевывая, поедая пшеницу, аппетитно запивали чаем.

Приготовления ко сну тоже недолгие. Пока бабушка была занята намазом, Масъуд быстро постелил обоим у сандали и сел слушать, что произносит бабушка, когда заканчивает намаз.

- Бабуся, что-то долго длился твой намаз. Когда закончила, какую суру прочитала и сказала «Омин»? – не замедлил поинтересоваться Масъуд.

- Сыночек, всегда читаю часть из суры «Ёсин» или «Таборак! Потом обращаюсь к Оллоху с мольбой о сохранении здоровья тебе, твоим папе и маме. Прошу Всевышнего, чтобы он ниспослал нам благоденствие, достаток и изобилие на нашем дастархане***.

- Вот сейчас что читала, бабуся?

- Прочитала еще один известный стишок и помолилась за тебя!

- Что этот за стишок был? Бабуся, ну-ка еще раз прочитай, я выучу его наизусть!

**- Худовандо, мадад фармо, мадад кун,
Маро арзандаи кунли ланад кун.
Намедонам дигар оёти Кӯрӯон,
Мадад бо Кулҳуваллону анад кун.**

**О, Оллох, помоги мне, окажи услугу,
Сделай достойной могилы своего слугу.
Не знакома я с другими оятами Корана,
Кулхуваллоху ахад! Вот все, что я могу.**

* Танур – печь, в которой делают выпечки.

**Курпача – матрац.

*** Дастархан – скатерть.

- прочитала наизусть старушка..

- Еще раз повтори, бабуся, чтобы я запомнил.

И старушка повторила. Затем Масъуд повторил услышанное наизусть.

- О, сладкий ты мой! Оллох не пожалел для тебя не только острого зрения, но и прекрасной памяти! Все хватаешь на лету. Дай, Оллох, чтобы мой внучок в этой жизни достиг всего, что пожелает!

Иди, сыночек, закрой дверь на щеколду, потуши огонь, чтобы масло зря не жгли, ложись рядом с бабусей своей и слушай сказку.

Было это и ли не было. ...– начала свою сказку старушка Хадича. – И Масъуд всем своим существом стал вслушиваться в слова бабушки. – На этот раз, родненький ты мой, расскажу тебе не сказку, а быль. Слушай и запомни, сыночек!

Человек должен знать свои корни, откуда, из какого рода происходил, почитать их, чтобы и его жизнь была содержательной. Чтобы в судный день добродетель облагораживала его.

Наши с тобой предки, родненький мой, жили на берегах реки Зарафшон, у подножья гор Нурато селения Дахбед Самарканда. И каждый из них до конца своей жизни

поклонялся в сторону усыпальниц Ходжа Исмоила Бухори, Махдума Аъзама и других святых того райского уголка!..

Суждено было, что во времена правления кровожадного Тамерлана мангитские племена нападали на края наших предков, убивали женщин, стариков, даже детей, сжигали их дома, их цветущий край и превращали в руины.

Мой прадед Мухаммад в то время был вождем племени. У него было пятеро сыновей-богатырей. Его дети в свое время учились в медресе Самарканда и Бухары и были людьми образованными.

Прежде, чем покинуть этот мир, прадед позвал к себе всех пятерых сыновей и сказал им: «Не видать нам конца и края произвола монголов, тюрков и мангитов! Единственным выходом, чтобы выжить, не дать смешаться нашей крови с этой нечестью, я вижу в том, чтобы покинуть родину.

Похоронив отца со всеми почестями, братья вместе со всеми соплеменниками пустились в путь, неведомый никому. И сколько лет провели в тяжелых скитаниях по городам и весям, никто из них толком и не помнил. Так прошли город Бойсун и ступили в благодатную долину Хисор, обитаемый таджиками. Сколько жили они в этом крае, они точно и не помнили. Известно лишь одно: В этом краю тоже правили мангиты, тюрки, катаганы, соплеменники Тамерлана. Живя в нищете и бесправии, нашим предкам и здесь пришлось нелегко. Грабили, убивали, насиловали их, жгли их дома и здесь. Племя, не имевшее крыши над головой, разбежалось кто куда, сыночек! Часть их направилась в Каратегин, часть - в Хатлон, а другая часть в Балджувон, Ховалинг, Куляб и Фархор, что на той стороне реки Пяндж. Наши с тобой дед и прадед перебрались на эту сторону реки Пяндж и обосновались в этих горах.

Жизнь и на этой стороне реки была не сладкой. Не было покоя от меча, кинжалов и пуль винтовок местных племен. Как зоркие горные орлы разбрелись наши предки по высокогорью Гиндукуша, чтобы уберечься от произвола пашту, балуча, хазоры и туркменов. Пятеро братьев с семьями нашли себе убежище здесь, куда еще не ступала нога человека. И, осмотревшись, поняли, что в этом каменистом горном крае не то, что деревья, даже трава не растет. Сладостными были теперь воспоминания проведенных месяцев на берегу быстрой реки Зарафшон с ее холодной водой. Безопасный уголок, прохладный климат горного края запомнился нам. Человек, оказывается, привыкает к какому-то месту. Вот и мы, привыкшие к своему родному Дахбеду, никак не забудем красоту его рек и горы Нурато.

Это потом мы обосновались в этом ущелье, привезли в сумах на ослах и лошадях плодородную почву, построили себе дома, обустроили свои участки, стали пахать, сеять, занялись животноводством. Словом, наладили свою жизнь. А тогда было не до этого. Надо было, во чтобы то ни стало, выжить. Для этого вынуждены были искать себе убежище в горных пещерах. Вскоре и разбойники с большой дороги узнали о нашем существовании. Их вооруженные набеги в наши края стали частыми. Наши деды, как и твой отец-красавец, поняли, что сами должны встать в защиту своих семей. Герои побили злоумышленников. Да так побили, что те надолго забыли дорогу в эти края, не осмеливались совать туда свой нос. Молва об их мужестве вскоре разнеслась по всему горному ущелью. Народы, постепенно населявшие горное ущелье, теперь знали пятерых братьев и как первых поселенцев этого ущелья, и как мужественных людей, готовых как лев встать на защиту своего народа, горного края. И в честь пятерых мужественных братьев назвали горное ущелье Панджшером (в переводе с дари «Пять львов»). С тех пор этот край и известен всем как Панджшер.

Сколько лет прошло с тех пор, сколько воды утекло, никто точно не знает. Но имена пятерых твоих прадедов остались здесь навеки, прославили ущелье на всю округу.

Да, кстати, в честь тех пятерых братьев, родненький мой, народ сочинил стихотворение, передающееся теперь из уст в уста. Я тебе сейчас зачитаю его, а ты

выучи его наизусть. Поскольку это память о тех братьях – твоих прадедах, прославивших этот край.

- Ну-ка, бабуся, зачитай! – попросил Масъуд. И старушка Хадича запела сладким и тихим голосочком.

**Мо панльбародарем, аз як пуштем,
Дар панлаи рӯзгор панльангуштем.
Чун боз шавем, дар назарню аламом,
Чун ламъ шавем, дар дананню муштем.**

**Нас пятеро, пятеро братьев родных,
Как пять пальцев, и в быту мы сродни
Раскрываясь, мы - вихрь мятежный,
Сжавшись - кулак могучий, заткните рты.**

- Услыхал, сыночек? – спросила старушка, закончив читать.

- Хорошее стихотворение! – подтвердил Масъуд и попросил прочитать еще раз.

- Ну-ка, родненький, теперь ты прочитай, а я послушаю. – повторив, таким образом, три раза, старушка пожелала послушать внука.

Чуть углубившись в себя, Масъуд наизусть зачитал услышанное.

- Вот это да! Хватило три раза, чтобы ты на лету схватил услышанное. Молодец, родненький мой! – Чуть погодя, старушка вновь спросила:

- Дорогой Масъуд, ты ходил хоть раз на кладбище Ходжа Иброхима?

- Да, ходил, бабуся. Нас с братом Яхё папа брал с собой.

- Раз уж ходил, так вот, запомни, тот святой считается братом наших предков, приехавших из селения Дахбед Самарканда, одним из основателей Панджшера. А наш прадед Ахмадшох принадлежит к их династии.

Знай и помни это, родненький ты мой. Мы с тобой должны помнить и почитать их.

- Хорошо, бабуся! – задумался Масъуд, вслушиваясь в рассказ бабушки.

- Из века в век наши предки, сыночек, вот так жили у подножья этих острых горных вершин. Начиная у входа в ущелье Панджшер, жители кишлаков, расположившихся у реки Панджшер, до самых Аъноба, Бозорак и нашего Джангалака, все принадлежат семейной династии тех пятерых мужественных братьев – сыновей деда Мухаммадамона.

Да и сейчас видно, как вторгаются на наши земли чужие племена – турки, англичане, русские – пытаются какое-то время господствовать здесь, да свободолюбивые панджшерцы не хотят преклонять перед ними колени и выгоняют их со своих земель.

Как зеницу ока беречь свой родной край – это завет наших с тобой отцов и дедов, сумевших в целостности и сохранности уберечь нашу родину от недругов. Если мы не будем следовать их завету, все будем уничтожены. Береги, Оллох, вас, сыночек. Вы наши будущие защитники.

Старушка Хадича на этом месте прервала свой рассказ, посмотрела в глаза внуку, хотела убедиться, уснул ли Масъуд. Но в темноте ночи не смогла разглядеть его лица. Вслушиваясь в слова бабушки, Масъуд еще не уснул. Но веки, не послушные воле юного хозяина, отяжелели, смыкались вопреки его желаниям. Не помня когда, он так и заснул.

Старушка накрыла внука краешком одеяла, встала. В темноте нетрудно было разглядеть, как ее сутулое тело отошло к войлочной сумке, что лежала в углу избы и служила хранилищем зерновых, бобовых, картошки. Оттуда она взяла четыре штуки картошки, подошла к тануру, отодвинула краешек коврика, закрывающего танур, кочергой образовала углубление в золе и положила туда картошки, золой накрыв их сверху. Уверенная, что к утру картошки хорошенько сварятся, и будет им сытный завтрак, старушка легла рядом с внуком.

С самого утра ущелье окутал густой туман. Затем подул холодный ветер, и начал валить снег. К вечеру все вокруг накрылось снегом. Мать Масъуда пошла проведать больного отца в селение Аъноба, что ниже по ущелью, через два кишлака. Собираясь в дорогу с сыновьями Ахмадом Яхё и Ахмадом Зиё, она сказала, что проведает отца и к вечеру вернется. Но почему-то ее до сих пор нет!» - мысли всякие лезли в голову старушки. Ее, уставшую изможденную, ломило. Словно невидимый барометр, наступающий холод она чувствовала каждой клеткой своего тела. Не брал в свои объятия и спасительный сон. Не помогало отчего-то и трехразовое чтение суры.

Темнота холодной зимней ночи ущелья Панджшер окутала в свои объятия еще одну маленькую семейку, несмотря на свою бедность, счастливо и беззаботно устроившуюся в скромной избенке, находившейся на краю этого огромного ущелья. Вселенной незачем было знать, о чем думает, что тревожит старушку Хадичу в эту холодную ночь. Глава семьи, сын старушки Ахмад в поисках куска хлеба насущного пустился на заработки, в далекий большой и древний город Афганистана Герат. Может, весной, с наступлением тепла вернется домой. ... Когда все-таки сон затмил глаза, старушка уже не помнила.

В этой небольшой избушке, что на окраине ущелья Панджшер горного хребта Гиндукуш этой огромной Вселенной в своем маленьком мирке и жили старушка с внуком. Они еще не знали и не гадали, какие бури ждут их в недалеком будущем, в середине двадцатого столетия.

... Человечеству стало тесно на земле. В мире, разделенном на бедных и богатых, сильных и слабых, человек рвется осваивать околоземное космическое пространство, проникнуть в глубины вселенной. И на этом фоне в силу своего величия и значимости сильные мира сего не забывают вспомнить, что у них еще нерешенные остались земные проблемы. И, чтобы решить их, они всегда прибегали к использованию людских ресурсов, возможностей и положению тех, кто по своему социальному статусу, жизненному уровню находился ниже, в нищете, голоде, испытывал нужду в милостыне сильных мира сего. И всякий раз чем дальше уходил человек от корней своих, он все дальше становился и от своей человечности, терял свое человеческое «я». На этом этапе своего развития тварь под названием «человек» порой становилась хищнее, злее самого жестокого и злого хищника, который когда-то обитал на планете Земля. И хищником, и жертвой становился сам человек.

Старушка Хадича еще не ведала о грядущих великих переменах. Но за всю свою беспокойную жизнь вывела одно: чтобы быть хозяевами даже этого маленького клочка земли, этой избушки с несколькими ободранными циновками, в течение всей своей жизни им приходилось бороться, терпеть лишения и гонений. С окружающих сел Кундуза и Пули Хумри, Кобула и Пешавара Пакистана и других селений объявлялись вооруженные разбойничьи отряды и убийцы и нападали на дома и села, грабили, уводили скот, женщин и девушек. Мужчины и молодые парни села должны были всегда готовы отразить их нападение, защитить свою обитель, честь своих семей.

Если она о многом знает по рассказам своих дедов и отцов, то многое знает и не понаслышке. Старушке самой приходилось стать свидетелем таких жестоких и страшных сцен. И свидетелем многих таких повествований, о которых рассказала Масъуду, была сама старушка Хадича. В этом ряду старушка хотела было поведать и о конфликте отца Масъуда с его другом Фозилом. Но подумав, что Масъуд еще юн для таких разговоров, рассказать не решилась. Самой же Хадиче споры сына с Фозилом о политике порядком надоели.

Эти двое мужчин готовы были часами спорить. В последний раз их разговор состоялся месяц назад, когда Ахмад приехал проведать семью.

- Ваше житье-бытье, дорогой брат, как и наше – не сахар! - сидя за скромным дастарханом, обмолвился человек в военном.

- Слава Оллоху! Мое богатство - это вот моя скромная обитель, да мои дети. – ответил Ахмад.- Хотя и жить трудно, благодаря Оллоху и полученному образованию что-то добываю на пропитание семьи. Если здесь в Панджшере для большинства трудоспособного населения нет работы, то в больших городах я своему ремеслу и знаниям нахожу применение. Да и какая может быть работа в этом горном ущелье? Растительности даже нет никакой. Разве что только гранит. И все. Нет даже никаких цехов по обработке и этого камня, чтобы заняться хоть и ремеслом каменотеса.

- Брат, но ведь нам с вами и в таком нашем бедственном положении житья не дают! – поделился наболевшим Фозил. – С четырех сторон давят на нас чужестранцы. Правдами и неправдами пытаются навязать нам на голову всякую чушь. И каких только бед и невзгод не валят на наши головы. В этот жестокий век нетрудно и головы лишиться. Сами свидетели: По-соседству с нами на той стороне реки Пяндж кафиры - русские захватили земли наших мусульман-единоверцев туркмен, казахов, узбеков, таджиков. Многих порубили. Как наши с тобой деды и прадеды, многие со страха в поисках хорошей жизни покинули родные края, перебрались на эту сторону реки, на афганскую землю. Увы, и здесь нам нет житья. Разбойники с большой дороги и здесь не дают нам покоя..

- Видел ли гробницу последнего бухарского Эмира Олимхона на кладбище Шухадо Солехини Кабула?

- Видел, бывал и там, - сказал Ахмад. – А знаешь, что написано на надгробии?

- Нет, не знаю, - ответил Фозил.

- Один трогательный бейт выведен там.

**Амири беватан зору нақир аст,
Гадої дар ватан шону вазир аст.**

**Жалок и ничтожен без родины эмир,
Нищий на родине – и эмир, и визир.**

Его прах здесь, а жена и дети великого завоевателя мира сейчас, как мне кажется, живут в арабских эмиратах и в Германии. Таким образом, все мы скитаемся вдали от родины. Нигде нет нам покоя от произвола завоевателей и грабителей!

На самом же деле все эти народы наши с тобой единоверцы, одной с нами крови!

- Да, да! – поддержал Фозила Ахмад. - Мы с тобой от Самарканда до Ирана и Курдистана – все одной нации. Персоязычные таджики мы и мусульмане! Было время, когда нас объединял великий Хорасан. По прошествии лет завоеватели отделили нас от родных корней, разделили по частям. Теперь трудно объединить в единое государство персов Ирана, Хорасана. Мы были как пять пальцев одного сжатого кулака. Теперь этот кулак разжали, братьев разъединили.

Войска Александра Македонского, Чингизхана, англичан и русских веками своими набегами тиранили нас, сеяли семена вражды среди нас самих же.

- Все это, по-моему, - сказал Фозил, - от нашего невежества и безграмотности. В плену невежества мы остались безграмотными, необразованными. Видя наше положение, чужие племена продолжают сеять среди нас эти самые, как ты говоришь, семена вражды и неверия. Вследствие этого мы не перестаем враждовать со своими соплеменниками, единоверцами, убиваем своих же братьев и сестер. Этим нашим безумием и пользуются чужие, враждебно настроенные к нам племена. И такое самоубийство продолжается из века в век.

Если у себя на родине не будет тебе житья, то чего ждать на чужбине? Кто на чужбине тебя будет уважать и жалеть? Даже думать так – глупо.

Пятьсот лет назад наши с тобой предки не от хорошей жизни перебрались сюда из местечка Дахбед Самарканда. Разве тогда им хорошо жилось там? Или их потомки жили хорошо? Отнюдь.

Единственная наша надежда и опора в этом мире Всевышний – Оллох. Нет надобности ждать добра от земных тварей!

Взять, к примеру, Советский Союз. Заняв по территории одну шестую часть планеты, эта страна до сих пор не насытилась землей. На Западе Советский Союз захватил румын, чехов, болгар и другие народы. Пялит глаза на Восток и Юг. Несметное число монголов готово откликнуться на его малейший зов. Вот уже который год из-за боязни Америки и Великобритании страна советов намерена захватить Афганистан. Это значит, что Советский Союз опасается, что Америка захватит Афганистан и установит здесь свои военные базы, направить в сторону страны Советов свои баллистические ракеты с ядерными боеголовками. Россия же намерена опередить Америку, первой захватить Афганистан, чтобы, видя здесь военное присутствие России, Америка не сунула сюда свой нос. Это значит, что сегодня два дракона намерены господствовать над всем остальным миром. Это однозначно. От присутствия любого из них нам не ждать ничего хорошего. Эти государства пошлют к нам свои войска. Если англичане сто лет командовали здесь бряцанием оружия, то теперь очередь за Советским Союзом.

Вслушиваясь в слова Фозила, Ахмад мысленно представил себе, как американцы и русские своими многотысячным войском захватят города и села Афганистана.

Действительно, этот мужчина говорит правду. И что еще хуже, в этом крае, находящемся на очень низком, феодальном уровне развития, нет ни сил, способных противостоять им, не допустить вторжения интервентов на территорию страны, ни властных структур, способных объединить, сплотить народ перед угрозой интервенции. Вот уже сколько веков, как эта многострадальная земля, искалеченная войнами, превращается в руины.

В большинстве передовых стран мира сформировался передовой рабочий класс. Строятся промышленные предприятия, крупные заводы и фабрики, морские суда, воздушные и космические корабли. Жизнь движется вперед. А в нашей, отсталой от передовой науки и образования стране, не можем производить даже мыла, спичек, иглы, гвоздя и стекла, не говоря уже о передовых мировых технологиях. По сей день землю продолжаем обрабатывать ручным дедовским способом. Еще лучше плугом, привязанным к волю. Образование и школа находятся на очень низком уровне развития. Абсолютное большинство населения не умеет даже читать и писать.

Государством управляет в основном ислам. И такое господство все тысяча четыреста с лишним лет.

Невежество, необразованность – основная причина отсталости страны, ее продвижения вперед. И до сих пор никому не удалось устранить это невежество. Жизненная необходимость вынудила Ахмада получить образование в Англии, не раз совершать поездки в Америку и Россию, познакомиться с государственным устройством этих стран, образом жизни людей. Знает, если страны Запада избрали капиталистический путь развития, то в европейской части мира, России и Средней Азии господствует социалистическое мироустройство. На сегодняшний день мир разделен на две противоборствующие системы – капитализм и социализм. Вот уже сколько десятилетий эти две системы враждуют между собой, превратившись в двух непримиримых врагов. Десятилетия каждая из них ищет способы уничтожить своего врага, чтобы стать единоличным лидером в мире.

Эта их вражда и стала причиной того, что в водовороте их разборок оказались сотни других народов и стран. В первую очередь, народов соседствующих с ними стран. Это значит, что в результате их разборок будем страдать мы. Их военные базы будут функционировать на наших землях.

Эта захватническая политика существует с давних времен. Продолжается и поныне.

- Что умолк-то? - Ахмада, погруженного в такие нерадушные размышления, вновь привел в себя Фозил:

- Да так, вспомнилась жизнь соседних народов. – ответил Ахмад.

- Каких еще соседей? – не понял Фозил.
- Таджики, туркмены, казахи.
- Все они - мусульмане, как мы с тобой? – спросил Фозил.
- Да, мусульмане. – последовал утвердительный ответ. – Мусульмане, но живут во сто крат лучше нас с тобой.

- Вы, брат, много ездили по миру, много видели. Скажите, отчего они хорошо живут-то?
- Их счастье в том, что они объединены в единой стране Советов. – сказал Фозил, не дождавшись ответа Ахмада. – Когда совершилась революция, народы соседних с нами стран перепугались, что придут русские - кафиры и всех мусульман переделают кафирами. В начале, действительно, с обеих сторон было недопонимание, случались сопротивления и кровопролитие. Но потом со временем стало ясно, что русские-кафиры не имеют ничего против ислама и мусульман. Жизнь людей стала налаживаться еще лучше, чем было до прихода русских. За все годы совместного проживания в составе единой семьи народов СССР Советская власть построила в этих республиках столько городов и сел, обустроила их, чего не видели эти народы за все предшествующие столетия. Об этом можно даже судить хотя бы по уровню жизни тех городов и сел, что разбросаны вдоль реки Пяндж. Чувствуется, что даже жизнь таджиков на той стороне реки во сто крат лучше нашей. Там тоже живут, кстати, мусульмане и соблюдают все законы шариата. Никому нет до них дела. Это наш злой рок судьбы, что русская революция не перешла на эту сторону реки. Будь иначе, мы тоже жили бы также, как и они. В красивых городах и селах, имели бы свою сельскохозяйственную технику, свой транспорт, по ночам электрические лампочки освещали бы наши дома.

- Коммунисты и у нас могут организовать свою партию. Если победят на выборах, будут у руля власти. Может, потом жить станет лучше? – вставил Ахмад. – Для этого нужна сильная рука, здравый ум, способные повести народ к лучшей жизни. Такой силы, увы, в Афганистане нет.

Во всяком случае, страна советов будет стремиться, чтобы выдвинуть коммунистов к руководству страной. Чего бы им это не стоило, они будут добиться своего. Но, к сожалению, большинство населения Афганистана находится под игом невежества, неграмотности, незнания существующего положения вещей. Религия, в течение многих веков пустившая глубокие корни, является основной доминирующей силой общества. Этим фактором пользуются и религиозные деятели и исламские страны, имеющие здесь сильное влияние. Они ни в коем случае не допустят, чтобы их интересы были ущемлены. Короче говоря, они не хотят, чтобы в Афганистане победили коммунисты и как в Средней Азии здесь тоже правила коммунисты. Они поднимут народ, а народ пойдет за религиозными деятелями.

С другой стороны такие могучие страны как Америка, Англия, Германия и другие их союзники, являющиеся врагами коммунистов, будут на стороне исламистов и не пустят сюда Советов. Они будут поддерживать идеологию исламистов и поднимут народ против коммунистов. Выходит, они будут стравливать нас против своих же. А сами со стороны будут смотреть, как брат убивает брата.

После этих слов Ахмад замолк. Фозил спросил его:

- Ладно, где путь спасения афганского народа от голода, нищеты?
- Сами же твердите, что человечество в большинстве стран мира ведет свободный, мирный образ жизни, люди живут в достатке. Мы же находимся на самом низком уровне развития. Так ведь мы тоже такие же люди, как и они. Слава Оллоху, и у нас такие же трудовые руки, такая же благодатная земля, как и у них. Так, почему мы сами не можем создать свое суверенное государство, которое будет способно и защитить нас, и направить нашу жизнь в нужное развивающееся русло как на том же Западе?

Что ответить, на сей раз Ахмад сразу не смог. Задумался. Собрался с мыслями:

- Любое развитие общества, продвижение вперед способствуют ум, знание, здравый рассудок, а не невежество, бряцание оружием. Афганский же народ веками живет, воюя, проливая кровь друг другу.

История тому свидетель, какой бы падишах ни занял царский трон, в течение пяти – десяти лет своего правления кроме как убивать, воевать, он ничем другим добрым делом не занят. Житель города то ли села собрал все нажитое за долгие годы, чтобы домишко себе построить, а в это время войско соседнего города или села идет на него войной, грабит, сравнивает с землей все постройки, сады и огороды, убивает жену и детей. Пока в муках подрастет его следующее поколение и возьмется построить себе новый домишко, к этому времени уже другое воинствующее племя соседнего села, города войной вторгается в его жизнь. Зловещая картина войны, убийства, грабежа, разрушений повторяется.

Не говоря уже об убийствах, грабежах и насилии своих доморощенных командиров, боевиков. В этой стране каждое село имеет своего хозяина, командира, муллу, которые не подчиняются ни властям, ни государству. Не признает даже Оллоха, сотворившего его самого. Так поди, богатырь, при таком раскладе создай власть, построй свою новую жизнь, цветущее общество!

- Так, говорил же, здесь нужен великий, мудрый человек, сильная, как у Сталина, рука, единая политика, направленная на укрепление государственных устоев, чтобы положить конец разбазариванию и расточительству. И чтобы во главу угла государственной политики стояло разрешение проблем науки и образования, чтобы на новый, более качественный уровень поднять сознание народа, пройдет не одно десятилетие. Нужны столетия, чтобы вытащить из глубин нищеты сознание народа.

Даже я сам сейчас, поделившись с тобой этими своими соображениями, боюсь, что за сказанное сейчас меня самого могут приговорить к смертной казни. Кажется, тугой узел невежества из века в век так запутал мозги народов Афганистана, что народ теперь не в состоянии отличить ночную тьму от дневного света. Вырваться от голода, холода, нищеты и бесправия к миру света и благоденствия невозможно не то, что за десятилетие, даже и в ближайшее столетие. Необходимо создавать условия для равноправного развития всех племен, наций и народностей. Нужны свобода и равенство мужчин и женщин, развитие промышленности, создание тысячи и тысячи предприятий, получение бесплатного образования в школах и высших учебных заведениях и принятие сотни таких мер, чтобы народ этой многострадальной земли почувствовал на себе, что такое человеческое счастье.

Заканчивается двадцатый век, а в Афганистане до сих пор повсеместно нет электричества. Так, о каком счастье стоит вести речь? Электричество это свет во тьме, свет в наших домах, сила, от которой могут заработать станки и мощные агрегаты на заводах и фабриках, на промышленных предприятиях, в сельскохозяйственном производстве, на телевидении и радио. Словом, без электричества невозможно представить своего развития, продвижения вперед. А что у нас? Абсолютное большинство населения страны не имеет даже и представления об электричестве.

Советы построили нам электрические станции, мукомольные предприятия, дороги и мосты, обустроили, а мы с вами недооценили всего этого. Это разве свидетельство нашей высокой сознательности?

Кроме тропинки для скота и пешеходных дорожек за двадцать столетий разве когда-либо мы имели свои асфальтированные дороги? Это разве не Советы построили нам тысячи километров дорог на юге и севере страны, выровняли непроходимые горные серпантины дорог, чтобы сегодня население смогло воспользоваться ими? Мы всего этого недооценили.

Можем ли мы соорудить себе хотя бы одну простую повозку? Существует ли в нашей стране хотя бы одно предприятие по выплавке металла, чтобы мы на другом промышленном предприятии смогли сделать из этого металла хоть какой-нибудь

инструмент, который пригодился бы потом в нашем быту? Скажи, Фозил, на что еще способен наш народ кроме, как убивать своего же брата, сжигать его дом, сровнять с землей дома и строения, грабить своего же собрата? Это ли не признак нашего невежества, несознательности? Еще не успело рассветать, как в центре исламского государства, в городе Кабуле включается не один, а тысяча громкоговорителей, будто муэдзины мечетей соревнуются в мастерстве оповещения населения о начале утренней молитвы и призывают посетить их мечети. Это все очень хорошо, что мы живем в исламском государстве и просыпаемся с первыми лучами солнца. С надеждой молимся Оллоху Милосердному и Всемогущему, чтобы в течение дня сотворить деяния праведные. Но, Оллох свидетель, за ширмой ислама мы, мусульмане, порой такие богохульства совершаем, что аж самый страшный кафир не способен не такое. Недра Афганистана полны залежей серебра, золота, железа, нефти и газа, других полезных ископаемых. Скажи, Фозил, какое из этих месторождений мы освоили, чтобы принести пользу народу, стране? Не это ли признак нашей неграмотности, слепоты, что до сих пор не имеем своих специалистов, чтобы освоить эти месторождения, пустить в производство, заявить о себе на мировом рынке, сделать нашу страну, народ богаче, а жизнь нашу краше?

Развитые народы и народности имеют у себя металлоплавильные, машиностроительные предприятия, строят морские корабли и воздушные судна. Плодом своего ума и ремесел, цивилизации пользуются и сами, и вывозят свою продукцию на рынок, в другие страны. И от этого получают огромные прибыли, что служит процветанию их страны.

В нашей же стране до сих пор нет даже железной дороги. Железная дорога - это самый дешевый вид грузового и пассажирского транспорта. Правда, что в нашей стране все еще не используется огромная площадь плодородных земель. Разве при помощи дедовских плугов, привязанных к волам, много ли вспашешь земли, много ли получишь урожая? Нет у нас и каналоочистительной техники, чтобы вырыть каналы и запустить воды рек в засушливые земли. Из богарных земель урожай получаем в таких объемах и с таким качеством, что и на внешнем рынке ценится не так, как хотелось бы. Вспомни, Фозил, про равноправие женщин и мужчин. Мать, служащая источником жизни на земле, в нашей стране лишена всех человеческих прав. Как в учебе, так и в труде в большинстве стран мира женщины пользуются равными с мужчинами правами. Во всех сферах общественной жизни женщины и мужчины трудятся на равных. В большинстве стран мира женщины принимают активное участие в управлении государством и общественной жизнью. Афганские же женщины от семи до семидесятилетнего возраста ходят под паранджу. Не то, что как раб, она бесправна даже хуже раба. Их права в этом крае полностью ущемлены. Женщину, которая растит и воспитывает членов нашего общества, женщину, взвалившую на свои плечи всю тяжесть домашнего хозяйства, женщину, находящуюся рядом с нами от рождения до самой смерти, в ее правах наше общество сровняло с пылью земной.

Нет никакой жалости и уважения к своей матери, сестре, к женскому труду! Невежества тяжелее, страшнее, чем это, нет на всем белом свете! Женщину продают как товар, как вещь какую-то, кому хотят и как хотят! Не может быть несчастнее наших женщин на свете, что эта бедная женщина не имеет права и слова молвить в свою защиту! Вся наша жизнь, традиции, обряды и обычаи, государственное устройство наше заражено этой болезнью, не излечив которую, мы с вами не сможем и думать о процветании нашего края, благополучии жизни народа!

Ахмад тяжело вздохнул и замолчал. Фозил также был тронут этим, из глубин подсознания идущим, монологом. Понял, что боль, тревожащая Ахмада, намного тяжелее, чем ее представлял себе Фозил. Чтобы не сыпать соль на кровоточащую рану сердца Ахмада, Фозил замолк. И он замолк надолго, мысленно углубившись в себя, теперь уже сам размышляя. «...А представится ли другой такой удобный случай, чтобы

получить ответ на свои животрепещущие вопросы?» - вывел Фозил и вновь обратился к Ахмаду:

- Ахмад Соиб, а новые партии с какой целью созданы, и к чему и куда рвутся –то они?
- Дорогой Фозил, Где есть партия, там господствует фальшь, и творятся грязные дела! Сколько существует человеческая цивилизация, у всех религий, партий цель одна – дорваться до власти, управлять страной, всеми остальными людьми. На свой лад, по своему хотению и прихоти! Цель всех людей занимающихся политикой, управлять, властвовать! И ничего другого! Всеми правдами и неправдами эти партии и властолюбцы пытаются завладеть умами оставшихся в невежестве людей, повести их за собой! И как только добьются своей цели, начинают самодовольно ублажать свой ненасытный аппетит, забывая про тех, чьей поддержкой они дорвались когда-то до этой самой власти!

Знаешь, что каждое село имеет своего командира, муллу, хозяина. И каждый из этих людей считает себя главным, не подчиняется волости? Глава волости, в свою очередь, считает себя умнее, грамотнее любого царя и министра. Делает то, что ему самому угодно, что сам пожелает. А те, кто сидит у руля государственной власти, сами находятся в бедственном положении, ничего не могут поделаться с государством, людьми, словно бесхозное стадо, потерявшие контроль над собой по всей стране. Во всех селах, как только начинаются распри, сразу теряется контроль, спокойствие и ставится точка благополучию! Нет в нашей стране ни часа и дня, месяца и года, чтобы не было воин, кровопролития, разрушений городов и сел. Пуштунцы имеют своих мулл, командиров, таджики – своих. Точно такое же положение и с туркменами, казахами, хазора и другими племенами. Все, таким образом объединились в партии, религиозные движения и рвутся к власти. Чтобы добиться своей цели, не брезгают ничем. Готовы пролить кровь и своего брата. Для этого разжигают межплеменную рознь. Без власти и управления страна катится в бездну нищеты и хаоса. Нищета и голод, невежество и неграмотность все глубже пускает корни. Это и есть беспокойная жизнь нашего народа, что будет продолжаться и после нас с тобой.

Видя все это, бедный поэт тоже не зря писал:

**Одами хокї дар ин олам намеояд ба даст,
Оламе аз нав бибояд сохт в-аз нав одаме. ...**

**Нынче трудно найти человека земного,
Мир надо построить новый и человека нового. ...**

Глава II

**Санар шуд, мурѓи наќ дар кунгури арши барин пар зад,
Уфуќ хандиду хуршед аз фарози кунъсар бар зад.
Ба кўю барзани Кобул сипонњ кўфр сангар зад,
Шиори парчами досу чакушро пушти нар дар зад.**

**Наступило утро, птица счастье улетела,
Заря наступила и солнце засверкало за горой.
Армия неверных поселилось в степях Кабула,
Знамя серпа и молота зацепила за каждый двором.**

Жизнь, как корабль, плывущий по морю: Плывет, не замечаешь, с какой быстротой бороздит он водную гладь. Оглянулся, и берега уже не видать. Так и жизнь: Кажется, молод, и вся жизнь еще впереди. Посмотрел на себя раз в зеркало, а там и седина уже на висках блестит, и болезнь какая-то тело ломит. Так и не заметил, как жизнь прошла.

И каждый по-своему чувствует это. И лишь в последние мгновения жизни замечают, что уходят. Уходят туда, откуда нет пути назад, И нет человека, кто вернулся бы оттуда и сказал, что ждет нас там.

От тех дней, о которых мы повествовали вначале, минула половина человеческой жизни. О тех событиях, о которых мы повествуем вам нынче, старушка Хадича, Ахмад и Фозил не ведали, так как безжалостные когти смерти давно уже унесли их из этого мира.

Какие же они были счастливые, что не видели то, чего суждено было видеть их потомкам.

Об этих событиях узнает лишь Масъуд, достигший совершеннолетия, находящийся в самом расцвете своей молодости, полный сил и молодецкой удали. И волей судьбы ему суждено было видеть, испытать на себе столько страшных мук судьбы, что не приведи Оллох, испытать все это человеку неподготовленному, психически не готовому видеть нечеловеческие ужасы, выпавшие на долю Масъуда.

Наше дальнейшее повествование - это события и описания жизненного пути того самого Масъуда, с которым уважаемый наш читатель познакомился еще в самом начале нашего повествования, совсем маленьким. Как чуткого и исполнительного помощника своей бабушки Хадичы, в бедной избенке села Джангалак ущелья Панджшер. ...

... По итогам каждой недели, вечером в пятницу, как по плану, так и по устоявшейся традиции, высшие руководители Советского Союза, министр иностранных дел СССР, председатель Комитета государственной безопасности СССР, министр обороны и министр внутренних дел СССР, после ужина в 15:00 собирались в Московском Кремле. В приемной генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. И с разрешения генсека входили к главе государства. На этом заседании члены Политбюро отчитывались перед генеральным секретарем, и мудрый руководитель мировой сверхдержавы подводил итоги. Затем, после процедуры анализа и соответствующих выводов каждому из членов Политбюро поручалось определенное задание. Довольные итогом заседания, уверенные, что в министерском кресле сидят пока уверенно, руководители покидали апартаменты руководителя Кремля.

Несмотря на спокойную политическую, экономическую и социальную жизнь в стране, в последнее время настроение Л. И Брежнева оставляло желать лучшего. И было отчего. За последние недели председатель КГБ СССР Юрий Андропов не раз омрачал настроение генсека нехорошими вестями. Особенно, вестями из Европы и Америки, раз за разом сильно потревожившие Брежнева.

После долгих консультаций с министрами и опытными политиками из Политбюро ЦК КПСС глава государства пришел к выводу о необходимости срочного ввода особо подготовленного ограниченного контингента советских войск в Афганистан. В случае задержки Америка может опередить Советский Союз, введя свои войска туда. Случись так, считай, все пропало.

- Если опоздаем, считай, что Америка уже в Афганистане. И будет как кость в нашем горле! – выслушав министров силовых ведомств, из под темных бровей, наморщив их, своим басом сказал Л.И. Брежнев. - Это касается вас, министр обороны, товарищ Устинов.

Маршал Устинов, коренастый мужчина, человек в возрасте, сидевший напротив генсека, услышав это, как человек военный, тут же встал. Встал настолько быстро, что икроножные мышцы несколько отодвинули назад стул. Устинов заметил это и одной рукой попридержал краешек стула, чтобы не упал и не ставил маршала в неловкое положение.

- Все знаете, - обращаясь к четырем министрам, сидевшим напротив, сказал Брежнев. – Знаете, что в плане своего географического положения Республика Афганистан семьдесят лет как занимает для Советского Союза особо важную стратегическую

позицию. Если наши вооруженные силы войдут туда первыми, и мы будем находиться там, тогда есть гарантии, что будем в безопасности, выживем. Если же Америка захватит Афганистан, знаете сами, какими бедами это нам грозит.

Известно, что союзники Европы сговорились между собой и намерены всеми путями ввести свои войска в эту страну, разместить в Афганистане свои военные базы. Затем наш Советский Союз станет мишенью межконтинентальных баллистических ракет Америки и ее союзников. Наши Таджикистан, Казахстан, Киргизистан, в основном мусульманские республики, и граничат с Афганистаном. Они и будут под самым носом американских ракет. Даже великий Китай, имеющий границы как с нами, так и с Афганистаном, не будет в безопасности.

Л. И. Брежнев глотнул кофе из окаймленного золотыми орнаментами стакана и продолжил:

- Из горького опыта Второй мировой войны мы с вами знаем, что Америка, Англия, Германия, Франция и другие капиталистические страны хотят разместить свои войска в Афганистане. Цель их ясна: стереть с лица земли Советский Союз, мировой социализм.

Политбюро пришло к следующему выводу: Как можно быстрее ввести наши войска в Афганистан.

Я пригласил вас сюда, чтобы узнать по этому поводу ваше мнение. Напоминаю, беседа может затянуться, может быть, до поздней ночи. Ужинать вы будете здесь же, в столовой Кремля. Обсудите, подумайте. Через час вновь соберемся.

После этих слов Л. И. Брежнев встал, направился к двери.

Министры тоже встали, проведив генсека по-военному, лишь взглядом, покинули его кабинет.

Формально такие приемы, встречи, отчеты министров перед генсеком обычно заканчивались за час. Но на этот раз, имея в виду важность ситуации, Л. И. Брежнев попросил министров вновь собраться у него.

От такой постановки вопроса из этих четырех министров только у председателя Комитета госбезопасности в какой-то мере изменилось выражение лица. Казалось, по роду службы и по информации, поступающей ежедневно от тысячи секретных агентов, разбросанных по всему миру, работающих во многих странах мира, председатель Комитета госбезопасности знал, чем дышит тот или иной руководитель государства. Но буквально до этого самого часа не мог поверить, что руководство Советского Союза и Политбюро согласятся ввести советские войска в Афганистан.

По сравнению с другими министрами и даже с самим генсеком Юрий Андропов был опытным зрелым политиком, грамотным дипломатом и хорошо знал обстановку в Афганистане.

После распоряжения Брежнева и его ухода из своего рабочего кабинета Юрий Андропов вышел из кабинета вслед за министром обороны, старшего по возрасту Дмитрия Устинова, одетого в маршальский мундир, хорошо сидящего на нем и от этого придающего ему еще более величественный и солидный вид. Все направилось в столовую Кремля. По пути, чем дальше Юрий Андропов размышлял, анализировал ситуацию, тем больше напрягались нервы. Но виду он не подавал. По опыту знал, что в их деле молчание принесет больше пользы, не успел выговорить слово, как доносчики, соглядатаи доносят твои слова, куда следует. Теперь уже в явно искаженной форме, И сказанное же тобою для пользы дела слово тебе самому же обернется бедой. Другие министры тоже занятые такими же как Ю Андропов мыслями, тихо прошли, сели в углу столовой. Андропов и Устинов оказались за одним столом, напротив друг друга. Оба по-прежнему молчали. От света падающего с красивых люстр, в помещении было светло. В этом свете было нечто даже от цвета радуги, привлекательное. Специалисты – осветители, видимо, потрудились на славу, что каждая лампочка светила каким-то особым светом.

- Юрий Владимирович, что пожелаете? – поприветствовав подошедшую к их столу официантку, Устинов обратился к Андропову. – Ну сколько же эта девушка будет стоять и ждать возле вас?

- Извините, девушка, чуть задумался. – Андропов обратился к девушке. – Мне только чашку кофе, без сахара. Больше ничего не надо.

Голубоглазая девушка поправила свои пышные волосы, сделала отметку в своем блокноте, затем повернула свой взор к Устинову.

- Я, пожалуй, немного проголодался, Юрий Владимирович, - поправив очки, сказал Устинов. - Если есть жареная курица, мне половину курицы и чашку кофе. Только сладкий, с сахаром. Я привык к сладкому кофе.

Девушка отметила в своем блокноте заказанное Устиновым и отошла.

- Что ж, ситуация осложнилась-таки? – первым начал разговор Устинов.

- Такого поворота событий я не ожидал, - в ответ вставил свое Андропов. - Последствия будут трагическими, Дмитрий Федорович. Неужели, зная все это, другие члены Политбюро дали согласие на ввод войск в Афганистан? Мы с вами, Дмитрий Федорович, тоже члены Политбюро. Не знаю, как вы, но я решительным образом не могу с этим согласиться. Так ведь, отцы наши, да и вы сами, Дмитрий Федорович, знаете, какой трагедией обернулась для нас мировая война. Зная это, и вы можете с этим согласиться? Этим мы наших же детей приговариваем к явной смерти! Это ведь ужас неопиcуемый! И это вы знает лучше меня, Дмитрий Федорович. Вы и по возрасту старше меня, и жизненного опыта у вас больше. Скажите мне, пожалуйста, чем это объяснить?

- Два дня назад Леонид Ильич вызвал меня к себе. – сказал Устинов. – Я ему намеком дал понять, что для уничтожения всех стратегически важных объектов по всему миру в степях Казахстана и Сибири мы имеем межконтинентальные баллистические ракеты. В аэродромах Киргизии, Туркмении и других приграничных городов современные военные самолеты находятся в боевой готовности. Пятьдесят лет назад Советский Союз смог победить фашистскую Германию. Сегодня во всем мире нет равных нам по военной мощи. В шестидесятые годы Америка ввела свои войска во Вьетнам и вместе с вьетнамским народом погубила и десятки тысяч жизней молодых американских солдат и офицеров. Так, какая необходимость в том, чтобы и мы, введя войска в Афганистан, повторили печальный опыт американцев? В ответ он указал, не воспротивиться мнению Политбюро. Если не соглашусь, снимут с должности и из членства коммунистической партии.

На какое-то мгновение Устинов замолчал, затем продолжил:

- Вы, Юрий Владимирович, знаете, я уже в довольно-таки солидном возрасте. Я не могу сопротивляться сегодняшнему Политбюро, Леониду Ильичу. Они меня опозорят и выкинут. Если не соглашусь, другого человека назначат на мое место командующим и введут войска Афганистан. Сам, Юрий Владимирович, лучше меня знаешь, что это годами спланированная акция. И мы с тобой не сможем встать поперек решению людей такой породы. Все члены Политбюро – руководители, назначенные самим Леонидом Ильичом. Министры и депутаты – все его родственники, друзья. Говорил же, нам с вами ничего не остается, кроме, как подчиняться их воле.

- Что значит, «ничего не остается»? Сказав так, свергнуть страну, армию, детей наших в войну, в бесчестье? Так, Дмитрий Федорович? – затаив злость, спросил Андропов.

- Понимаю вас. Пожалуйста, не злословьте мне, Юрий Владимирович. У меня нет сил, слушать такие слова. – призвал было собеседника к спокойной беседе Устинов.

- Вы, Дмитрий Федорович, чтобы сохранить под собой кресло и должность, одновременно имеете силу убивать тысячи невинных людей в Афганистане, сровнять с землей тысячи городов и сел этой страны, народ которой продолжает жить еще при феодализме. Нет, пожалуй, даже в рабовладельческой формации. Но не имеете сил возразить Брежневу?! – резко вставил фразу Андропов и почувствовал, что сильно

заколотилось сердце, словно кто-то кулачком монотонно бьет ему в грудную клетку. Но, не в силах удержаться от нахлынувшей злости, продолжил: - Завтра, когда в цинковых гробах привезут солдатские трупы, без рук, без ног, как решето простреленные тела наших военнослужащих, что ответим их матерям, отцам? Простят ли они нас? Или хотите, чтобы как Гитлер навечно были проклятыми?!

- Хватит! Хватит, Юрий Владимирович! Знайте меру! – со злобой и дрожащим голосом Устинов перебил Андропова. - Вокруг нас с вами сидят чужие люди. Негоже нам с вами так громко злорадствовать. – слегка смягчившись, заметил Устинов, - Во-первых, это столовая Кремля, и не место для таких диспутов. Во-вторых, я вас предупредил, что не вынесу злословия. Вы, Юрий Владимирович, превзошли все рамки дозволенного. Кофе ваш давно остыл. Допейте и успокойтесь. Вы еще молоды. И нервы надо беречь. Здоровье и нервы вам еще пригодятся.

Устинов посмотрел на Андропова. От сильной злобы и гнева по его лицу текли крупные капли пота, пальцы рук, расставленных на столе, дрожали.

От этих слов Устинова, слегка успокоившись, Андропов протянул руку к тарелочке с чашкой кофе. Сделав два глотка, почувствовал, что кофе совсем остыл. За спором не заметили, как время прошло. Поставив чашку на стол, Андропов вынул из кармана платок, вытер пот с лица, обратил внимание на Устинова. Тот, словно ничего и не случилось, аппетитно ел хорошо пожаренные курьи ножки, так же аппетитно запивал их сладким кофе.

«Случись хоть всемирный потоп, а ему, как говорится, и море по колено!» - мысленно отметил Андропов. А что творилось у него на душе, знал лишь он сам.

После этого разговора Андропов вывел для себя, что, действительно, что захочет, что решит генеральный секретарь Л. И. Брежнев, все это непременно и сделает. Хотя лично он и Устинов, будучи самыми влиятельными руководителями силовых структур государства, в отдельности не смогут повлиять и на Брежнева.

Действительно, начиная с семидесятых годов, уровень жизни советского народа год за годом улучшался. Государство становилось все мощнее. Но какой резон из-за боязни Америки ввести войска в Афганистан? Почти сто лет англичане всеми правдами и неправдами пытались установить здесь свое владычество. И все оказалось напрасно. В конце концов, опозоренные, были вышиблены оттуда.

В силу своей образованности в области истории и осведомленности о положении дел в Афганистане, Андропов знал, какие нации и народности живут там: таджики, туркмены, пушту и десятки других наций и народностей. И веками живут они бок о бок, под влиянием ислама, отставая от Европы в развитии на столетия. Во многих провинциях нет и следа от культуры и образования. Особенно в последние десять-двадцать лет в борьбе за трон и власть терзают страну внутренние междоусобные вооруженные распри. Это значит, что младенец, родившийся под канонадой артиллерийских залпов и бряцанием оружия, сегодня уже молодой человек. Открыв глаза, осознав себя человеком, он научился ходить с оружием в руках. Жизнь не научила этого молодого человека ничему другому, кроме как стрелять, убивать себе подобных.

Если во многих странах мира дети проводят дни в детских садах, яслях, школах, получают воспитание, образование, обучаются уму разуму, то в Афганистане каждый человек, умеющий двигаться, способный владеть оружием, утром выходит из дому с одной лишь целью: Любыми путями-способами заработать себе кусок хлеба, чтобы ему и его семье не умереть с голоду. И чего бы это ему не стоило.

Народ этой многострадальной, войной искалеченной страны виноват тем, что волею судьбы их земля оказалась на территории, где имеют свои геополитические интересы такие мировые сверхдержавы, как СССР, Китай, Пакистан, Индия. А ко второй половине двадцатого столетия на арене мировой политики столкнулись интересами две мировые сверхдержавы – Соединенные Штаты Америки и Советский Союз - вершители судеб людских. Это страны, со дня своего основания стремящиеся к

мировому господству. И в силу своего геополитического положения Афганистан мог бы послужить им хорошим плацдармом для демонстрации силы, чтобы заявить о своих амбициях на господство как над регионом, так и над остальным миром.

Андропов хорошо знал, что вина афганского народа заключается в своем отставании от всего остального развитого мира в уровне его социального развития, в том, что у него очень мало плодородных земель, образованного населения, квалифицированных специалистов, в его геополитическом расположении. Особенно выгодно захватить эту страну Америке. Ибо, находясь здесь, она может из под самого носа создать военную угрозу всей враждебной ей социалистической системе. И, действительно, если Советский Союз введет сюда свои войска, то это послужит поводом и для Америки, чтобы ввести сюда свой воинский контингент, захватить страну и превратить ее в свою военную базу. Мировой капитализм хорошо знает, что хозяином мирового запаса золота может быть только один, и не более.

Андропов еще знал, что военно-воздушные силы страны, ракетные, бронетанковые, сухопутные войска давно ждут команду о начале ввода войск в Афганистан. Ему не были известны только численность контингента солдат и офицеров, и объемы военной техники.

По устоявшейся привычке этим вечером Л. И. Брежнев хотел услышать мнение своих основных министров, являющихся и основными движущими силами предстоящей военной кампании – министра обороны и председателя Комитета государственной безопасности страны. Чтобы ввести войска в Афганистан, генсеку не имело значения, согласны они или нет, поскольку в соответствии с Конституцией страны и военным уставам в случае их отказа, генсек, как главнокомандующий Вооруженных Сил страны, был наделен полномочиями издавать указы. В том числе и о вводе войск в ту или иную страну. Афганистан в этом плане не был исключением.

Юрий Андропов, человек высокообразованный, интеллигентный, с тонким дипломатическим чутьем, очень хотел предотвратить, не дать осуществиться этим зловещим планам, хотя бы препятствовать этой акции, чтобы не ввергнуть народ, страну в военный кошмар. Откуда Андропову было знать, что в своих взглядах, рассуждениях среди сотни, тысячи руководителей различных звеньев, ведомств он одинок, что руководство страны уже заканчивает последние приготовления к столь масштабному военному действию? Однако Андропов знал другое. В случае его открытого противостояния, осуществлению задуманного Политбюро вопроса о вводе войск в Афганистан его могут снять с должности. Если и не арестуют, то могут убрать путем покушения. И в тот же день на его место могут назначить другого. Человек весьма умный, высокообразованный, вопреки мнению большинства депутатов и министров, он иногда позволял себе быть несогласным с постановлениями Политбюро. Чувство мужества и отваги, высокой ответственности, присущие председателю КГБ СССР, не позволяли ему быть равнодушным к несправедливости, способным к бесчеловечным поступкам.

Хотя кофе давно остыл, он взял чашку в руку, поднес к губам и выпил залпом, чтобы не ощутить уже и его холодный вкус. Углубившись в себя, он молчал. Не посмотрел даже в сторону уважаемого им Устинова, дожевывавшего последний кусок мяса и самодовольно вытирающего губы, руки салфеткой. До слуха доносился стук ложек и вилок, спокойный разговор ужинающих за соседним столом.

- Юрий Владимирович, - окликнул его Устинов, и Андропов вынырнул из объятий своих размышлений, обратив взор на улыбчивое лицо своего соседа.

- Что это так глубоко задумался? – спросил Устинов. – К каким последствиям может привести твой отказ, знаешь сам, не хуже меня. Все запланировано заранее.

Люди, могущественнее, чем мы с тобой, партийное руководство давно уже все решило.

Шесть месяцев назад мне было приказано подготовить воинские части, бронетехнику. Командный состав, определенное количество самолетов, штурмовой и истребительной

авиации, танков и орудий, мотострелковых сил, начиная с высших офицеров, кончая рядовыми солдатами – все должно быть подготовлено и в ожидании команды о начале переправы сосредоточиться у берега реки Пяндж. А ты все еще философствуешь со мной о том, что уже давно решено. И безвозвратно. Мы же с тобой послушные солдаты коммунистической партии. Ты что, думаешь, что только мы с тобой против этого решения? О, нет! Несогласных – тысячи. Но сказал же, мы всю жизнь подчинялись приказу, такими же и останемся.

Оглянись вокруг. Видишь Шелеста, министра внутренних дел, зятя Генерального секретаря?

- Вижу, ну и что? – спросил Андропов.

- Этого теленка-зятя Леонид Ильич привел в Кремль только затем, чтобы или вместо тебя, или вместо меня назначить министром. Если хоть мельком заподозрит твое несогласие, считай, не сносить тебе головы.

Словом не обмолвившись, Андропов внимательно слушал Устинова. Только еще раз посмотрел в сторону Шелеста, сидевшего чуть дальше.

Шелест в это время аппетитно ел, и, заметив, что он слишком быстро ест и чавкает, Андропов подумал, что это напоминает ему голодного дикого кабана, застрявшего в грязную лужу, мордой уткнувшегося в вязкую грязь, чтобы найти там что-нибудь съестное. Подумав так, Андропов, презрительно улыбнувшись, отвернулся.

- Вставай, друг! Не грусти. Пошли на прием к дорогому Леониду Ильичу. Уже время. – привстав, положил руку на плечо Андропова. Оба встали из-за стола.

В назначенный час они прибыли в приемную Генерального секретаря.

- Вы, товарищ Устинов, отчитайтесь, какая проделана вами подготовительная работа по вводу войск в Афганистан? – спросил Брежнев, как только четыре министра заняли свои места напротив него. Устинов встал, открыл портфель, вынул оттуда стопку бумаг и положил перед собой на стол.

- По вашему поручению, уважаемый Леонид Ильич, до сегодняшнего дня мы в основном завершили подготовительные работы. Сухопутные воинские части прошли специальные курсы боевой подготовки в Таджикистане и Узбекистане. В условиях, максимально приближенных к боевым. Сейчас направили их на границу, в речные порты Термез-Хайратон и Нижний Пяндж – Кундуз и Кушка, на берег реки Пяндж. Артиллерийские и танковые части тоже дошли до этих портов. Все в ожидании приказа.

Вертолеты, истребительная авиация, бомбардировщики приведены в состояние повышенной боевой готовности в аэродромах Оша в Киргизии и Гиссара в Таджикистане.

- Очень хорошо, - выразив свое удовлетворение, Брежнев обратился к Андропову.

- Юрий Владимирович! Или мне так кажется, или это действительно так, но, по-моему, на вас лица нет. Вы болеете?

- Да, немного простудился, Леонид Ильич. – сказал Андропов, вставая с места. – Ничего страшного, пройдет.

От этой своей лжи ему стало как-то неловко. И заметил про себя, что, несмотря на свой пожилой возраст, Леонид Ильич довольно-таки прозорлив. Одним взглядом может заметить изменение настроения. Неужели чувствует, какие кошки скребут его сердце?

- Берегите себя. Вы нам очень нужны, Юрий Владимирович! – полусерьезно, полушутя сказал Брежнев и продолжил разговор.

- Задача ваших сотрудников в покорении Афганистана тоже немаловажна, Юрий Владимирович. Устранение особ царской верхушки, начиная с Хафизулло Амина, кончая низшими эшелонами, обеспечение прихода к власти коммунистов, организация социалистической системы правления – это все задача сотрудников службы безопасности.

Вместе с министром иностранных дел и уважаемым Устиновым обговорите все детали совместной работы и примите все меры для того, чтобы наша армия с первых же дней

своего вступления на афганскую землю смогла приступить к выполнению своей благородной интернациональной миссии.

У вас, Юрий Владимирович, по своей работе весьма богатый опыт и знание своего дела как руководителя. Обо всем положительном, что будет связано с успехами в Афганистане, срочно доложите нам. Решение большей части основных задач будет возложено на сотрудников службы безопасности.

После этого акцента Брежнев на мгновение замолчал. Потом, видимо, вспомнил что-то, добавил: - Я вам полностью доверяю, Юрий Владимирович. Уверен, что оправдаете мое доверие. Теперь большую часть своего рабочего времени проведете вместе с министром обороны и будете в курсе всех дел, связанных с ситуацией в действиях американской стороны. Вы знаете, что мы как кость в их горле? Они будут обеспокоены нашими действиями в Афганистане.

Брежнев повернулся к министру иностранных дел Андрею Громыко. И как только министр встал, Андропов сел на свое место. Сел и понял, что действительно со здоровьем у него не все в порядке. Как в столовой, когда при споре с Устиновым им охватило какое-то волнение и дрожь, а по лицу потекли крупные капли холодного пота, так и сейчас, температура резко начала подниматься. Он вынул из кармана носовой платок, потер им лицо и посмотрел в сторону Устинова. При обсуждении темы министр обороны казался глухим, немым и был неподвижен.

Слова, которые Брежнев говорил Андрею Громыко, уже не доходили до слуха Андропова. Он слышал все поручения, приказания, отданные Брежневым Громыко. Но был уже погружен в свои мысли.

- Боже, - думал в эти минуты Андропов. – Бывает, оказывается, в жизни и такие моменты, когда в силу своего здравого ума не один и не два человека, а целые группы умных, образованных людей, даже глава огромной сверхдержавы превращается как Гитлер в хищного зверя. Даже хуже этого самого хищного зверя. Ради каких-то своих амбициозных целей он готов отправить на верную смерть десятки тысяч совершенно ни в чем не повинных своих сограждан. Ведь, только вторая мировая война унесли жизни более 50 миллионов человек. Сколько государств, народов было уничтожено, сколько городов и сел было сожжено? В конце концов, и все поджигатели войны ушли в небытие.

В этом мире кто из зачинателей войн стал победителем, оставил о себе доброе имя, заслужил честь и славу?

Сегодня вы задумали захватить чужую страну. Но вы же еще не ослепли, чтобы не видеть, как вас самих изнутри пожирают черви. Недалек и тот день, когда и ваше государственное устройство будет стерто с лица земли.

Более 70 лет мировой капитализм искал пути развала вашей системы. Теперь этот путь ими найден. Узнал, что самая уверенная победа над врагом, это победа над его идеологией, над интеллектуальным потенциалом, а не запугивание бряцанием оружия, силой и ядерной мощью. Вашего ума не хватает, чтобы понять, что, в конце концов, ваши же дети изживут вас такой идеологией, как гласность, демократизация общества, перестройка. А сейчас вы ломаете головы над тем, как захватить чужую страну. И чтобы добиться своих коварных целей, готовы пустить под нож население этой страны.

Ни Александр Македонский, ни Чингизхан, ни англичане не смогли подчинить себе этот народ. Думаете, вам это удастся?

С другой стороны, кто вам или Америке дал право без согласия хозяев этой земли вторгнуться на их территорию, вмешиваться в их внутренние дела? Этой своей акцией вы своих же детей, свой же народ приговариваете к смерти.

Жаль, что среди этих детей нет ваших. Вы не отправляете своих детей на военную службу. Скрываете их. Хоть раз увидели бы вы, как погибает ваш сын, их смерть пулей сразила бы вас самих. Потом знали бы, что значит захватить чужие земли.

Здравомыслящий человек не разрушит и гнезда воробушки, а вы задумали захватить, разрушить целую страну.

После того, как закончилось совещание у Брежнева, Андропов зашел в свой рабочий кабинет, сел за свой стол, закурил сигарету, задумался. Налил в рюмку коньяк, выпил, закусил остатком колбасы, прислонился к спинке кресла, закрыл глаза. Хотел вытолкнуть из головы те мысли, что были порождены беседой с Брежневым. Но не смог. Более того, мысли другие, еще круче, наслаивались, заволокли его мозг.

Андропов вспомнил, что уже сейчас он должен пригласить к себе своих заместителей, заведующих отделами, ответственных работников Комитета госбезопасности и согласно указанию Брежнева объяснить им важность ситуации, озадачить каждого, что делать, как поступить в предстоящей акции по вводу войск в Афганистан. А задача перед его ведомством, как он уже знал, стояла весьма серьезная и ответственная. К моменту ввода войск его подчиненные должны были незаметно и быстро убрать руководящие структуры, руководителей министерств и ведомств Афганистана. Даже шах Афганистана Хафизулло Амин вместе с семьей подпадали под этот вердикт. И это все надо сделать так, чтобы ни средства массовой информации, ни одна живая душа на земле не знали об этом.

Значит, и я, как и Устинов, Громыко, Брежнев и другие руководители советского государства, невольно причастен к осуществлению акции по захвату Афганистана. Значит, и я буду причастен к началу войны Советского Союза с Афганистаном, к убийству десятка тысяч невинных детей этих двух стран, к превращению в руин тысячи городов и селений, захвату Афганистана.

Очень жаль, что и я невольно буду омытым кровью ни в чем не повинных людей. Что обидно, зная все это заранее, сам должен распорядиться, чтобы все это было выполнено, и в срок. Хочу выйти из этого грязного круга, но не могу, ибо воспитывался и вырос на этой земле, с этим народом. Судя по поступающей из-за кордона информации, если мы вступим в Афганистан сразу и сейчас, американцы опередят нас, вступят на афганскую землю. И прямо у нас под носом разместят свои военные базы. А там - подчинить себе республики Средней Азии, Китай, Индию и других соседних с нами стран и развал Советского Союза будет уже делом времени.

Загруженный этими мыслями и размышлениями, Андропов приступил к выполнению поручений. Уже в полночь всем ответственным работникам КГБ СССР приказал собраться в его рабочем кабинете.

Таким образом, в эту позднюю ночь каждое из силовых министерств этой могучей сверхдержавы мира проводило свое экстренное оперативное совещание, на котором рассматривали и утверждали свои планы по вводу войск в Афганистан.

Свет в окнах рабочих кабинетов руководителей этих министерств не погас до самого утра. Для надлежащего ввода советских войск в Афганистан по всему Советскому Союзу отдавались последние распоряжения. ...

Глава III

**Чун ту дар ġурбат наафтоді, чї донї нџли мо,
Меннати ġурбат надонад нџљкас, илло ġариб.**

**Коль ты не был на чужбине, тебе не понять нашу боль,
Никто не знает труд на чужбине, кроме как сам скиталец.**

Вот уже неделя прошла с того дня, как Николай попал в плен. Из-за большого кровотечения и боли в области раны, он уже не разбирал ни дня, ни ночи, ни своего положения пленного. Только помнил, что его вместе с двумя, такими же, как и он сам,

солдатами отправили в селение, чтобы они раздобыли анашу и индийскую коноплю. По пути в селение попали под обстрел моджахедов. Показалось, что кто-то как пчела лишь ужалил его в ногу. Чуть позже боль немеющей ноги стала нарастать. Дальше все было как в тумане...

Прошло шесть месяцев, как его вместе с другими военнослужащими самолетом переправили через реку Пяндж в Афганистан, высадили в аэродроме Баграм. Началась его воинская служба. Взвод их солдат водили на полигон, на учебное стрельбище, ставили охранять боевые самолеты и вертолеты.

Ясное дело, что солдаты не испытывали трудностей в обеспечении продовольствием, обмундированием и условиями ночлега. Здешняя жара, столь непривычная солдатам, доставала их сильно. Что еще хуже было курящему большинству военнослужащих, так это полное отсутствие сигарет во всем округе. Афганцам этот пробел с лихвой компенсировали анаша, индийская конопля, героин, к которым они были небезразличны, выращивание, возделывание, переработка которых была поставлена здесь на широкую ногу.

«С кем поведешься, от того и наберешься» - жизненность народной мудрости бесспорна. Солдаты и офицеры, расположившиеся в этом селении, быстро свыклись с этими увлечениями местного населения. Николай же оставался в стороне от этого компанейского мероприятия.

Когда старшина вызвал его и еще двоих сослуживцев Николая к себе и поручил пойти на плантации селян, чтобы нарвать там мешок этого наркотического зелья, все трое удивились было такому приказанию. Но приказ командира, как говорится, не обсуждается, а выполняется. Чем чревато неподчинение приказу старшего по званию, тем более в зоне боевых действий, солдатам дважды напоминать не было надобности. И эти трое еще необстрелянных, не понюхавших боевого пороха, солдат направились к тем плантациям, что раскинулись на огромной площади где-то в 4-5 километрах от расположения их воинской части.

Когда они, срезав путь и сократив расстояние, вошли во владения плантаций и осмотрели растений конопли и, словно виноградные гроздья, висевшие ягоды, невольно Николай обратил свой взор на солнечный диск, от гребня Гиндукуша направившегося на юг, к закату. Отчего-то весь красный солнечный диск чем-то напоминал ему посуду, полной кровью. За свою прожитую жизнь ему не раз приходилось наблюдать за солнечным закатом. Но такого, чтобы с таким цветом попрощаться с людьми, не видел ни разу. Вспомнилось отчего-то Николаю, что за все время пребывания в Афганистане ему еще ни разу не приходилось стрелять не то, что в человека, но и в какой бы то ни было другой живой души. Но приходилось слышать, что в окрестных городах и селах случаются ожесточенные бои между моджахедами и советскими солдатами. И вместе с моджахедами погибают и советские солдаты и офицеры.

Гробы с телами убитых советских воинов привозили в аэродром Баграм, и отсюда специальными самолетами везли их в Советский Союз.

Мотострелковую роту, в которой служил и Николай, разместили в палатках, чуть ниже аэропорта, в пустынном песчанике.

Днем наряду с обучением стрельбе, способам ведения боя в горных условиях, солдат еще поручали охранять аэродром. Зачастую старослужащие солдаты посылали новобранцев, только что начавших военную службу, за коноплей на сельские плантации афганских дехкан. Если молодые отказались выполнять их поручения, старослужащие тайком от офицеров избивали, пытали отказников. Чтобы не подвергаться пыткам, молодые вынуждены были согласиться.

Здесь же почти шесть месяцев царил боевая атмосфера, а поблизости не было ни одной лавки, где торговали бы сигаретами, чтобы курящие солдаты и офицеры вдыхали аромат табака. Рано или поздно запасы сигарет у военнослужащих иссякали,

и они вынуждены были найти ей заменителя. И как только появлялась у них охота к сигаретам, старослужащие поручали молодым совершать воровские набеги на эти плантации.

Жители кишлака, в основном мусульмане, ненавидели русских, советских людей, поскольку между ними без объявления войны часто случались кровавые вооруженные стычки. И жители этих селений, особенно моджахеды, считающие себя правителями этих мест, считались ярыми врагами советских солдат. Не было и дня, чтобы та или иная группа моджахедов не вступала в бой с советскими воинскими подразделениями. Будто бы Советские войска вступили на афганскую землю по просьбе революционного правительства Афганистана, чтобы защитить интересы апрельской революции Афганистана. На самом же деле, советские войска прибыли сюда затем, чтобы уничтожить моджахедов, не желающих признать действующее правительство Афганистана, установить здесь революционно-демократическое правительство и разместить здесь свои военные базы.

Американские военные и их союзники намерены были первыми сунуть сюда свой нос, но Советы опередили их, руководствуясь гуманным принципом защиты интересов апрельской революции Афганистана и просьбы руководства этой страны об оказании интернациональной помощи соседнему дружескому афганскому народу. Сотни тысяч солдат и офицеров, огромное количество боевой техники были отправлены в Афганистан.

Эти цели, прикрытые словами «миротворческие», «интернациональные» были лишь на словах. Об истинных целях советских оккупантов в Афганистане знали от мала до велика, но у них не было такой силы, чтобы можно было сопротивляться Советам и выпроводить их со своей земли.

Теперь вернемся мы к тем трем молодым советским солдатам, отправившимся на плантации индийской конопли и остановившимся у участка, что возле кишлака Шери Бардухел, поблизости военного аэродрома Багром.

- Сергей, вы с Володей идите на окраину, нарвите немного конопли. Пока вы вернетесь, я тоже успею собрать немного. – поручил своим спутникам Николай и предупредил их – Солнце близится к закату. Вернитесь скорее, чтобы не заблудились.

- Где будем ждать друг друга? – спросил Сергей.

- На окраине участка, где плантация виноградника. Вот там, под тем высоким деревом. - указывая на дерево, что одиноко стояло у края, на пустыре, сказал Николай.

- Если и виноград поспел, нарвем несколько гроздьев. – добавил Владимир.

- Ненасытный, винограда захотелось? – шутя, спросил Сергей. – Это тебе не Мари Туркменистана, чтобы виноградом баловаться Родина твоя осталась там, за рекой Пяндж. Это Афганистан, и под каждым кустом, может, прячется вооруженный моджахед.

Сергей словно в воду глядел. Они еще не успели отойти и несколько шагов, как поблизости раздалась автоматная очередь. Вслед за этим в нескольких десятках метров от них, из-за валуна вышли двое бородатых, вооруженных автоматами Калашникова, мужчин и побежали к тем двум солдатам, что легли на землю, скрывшись между саженцами индийской конопли.

При первых же выстрелах Николаю показалось, что кто-то как пчела лишь ужалил его в ногу. Чуть позже боль немеющей ноги стала нарастать, пронизывая острой болью ниже колена, и Николай опустил между высокими саженцами конопли. Дальше все было как в тумане. ... В это же мгновение услышал протяжный «Ох» Сергея и ему показалось, что Сергей грохнул на землю. «Мне показалось, что или Сергей упал, или я сам упал» - подумал он.

Моджахеды подбежали к своим подстреленным добычам. Подбежали и остановились. Смертельно раненые в грудь Сергей и Владимир в предсмертных муках судорожно

хватали, рвали ближайшиe кусты. Брызжащая из ран кровь мгновенно смешивалась с землей, превращая ее в грязную вязкую массу. Чуть позже тела перестали биться.

Николай лежал поодаль. Из раны текла кровь. Живой, он заметил приближение моджахедов. Хотел, было встать и убежать, но онемевшая раненая нога отказалась подчиниться хозяину. Он упал, хотел, было снова встать, как подошедший моджахед сильным ударом приклада по голове оглушил его.

Он больше ничего не помнил. Поздней ночью сознание вернулось к нему. И он обнаружил, что находится в углу какого-то темного и вонючего сарая, еще не ведая, что моджахеды похоронили тела Сергея и Владимира в канаве у плантации конопли, а его самого перенесли в другое село бросили и закрыли в этом вонючем сарае.

Когда пришел в себя и открыл глаза, почувствовал сильную боль по всему телу. Будто его били каким-то молотком. От жара в теле, сухости во рту и губах понял, что и температура поднялась. Открыл глаза и хотел, было пошевелиться, но не смог. Руки были крепко связаны какой-то проволокой. И от боли в запястье понял, что кое-где проволока порезала руку до самой кости.

Ноги не были связаны. Носком сапога левой ноги Николай чуточку пощупал правую ногу. Почувствовал, как сапог раненой ноги полон свернувшейся кровью. Опять попытался подняться, но не смог. Пуля прострелила ему голенище, частично задев кость. От приступа боли он повернулся, было на левый бок, как лбом сильно ударился об стену. Опираясь руками об пол, отталкиваясь ногой об землю, Николай хотел еще ближе придвинуться к стене, чтобы можно было опереться. Затем повернулся набок, локтем и носком левой ноги помог своему телу расположиться еще удобнее. Зловоние, исходящее откуда-то сбоку, начисто лишило его всякого желания изменить положение тела. Дыхание перехватило. Понял, что его бросили в какой-то сарай. Николай решил осмотреться. Но кроме маленькой точки, освещенной тоненькой струйкой света, пробивающейся через дверную щель, ничего невозможно было разобрать. Его мучила не столько боль, причиняемая раной и ударами приклада автомата по всем частям тела, сколько мучительная жажда, не дававшая ему покоя. Казалось, жар переместился прямо в сердце и так жег тело, что ему уже было невтерпех перенести его. Он хотел, было крикнуть, но голос застрял в самом зародыше. Писк, отдаленно напоминающий чем-то человеческий голос, ему самому был противен. И он невольно выдавил из себя: - Вода! ... Вода!...

И звук этот был настолько тихим, что кроме него самого, никто снаружи и не мог его услышать. Ему сил хватило лишь на то, чтобы поползти до того места, куда падала струя света, и, повернувшись к щели, едва слышным голосом, стоная, раз за разом выдавить из себя:

- Пить!.. Пить!.. Мама!.. Мамочка!.. Воды!.. Горю, мама!

Увы, в эту темную ночь, в этом вонючем сарае кроме Господа Бога его никто не мог услышать. Но и здесь он не был одинок. После того, как хозяева вывели отсюда свою скотину, полутораметровая эфа более удобного и спокойного прибежища для себя не могла найти в округе. И спокойно подползла под одну из балок сарая. С того момента, когда в сарай швырнули Николая, змея потеряла покой. Малейшее движение, каждый стон Николая, скрежет засова и голоса людей тревожили змею. Лишние звуки всякий раз вынуждали ее покинуть обжитое место, выползти из сарая прочь. Лишь с наступлением темноты, когда все вокруг утихло, змея так же тихо, как выползла из своей норы, так же тихо заползала туда. Как бы там ни было, она лишилась прежнего покоя.

Змея учуяла, скорее всего, видела, как люди швырнули в сарай человеческое тело, закрыли за ним дверь, а сами, беседуя о чем-то, вышли. Потом все стихло.

Змея сначала, видимо, опасалась того, что человек появился здесь, чтобы нарушить ее покой, или причинить ей вред. Но, нет. Тело сначала лежало неподвижно. Но дыхание, стоны убедили змею, что человек жив. Вместе с тем, она поняла, что человек

и двигаться не может, чтобы причинить ей вред. Да, человек еще не знал, что по соседству с ним в этом сарае обитает еще и змея.

В глубокий поздний час, когда все вокруг утихло, змея поползла по балке, спустилась по стене. У тела Николая учуяла знакомый запах крови и поползла дальше, к ноге, к запаху. Хотя ей противен был этот запах, но мучивший страшный голод, надежда, что сможет утолить голод, толкал ее к тому месту, откуда исходил запах. Коснувшись мордой засохшей лужицы крови, она подняла головку к простреленному месту.

Кончиком острого язычка слизнула кровь. Видимо, более вкусным лакомым куском, чем этот ей не приходилось полакомиться, что сразу взялась за трапезу. Успела проглотить отколовшийся кусочек засохшей крови. То ли в Николае сработал инстинкт самосохранения, то ли он сам почувствовал что-то неладное, со стоном оттолкнувшись от стены, хотел перевернуться на другой бок. Но смог лишь пошевелиться. На большее ему не хватило сил. Но и этого оказалось достаточным, чтобы отпугнуть змею.

Отпрянув назад, змея, в ожидании ответной атаки добычи, следующим своим броском готова была вонзить в тело свои ядовитые зубки, чтобы своим смертоносным ядом уже парализовать добычу. Но не дождалась этой атаки, а вместо нападения услышала лишь жалобный стон. Быть может, это и остановило ее. Будь иначе, не суждено было Николаю, совершенно невинному молодому человеку, не успевшему еще и выстрела произвести в сторону человека, живым выбраться из этого вонючего сарая.

Придя в себя, чуть подождав, Николай собрал все свои силы и перевернулся на бок. Змея тоже, видимо, догадалась, что человеку не до нее. Человеческому разуму не дано разобраться в дебрях мысли пресмыкающейся. Потому и мы не можем понять, что двигало змеей, что она, довольствовавшись лишь маленьким куском засохшей крови, отползла на свое прежнее место. Лишь тяжелые стоны Николая время от времени нарушали ее покой.

Хотя состояние Николая было очень тяжелым, в его теле уже явно пробудилось чувство борьбы за выживание. Жажда по-прежнему мучила. «Вода!.. Вода!» - произвольно твердили его засохшие губы. ...

Очертания гребня гор на востоке проступали все яснее, что говорило о наступлении рассвета. Двое моджахедов, принесших и бросивших Николая в этот сарай, совершив омовение, закончив утренний намаз, подошли к сараю, чтобы убедиться, жив или мертв их пленный.

Первые лучи солнца следующего дня своей жизни Николай встретил сквозь щели в двери сарая. «Вода!.. Вода!..» - продолжали неистово просить губы Николая.

- Именем Оллоха, жив он! – зайдя вовнутрь и толкая носком сапога Николая в бок, воскликнул один из моджахедов. – Оказывается, этот негодный кафир намного живучий, чем остальные его напарники.

- Аваз, давай прикончим его здесь и делу конец! - обратился к нему другой. - Зачем нам возиться с этой собакой? Какая нам польза от этого кафира?

- Хасан, я тебя прекрасно понимаю. Ты всю жизнь мечешься в поисках выгоды! – поглаживая густой клубок своей черной бороды, вставил Аваз. - Если суждено тебе поносить, благодари Оллоха, чтобы обуви двух убитых нами кафиров хватило тебе надолго. Не распускай аппетит. Этот пока жив. Отведем его в качестве подарка командиру. Наверняка, знает, сколько в аэродроме Багрома самолетов, вертолетов, боеприпасов. Как бы нам трудно ни было, надо живым доставить его командиру. Вспомни, чего нам стоило, чтобы не попасть русским и доставить сюда этого кафира? Срезали путь, обошли два кишлака. Слава Оллоху, живыми, здоровыми добрались сюда. А ты говоришь: «Прикончить!» Нет, так не пойдет. Ты здесь побудь. Я пойду к командиру, доложу. Какой будет приказ, передам и тебе.

- Хозяин этого дома назвался Турдикулом! – Хасан прояснил интерес своего напарника относительно хозяина дома. И, заметив, что пленный, указывая руками в рот, что-то говорит, спросил:

- Этот кафир что-то хочет сказать. Ты понимаешь его?

- Я не знаю языка кафиров. – ответил Аваз.

- Вода!.. Вода!.. – раз за разом твердил из своего темного угла Николай, вновь указывая себе в рот.

- Мне кажется, он просит воды. Брат Аваз, дать ему пить или нет? – спросил Хасан.

- Дай ему воды и лепешки. И передай хозяину дома, чтобы о пленном никому ни слова. Да, кстати, развяжи ему руки, перевяжи рану, чтобы она не сгноила, и он не подох. Нашим командирам эта собака нужна живой.

- Может, чаю выпьешь перед тем, как идти? – предложил Хасан, видя, что Аваз собрался уходить.

- У меня с собой немного толченых плодов тутовника. По дороге съем. Ты, братишка, смотри в оба, пленного стереги. Я пошел.

Солнце, взошедшее из-за величественных гор Гиндукуша, окружившего весь этот край своими горными хребтами, озарило всю округу своим живительным светом. Природа вокруг ожила. Мычание скота, блеяние овец, пение птиц, людские голоса - все свидетельствовало о том, что, несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом, движется. И это движение жизни не остановить ничем.

Хасан закрыл за собой дверь сарая, снаружи подложив под дверь несколько тяжелых камней. Хозяин дома Турдикул в это время на дворе кипятил чай для своих непрошенных гостей. Как только увидел вышедшего из сарая Хасана, сказал:

- Уважаемый, как только вода закипит, зайди в дом. Там в нише, в мешочке, есть немного заварки чая. Завари себе чай. Я пока пойду к соседу, принесу немного лепешки. У меня, к сожалению, сейчас дома нет лепешки. Жена пошла проведать больную мать. Три дня, как ее с детьми нет дома. Дома я один. А что может делать мужик без жены, сам понимаешь. Проголодался, вчера вы пришли. Все, что было, съели вместе. Теперь дома нет и куска лепешки.

Сказав это, Турдикул вышел из двора. Хасан присел у таганка, подложил туда дров. Вскоре пришел и Турдикул. Позавтракали. Встали вместе. Пошли к сараю, чтобы посмотреть, каково там пленному.

- Давай-ка, помоги, чтобы вынести его во двор. Надо привести его в надлежащий вид. Рану надо перевязать. – по дороге в сарай обратился к Турдикулу Хасан.

- Что вам мешало и этого пристрелить? – спросил Турдикул.

- То же самое и я предложил. Аваз не разрешил. Он сказал, что этот нам потом пригодится. – вставил свое Хасан.

- Это же головная боль наша. Как может потом пригодиться? – вновь спросил Турдикул.

- Не знаю. Аваз у нас старший. Мы, брат, подчиненные. Что скажут, то и делаем. – пояснил Хасан.

- Ладно, открой дверь. Посмотрим на рожу этого кафира. – сказал Турдикул, убирая из-за двери камни, открывая дверь.

Николай, прижавшись спиной к стене, так и сидел неподвижно, стоная. Как только скрипнула дверь, открыл глаза, посмотрел на вошедших. Увидел двух молодых чернобородых парней в чалме. Наклонившись над ним, они удивленно посмотрели на него.

- Ох, ведь, этот кафир похож на беса! – обратив взор на его грязную, всю в крови, одежду, отметил Турдикул.

- Да все они такие. Этого вчера поймали на плантации индийской конопли. Избили, как следует. Вот в таком состоянии его сюда и доставили. – сказал Хасан, подойдя и присев возле Николая, чтобы развязать ему руки.

- Руки ему развязываешь, а не будет ли он драться? – спросил Турдикул.

- Ему уже не до драки. Я ему добро, а он в ответ – брыкаться? Одно лишнее движение, и я прикончу его. Баста! – Хасан снял с его рук проволоку, успевшую уже глубоко въесться в мясо. Видимо, боль в руке дала о себе знать, что Николай вздрогнул и начал

стонать. От сильной боли хотел, было крикнуть, но мужская гордость не позволила дать волю чувствам. Прикусил губу.

- Подними-ка, брат, за плечи. Вынесем во двор. – попросил Хасан Турдикула и сам взял было Николая за ноги, но руки коснулись окровавленной ноги. Похоже, в ночной темноте тогда Хасан еще не знал, в каком состоянии находился Николай и когда тот вскрикнул от страшной боли, Хасан только теперь понял, в чем тут дело. Николай уже был без сознания. Хасан опустил ноги пленного, зло выругав Николая, потирая окровавленные руки об ствол дерева:

- Брат, сам вытащи его во двор. Я всю одежду обмарал кровью этой собаки. Молиться мне теперь не в чем будет.

Турдикул вытащил потерявшего сознание Николая во двор. Сделав 3-4 шага, бросил его тело наземь.

- Простреленная нога распухла. Сапог невозможно снять с ноги! – сказал Хасан, присаживаясь на корточки у ног Николая, чтобы снять с его ног сапог. Но не смог. – Нож есть, брат Турдикул? – обратился к хозяину дома.

- Ножа нет, может кинжал принести? – спросил Турдикул.

- Нет, брат, есть свой. Если не вырежу голенище сапога, не сможем вымыть и перевязать ему рану. Аваз предупреждал, чтобы я перевязал этой собаке рану. – сказав так, Хасан вынул из ножен кинжал, вырезал голенище сапога и снял с ноги Николая. И хотел, было, повернуть наизнанку брюки до колена, но не смог.

Простреленная нога распухла настолько, что напоминала бревно. Хасан вынужден был резать и брюки.

- Братишка, испортил сапог. Кожа, оказывается, добротная была. Еще два-три года послужила бы нам. Откуда найдешь в наших краях такую обувь? – заметил Турдикул.

- Да, брат, согласен с тобой. Но что поделаешь, другого выхода не было. – сказал Хасан. – Да и не беда, что порвали. Можно вновь зашить и поносить. Сними с другой ноги второй сапог. С миру, как говорится, по сапогу, босяку по обуви. Это тебе за причиненные нами хлопоты. Мы воюем. Оллох даст, еще много попадетсЯ нам таких кафиров. Мы достанем еще лучше сапог, чем эти.

Турдикул тем временем снял и второй сапог вместе с портянками, забрал порванный сапог и направился к дому.

Хасан пошел за водой. Потерявший сознание, Николай не чувствовал ни боли, ни того, что с ним делали эти двое.

Природа так сотворила человека, что до определенного момента, когда организм способен перенести боль, он в состоянии будет чувствовать эту самую боль. А когда боль превосходит рамки дозволенного, нервы сами по себе отключаются, человек или теряет сознание, или перестает реагировать на боль, им охватывает чувство безразличия.

То же самое чувство охватило сейчас и Николая. Как только Хасан с Турдикулом взяли его за плечи и ноги, боль, мучившая его всю ночь, со страшной силой обрушилась на него вновь. И в тот самый момент, когда с его распухшей ноги снимали сапог, от этой самой страшной боли он потерял сознание. Да, если бы он и не потерял сознания, не разобрался бы в том, что они говорили. Язык их был непонятен ему.

Он вновь пришел в себя, когда, срезав ему брюки, начали мыть его ногу теплой водой. Теплая вода несколько смягчала боль, успокаивала нервы, и от этого к нему начало возвращаться сознание. Турдикул мыл, а Хасан стоял над ним и лил из чайника воду.

- Мылом бы помыли его. – Хасан обратился к Турдикулу, когда заметил, что пленный открыл глаза и жалостливо смотрит на них.

- Мыла нет, брат. Купил кусочек мыла, чтобы тряпье постирать, так, жена куда – то спрятала. Не смог найти. – ответил Турдикул. - Давай, керосином вымоем рану. Боль всю снимет. Дома больше нет никаких лекарств. Смотри, Хасан, какое входное и выходное пулевое отверстие-то. Мяса-то размером с пиалки оторвало. Если керосином

не вымоем, рана в эту жару может сгноить. Пока доберетесь до лекаря, ногу может потерять.

- Все, что можешь, давай делай! – сказал Хасан. – Мы кроме, как охотиться, ничего больше не умеем делать. Мы и родились-то под свистом пуль. И сколько себя помню, все время ходим с оружием на плечах, да кинжалом за поясом. Вот за ними по горам, да степям и охотимся, ищем себе добычу.

- А мы, брат, где, по-твоему, тогда родились и росли? - услышав слова Хасана, спросил Турдикул. - Я, братишка, тоже не настолько старше вас. Моя жизнь тоже охвачена этой войной. Только ты живешь за счет войны и охоты, а я живу за счет того, что пасу отары овец, скотину разную. Ладно, жизнь наша несколько спокойнее тем, что мы не на чьей-либо стороне: ни шиитов, ни суннитов. Не поддерживаем ни пуштунцев, ни таджиков, ни узбеков. Вы же иногда на стороне знаменосцев, иногда на стороне народников, а иногда на стороне суннитов и шиитов. Главное для вас, чтобы была война, и вы имели от этого какую-то выгоду для себя.

Мы всю жизнь волочились за скотом, по горам и пастбищам. Два дня назад пришел из-за Гиндукуша, чтобы забрать с собой жену и детей. И назло попался вам.

- Мы тебе никакого вреда не причиним, не волнуйся! – немного обиженный вставил свое Хасан. – Мы вынуждены были переночевать у тебя. За это огромное тебе спасибо. Как только Аваз вернется, мы заберем эту пленную собаку и уйдем. Какой же убыток понес от нашего присутствия, что недоволен?

- Убытка-то никакого не понес, брат. Да так себе, сказал, между делом. Не обижайся. Боюсь, что узнают об этом русские и не видать мне тогда покоя как своих ушей.

- Нет. Понимаю, брат Турдикул. Мы сами случайно встретились с этими собаками. Спускались с Соланга, направлялись в сторону ущелья Поранди, домой, как вдруг среди плантации конопли заметили этих собак. Дурная привычка не дает покоя. В руках оружие, а навстречу – добыча. Как не выстрелишь? Если же их не пристрелишь, то они тебя пристрелят. Таков уж закон войны. Или убьешь ты, или убьют тебя. Было бы хорошо, если бы и этот тоже подох там же. Закопали бы там же, рядом с его друзьями, засыпали бы землей и ушли. Сапоги и одежда достались бы нам. Продали бы какому-нибудь пастуху. Теперь же эта раненая собака нам лишний груз.

- Благодарите Оллоха, чтобы он не стал вам еще и головной болью. – сказал Турдикул и вошел в дом. Минутой позже вышел с пластмассовым сосудом, с маслом и ватой.

Сознание хотя и вернулось к Николаю, он чувствовал себя опустошенным. Вдобавок к общей слабости сильный жар все еще терзал его. По его избитому, распухшему и окровавленному лицу текли, капали на землю крупные капли пота. Военная гимнастерка и полевые брюки тоже были изодраны. Весь вид его напоминал какое-то страшилище. «Пить!..» - еле выдавил из себя. Но Хасан и Турдикул, занятые тем, что мыли ему ноги и керосином смывали с раны прилипшие кровавые пятна, не услышали этот слабый зов Николая. Догадываясь о чем-то, они повернулись к нему. Но так и не поняли, что хотел Николай. Видя, что его не понимают, Николай поднес ко рту руку и опять выдавил: «Пить!..» и указал на чайник, который держал в руке Хасан.

- Ах, черт подери его! Воды просит. - сказал Турдикул. - Хасан, у меня руки грязные. Зайди в дом, за дверью в кувшине вода. Миска рядом. Неси.

Хасан зашел и вынес миску с водой, протянул Николаю. Держась обеими руками за миску, Николай выпил ее содержимое. Мгновение спустя по всему телу прошла приятная прохлада влаги. Телесный жар немного спал. Николай немного взбодрился. Но, как только Турдикул капнул в рану несколько капель керосина, страшная боль мгновенно затмила собой пришедшую бодрость. Хотел, было крикнуть, с огромным трудом, прижав зубами губы, сдержал рвущийся наружу крик. Тело его непроизвольно содрогнулось. Еще раз обработав рану керосином, Турдикул вновь обратился к Хасану:

- Сходи-ка в дом. Там на стене висит бутылка с жидкостью. Очень полезная штука. Когда-то мы ей лечили овечьи раны, морили червей.

Хасан принес бутылку, висевшую на черной веревке. Турдикул отложил в сторону вату с керосином, взялся за бутылку. Откупорив ее, поднес к носу и сразу отвернулся:

- Вот запах чертов, а! Аж мозги мне прожег! Сначала обрабатываем рану этой жидкостью, затем солидолом намажем, чтобы рана быстрее зажила. Он бедный, видимо, много крови потерял, что лицо такое бледное. Мало было того, что он сам раненый, так вы его еще страшно, до такой степени избили, что все лицо опухло. Ему было бы намного легче, если бы вы сразу прикончили его, чем переносить такое.

- Не жалею этого кафира, брат Турдикул! – зло сказал Хасан. – Вся земля Афганистана испещрена их руками, а вы жалеете этих человекоподобных хищников? Это они пришли к нам с Калашниковыми, пушками и танками, вертолетами и самолетами. Разве не видишь и не знаешь, что весь Афганистан оккупировали и сколько людей убивают ежедневно? Бродишь со своей отарой овец и не знаешь, что кругом творится, брат Турдикул. Если бы Аваз не сказал, что эта скотина нужна живой командирам, я бы прикончил его там же, в плантации конопли. Расчленил бы как других его напарников и бросил бы в яму, воронам на съедение.

Теперь же эта паскуда стала нашей головной болью. Вынужден теперь хоть на себе, но таскать его до Панджшера.

- Неужели в такую даль будете таскать этого русского кафира? – удивленно спросил Турдикул.

- Таков приказ старших командиров. Сам Омир Соиб (так называли Ахмадшаха Масъуда) издал приказ не убивать пленных. Эти пленные очень ему нужны. Они располагают сведениями о количестве боеприпасов, о военных планах войск, и о многом другом, что очень необходимо знать нашим командирам. Да и потом каждый из них имеет определенную цену. Взамен мы получим деньги, разные продукты, обмундирование, оружие. Или обменяем на своих военнопленных, попавших к русским.

Не обращая на стоны Николая, Турдикул сзади и спереди обработал рану каролином, смазал техническим солидолом, затем сверху наложил бумаги. Потом обмотал ногу вельветовыми портянками и обвязал веревкой.

Закончив всю эту процедуру, Турдикул взялся теперь вымыть свои руки. Судя по тому, как он мыл свои руки, нетрудно было понять, что смесь из солидола и каролина глубоко въелась в его руки и теперь ему нелегко будет отмыть ее. Вымыл руки теплой водой, попрощался и с Хасаном:

- Брат, иду к теще, заберу жену и детей. Надо пойти в горы, к отаре овец. А вы сколько хотите, оставайтесь здесь. Я уже опаздываю. Мне надо идти. Если бы не вы, я еще вечером ушел бы. Дома уже нет ни лепешек, ни другой провизии, чтобы вас угостить. В дастархане остался кусок лепешки. Если хочешь, отдай этому паскуде, чтобы с голоду не подох, Если нет, то это уже твое дело. Ладно, я пошел.

Из разговора Турдикула с Хасаном Николай ничего не понял, поскольку, они говорили на фарси-дари, а Николай не знал этого языка. Правда, в воинской части с Николаем служили и таджики. Но там по сложившемуся закону они тоже всегда говорили на русском языке. Из всего этого он извлек для себя главное: Они не намерены его убить, иначе не развязали бы ему руки, не обработали бы рану подручными средствами, не дали бы воды. Хотя ему было намного легче, чем вчера, но из-за большой потери крови, жестокого избиения и раны на ноге жар тела все еще не спадал. И то правда, что ухаживания Турдикула и Хасана не могли пройти бесследно, Николай почувствовал легкость на теле, выровнялось дыхание. Но вследствие сильной опустошенности организма невольно подкрадывалось к нему и сомнение относительно того, останется ли он жив.

После того, как ушел Турдикул, все еще охваченный жаром, Николай посмотрел на Хасана и указал на рядом стоявшую миску, мол, «Дай воды». Хасан понял, что он хотел. Встал, взял миску, сказав на дари: «Пойду, принесу тебе воды и лепешки» направился к дому. Через некоторое время вернулся, неся под мышкой завернутый в

красную материю оставшийся кусок лепешки и миску с водой. Положил, расстелил материю рядом с Николаем:

- Здесь кусок лепешки, в миске вода. Намочи лепешку в воде и ешь, чтобы с голоду не подох. Ты нам потом понадобишься. – на том же своем дари приказал Хасан, сопровождая свои слова жестами.

Своими онемевшими пальцами Николай пошарил в дастархане и нашел тот зачерствевший кусок лепешки. Вынул его из дастархана, обломив кусок, сунул в рот. Но от одного прикосновения черствого хлеба ему стало невмоготу. Казалось, боль пронзила его аж до самого мозга. Хотел было вынуть кусок изо рта. Губы, десна настолько были изранены, что теперь и обратно вынимать изо рта этот кусок стоило ему невероятных усилий воли. Со вчерашнего дня он ни брал во рту и куска хлеба. И при виде лепешки пробудившийся аппетит требовал теперь удовлетворения. Желудок просил пищи.

Он закрыл глаза и раз за разом пережевывал лепешку, заглушая и появившуюся в губах и деснах боль. С каждым куском чувствовал, что к нему возвращается и рассудок. Догадался: чтобы не было больно, надо намочить лепешку в воде, размягчить ее. Так и сделал. Со следующим куском к вкусу лепешки примешался и привкус крови. Понял, губы, десна кровоточат, смешиваясь с кусками лепешки. От этого чуть было его не вырвало. Собравшись силой, он выплюнул изо рта все содержимое. Затем осторожно взял обеими руками миску, поднес к губам, набрал воды в рот. Прополоснув, очистил рот от кровавых примесей. Холодная вода ослабила кровотечение, но усилила боль израненных губ и десен.

Николай был голоден и хотел есть, но израненные губы и десна не давали ему возможности этого делать. В это мгновение в мозгу у него пронеслось: Не случайно в народе говорят: «Умереть трудно, но жить еще труднее». Ему лучше умереть, чем жить такой унижительной жизнью. Но он тут же отверг эту мысль. Мелком взглянул на кусочки лепешки, плавающие в миске, затем поднял голову к небу. Солнце светило высоко над Гиндукушом. Его лучи ярко светили, грели своим теплом всю округу. И он остался доволен тем, что жив, что может наслаждаться светом и теплом жизни. Как-никак, всего лишь раз живем мы на этом свете. И нечего пренебречь этим великим даром.

Тем временем Хасан зашел в дом и на какое-то время остался там. Воспользовавшись этим спокойствием, Николай, облокотившись на свою левую руку, выпрямился прямо на земле, не отрывая взгляда от кусков лепешки, что плавали в миске с водой. Хотел было по кусочкам взять и положить себе в рот размякшие куски лепешки, чтобы остудить пыл своего аппетита, но боль израненных губ и десен все еще не была подвластна ему, чтобы сделать это. Позже в голову пришла еще хорошая мысль: руками размельчить, превратить куски лепешки в густую жижу, чтобы легче было выпить образовавшуюся кашу. Но и эту мысль отбросил прочь: пальцы и кисти рук были настолько запачканы кровью и грязью, что один вид образовавшейся кашицы мог уже своротить ему желудок.

Чтобы вымыть руки, он попробовал встать, но не смог. Боль в простреленной ноге была настолько сильна, что Николай чуть было, не потерял сознание.

Все-таки Николай поднес миску к губам. Сделал пару глотков. И это пошло ему на пользу. Теперь ему не надо было пережевывать черствые куски хлеба. Размякшие в воде крошки лепешки вместе с водой сами текли ему вовнутрь. Содержимое миски Николай выпил до последней капельки. И остался весьма доволен. Почувствовал прибавление силы в теле. Если эта сила и бодрость духа была с одной стороны следствием выпитого, то с другой стороны этому послужило и то обстоятельство, что после того, как Турдикул обработал рану, вследствие чего боль ноги несколько ослабла. С прибавлением в силе Николай понял, что и солнечный жар начал чувствовать как прежде. И теперь ему необходимо было уберечься от жарких

солнечных лучей. Обведя взглядом двор Турдикула, Николай обнаружил, что здесь нет ни одного дерева, в тени которого можно будет прятаться от лучей солнца.

Единственное такое место могло бы быть или внутри дома, или в тени, падающей от дувала. И он решил доползти до дувала, прежде, чем успеет выйти из дому Хасан. Он был мастером ползти по-пластунски. Научился же этому еще перед отправкой в армию, на шестимесячных курсах подготовки в городе Мари Туркменистана. Летняя жара Мари ничем не отличалась от жары в Багrome. Хотя иногда шкала термометра в Мари переваливала и за 50 градусов, для укрепления силы, выносливости и боевой закалки солдатам давали большие физические нагрузки. Бывало, что эти упражнения превышали всякие допустимые меры. Но рядовой солдат, в принудительном порядке призванный на службу в ряды вооруженных сил, не имел никаких прав, кроме как беспрекословно подчиниться приказу. Плюс к природным неудобствам тогда к ремennому поясу Николая были привязаны сумочка с ручными гранатами, сумка с рожками для автомата Калашникова, саперная лопатка, сумка с противогазом. И вся эта нагрузка под палящими лучами жаркого знойного лета. Николаю казалось, что не выдержит таких страшных мучений. Но он выдержал. И пришел к выводу, что крепче, сильнее, выносливее человеческого организма нет на земле другого существа.

Постепенно, день за днем, Николай научился привыкать к трудностям, стал сильным, ловким. И в числе других солдат его тоже привезли служить в Афганистан.

Сначала откуда ему было знать, куда их везут. Что главное в службе родине? По законам тех времен молодежь, уклонявшуюся от службы в рядах вооруженных сил, привлекали к ответственности. Когда и его в числе тысяч таких же, как и он новобранцев, посадили в военную технику и в сопровождении бронетехники переправили через Пяндж на другую сторону реки, на афганскую землю, у Николая и в мыслях не было уклоняться от воинской службы. Более того, оказался очень дисциплинированным, исполнительным солдатом, выполнял все поручения командиров. И это притом, что приехал он в Афганистан не по своей воле.

Что было обидно вдвойне, он еще не успел, как следует освоиться, выстрелить из автомата, обидеть хоть кого-то, разрушить хоть что-то, как оказался в плену у моджахедов. И то неразумно вышло как-то: его послали привести солдатам и офицером индийскую коноплю, а он по глупому стечению событий попался моджахедам. До сих пор еще не успел осознать степень содеянной им вины.

Какая участь его ожидает? Какое наказание придумают ему моджахеды, куда его поведут, в какое русло повернет его дальнейшая жизнь? Он ломал голову над такими вопросами и никак не мог найти ответа на них. Николай знал только то, что его, как одного из своих рядовых солдат, великая советская страна послала в Афганистан. И он оказался в плену у врага. Жалко, что двое его товарищей попали под обстрел моджахедов и погибли. Ему же суждено было остаться в живых и оказаться в плену.

Глава IV

**Ватан, омад банюр, аммо набинам гул ба домонат,
Наояд нағ маи шодї зи мурғ они ғ азалхонат.**

**Ба ъи мављхун мелўшад аз анњори хандонат,
Ба ъи лола рўяд доғ аз тарфи биёбонат.**

**Весна пришла, Отчизна! Не видно радости твоей.
Не слышно, как поет в саду веселый соловей.
Вода течет в твоих ручьях, похожая на кровь,
Тюльпанов нет, поля бледны без трав и цветов.**

Кончалась осень, в лицо уже дули первые зимние холода, а советские войска все еще не могли завершить взятия ущелья Панджшер. Они и сами уже сбились со счета, какой

совершают рейд, чтобы сломить сопротивление моджахедов Панджшера с Ахмадшахом Масъудом во главе, захватить этот плацдарм и восстановить связь центра с северными провинциями Афганистана. К этому времени Советские войска успели захватить большинство городов и сел на юге страны и двигались на север, чтобы покорить себе провинции Баглон, Тахор и Бадахшан. Что мешало им скорее добиться поставленной цели, так это то, что единственная дорога, связующая центр Афганистана с этими провинциями, была проложена через ущелье Панджшер. А моджахеды Панджшера с Ахмадшахом Масъудом во главе ни за что не хотели пустить чужеземцев в свои владения. Они, как аллигатор, стояли на пути советских войск. Единственная дорога, связующая центр с северными провинциями, была под их контролем. И никто еще не помнил, чтобы кто-то чужой смог бы одолеть этот бастион и беспрепятственно пройти этой дорогой. Как уверяли сами моджахеды, не было и в помине таких сил, чтобы прошли их.

Известие о непобедимости сил моджахедов Ахмадшаха Масъуда дошло даже и до Политбюро ЦК КПСС. И на совещании Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР генералы и высшие чины Советской армии, участвовавшие в боях второй мировой и Великой Отечественной войны, выражали свое недовольство действиями командующих силами Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Было решено, что в помощь им откомандируют таких опытных, выдавших виды, генералов, как Махмуда Горева, Александра Ляховского, Владимира Варенникова, чтобы сломить сопротивление моджахедов ущелья Панджшер и завершить операцию по налаживанию транспортной связи Кабула с северными провинциями Афганистана.

Названные командиры прибыли в Кабул и в течение месяца на основе анализа всех прошедших боевых операций изучали обстановку в ущелье Панджшер. И при составлении очередного плана боевых действий в этом ущелье каждый из них поделился своим видением обстановки.

На этот раз в план сражения в ущелье Панджшер были внесены весьма серьезные коррективы, тщательно скоординированы действия всех подразделений. Если в предшествующих боях живая сила советских войск вступала в ущелье только после того, как боевые вертолеты МИ-29, МИ-8, другая бомбардировочная и истребительная авиация, артиллерия заканчивали обрабатывать ущелье, то теперь было решено, что мотострелковые части будут непосредственно десантированы боевыми вертолетами. Отличие предстоящего сражения от предыдущих на этот раз заключалось еще и в том, что теперь вместе с советскими войсками в сражении будет участвовать и столько же солдат и офицеров вновь созданной афганской армии под командованием Шахнавоза Таная. Солдаты и офицеры правительственных войск Афганистана будут двигаться авангардом. Вслед за ним будут следовать советские войска. И в нужный момент они вступают в бой, нанесут удар по моджахедам. Выходило, что теперь против моджахедов Ахмадшаха Масъуда будут воевать их же земляки. Брата сталкивают против своего же брата. И будет пролито немало братской крови.

Одновременно с этим в сражении с Ахмадшахом Масъудом советское военное командование решило использовать и другой не менее важный фактор. А именно – использовать моджахедов Исламской Партии Афганистана под предводительством Гулбиддина Хикматёра, ярого противника Ахмадшаха Масъуда во взглядах.

Согласно плану, в предстоящем сражении советские командиры отвели моджахедам Гулбиддина Хикматёра роль стороннего наблюдателя. Гулбиддин Хикматёр должен был не вступать в бой, а с севера и юга ущелья должен был перекрыть ущелье, контролировать передвижение людей, пресечь любые попытки провоза в ущелье оружия и боеприпасов, продуктов питания и медикаментов, а также строго следить за передвижением людей, живущих в кишлаках ущелья.

Этот план был одобрен ими еще и по следующим причинам. Моджахедам, занявшим более удобные для ведения боя позиции на высотах, достаточно было вывести из

строю направляющую и замыкающую боевую единицу военной техники, чтобы движущая колонна советских войск оказывалась в западне. Ликвидировать другие боевые единицы и живую силу противника в образовавшемся котле им не стоило особого труда. Таким образом, следуя по этой единственной дороге, советские войска несли огромные потери как в живой силе, так и в военной технике.

В то время, как строго-настрого было запрещено писать, говорить и показывать по средствам массовой информации Советского Союза о каких-либо потерях в живой силе и технике советских войск, их английские и американские, французские и итальянские коллеги, репортеры газет, телерадиовещательных компаний из исламских государств о разыгрывающихся баталиях и численности понесенных потерь трубили по всему миру.

Только советский народ, родители солдат и офицеров, воюющих в Афганистане, их братья и друзья не имели представления об истинном положении дел. Да и не могли иметь представления, ибо бесчувственная и бесчеловечная машина КГБ, кроме как отправлять на родину в Советский Союз гробы с телами погибших солдат и офицеров, запрещала солдатам и офицерам даже в письмах сообщать об истинном положении дел на фронтах Афганистана. Все держалось в строжайшей тайне.

Между тем, первый документальный фильм французского кинорежиссера Кристофа де Понфилия об афганской войне «Одно ущелье против одной империи», снятый в Панджшере и повествующий о первом, втором и третьем сражениях советских войск в этом ущелье, был переведен и на другие языки. Благодаря этому фильму, зрители во многих странах мира узнали правду об этой войне, о миссии советских войск в этой стране. А советский зритель не знал и не ведал даже о существовании такой документальной хроники.

Утром первого дня очередного наступления советских войск Масъуд стоял чуть ниже кишлака Бозорак, на склоне горы у гранитного камня холма Сарича, и сколько охватывал взор, наблюдал за десантированием, передвижением советских войск, за ходом боевых действий. Иногда подносил к глазам бинокль, чтобы наблюдать и за действиями своих моджахедов. На этот раз он обнаружил, что после трехдневного артобстрела и бомбардировки советская живая сила расположилась возле кишлака Аъноба. А солдаты и офицеры вновь созданной афганской армии разместились у кишлака Руха, чуть выше кишлака Аънобы. Масъуд заранее знал о планах операции, о дате ее проведения. Ему ново было лишь то, что советские солдаты и офицеры будут десантироваться в ущелье.

Как в главном штабе Советских войск в Кабуле, так и среди служащих большинства воинских подразделений Масъуд имел широкую сеть опытных осведомителей, которыми руководил Гуломсахи и которого моджахеды называли еще и Огосохибом. И обладать таким мощным шпионским ресурсом было его основным преимуществом над теми силами, которые воевали против моджахедов. Осведомители сообщали ему о любых, пусть даже мелких, событиях, происходящих, намечающихся в стане врага. Поступающуюся информацию он собирал, обрабатывал и на основе их анализа делал соответствующие выводы, составлял планы своих последующих действий.

Советские войска в основном состояли из лиц разных национальностей: русских, украинцев, казахов, туркменов, таджиков и других наций и народностей, населяющих Советский Союз. Пользуясь такой разнородностью воинского контингента, Масъуд и в их среду внедрил своих агентов. С их помощью он узнавал о настроениях солдат, о планах советских воинских подразделений. И согласно поступающей информации Масъуд разрабатывал и свои планы.

Гуломсахи и на этот раз предоставил Масъуду нужную информацию о дне начала наступления советских войск, о количестве задействованной в операцию авиации, бронетехники и пехоты противника. Единственное, о чем ему вовремя не успел сообщить Гуломсахи, было то, что пехота будет переброшена десантом.

«Кто знает, может, этот пункт операции был определен в самый последний момент принятия решения, что Гуломсахи не смог узнать о нем и вовремя сообщить мне» - подумал Масъуд. В любом случае, Масъуд вывел, что все действия советских войск совпадают с той информацией, которую предоставил ему Гуломсахи. Следовательно, план противодействия в основном разработан правильно. Пересмотреть его стоит лишь с учетом фактора использования русскими десантирования пехоты.

Как и при предыдущих операциях, Масъуд разместил часть своих моджахедов на склонах близлежащей к входу в ущелье горы. Это означало, что они будут встречать колонну противника. Как выходило из предстоящего боя, пехота русских теперь будет входить в ущелье не прямой дорогой, а десантом из вертолетов будет высаживаться непосредственно в селениях ущелья, что может внести некоторую сумятицу в действиях моджахедов. Масъуд приступил к отражению атаки противника и при таком раскладе сил.

Как только в ущелье въехали танки и БТР русских, моджахеды встретили их огнем из гранатометов и крупнокалиберного пулемета. Грохот взрывов и пулеметных очередей вынудили пехоту, сидящую на броне танков и БТР, спрыгивать, занять позиции за камнями у обочины дороги и вести беспорядочный огонь по выступам скал, откуда стреляли по ним моджахеды. Занявшим сверху удобные позиции моджахедам колонна техники и бегающие солдаты были видны как на ладони. Потому им намного удобнее было вести прицельный огонь, чем советским солдатам отбиваться.

И когда на помощь своим солдатам подоспела и советская авиация, моджахеды, несколько не смутившиеся складывающейся ситуацией, брали на мушку своих гранатометов и вертолеты противника. Не успели еще преодолеть и половину пути до середины ущелья, как уже были выведены из строя три танка и вертолет русских. Как моджахеды, так и русские наблюдали, как потеряв управление, качаясь с бока на бок, вертолет упал прямо на выступ горы и загорелся. Несколько минут спустя, был сбит и второй вертолет. Густую пелену дыма, вывалившуюся из тела вертолета, вмиг сменил полыхающийся язык пламени, и, словно, подкошенный, вертолет упал на землю, у берега реки Панджшер, перевернулся и боком залез в воду.

Увидев, что по ним ведут прицельный огонь с высотных скальных выступов и с этим они ничего не могут поделать, советские солдаты спасение свое видели в том, что бросались в бурную реку.

Бой разгорался все сильнее и ожесточеннее. Основная часть советских войск боями дошла до кишлаков Аъноба и Руха, продолжала двигаться дальше, захватывая кишлаки Бозорак и Бахорак. Передовая их часть дошла до этих кишлаков и хотела захватить кишлак Барчаман. Поддерживаемая с воздуха вертолетами истребительной авиацией, бронетехника и пехота русских двигалась дальше. Поле битвы было окутано густой пеленой дыма и огня.

За всей картиной разворачивающегося боя Масъуд наблюдал из своего наблюдательного пункта. И когда основные силы русских дошли до середины ущелья, Масъуд по рации приказал всем своим командирам выйти из своих расположений и перебраться на другую сторону, двигаться дальше и выше по ущелью. Начать бой там, где расположились правительственные войска, с Барчамана наступать в сторону селений Бахорак и Бозорак.

После того, как отдал последние распоряжения, Масъуд вышел из своего наблюдательного пункта. Увидел, что моджахеды тоже выходят из своих расположений, перебираются на другую сторону ущелья. Понял, что очень скоро эти молодые догонят и его. Густой дым, пыль, окутавшие ущелье медленно поднимались все выше и выше, и рассеивались в синеве неба. Масъуду были слышны людские крики и стоны, доносящиеся снизу. Двигаясь дальше по склону горы, он наблюдал и за тем, как внизу от снарядов танков горят дома сельчан, как падают люди, сраженные очередями из крупнокалиберного пулемета БТР.

Когда он проходил мимо селения Бахорак, над ним пролетела пара белых голубей. И Масъуд на мгновение остановился, чтобы посмотреть вслед за этими голубями: «Война не только людей потревожила, но и этих невинных птиц не оставила в покое. Теперь и они, чтобы остаться в живых, вынуждены как эти бездомные люди покидать свои обжитые места, улететь в другие края и страны»

Хотя и часть населения этих селений покидала свои дома и села, все же основная масса людей, особенно, инвалиды, старики и дети все еще находились в этом огненном пламени.

Масъуд не смог переселить население сел ущелья в отдаленные безопасные места, хотя и знал, что и правительственные войска и советские воинские части в трудные ситуации могут преследовать, взять их в заложники. Он жалел, что не смог их переселить в другие места.

Анализируя поступившую информацию, он не верил, что советские войска будут бомбить отдаленные селения ущелья и задействуют столько сил и боевой техники. И вдобавок к этому подключают к операции и огромное число правительственных сил. В результате они захватили и окружили больше половины ущелья. Хотя они все еще не дошли до конца ущелья, до села Джангалак, где находится его дом, но туда добраться им и особого труда не стоит. Достаточно лишь одного - двух таких маршей, и, считай, население этого села тоже окажется в огненном кольце.

Стрельба продолжалась. Селение горело полностью. Люди, оставшиеся без домов, не знали где прятаться, бегали восвояси. Оставшаяся без присмотра и хлева скотина тоже разбрелась в разные стороны, подальше от стрельбы, грохота и пожара. ...

Наблюдая за картиной боя, Масъуд уже разрабатывал в мозгу план следующей операции. Хотя и час прошел с того момента, когда все моджахеды перебрались на другую сторону горы, и звук грохота взрывов, стрельбы немного затих, крики и стоны жителей сел все еще были слышны. Теперь уже с удвоенной силой. Это и понятно: люди потеряли родных и близких. Они слезами и стонами омывали свое горе. Все еще было видно, как горели дома, вспыхивали стога сена и соломы, пшеничные поля.

Воспользовавшись установившимся относительным затишьем, советские солдаты остановили свои танки, БТР, БМП и другую технику чуть ниже селений Бахорак и Бозорак и задумали соорудить палатки и сделать привал.

Правительственные же войска, состоящие в основном из местных афганцев и знающие о стойкости панджшерских моджахедов, с сооружением палаток не торопились, стояли в ожидании очередного боя. Они хорошо знали, что Масъуд и его моджахеды с часу на час могут появиться или со склона горы, или с другого берега реки, или, в худшем случае, с рощицы, и могут завязать и рукопашный бой. Моджахеды находятся на своей родине, у своего родного села и плюс к тому, что каждую тропинку здесь знают, как свои пять пальцев, еще являются и выдавшими виды отважными и бесстрашными боевиками.

Масъуд же пока был на той стороне горы и все еще продолжал двигаться в сторону селения Барчаман, а его моджахеды шли вслед за ним.

До нужной точки оставалось еще немного пути, и Масъуд оглянулся. Он хотел осмотреть движущуюся колонну своих моджахедов, как увидел Кристофа де Понфилия, который вместе со своим другом Жеромом шел в колонне с моджахедами. Масъуд остановился, чтобы Кристоф догнал его.

- Кристоф! Почему себя не жалеешь? – спросил Масъуд на французском, как только он подошел.

- Что, у нас с вами жизнь не одинаковая, Омир Сохиб, чтобы вы не жалели ее, а я жалел? – вопросом на вопрос ответил Кристоф, подойдя к Масъуду.

- Мы защищаем свою родину, свою землю, свой дом. Ваша родина – Франция, Париж. Какая возникла необходимость, чтобы вы гибли на этом гористом куске земли? Да, кстати, когда и откуда вы сюда пришли-то? – чуть злой спросил Масъуд.

- «Все люди сотворены из плоти единой». Вы же сами, Омир Сохиб, цитировали и разъясняли мне строчки из газели Саади.

- С собой нет оружия? – спросил Масъуд Кристофа.

- Наше с Жеромом оружие это наша видеокамера, - ответил Кристоф. - У нас на груди значок «Красный крест». Если увидят, нас не убьют.

- Вместо четок советские солдаты носят на груди крест. Но на войне, если встретят отца с матерью, и их не пощадят, убьют. – также зло выпалил Масъуд.

- Чему быть, того не миновать. – сказал Кристоф и добавил: - Мне моя жизнь ничего не стоит. Я приехал из Парижа, чтобы снимать на видеокамеру эпизоды этой войны. Омир Сохиб, не убеждай меня в обратном.

Масъуд больше ничего не сказал и, продолжив свой путь, заметил, что от быстрой ходьбы начал потеть. Снял с себя висевшее полотенце, вытер им пот с лица и со лба и пошел дальше. В это мгновение до него донеслось слабое гудение двигателей. По звуку понял, что это вертолеты. Сразу прошел за огромный валун, что стоял неподалеку, и приказал:

- Кристоф, быстро ко мне!

Кристоф и Жером оба в мгновение ока были возле него.

По радиации Масъуд приказал всем своим командирам предупредить своих моджахедов о приближении вертолетов, спрятаться и занять позиции.

Гул моторов стал все отчетливее. И внезапно два вертолета вынырнули из-за горы, со стороны ущелья Поранди, сзади моджахедов. Кто как мог, укрылся от них, чтобы зоркий глаз летчиков не обнаружил их.

Пролетев рядом друг с другом, оба вертолета пролетели над селением Аъноба, затем, поднявшись чуть выше, разбрелись – один в сторону села Барчаман, другой – в сторону села Бахорак. Туда, где остановились и устроили привал советские и афганские солдаты.

По всей вероятности, они, связавшись по радиации со своим командованием, получили новое задание, что поднялись еще выше и пролетев над моджахедами, начали свои поиски. Один из вертолетов снизился настолько, что казалось, через секунду-другую ударится о выступы горы.

Наблюдая за их полетом, Масъуд передал по радиации одному из своих командиров:

- Дорогой Гадо! Прикажи гранатометчикам, как только вертолеты приблизятся, пусть ударят по ним!

- Хорошо, Омир Сохиб! – услышалось с той стороны. И будто командир Гадо в воду глядел. Вертолет, летевший над селом Бахорак, повернул в сторону спрятавшихся за валунами моджахедов. Прилетел, спустился над выступами горы, видимо, желая перелететь на другую сторону горного хребта, как воспользовался моментом кто-то из моджахедов. Раздался грохот гранатомета. Снаряд попал точно в лопасти вертолета. Две лопасти сорвались, а вертолет всей своей тяжестью врезался в горный выступ. Кувыркаясь по горным выступам, вертолет загорелся. Охваченный огнем, ударился еще раз об скалу и в следующее мгновение раздался страшный взрыв, своим грохотом заполнив все ущелье. Советские и афганские солдаты, устроившие внизу привал, всполошились.

Экипаж другого вертолета, скорее всего увидевший, как был сбит его напарник, поднял свою машину выше, стремительно ринулся к месту трагедии и подверг участок, где прятались моджахеды, страшному обстрелу. Предвидевшие такое развитие событий, моджахеды надежно укрылись под огромными валунами.

Видимо, сочтя свой долг выполненным, вертолет взмыл еще выше в небо и стремительно улетел в направлении Багрома.

Как только винтокрылый скрылся из виду, Масъуд решил как можно быстрее перейти гору, выйти к селению Барчаман и там наметить новый план наступления, обсудить его с командирами и моджахедами и приступить к их осуществлению: «Если в первый же

день не нанесем решительного удара по врагу, то кто знает, может этой же ночью, а то и завтра враг захватит все селения ущелья и вынудят моджахедов скитаться по горам и долинам. В таком случае, связь со своим населением будет оборвана. Мы лишимся своих складов оружия, боеприпасов и продовольствия. Не исключено, что и солдаты-головорезы из Исламской партии Хикматёра заодно с афганскими правительственными войсками, воюющих с нами в ущелье, и теперь закрыли выход из ущелья. В таком случае, моджахеды окажутся оторванными от земли и не сносить им головы. Голодных, безоружных можно легко окружить и уничтожить»

И часа не прошло, как Масъуд впереди, а Кристоф с Жеромом сзади вместе с моджахедами ступили на валун, стоящий над селением Барчаман. Стоя на валуне, Масъуд поднес к глазам бинокль и начал осматривать окрестности села. Все вроде было тихо спокойно. Всмотревшись повнимательнее, чуть ниже каменных кибиток заметил группу солдат правительственных войск. Они чего-то обсуждали. Масъуд осмотрел и тропы, ведущие к кишлаку. Было ясно, что он задумал что-то. Затем он осмотрел и окрестности села Бахорак. Похоже, что советские войска решили обосноваться здесь: пригнали сюда два БТР.

- Солех Мухаммад, зови ко мне командиров на совещание! – приказал Масъуд одному из своих командиров. Вскоре прибыли все десять командиров.

- Каждый, как считает нужным, пусть осмотрит кишлаки Барчаман и Бахорак. – поручил Масъуд и добавил:

- У кого есть бинокль, пользуйтесь им, у кого нет, берите мой. Внимательно осмотрите расположение советских солдат и подразделений правительственных сил. Потом поговорим, как организовать и провести нашу операцию.

Командиры разошлись. К этому времени они уже знали, что основные силы советских солдат расположились в кишлаке Бозорак, а их танки, БТРы и БМП стоят чуть ниже, в кишлаке Аъноба.

После того, как закончили осмотр, командиры вновь собрались возле Масъуда. Кто, сидя на валунах, а кто и стоя, слушали Масъуда.

- Дядя Гадо, вам слово. – обратился Масъуд к одному из своих командиров, черную бороду которого украшала и едва заметная седина. – С какой точки начнем наступление?

- Меня спрашиваешь, Омир Сохиб? – начал Гадо. – С самой горы до начала кишлака Барчаман незаметно вдоль обоих берегов реки проведем основную часть моджахедов. И как только все соберемся, окружим кишлак. Деревья и кустарники нас прикроют. Видел, враг собрался на песчанике у берега реки. Что-то обсуждают. Будь на то воля Оллоха, дольше длиться их совещанию. Мы там и накроем их.

- Ходжи Бахлул, что вы скажете? – Масъуд обратился к другому своему командиру.

- Омир Сохиб, я согласен с мнением командира Гадо. Слово за вами. – выразив свое удовлетворение планом Гадо, сказал Бахлул.

- Со сказанным Гадо Мухаммадом я тоже согласен. – поддержал своих командиров Масъуд. – Когда спустимся в кишлак и окружим его, будьте осторожны, не открывайте огня в сторону мирного населения. Как только советским и правительственным солдатам станет туго, они попытаются укрыться в домах мирных граждан. Жителями кишлака, детьми они будут пользоваться как живым щитом. В таком случае мы должны действовать разумно.

Как только будет дана команда «Открыть огонь!», первыми начинают гранатометчики. Да хранит нас Оллох!

При этих словах все присутствовавшие поднесли руки к лицу, сказав: «Омин».

Был полдень. И все моджахеды, стоявшие там, кто, где мог, приступили к совершению полуденного намаза. Масъуд тоже в их числе. Закончив намаз, он обратился к Солеху Мухаммаду:

- Солех, мы с вами пойдем впереди. Остальные будут следовать за нами. Спустимся в кишлак. Прикажи, пусть моджахеды приступают к операции.

Внизу солдаты правительственных войск, часть советских солдат, укрываясь от солнцепека, кто-то прятался в тени деревьев, а кто-то умывался у реки холодной речной водой, чтобы хоть как-то остудиться. Другая часть солдат, улучив удобный момент затишья для трапезы, прямо на земле расстелили какую-то материю и начали обедать.

Кристоф де Понфилий вместе с Джеромом Бойном, с трудом двигались по непривычной им горной тропе. Все остановились возле одного огромного валуна.

- Мы остановимся здесь, Омир Сохиб, - сказал идущий сзади Кристоф, и Махмуд, услышав голос Кристофа, остановился и сказал:

- До свидания, Кристоф!

- До свидания! – ответил кинорежиссер и обратился к Джерому: - Отсюда все видно как на ладони. Дай Бог, сюжет будет отличный, на наш вкус. Проверь-ка батарейки видеокамеры.

- Проверил, все в порядке. – ответил Джером.

- Мы с тобой более удобного места, чем этот, не сможем найти. Должны расположиться за каким-нибудь валуном и снимать хорошие сюжеты. – заметил своему напарнику Кристоф.

Как того желал Масъуд, атака моджахедов началась внезапно и застала врасплох афганских солдат правительственных сил. Не ожидавшие атаки моджахедов прямо у входа в кишлак, при грохоте и разрыве снарядов гранатометов, от сильного страха они всполошились. Бросаясь врассыпную, они толком не знали, откуда стреляют моджахеды и куда им следует убегать, где прятаться. Шквал огневой мощи моджахедов начисто выбил их из колеи, не дал им возможности огнем отвечать на огонь, отстреливаться.

Опытные, закаленные в боях, моджахеды, укрывшиеся за деревьями, кустами у дороги, видя, как группами собираются солдаты афганской армии, направляли туда свои гранатометы, залпом накрывая их. Враг в панике бежал в разные стороны. Некоторые, чтобы спасти себе жизнь, бросались в бурную реку Панджшер. Многих солдат смерть настигала уже в реке.

В этой короткой стычке гарнизоны правительственных войск Афганистана были разгромлены начисто. В качестве трофея моджахедам досталось большое количество оружия и боеприпасов, были и пленные.

Солдаты афганских правительственных сил, в панике бежавшие в сторону кишлаков Бозорак и Руха, вскоре пришли в расположение русских солдат. Моджахеды, преследовавшие их, одним ударом освободили сразу три кишлака ущелья.

Пока советские подразделения узнали о случившемся, и подошли на помощь афганским солдатам, моджахеды уже закончили свою спланированную акцию и отошли на свои прежние позиции.

Советские воинские подразделения, расположившиеся в кишлаке Аъноба, узнав о завязавшейся стычке между моджахедами и правительственными силами, должны были подойти и поддержать правительственные силы своей огневой мощью. Но, зная, что и моджахеды, и правительственные солдаты состоят из афганских племен, решили: «Раз уж встали против самих себя с оружием в руках, пусть убивают друг друга! Черт с ними! Нам нечего рисковать своей жизнью!..» С другой стороны и советская воинская группа не ожидала такого дерзкого нападения моджахедов, чтобы как следует подготовить свою боевую технику к бою. Моджахеды вышли из кишлака, дерзко напали на разбросанных группами солдат афганской армии. Своей огневой мощью - залпами из гранатометов, автоматными и пулеметными очередями – молниеносно накрыли их, так и не понявших, что и как случилось. Так же быстро закончив бой, моментально ушли обратно. Все произошло так стремительно, что и советские солдаты и офицеры не

успели понять, как это все произошло. Примени советские командиры тяжелую боевую технику, атака моджахедов захлебнулась бы сразу. Но в таком случае от оружейных снарядов тяжелых советских танков могли пострадать и мирные граждане кишлаков. Исходя из этих соображений, и советское командование воздержалось направить на подмогу правительственным силам свою тяжелую боевую технику. С другой же стороны, русские не смели рискнуть своей живой силой.

Когда Советские войска вступили в ущелье Панджшер, они думали, что Масъуд со своими моджахедами попытается втянуть их в боевые действия, а затем сам убежит в горы, к северным провинциям Афганистана. С другой стороны сражение правительственных войск с моджахедами Масъуда было на руку советским войскам, ибо советские командиры использовали их как своеобразный щит, идущий впереди своих подразделений.

- Ослиное мясо к собачьим клыкам» - не раз повторяя, твердил советский генерал Варенников, когда в Кабуле вместе с другими командующими планировал военные действия советских солдат с моджахедами в ущелье Панджшер. И эта фраза пришлась по вкусу и командующему Ограниченным контингентом Советских войск в Афганистане генералу Борису Громову, и большинству других советских полководцев.

Воодушевленный их улыбкой и радостными лицами, Варенников прокомментировал свое высказывание:

- До каких пор Масъуд будет убивать наших молодых парней? На этот раз я втяну в войну с ним его же земляков-афганцев. Посмотрим, кто кого уничтожит.

В любом случае, оттого, что будут убиты афганцы, нам не будет никакого ущерба. Чем больше они будут убивать друг друга, тем выгоднее нам. Тем самым мы будем изучать и тактику Масъуда.

С самого начала операции советские командиры поставили перед собой задачу, чтобы советские войска, находившиеся в кишлаках Аъноба и Руха, не проявляли особого рвения помочь правительственным силам Афганистана. Заодно советское командование было заинтересовано узнать как можно больше о маршрутах и тропах, по которым передвигаются моджахеда Масъуда. Но как только они увидели, что за очень короткий промежуток времени моджахеда Масъуда вывели из строя большое количество живой силы и техники правительственных сил Афганистана, советские подразделения поняли, что это чревато осложнениями и для них. И сразу поспешили, было им на помощь. Но было уже поздно. До того, как подоспело подкрепление русских, моджахеда завершили операцию в Барчамане и, отойдя и заняв позиции в горных выступах, между скалами, уже оттуда вели прицельный огонь по подошедшим подразделениям русских. Видя, что становятся живыми мишенями, советские солдаты укрылись за броней своих танков, и вновь отступили к кишлакам Аъноба и Руха.

Когда Масъуд поднялся к огромному валуну, что стоял над кишлаком Барчаман, солнце близилось к закату. Сняв свое оружие, моджахеда сели на камни. Судя по облегченным вздохам, можно было понять, что моджахеда остались довольны удачно проведенной операцией.

- Солех Мухаммад, объясни командирам, что теперь займем позиции прямо над русскими, над кишлаками Руха и Аъноба. Посмотрим, чем они будут заняты этой ночью! – сказал Масъуд и расстелил на земле свой молитвенный коврик. Настало время сумеречного намаза.

После получасовой передышки, по той же тропе, что пришли, следуя друг за другом, моджахеда направились к тем кишлакам, откуда пришли. Вместе с Кристофом и Джеромом Масъуд следовал за ними.

В этот предвечерний час прохлада гор тянула с востока легкий ветерок, приятно ласкающий и снимающий усталость. Довольный удачным исходом очередного боя, на душе Масъуда все же было беспокойно. Он знал, что в сегодняшнем бою в основном погибли мусульмане-афганцы. И понимал, что подставили их русские: Чтобы

мусульманин убивал мусульманина. В этом бою, кроме как защититься, у Масъуда иного выбора не было. Продлись этот бой дольше, и оставайтесь моджахеды в кишлаке чуть больше, не сносить было головы и его моджахедам. При таком раскладе моджахедам ничего не оставалось бы, как сдаваться в плен русским, или убежать в северные провинции и распататься на мелкие группы. Сдаваться русским тоже означало явную гибель и моджахедам, и самому Масъуду.

Масъуд знал и другое. Попавших в плен моджахедов русские обязательно сдают государственной службе безопасности Афганистана, которой руководит давний друг детства Масъуда Наджиб. Сотрудники этой службы будут обращаться с пленными как с ярыми врагами афганского государства. И все они будут умерщвлены неслыханной мученической смертью. Потому моджахеды настроены были воевать решительно. И если им грозила смерть, то они предпочитали умереть смертью солдата на поле битвы, чем сдаться в плен, и быть убитыми позорной смертью в застенках тюрем. До этого времени Масъуд кроме, как защитить свой дом, население ущелья Панджшер, никуда больше рейдов не совершал и не думал совершать. Не раз подчеркивал это и в беседах с журналистами:

- ...Пожалуйста, если в гости пожаловали, добро пожаловать! Будем рады гостям. Но если вступил в наши края со злым умыслом, мы такого гостя не можем принять, не пустим к себе домой. Советские подразделения, солдаты и офицеры правительственных войск Афганистана пожаловали к нам не с добрыми намерениями, с оружием в руках, с войной, с целью захвата ущелья Панджшер, убийства жителей его кишлаков. И пока в моих жилах течет кровь, не оставлю их в покое. Поднявший меч от меча и погибнет. ... – Масъуд делился своими размышлениями с Кристофом де Понфилием. Эту ночь репортеры провели вместе с ним в его землянке, после того, как Масъуд подвел итоги проведенного днем сражения. Призвал всех моджахедов быть бдительными, назначил и проверил все посты, позаботился о провизии моджахедов. Поручил командирам послать 2-3 молодых парней кишлаков ущелья за водой. Он нутром чувствовал опасность. А потому делал все, чтобы быть готовым к бою. Он попросил этих парней интересоваться у населения кишлаков и положением дел как в самих кишлаках, так и на главной транспортной артерии ущелья. Основания для беспокойства были. Судя по поступающей информации, наряду с военной угрозой над дорогой нависла и угроза ее закрытия подразделениями Хикматёра, что было опаснее для населения кишлаков, чем ведение боевых действий, поскольку, чтобы спастись, люди тогда не смогут и покинуть ущелье Панджшер. Зима же становилась все ближе, а население испытывало нужду в запасах продовольствия.

Отдав необходимые распоряжения, Масъуд подошел к землянке, где устроился Кристоф. Они с Джеромом сидели возле землянки на камне и сняв с уставших ног ботинки, руками массировали мозоли на ногах.

- Есть что-нибудь съестное? – подойдя поближе, спросил Масъуд на французском.

- Хлеб и вода имеются, Омир Сохиб, - ответил Кристоф. – Очень устали. Ничего не хочется есть. Какой страшный и тяжелый все-таки выдался сегодняшней день.

- Что-нибудь успели снять? – спросил Масъуд.

- По мере сил и своих возможностей сняли. Ладно, война, видимо, еще не скоро закончится. По всей вероятности, еще до самой зимы останемся в Панджшере, а потом отправимся в Кабул, затем в Мазори Шариф и другие края Афганистана. Планов у нас много, Омир Сохиб. – сказал Джером и решил некоторыми своими планами поделиться и с Масъудом. – Свой новый фильм мы назовем «Пепел войны». Он повествует о войне в Афганистане, о руинах, оставленных войной на этой земле. Сообщим мировому сообществу о трагедии этого народа. Затем, как и договаривались с Кристофом, если не будет суждено умереть, приступим к съемкам фильма «Кабул – крайняя точка земли». Кстати, собрали материал и о вашей жизни, Омир Сохиб. Бог даст, и вам посвятим один из своих фильмов. Под названием «Афганец Масъуд».

- Кристоф, вы же знаете, что я не афганец, а истинный таджик Афганистана. – уточнил Масъуд и прокомментировал свои слова, - Мои предки когда-то пришли сюда из Дахбеда Самарканда. Кто знает, может, их тоже война вынудила покинуть родину и переселиться сюда. Хотя и обстроились на берегу реки, чтобы жизнь свою как-то наладить по-человечески, и здесь им не дали жить, как следует.

Беседа Масъуда с Кристофом и Джеромом длилась допоздна. Увлечшись беседой, мысленно окунувшись и в мир своего детства, Масъуд ушел от них далеко за полночь.

Вернувшись в свою землянку, по дороге Масъуд размышлял о проделанном за день и о планах на завтра. И было отчего. По его расчетам, почти тысяча советских солдат и офицеров, танки и другая военная техника сосредоточились в кишлаках Аъноба и Руха. Не исключено, что в следующие дни прибудет к ним и новое пополнение. Надо уже сейчас распорядиться, чтобы к входу в ущелье, к кишлаку Гулбахор отправить группу моджахедов, чтобы те в случае вторжения в ущелье русских, смогли оказать им сопротивление. Масъуд тут же по радиации поделился своим видением ситуации с Солехом Мухаммадом и Фахимом и распорядился, чтобы срочно туда была выслана группа моджахедов.

Зайдя в свою землянку, Масъуд повесил свой автомат Калашникова на уступе у входа, снял сапоги, помассировал немного свои ноги и во весь рост растянулся на пол, устланный соломой.

Ночь была тихая и спокойная. Но Масъуд не мог уснуть. Тревожные мысли лезли в голову, не оставляли его в покое и здесь. Его тревожило то обстоятельство, что война в ущелье слишком затянулась, и советские войска остаются здесь надолго. Ход мыслей привел его опять к делам сегодняшним. Каждую деталь предстоящей операции в кишлаках Руха и Аъноба надо было тщательно спланировать.

Глава V

**Дар рагам хун, дар барам дил, дар танам лън мурдааст,
Вой бар ман, тифли ашки ман ба милъон мурдааст.
Тирарӯзињии мо поён надорад, эй дарег,
Дар сипенџи мо магар Хуршеди тобон мурдааст?!**

**И кровь густа, и сердце стонет, душа моя мертва,
Горька судьба моя, остыла в веках слеза.
Не вижу конца бед своих, кто б помог мне
И утро хмурое, уже заря не та, и она мертва?!**

Аваз вернулся к полудню, скорее раньше, чем его ждали. И выглядел очень довольным. Как только вошел во двор Турдикула, глазами пошарил по двору – взглядом искал пленного. Заметив его у дувала, обрадовался. Благодарил Оллоха, что в его отсутствие никаких чрезвычайных происшествий не случилось.

Некоторое время он постоял возле пленного. Посмотрел в его изможденные очертания лица и повернулся к Хасану, копошащемуся у казана и не заметившего прихода Аваза. Все мысли Хасана были заняты анашой, чтобы не пустить вхолостую и маленькую струйку ее дыма. Поняв состояние Хасана, Аваз также тихо и незаметно подошел к нему сзади. Он наслаждался его состоянием праздности. Хотел садиться с ним рядом, выхватить у него из рук курительную трубку и сделать пару затяжек, как вспомнил предупреждение Масъуда: «Аваз, я впервые вижу, что ты куришь анашу. На этот раз я тебя прощаю. Если попадешься еще раз, выпорю как следует и выгоню из отряда. Это мое первое и последнее предупреждение! Понял?!» «Понял! Виноват!» - ответил тогда Аваз. И не столько из-за боязни быть наказанным и изгнанным из отряда, сколько из уважения к Масъуду, он обещал бросить курить. Вспомнив тот разговор, Аваз

воздержался взять у Хасана трубку. Но, зная, какое наслаждение испытывает Хасан, мешать ему не стал. Не сказав ни слова, Аваз кончиком сапога слегка поддел его. Хасан понял, что кто-то шутить изволил с ним. Продолжая вытягивать струйки дыма, он лишь выдавил:

- Прекрати! Не мешай, чтобы дым вхолостую не шел!

Он все еще продолжал затягиваться дымом. Аваз вновь поддел его кончиком сапога.

- Прекрати, проклятый! Иначе дым уйдет вхолостую! – зло буркнул Хасан.

Аваз, наслаждаясь своим занятием, чуть было не взорвался хохотом, но воздержался и еще раз поддел Хасана.

- Эх, мать твою родненькую!.. – взорвавшись громким матом, Хасан встал и оглянулся. Увидев перед собой Аваза, сожалел о сказанном, упал перед ним на колени и начал умолять его о пощаде:

- Брат, родненький! Прости меня! Будь проклят я всем миром!.. Клянусь Оллохом!

Подумал, что это Турдикул обратно вернулся. Прости, брат! Анаша проклятая такая сладкая, что забыл про все на свете! Не курил с самой ночи! Откуда мне знать, что вы придете и сыграете со мной такую шутку?

От громкого хохота Аваз схватился за живот. Его хохотом невольно заразился и Хасан:

- Брат, или смеёшься надо мной, или издеваешься?! Если меня не простишь, я буду проклят! По своей глупости я наговорил вам столько плохого! Прости!

- В случае необходимости не вредно, говорят. – смеясь, вставил Аваз. - Рифму нарушать никому не дано. Знаю, наслаждение от анаши слишком велико. Это зелье поведет тебя хоть на край света. Куда уж там ругань, мат? Боюсь, чтобы ты не убил и того нашего пленного!

Добрую весть тебе принес, Хасан. Этой ночью на перевале Соланг моджахеды напали на колонну техники шурави, направлявшуюся в Кабул. Был тяжелый бой. Наши подбили несколько танков, БТР и БМП. Убили множество кафиров. В качестве трофеев взяли оружие, боеприпасы, муку, рис и другое продовольствие. Бой длился до самого утра. Моджахеды тоже понесли потери. Но главное то, что раздобыли продовольствие, оружие с боеприпасами. Весь трофей отправили подальше от чужих глаз, спрятали куда следует.

- Да продлит Оллох твою жизнь, брат Аваз! – не скрывая своей радости, находясь под влиянием анаши, сказал Хасан. – Эти оккупанты вторглись на нашу землю, чтобы сровнять с землей наши дома, уничтожить всех нас. Так им и надо! Думают, что Афганистан – страна, не имеющая своих хозяев, и что им заблагорассудится, то и будут делать здесь! Ничего подобного! Пока жив хоть один афганский моджахед, кафирам не видать покоя как своим ушей!

- Помнишь, говорил: «Они хотели сами руководить нами и заставить нас отречься от своей веры, и, как они сами, стать кафирами» Не допустим! Не быть этому! – поддержал Хасана Аваз.

- Этот пленный свалился на нас, как головная боль. Если бы не он, остались бы здесь. Сейчас самое время движения колонн шурави через перевал Соланг. Каждый день с той стороны Пянджа, из Термеза в Хайратон на сотнях машинах перевозят оружие, боеприпасы, продовольствие. И по дороге Мазори Шариф и Кундуз едут сюда. Наши молодцы стерегут их за скалами Соланга. Если наша охота будет удачной, за двое-трое суток сможем запастись необходимым на год продовольствием, не говоря уже о захваченном в качестве трофея оружию и боеприпасов. Этих оккупантов их же оружием и отправим в ад.

Но, командир нам с тобой, Хасан, приказал отвести пленного в Панджшер, к Ахмадшаху Масъуду и вернуться обратно. Ночью мы с тобой должны выступить.

- Как же мы пешком-то отведем его? – недовольный таким развитием событий, спросил Хасан.

- Нет, не пешком. – пояснил Аваз, - Ночью за нами приедут. На машине доедем до въезда в ущелье Панджшер. Где-то до кишлака Гульбахор. Дальше пешком, или на лошадях или ослах, до кишлака Поранди.

- Если на машине, прямой дорогой, то как?- спросил Хасан.

- Нельзя. Прямо у въезда в ущелье расположились отряды шурави. Вместе с пленным им в лапы попадем. Также во всех кишлаках у дороги до самого Джангалака шурави расставили свои блокпосты. Сейчас в ущелье идет бой. – Аваз разъяснил сложившуюся ситуацию.

- Значит, надо будет переодеть пленного в другую одежду? – спросил Хасан. – В этой одежде его сразу узнают, и мы попадем в руки шурави. Откуда нам найти тогда одежду этому сукину сыну?

- Надо осмотреть дом Турдикула. Может, осталось у него какое-нибудь старье из пастушьей одежды? – как бы к самому обращаясь, спросил Аваз, продолжая, - Да, это и не важно. Если не найдем, то своим поделюсь с ним. А себе куплю новую одежду.

- Так ведь у тебя же денег не было? – спросил Хасан. – теперь откуда у тебя деньги-то?

- Продал один автомат Калашникова, взятый в трофей у солдата шурави. – ответил Аваз.

- Какой же ты умный, брат Аваз! – полушутя, полусерьезно похвалил Аваза Хасан. – Оставил меня стеречь эту собаку, а сам пошел на охоту. Мы в этом деле соучастники. Мою долю мне не дашь?

- Какая такая у тебя доля? – с серьезным видом спросил Аваз. – Охотиться на них мне, а тебе - долю? Вот тебе твоя доля! – Аваз указал на Николая. - Как только отвезешь этого пленного в Панджшер и сдашь командирам, будешь требовать у них свою долю!

- Ах, так?! – зло спросил Хасан.

- Дружба дружбою, а табачок, как говорится, врозь, брат. – напомнил Аваз. – Жизнью рискуя, я ночь провел за скалами Соланга, а ты тем временем вместе с пленным спокойно спал у Турдикула. А еще требуешь долю. Оллох даст, если доставим пленного, и нам что-нибудь перепадет, отдам тебе, брат. Не сердись. Продав автомат, я заработал кое-какие деньги. У меня жена, дети. Оллохом клянусь, дома и грамм муки не было, чтобы и кашу им сварить. Вот хочу теперь им мешок муки, масла и другие продукты купить. Оллох даст, живыми и здоровыми придем в Панджшер, и если что-нибудь дадут, бери себе.

- Если в этой долине ничего мне не достанется, то в каменистом Панджшере что растет, чтобы мне перепадало? – несколько обиженным тоном спросил Хасан. – В этот злосчастный год население кишлаков Панджшера окружено врагами. Голодные все, нет никакой надежды, что скоро все образуется. А вы говорите, что взамен за этого пленного нам что-то дадут? Вы, брат Аваз, вспоминаете своих жену, детей, а мне прикажете не думать про моих отца, мать, сестер и братьев? И у них нет ничего съестного сейчас. Я – вся их надежда. Думают, раз я в отряде, значит, что-нибудь и домой смогу принести.

Сказав это, Хасан умолк. Этой горькой правде Аваз ничем не мог возразить. Но надо было хоть чем-то утешить Хасана, и Аваз, сунув руку в карман, вынул оттуда пачку денег. Не считая, небольшую часть денег он протянул Хасану, сказав:

- Бери, брат! От чистого сердца даю! Купи что-нибудь себе. Оллох даст, не пропадем. Глядишь, в пути и добычу какую-нибудь найдем. Волка, говорят, ноги кормят. Всевышний сегодня так нам долю определил. Слава Оллоху, пока руки ноги крепкие, голодными не останемся.

- Вот это уже другое дело! По-братски, брат Аваз! – с благодарным видом сказал Хасан, сунув деньги в карман. – Думал, ни одного рубля мне не дашь. Как домой пойти с пустыми руками, без ничего? Все там с надеждой ждут меня. Думают, раз уж на войне, значит, и долю свою имеет. А не видишь ли ты, что наши с тобой братья по оружию какие имеют доходы от этого ремесла?

- Какие такие доходы, Хасан? Кто из них доходы имеет? Что ты имеешь в виду? – несколько обиженный, удивленный этим открытием, переспросил Аваз. – Днем и ночью, месяцами, годами мы воюем, жизнь наша висит на волоске. И в это время за нашей спиной кто-то из моджахедов заботится о своем кармане? Разве это по-мужски, охотиться, убивать такого же, как и ты сам, мужчину, продать трофейное оружие и жизнь свою устроить за чужой счет?

- Ладно, это все приключилось с нами не от хорошей жизни. Всею виной война, не расстраивайся! – желая успокоить задетое чувство Аваза, сказал Хасан. – Если бы шурави не напали на нас, мы по сей день были бы заняты своим дехканским ремеслом.

- Да, разве и от возни с дедовским плугом и захудалого вола, привязанного к нему, мы хороший урожай получали, что должны благодарить дехканское ремесло? Ничего подобного. Целый год тянули лямку, чтобы с голоду не подохнуть. И все! – вставил Аваз.

- Все равно, жили как-то спокойно, мирно, не тужили. – поддерживая Аваза, добавил Хасан. - Как бы там ни было, так не охотились на людей. Надоело купаться в луже крови. Иной раз мне кажется, что и кусок лепешки, который ем, смешан с кровью. По ночам сны страшные мучить стали. И когда бодрствую, и когда сплю, думаю, что вот-вот меня убьют. Нет ни сна, ни покоя.

- Да, ладно уж, чего там. Думаешь, этот искалеченный пленный шурави лучше нас с тобой живет? – спросил Аваз Хасана. – Нас ведь с тобой они вынудили взять в руки оружие, защитить свои дома, родину от них. Их самих кто сюда звал? Они сами ведь пришли к нам. Значит, не от хорошей жизни.

- Ты прав, Хасан, - сказал Аваз. – Они сами пришли к нам. Но знаешь, они сами живут хуже нас с тобой. Их привела сюда политика захватить чужие земли. Командование шурави направило сюда своих солдат, офицеров, самолеты и вертолеты, чтобы бомбили наши дома, города и кишлаки, разместили здесь свои военные базы. А мы с тобой добровольно пошли воевать, чтобы защитить свои дома, родных и близких. Этих, как я уже говорил, привезли сюда не по их воле. Они думали, что война это какая-то игра. Думали, что афганские моджахеды испугаются их силы и мощи и сдадутся. Думали, что, увидев их танки, БТРы, и самолеты, моджахеды и головы свои поднять не посмеют. Думали, что захотят, то и сделают с нами, с нашими родными и близкими.

Знаешь, Хасан, что было бы с этим пленным, если бы он отказался приехать на нашу родину?

- Не знаю. А что было бы тогда?

- По меньшей мере, посадили бы в тюрьму, лет этак на пятнадцать. И там сгнил бы. Не видать было бы тогда спокойной жизни и его родным, близким, родственникам.

- Ладно, два сапога – пара. Придя сюда, в каком выигрыше окажутся эти оккупанты-то? Какой клад зарыт на афганской земле, чтобы они его откопали себе? Мы сами от голода едва ноги тянем. Если бы был такой клад, мы бы сами давно его откопали. Так что, они здесь кроме своей смерти, больше ничего здесь не найдут, Зачем, спрашивается, приехали тогда?

- Цель у них одна: Захватить афганскую землю, а не наше богатство, - сказал Аваз. – Хотят превратить нашу родину в свою военную базу.

- Что, им своей земли мало что ли?- недоуменно спросил Хасан.

- Афганистан находится в окружении других стран. Шурави боятся, что если они первыми не захватят Афганистан, то сюда придут американцы. И тогда шурави не сдобровать. Американцы тоже намерены превратить Афганистан в свою военную базу. Шурави опередили их и первыми вошли сюда.

- Выходит, Афганистан как та невинная овца, осталась между двумя волками? – спросил Хасан.

- Точно определил, Хасан. Но как бы там ни было, и кто бы ими не руководил, все они ошибаются. Они не учли одного. А именно желания, воли афганского народа. Думают,

что раз они великие государства, им все дозволено. Можно превратить нас в своих рабов. Ошибаются они. На протяжении веков никакой оккупант не смог подчинить себе этот народ. Наш славный, отважный и бесстрашный народ ни перед кем не преклонял и не будет преклонять колени. Особенно сегодня, когда у него в казне не осталось ровным счетом ничего. Мы же с тобой родились под звуками пуль и снарядов. И сколько помним себя, не можем и представить свою жизнь без воинов, без убийств, кровопролития. Не то, что мы с тобой. Даже наши жены и дети воюют уже. Убежден. За веру, за наше праведное дело, за свой дом, за свою родину наш народ и жизни своей не пощадит.

Большинство моджахедов уже чем-то напоминают тех горных орлов. Готовы сто раз умереть, но не допустят, чтобы кто-нибудь разрушил их гнездо, убивал его птенцов.

- Много есть, что сказать, брат Аваз. Что-нибудь поесть принес? Проголодались. – сказал Хасан. – Что в мешке-то? Смотри, чтобы и пленный с голоду не подох. Утром возился с куском черствой лепешки. Справился, нет, не знаю.

- Когда возвращался, задался вопросом: «Есть ли у Турдикула что-нибудь съестное?» Потому на базаре купил три лепешки. До Панджшера еще два-три дня пути. Ты, Хасан, иди, разожги огонь, ставь чайник, завари чай. Я пока пойду, умоюсь. Настало время намаза. Закончу намаз, посидим, чаю выпьем.

- Как ты сказал, Хасан? Николаем зовут этого пленного? – спросил Аваз, поднимаясь.

- Да, брат, Николаем назвался. Еле-еле смог выпросить у него имя. Он, видимо, понял меня и ответил так: «Моё имя Николай».

- Ни без каких лишних движений? – вновь спросил Аваз.

- Да! Еще бы. Если что лишнее выкинет, я ему покажу кузькину мать!

- Иди, веди его сюда, на веранду. Пусть, что-нибудь покушает. – Аваз пошел совершить омовение.

Солнце находилось на самом зените. День становился все жарче. Раненому Николаю перенести жару свыше сорока градусов этого песчаного уголка было невыносимо. Вдобавок к жаре, на запах крови слеталась орава мух. От их укусов ему становилось невтерпёж. Его попытки отгонять их, были тщетны. Назойливые мухи не упускали своей возможности полакомиться человеческой кровью.

Он хотел поразмыслить о своем положении и несчастье, которое приключилось с ним. Пытался собраться с мыслями и подумать, наметить планы на будущее. Но боль в ноге, опустошенность в теле лишали его способности здраво мыслить. Может, большая потеря крови была тому причиной, что у него не хватило сил, чтобы и мух отогнать от себя.

Иногда воспоминания о родной станице Некрасовская, что в Краснодарском крае Советской России, как сладкий сон бередили его мозг. И тогда больше всего перед его взором всплывали родимые образы: Матери Екатерины и старшей сестры Валентины.

Особенно запомнился ему тот день, когда Николая провожали в армию. До самого последнего прощального мгновения мать старалась держать себя в руках, не проявлять слабости, чтобы единственный сын не видел материнских слез. Но когда Николай вместе с другими призывниками сел в автобус «ПАЗик», мать не смогла удержаться: Накапливаясь, предательская слеза сперва увлажнила материнские глаза, переполнила их, а затем струйкой потекла-таки по ее румяным щекам:

- Родненький мой! Знаешь ли ты, что кроме тебя больше некому нести мой гроб? Я, твой больной отец, сестра Валентина – все будем ждать тебя! Колюшка! Не дай нам, двум слабым существам, не дожидаться тебя!.. – разрыдалась она, обняв своего Николая, накрывая поцелуями его волосы, глаза. Обнимая мать за плечи, отвечая на материнскую ласку сыновней любовью, Николай заметил, что и в девичьих глазах его землячек, стоявших чуть поодаль, тоже блуждают слезы. Особенно, в глазах его любимых одноклассниц Веры и Наташи. То ли слова матери их растрогали, то ли

долгая разлука была тому виной, что и они не отворачивались, не пытались даже скрывать свои чувственные слезы.

Автобус тронул с места. Прибавляя в скорости, он становился все дальше и дальше. И чем дальше уходил он, тем мельче становились фигуры родных и близких, пришедших провожать своих детей на военную службу. ...

Обмакнув кусок лепешки в горячий чай, опасаясь, что от прикосновения лепешки к израненным губам и деснам ему станет больно, Николай, осторожно сунул кусок в рот. Но вместо ожидаемой боли прикосновение горячей лепешки к губам и деснам доставило ему какое-то необъяснимое облегчение во рту. И вдруг его осенило: Сколько он себя помнит, он не вспомнил, чтобы хоть раз в жизни задумывался бы над тем, чтобы лепешку или что-нибудь другое съестное жевал и ел, не торопясь, спокойно. Теперь же обстоятельства изменились, и он вынужден считаться и с этим фактом.

Закончив обеденную трапезу, принесенной Авазом, Николай почувствовал себя чуть бодрее, лучше.

За этот час и сутки, проведенные в плену, отношение этих двух моджахедов, с породой которых он впервые сталкивался в жизни лицом к лицу, ему пришлось по душе. После того, как убили его товарищей, а его самого поранили и избили до полусмерти, связали проволокой, сунули в мешок, принесли и бросили в грязный вонючий сарай, он пришел в себя и первой мыслью, пришедшей ему в голову было то, что его однозначно будут мучить, не исключено, что могут и убить. Иногда задавался кажущимся теперь в его положении и глупым вопросом: «За какие грехи судьба подвергает его стольким тяжким пыткам?»

Размышляя про себя, он делал и свои выводы: У него когда-то и в мыслях не было, что может оказаться на афганской земле. Откуда ему было знать, что его в числе десятки тысяч русских, украинцев, татаров, казахов, таджиков насильно, путем обмана, вооружат, как воинов-интернационалистов привезут на афганскую землю и бросают на явную смерть. Если бы он знал все это, ни за что не согласился бы приехать сюда. Пусть отдали бы его в трибунал, посадили бы в тюрьму. Ничего, пережил бы это.

Николай никогда не желал стать убийцей, но дело уже зашло слишком далеко. И теперь он находился во власти этих двух моджахедов. Как враг, как убийца. На первый взгляд они своей небритой бородой, смуглым видом, своей одеждой казались Николаю людьми, кто месяцами не мыл свое лицо, одежду. Один их неопрятный вид вызывал у Николая отвращение к ним, отталкивал его от них. Ему противно было находиться с ними рядом, видеть их неопрятные рожи.

До призыва в армию жизнь Николая, как и всех русских парнишек, была окружена чистотой и опрятностью. Как в школе, так и дома, на селе, в общественных местах. Он, как и большинство его сверстников, хорошо воспитывался, получил хорошее образование, всего было в достатке. Он не знал жизненных трудностей.

Николай вспомнил, как после окончания восьми классов средней школы поступил в профессионально-техническое училище и за два года успел получить диплом механизатора-тракториста и вернуться в родную станицу. Там ему дали пахотный трактор ДТ-75, и он занялся сельским хозяйством. В сезон пахоты – пахал, когда надо было сеять пшеницу, сеял. Одним словом всем своим существом окунулся в сельскую жизнь своей станицы.

Именно в эту пору на него положили свои влюбленные глаза его одноклассницы, молоденькие девушки станицы – Вера и Наташа. Они, словно, соревновались, кто из них добьется-таки любви Николая. Оказавшись между молотом и наковальней, Николай почувствовал себя весьма неловко. И было отчего. Он сперва влюбился, было в красивую, статную Веру, своим бойким нравом легко покорившей Николая. Но тут подошла горделивая, черноокая, с волосами цвета черносливы, Наташа и призналась ему в любви. Хотя и Николай рассказал ей о своей любви к Вере, но Наташа никак не хотела воспринимать их чувства за чистую любовь. Более того, Николай назло не

пригласил Наташу на свой день рождения, но упрямая, она все-таки пришла. Пришла, чтобы назло Вере сообщить родителям Николая о своей любви к их сыну. Пусть, их сын Николай не откажет ей в любви. Своим подарком Наташа хотела доказать, что она любит Николая всем своим существом и чтобы добиться своей цели, она готова бороться с Верой. Куда она только не ездила, где только не была, в какие магазины Краснодар только не заходила, чтобы найти, купить, подарить Николаю в день рождения макет любимого трактора «Беларусь». С надеждой, чтобы понравиться Николаю, она еще надела и свое любимое платье, с такими же красивыми идущими ей свадебными туфлями и букетом красивых роз, как символ своей огромной любви. И пришла к ним домой. Наташа зашла к ним во двор в то самое время, когда Николай сидел рядом со своими друзьями Виктором и Валерием. А друзья по очереди поздравляли его с днем рождения и в его честь произносили тосты, опорожняли свои рюмки. Все сидевшие за столом Наташе были знакомы, и ее демонстративно торжественный приход уже о многом говорил собравшимся. Она также демонстративно прошла к Николаю, вручила ему свой подарок. И когда Николай открыл коробку и вынул оттуда макет своего любимого трактора, по его восторженному от радости лицу нетрудно было догадаться, что Наташа попала в самое яблочко. Она воспользовалась торжественностью момента и при всех поцеловала его в румяную от радости и смущения щеку. Взрыв аплодисментов был ей в качестве награды. Затем Наташа прошла к матери Николая и села с ней рядом. Екатерина Андреевна тоже не скрывала своего восхищения поступком девушки и оценивая ее начала разглядывать ее. «Да, Колян мой действительно знает толк в девушках, раз успел вскружить голову такой красавице как Наташа» Но она еще не знала, что ее сын выбрал не Наташу, а Веру. А Вера в это время сидела чуть дальше, в кругу своих подруг и исподлобья наблюдала за всем происходящим. С трудом удержалась, скрыла свои чувства даже в тот момент, когда Наташа демонстративно поцеловала Николая в щеку. Румянец, мгновенно покрывший ее лицо, был спрятан от посторонних глаз густой прядью русых волос. Она была уверена, что их частые и долгие свидания, горячие поцелуи, их признания во взаимной любви не могли не потревожить сердце Николая, не могли пройти бесследно. Она была уверена и в том, что в станице Николай никого так не любит, как Веру, что он только о ней и думает. Действительно, в тот момент, когда Наташа при всех поцеловала Николая в щеку, ревность будто током ударила Веру. Если бы в эти минуты Вера с Наташей были в отдельности, то Вера обязательно сказала бы ей о своей любви к Николаю, попросила бы ее не становиться между ними. Но сейчас был не тот момент и не та обстановка, чтобы Вере стоило возвысить голос в защиту своей любви. Наташа же, вопреки бездействию Веры, была довольна своим поступком. Она была рада тому, что сама первой сделала шаг к покорению сердца своего любимого и дала всем понять, что она свой выбор сделала: среди всех парней станицы Николай, самый рослый, стройный, красивый и умный – ею любимый. Пусть, Вера завидует ей, сжигаемая ревностью. Что делать с собой Наташе, так страшно влюбленной в Николая, что она готова ради своего любимого пожертвовать всем своим существом, что жизнь свою не может представить без Николая? ...

При такой знойной жаре песков Афганистана, вспоминать такие сладкие мгновения той прошедшей на родине жизни измотанному от раны и бессилия Николаю было очень приятно. Эти воспоминания придавали ему какое-то чувство уверенности, веру, удерживали его в этой жизни, не давали сорваться. Он вспомнил и последнее наставление матери: «Сыночек! При любых обстоятельствах береги себя, свою молодую жизнь! Запомни, кроме тебя у меня больше никого нет!» ...

После того, как пообедал чаем и лепешкой, Николай отполз от Аваза и Хасана чуть дальше, ближе к дувалу, чтобы в его тени вновь предаться своим сладким воспоминаниям, так хорошо успокаивающим его израненное тело и мозг.

... В то время Николай, действительно, находился в любовных тисках этих двух девиц и не знал, как от них освободиться. И, Вера, и Наташа будто соревновались, кто из них больше любит Николая, и кому из них он отдаст свое предпочтение. Николай потерял сон и покой.

Старания Наташи были больше, нежели у Веры. Наташе было чуждо чувство стыда и в жизни будто кроме, как любить Николая, у нее не было других увлечений. В последние недели все ее помыслы и дела только и были заняты Николаем. Днем, когда Николай уходил на сельхозработы, Наташа шла следом. Она спрашивала у окружающих и всегда была в курсе, где сегодня Николай, на каком он участке, что будет делать. Не найдя возможности быть с ним рядом везде, она вечером дожидалась его возвращения с работы или шла к нему домой. Хоть час, хоть полчаса беседовала, шутила с ним, озорничала, приглашала на свидание. Вскоре ее старания принесли свои плоды. Николай тоже полюбил ее. Чаша весов любви Николая склонилась в пользу Наташи. И теперь большую часть своего свободного времени Николай стал проводить с ней.

Теперь же вся та чистая любовь осталась там, вдали, в родной станице Николая – Некрасовске Краснодарского края Российской Федерации. А здесь, в далеком Афганистане – его избитое, израненное тело. В плену у моджахедов Аваза и Хасана, способных сделать с ним все, что им захочется.

- Если бы захотели убить, за прошедшие сутки убили бы. Даже еще раньше, когда прикончили тех двоих моих сослуживцев. – про себя подумал Николай. - А может, они хотят убить меня прилюдно, с позором, чтобы другим неповадно было? – в мозгу пронеслась и эта мысль. – Боже, упаси от такой расправы!

Да, ему приходилось слышать и про такую расправу. Будто на этой земле прежде, чем убивать врагов, сначала отрубают им уши, нос, язык. И только потом убивают.

Рассказывали и о такой расправе. На голову врагу ложили замешанное тесто в виде кружочка. Затем этот кружок заливали маслом и сжигали. Или, что еще страшнее, когда с живого врага сдирали кожу. «Какое ему наказание придумают?» - промелькнуло в голове Николая. «Единственный выход из этого положения – покончить с собой. Иного выхода я не вижу. Но как? Раненая нога не позволяет и шевелиться, чтобы воспользоваться каким-нибудь удобным моментом и прикончить себя ножом или оружием моджахедов. Здесь нет и какого-нибудь яда или смертельного лекарства, чтобы употребить и сразу умереть. Что же делать тогда? Все равно они меня в живых не оставят. Почему тогда тянут? Не знаю их языка, не понимаю, о чем говорят. Если бы понимал, понял бы их намерения. Жаль, и они меня не понимают, и я не понимаю их. Если бы мы понимали друг друга, я бы смог объяснить, доказать им свою невиновность. Рассказал бы им, что за всю жизнь ни одной птички даже не убивал, не говоря уже о человеке. И это, наверняка, спасло бы мне жизнь.

В их страну я приехал не по своей воле. Нас привезли в принудительном порядке, путем обмана, как воинов-интернационалистов, в защиту народа Афганистана. Богом клянусь, не только у меня, но и в моем роду нет такого человека, кто поднял бы руку, чтобы убивать человека. До сегодняшнего дня я ни разу не брал оружия в руки с целью убивать человека. Меня, как и вас, призвали в армию ради защиты рубежей своей родины. Моя основная профессия – крестьянин-механизатор, а не убийца. Работал трактористом. Мои родители воспитали и вырастили меня в крестьянском духе. Чтобы своим ремеслом приносил пользу людям. Землю пахал, сеял, урожай собирал. И тысячи людей пользовались плодами моего труда.

Что меня призвали в ряды вооруженных сил, так это у нас на родине законом положено. Каждый юноша, достигший восемнадцатилетнего возраста, может быть призван на срочную двухгодичную армейскую службу. Некоторое время проходил учебную подготовку в городе Мари Туркмении. Потом нас привезли сюда. В аэродроме Багрома охраняли военные самолеты. По поручению командира пошли за индийской коноплей. И попались вам. Виноват я перед вами только этим. Но не объяснишь же все

это знаками этим двум моджахедам. Если бы знал язык фарси-таджикский, объяснил бы, кто я такой. Однозначно мог бы оградить себя от смерти. Увы, незнание языка может обречь меня на явную смерть. ...

Была ночь конца жаркого лета. Сильный ветер, поднявшийся после полуденного намаза, поднял в небо пыль и песок. От этого стало труднее дышать. Пыль, песок сразу прилипали к потному от жары телу. От этого становилось еще неприятнее. Одежда моджахедов, не выстиранная месяцами, прилипала к их потным телам. Николая, привыкшего к чистоте, от них воняло и тошнило.

Как только стемнело, к дому Турдикула подъехал старенький «УАЗ-469». Аваз и Хасан куском какой-то материи повязали Николаю глаза. Он понял, что его сейчас куда-то повезут и не хотят, чтобы он видел, куда и какими тропами будут ехать. Аваз и Хасан взяли Николая за руки и за ноги и посадили в машину. Хасан сел рядом с Николаем, а Аваз устроился рядом с шофером

- Поехали! – скомандовал Аваз, и машина тронулась.

Николай понял, что его куда-то везут. «Бог даст, выпадет удобный момент, и он, избавившись от моджахедов, сможет на этой машине убежать от них к своим. По сидению и звуку мотора сразу догадался, что едут на «уазике». Он вспомнил, что еще во время учебы на гражданке научился управлять и этой маркой машины. Искорка надежды, что наконец-то может освободиться из плена, на какое-то мгновение зажглась, было в мозгу Николая. Но тут же другая мысль «Как со связанными глазами и руками справится с тремя моджахедами?» подавила и эту искорку. Это было пределом его мечтаний. И не более того.

Николай знал, что одно лишнее движение может стоить ему жизни, поскольку моджахеды были вооружены новейшими марками автомата Калашникова. Чего стоят эти автоматы, знал и сам Николай. Будучи солдатом мотострелковой воинской части, он был знаком со всеми марками оружия. И в случае необходимости мог пользоваться большинством из них. За ним в роте закрепили АКМ новейшей марки. И когда он увидел такой же автомат в руках Аваза и Хасана, сначала удивился, откуда у моджахедов такие автоматы. Подумав, понял, откуда: совершая набег на военные колонны, блокпосты, расположения советских войск, они овладевали всем тем оружием, которыми располагал их враг.

«Глаза завязаны, руки связаны, чтобы никаких лишних движений не сделал!» - пронеслось в голове Николая. – «Чуть что, эти палачи сразу могут приставить нож к горлу. Не будет тогда нужды и в автомате. Да и потом, как я попытаюсь сделать лишнего движения при раненой ноге? Ползком далеко не уйдешь. Если все же удастся убежать от них, то самым благоприятным исходом может быть то, что покончу с собой. А что я видел в этой своей короткой жизни, чтобы свести с ней счеты?

После окончания трактористских курсов, некоторое время поработал по этой специальности и был призван на срочную воинскую службу. Теперь я здесь, в плену, а мои мать и отец, Вера, Наташа и сестра Валентина остались там. По словам матери, они там все глаза проглядели.

Правда, что в воинской части служили со мной еще двое моих земляков – Солдатенко Валерий и Читриков Виктор, но они остались там, в воинской части, в Багrome, а я попал в плен. Они тоже не знают о случившемся со мной. Не знают, куда я пошел, и что ранен в ногу и попал в плен.

Не исключено, что Виктор и Валерий узнали о случившемся. Может, в ту злосчастную ночь весь батальон подняли на поиск. Но ясное дело, что никто из сослуживцев не в курсе произошедшего с нами. Только старшина Андреев, пославший нас за коноплей, знал, с какой целью мы покинули расположение воинской части. Тот участок, на котором напали на нас, находится в трех километрах от нашей воинской части, за холмом, возле крепости Шери Бардухел. В аэродроме, при звуке мощных двигателей военных самолетов невозможно услышать отдаленный звук автоматных очередей.

Кстати, в этом крае уже все привыкли к стрельбе, и никому нет дела до того, кто и откуда стреляет»

Николаю вспомнилось, что со времени приезда сюда он и писал письма домой, но ни разу не обмолвился и строчкой о своей службе здесь, в Афганистане. Всем солдатам и офицерам, несшим службу в Афганистане, КГБ неоднократно напоминал, не указывать в письмах место службы. Письма читались и перечитывались специальными служащими, прежде чем рассылались по адресатам. Если же кто-нибудь нарушал эти инструкции, то виновные привлекались к ответственности. Хотя адрес на конверте был заменен формулировкой «Полевая почта №27730 «А», специальные служащие в почтовых узлах связи знали точные координаты отправителя. Это означало, что не только родители, но и никто другой не знал, что Николай Быстров находится в плену у моджахедов, а его сослуживцев убили.

Уазик остановился. Его высадили и повели в дом. Он услышал людские голоса, журчание падающей откуда-то речной воды и с закрытыми глазами прочувствовал, что находится на равнинной местности, и где-то на этой равнине течет река. В эту секунду отчего-то вспомнил плотину могучей Красноярской гидроэлектростанции, находящуюся далеко от его родной станицы, но почему-то пришедшую Николаю на память. И вновь наплыли сладкие воспоминания о родине. Николай вспомнил, как летом они с Наташей как-то поехали туда. Да, кстати, Наташа сама заставила его поехать с ней в Красноярск. Пол дня они гуляли по аллеям и скверам Красноярска. А ближе к полудню отправились на ГЭС. Действительно, Николай увидел то, чего за всю свою жизнь ни разу не видел. ГЭС поразила его своей величественностью. По словам Николая, строители этого грандиозного сооружения проделали такую работу, какую нигде в мире никто не мог бы сделать. После этого путешествия любовь Николая к Наташе вспыхнула с удвоенной силой. «Кто знает, может, эта девушка, пылающая любовью к Николаю, таким способом хотела найти путь к его сердцу» - подумал Николай. Во всяком случае, как бы там ни было, после этого путешествия Николай еще сильнее привязался к Наташе. И он обещал ей, что в жизни не женится ни на ком другом, кроме Наташи.

- Ты хитрый! Может быть, и Вере такое же обещание дал? – вполне серьезно спросила Наташа, будучи в курсе отношений Николая и Веры.

- Нет, Наташа, - ответил Николай. – Богом клянусь. Да, говорил Вере, что люблю ее. Но не обещал связаться с ней узами брака. – желая оправдать себя перед Наташей, сказал Николай. – Сама знаешь, она опередила тебя и влюбилась в меня. Откуда мне знать, что ты своей красотой, красноречием, бойкостью и нравом поразишь меня? Да так, что я и голову потеряю перед твоей красотой, влюбляюсь в тебя по уши. Так и есть. В этой жизни кроме тебя ни на ком больше не женюсь. Дай Бог, вот отслужу армию, вернусь, сыграем свадьбу, будем счастливо жить! Два года пройдут незаметно, Наташенька!

- Сделаю все, чтобы ты выкинул Веру из сердца. Пока не добьюсь этого, не поверю ни одному твоему слову! – не сбавляя тона, сказала Наташа, хотя на душе рада была искренности слов Николая.

- Сама лучше меня знаешь, что и к Вере я не был особо привязан. Так, мимолетное увлечение. Как обычно привязываются друг к другу молодые сверстники из одного села, гуляют друг с другом. Так и мы с Верой. Ладно, если бы в это время ты не появилась, может, со временем мы полюбили бы друг друга, как я тебя сейчас. Но ты превзошла ее, околдовала меня, отняла меня у Веры. Своими волшебными глазами, красивыми бровями и ресницами, волосами ты смогла околдовать, влюбить меня в себя. Ты понимаешь, что на всю оставшуюся жизнь сделала меня рабом прекрасной, очаровательной Наташи?!

- Говоришь как поэт! Слова, полные любви, красивые, сочные, ласкающие слух. – выразила свое понимание Наташа. – Но на сердце у меня почему-то не спокойно. Оно мне подсказывает, что ты вот уедешь на воинскую службу и влюбишься там в какую-

нибудь девушку, красивее меня. А я останусь несчастной. Нельзя ли поехать с тобой на службу? Скажи, почему девушек не берут в армию? А то и я поехала бы с тобой, не дала бы тебя другой девушке, чтобы ты остался моим до конца жизни. Хочу как моя тетя – твоя мать – стать самой счастливой матерью на свете.

Знай, Николай, что кроме тебя роднее, любимее для меня больше никого нет. Ни о ком другом больше не думаю и не мечтаю. Ты и только ты, Николай, можешь сделать меня самой счастливой женщиной на свете! И никто другой! Я эту свою мечту лелею днем и ночью, месяцами, годами. Не раз хотела отречься от тебя, но твоя любовь глубоко пустила корни в моем сердце. Я жить без тебя не смогу. Поэтому столько времени боролась, чтобы добиться взаимной любви. Как птенец куропатки, лелеяла в своем сердце любовь к тебе, сделалась твоей рабыней, а тебя сделала своим рабом. ....

- Вставай, паскуда! Вставай и сядь на ишака! – окрик Аваза прервал нить сладостных воспоминаний Николая. Да, это была лишь мгновенная слабость, которую он позволил себе. В следующий миг он вспомнил про висящую на волоске собственную жизнь, и вновь вернулся к реалиям сегодняшним. Он не понял, что говорит моджахед. Да и вряд ли с завязанными глазами он мог бы куда-то идти без посторонней помощи. По тону окрика понял, что от него чего-то хотят. Сразу же чуть поднял от земли обе руки и спросил:

- Что мне делать?

- Оставь свое «Что, Что» и сразу вставай с места! – крикнул Аваз и поднял Николая за плечи, чтобы посадить на ишака. – Сколько тебя, негодяя, таскать нам на себе?!

- Что ворчишь, брат Аваз? – послышался голос Хасана. – Разве я не говорил, что еще есть время, давай прикончим его, скинем в какую-нибудь яму. Заклюют его там черные вороны, грифы и делу конец. А вы упрямо отказались. Теперь ворчите?

- Если таков приказ командиров, какое мы с тобой имеем право убивать пленного? – чуть сердито спросил Аваз. – Еще, брат, трудности впереди. Мы с тобой еще только у входа в ущелье Панджшер. До этого места нас привезли на машине. До Бозорака и Джангалака Панджшера еще далеко. Единственной дорогой вдоль реки нам не идти. Там на каждом шагу кафиры стерегут. Придется окольной горной тропой пойти в обход в кишлак. Благодарю Оллоха, что нашли ишака и лошадь. Иначе еще двое-трое суток остались бы здесь с этим инвалидом. Вставай, приведи лошадей и двинемся дальше, - сказал Аваз, поднимая и ведя Николая к ишаку.

- Привяжи лошадей к тутовнику и помоги посадить этого урода на ишак. - дожидаясь, пока придет, Аваз попросил Хасана.

- Развяжи ему руки и ноги, а то не сможет садиться на ишака. – велел Аваз Хасану и тот быстро развязал ему руки и ноги и посадил на ишака.

Они молча двинулись в путь. В эту полночь вокруг было темно и прохладно. Путники, за день измотавшиеся от ходьбы и хлопот в дневную жару и пыль, как только окунулись в горную прохладу и свежесть, сразу почувствовали в теле бодрящую свежесть, усталость с них будто рукой сняло. Это и понятно было. Несмотря на свою усталость, Аваз и Хасан были еще полны сил. Тяжелая кочевая, полная опасности, жизнь моджахеда сделала их бесстрашными, сильными и выносливыми, как волк. Так же как и те хищные звери, моджахеды тоже не признавали трудностей, обстоятельства вынуждали их всегда быть зоркими и внимательными. Однодневные, двухдневные тяжелые походы по горным тропам, таившим в себе опасность для жизни, им были нипочем. Они не знали, что такое сытость, не могли вспомнить, ели ли она когда-нибудь досыта и то, что желудку их угодно было есть. Не евши сутками, голодные, где бы не находились, будь то в горах, или на равнине, они могли неделями довольствоваться и куском лепешки, и горсткой сухих толченых плодов тутовника. И все это было для них делом обыденным, в порядке вещей, ибо иной жизни они не знали и не представляли себе, чего вовсе не скажешь о Николае. Росшему в относительном достатке и изобилии, Николаю такая жизнь была не то, что дико, но и

невыносимо тяжело. Ему, впервые севшему на осла, двигавшемуся по горной тропе, каждое движение животного отдавалось невыносимой болью в его шатающейся раненой ноге.

От каждого очередного толчка животного ему так и хотелось крикнуть от боли, но страх, что в ответ он будет жестоко избит моджахедами, удерживал его от этого шага. И сжав губы, он заглатывал каждый очередной приступ боли. Кроме, как терпеть боль, в эту ночь иного выхода у него не было.

Они двигались всю ночь. До самого подножья Гиндукуша. По извилистым узким горным тропам. Мимо огромных горных скал, валунов. С завязанными глазами Николай всего этого не видел, а ощущал. Но он не знал, куда и зачем его везут. Интересная натура у человека. В любой ситуации, даже при смерти, хочет все видеть своими глазами. Потому, быть может, и Николая в эту ночь больше мучила не столько боль в ноге, сколько отсутствие возможности видеть, что творится вокруг него. В эти часы он готов был быть заживо похороненным, лишь бы сняли с его глаз повязку. Знал и понимал, что его спутники никак не согласятся снять повязку. Увы, он вынужден был терпеть и эти муки.

Ближе к рассвету привезли его живого в дом другого моджахеда, как и Аваз и Хасан. В кишлак Поранди, что находился чуть выше по ущелью Панджшер. После того, как гости постучались в калитку и окликнули хозяина, на голос вышел сам хозяин дома.

- Брат Киёмиддин, - обратился к нему Аваз. – Извини, что в это раннее утро побеспокоили тебя. С самого Багрома везем пленного кафира. Кроме тебя никого здесь не знаем. Потому постучались к тебе. Не знаем, какова обстановка в ущелье Панджшер. Хотим у тебя совершить намаз и попросить совета, что делать дальше. Всю ночь двигались сюда.

- К добру это. Добро пожаловать. Заходите в дом. – поздоровавшись с гостями, Киёмиддин попросил их пройти в дом. – О вашем прибытии я знал заранее. Молодые моджахеды сообщили, что на перевале Соланг добились успеха. Обрадовался очень. Прикажете, привязать и накормить лошадей? А другую лошадь не нашли, что пленного на осла посадили? – указывая на Николая, добавил Киёмиддин.

- Лошадь бы нашли. Да вот подумали и решили, что на этом пути ему удобнее будет на осле ехать. – сказал Аваз, - Зачем, кстати, ослу на лошади ехать? Этому ослу и этого осла достаточно.

- Этот кафир и этого осла испоганит. – вступил в разговор Хасан. – Смотри, мы слезли с лошадей, а этот осел все еще сидит.

- Не знаешь, что нога у него ранена? – напомнил Аваз, обращаясь к Хасану. – Давай, поможем ему слезть.

- Добро пожаловать! Заходите в дом, а я приготовлю вам воды для омовения, - сказал Киёмиддин и направился к дому. Аваз и Хасан вдвоем помогли Николаю слезть.

Уже рассвело. Дул легкий прохладный утренний ветерок. Аваз снял повязку с глаз Николая и вместе с Хасаном повели его в дом. А сами взялись за приготовления к утреннему намазу.

Глава VI

**Гўед ба Наврўз, к-имсол наояд,
Бар кишвари хунинкафанон раънакушояд.
Булбул ба чаман нағ маи шодї насарояд.
Мотамзадагонро лаби пурханда нашояд.
Хун медамад аз хоки шанидони Ватан, вой!
Эй войи Ватан, вой!**

**Скажите Наврузу, чтоб не пришел в этот год,
В этот край кровавый, в страну невзгод.
Ты не пой, соловей, не до песни нам.
Ни к чему улыбка траурным губам.
Кровь течет павших за Родину своей,
О, как жаль! Как жаль Отчизну!**

Какая по счету была ночь, что Масъуд проводил в своей землянке на склоне горы, с моджахедами, он не знал. Он, наверное, и забыл счет проведенным дням и месяцам. Все время, днем и ночью, был только и занят тем, что составлял планы, проводил очередные боевые операции, рейды по расположениям вражеских блокпостов.

Этой ночью отчего-то ему во сне приснилась бабушка Хадича. И он вспомнил ее сладкие безвозвратные сказки своего детства. «Может, это все оттого, что в эту трудную и тяжелую для него ночь на помощь ему приходит дух его верной бабушки-помощницы? - подумалось Масъуду. – Какими же все-таки чистыми, сладкими и вместе с тем безвозвратными были те годы детства. Сколько времени прошло с тех пор, а все еще помню тот период своей жизни. Да, воспоминания детства незабываемы! - продолжал размышлять про себя Масъуд. – Иногда по ночам вспоминаю те незабываемые годы детства и юности, и приятные воспоминания как-то успокаивают сердце, снимают усталость. Да, целая жизнь одного человека прошла с тех пор. Но вместо того, чтобы жизнь стала лучше, наоборот, почему-то день ото дня становится все труднее и хуже. С молодых лет и по сей день не можем вырваться из когтей войны. ...»

С наступлением очередного рассвета из-за острых горных вершин Гиндукуша показались первые солнечные лучи и вонзились в склоны ущелья Панджшер, на одном из которых была сооружена и землянка Масъуда. К этому времени он был уже на ногах и через щель своей землянки осматривал окрестность.

- Ё, Оллох! – поднимаясь, произнес он вслух и вышел из землянки. Вспомнил, что нападение советских войск принесло множество бед не только ему самому, но и всему населению кишлаков ущелья Панджшер. Чтобы увидеть светящийся диск восходящего солнца, он обратил свой взор на восток, на вершины гор Манджахура, поднявшегося ввысь с другого берега реки Панджшер.

Масъуд поблагодарил Всевышнего за предоставленную возможность дожить и увидеть еще один рассвет, и дал ему возможность совершить намаз.

Закончив утренний намаз, по обыкновению начал читать суры Корана. Вспомнил, что на этот склон горы не прихватил с собой Корана. Он всегда в своем кармане носил книжку «Гафиз. Избранное». Зашел обратно в землянку. Вынул из кармана брюк книжку, вышел и сел на валун. Раскрыл книжку. Строчки газели, которую наряду с десятками других газелей знал наизусть, пробежали перед его взором:

**Ин чї шўрест, ки дар даври камар мебинам,
Нама офоќ пур аз фитнаву шар мебинам.
Нълранме на бародар ба бародар дорад,
Нълшафќат на падарро ба писар мебинам. ...**

**Что за время наступило,
Мир полон недуг и зла.
Нет жалости брата к брату,
Даже нет милосердия отца к сыну.**

Закончив чтение, Масъуд задумался. Пятьсот лет тому назад, во времена великого Гафиза, мир был таким, какой он и сейчас. Действительно, он не мог найти объяснений этому открытию: Что это за мир, что это за судьба, какая ниспослана им, что мир полон войны и кровопролития, и народы никак не могут избавиться от этих

братоубийственных войн. Взять, к примеру, и эту ночь. Почти до самого утра разрабатывал план предстоящей операции. Уснул же под самое утро, когда вот-вот начнут проблескивать первые признаки утреннего рассвета, когда уже и подуставшие сонные глаза перестали подчиняться хозяину, и веки сами начали слипаться.

Масъуду вспомнилось, что он в течение всей своей жизни стремился к спокойной мирной и обеспеченной жизни, но волей судьбы все получилось наоборот: сплошные войны, кровопролития. И нет ни конца и ни края всей этой неразберихе, чтобы народ жил мирной созидательной жизнью.

Ему было всего восемнадцать лет, когда наряду с другими молодыми людьми из политехнического института Кабула и его втянули в антиправительственные революционные политические игры. И он вместо ручки и бумаги, чертежей и макетов будущих архитектурных сооружений взял в руки автомат и вместе с другими встал в ряды борцов. Здесь же у себя на родине в ущелье Панджшер возглавил первые отряды моджахедов, в первом же бою потерпел поражение и вынужден был покинуть страну. Отправился в город Пешавар Пакистана. За все время пребывания там основным его занятием стало обучение военному искусству и подготовке к джихаду. И вновь вернулся в Панджшер, чтобы бороться с несправедливостью царя-самодержца.

Потерпел поражение и во второй раз. Был ранен в правую ногу. Убежал и на сей раз. Теперь ушел в горы своего края. В последующие годы тоже, как и большинство молодежи этого края, не разлучился с оружием. Потом, как и все последующие годы своей жизни, джихад сочетал с чтением книг.

В это время на склоне горы, занятый этими мыслями, Масъуд вспомнил фразу, сказанную когда-то Лениным: «Жить в обществе и быть свободным от него, невозможно». «Действительно, - вывел для себя Масъуд. - в обществе, в котором я живу, в течение всего его существования не было и месяца, чтобы не было войны, кровопролития. И это общество воспитало меня, и мое поколение в том числе, в воинствующем духе. Люди же, не желающие признать такого положения вещей как нормальное и должное, вынуждены были покинуть страну, жить вдали от родины, в нищете и изгнании. Масъуд же, несмотря на все невзгоды, не покинул навсегда свой дом, родину. Куда бы он ни ездил, думы его были только о родине, близких и дорогих его сердцу людей и думы эти ни на минуту не покидали его. И все эти святые для него понятия вновь и вновь возвращали его в родной край, в его невзрачный на вид домик. Домик его детства, домик сладких детских воспоминаний, с которым теперь он связывает и свое дальнейшее существование, и всю свою оставшуюся жизнь. И всякий раз, когда приходил в эту родную, святую для него обитель, чтобы остудить телесный жар, смыть прилипшую к нему грязь, ходил к роднику Чашмаи Бедак, своей холодной, ключевой водой, по вкусу чем-то напоминающий вкус меда. И воды вкуснее той, что в роднике Чашмаи Бедак, он нигде не встречал. «Откуда у этой воды такой медовый вкус?» - задавался всякий раз вопросом Масъуд, наблюдая за тем, как, протекая сквозь множества таинственных щелей, омывая сотни и тысячи камней, аж с самого подножья гор Гиндукуша, вода эта, журча и пенясь, своей мощной струей льется в отцовский сад Масъуда, напоив своей живительной влагой яблони, груши и другие фруктовые деревья. Затем опускается еще ниже, на приусадебный участок Ахмадшаха. И еще ниже и дальше, стремительно течет к бурной реке Панджшер. Ударившись об ее мощные волны, только здесь находит свое успокоение. Чем взрослее становился Масъуд, тем больше это его любопытство требовало своего удовлетворения.

Сколько за всю свою прожитую жизнь Масъуд изездил города и страны. Но богаче и краше, чем его родной кишлак Джангалак, восхитивший его своей красотой ему видеть не приходилось. Каменный домик, что стоит вдали, на самой высокой точке кишлака, ему казался красивее и роскошнее, чудеснее любого царского особняка. Ни в одной стране мира он не встречал таких мудрых, открытых душой и сердцем седебородых старцев и молодых, с гордой осанкой, парней. Как ему казалось, и таких девушек, какие

живут в Панджшере, своей стройностью, величественностью и красотой поразивших Масъуда, нигде в мире нет. Всегда, везде и всюду его мысли были связаны с его маленькой родиной, родиной его отцов и дедов, родной бабушки Хадичы.

Подведя как бы короткий итог пройденного этапа своей жизни, Масъуд невольно пришел к выводу, что вся его жизнь, борьба за существование были во имя вот этого маленького, в то же время величественного, неповторимого, клочка земли: сказочного, райски красивого Панджшера, во имя интересов этой маленькой родины, ради жизни этих самых близких ему людей. А не ради карьеры, высоких должностей, почестей и славы.

В жизни у него мало было спокойных периодов. Были сплошные бытовые и житейские неудобства, борьба за свою маленькую родину, за каждую пядь ее земли, за Панджшер, ставший дорогим ему как отец и мать. И не помнит дня и ночи отдыха, успокоения в этой борьбе. ...

Сидя на валуне у своей землянки, под ласковыми лучами утреннего солнца, Масъуд целый час провел над чтением газелей Гафиза, хотя он наизусть знал все имеющиеся под его рукой газели великого гения. С каждым разом в его творениях он открывал, находил для себя все новый, более величественный смысл. И от такого открытия Масъуд получал еще большее наслаждение.

В эту секунду Масъуд понял, что лучи солнца уже падают на странички его книжки. Закрыв книжку, положив ее в карман, он обратил свой взор в сторону горы Манджахур. Солнце выглянуло из-за горы как пылающий диск. Масъуд поднялся, вытянулся и перешел на другую сторону рядом стоящего валуна. Оттуда посмотрел в сторону кишлаков Аъноба и Руха. Поскольку с того места, откуда он вел наблюдение, до кишлака было далеко, разобрав что-либо было трудно. Масъуд поднес к глазам бинокль. Было видно, как одна группа советских солдат расположилась чуть ниже кишлака Аъноба и солдаты устанавливают палатки. Другая группа сновала возле танков и БТРов. Масъуд перевел взгляд в ряды солдат. У каждого в руках была противопехотная мина и возятся с ними вдоль дороги.

На равнине у берега реки, чуть ниже кишлака Руха Масъуд заметил солдат и офицеров правительственных сил Афганистана, объединившихся с советскими солдатами. Они тоже были заняты минированием своего участка дороги.

При виде этой картины Масъуд вывел для себя, что с целью уничтожения моджахедов Панджшера советские солдаты задействовали и правительственные силы Афганистана. Нетрудно было понять, что советские части расположились в кишлаке Аъноба, а афганцы в кишлаке Руха. Масъуд снова направил бинокль в сторону кишлака Руха. Он хорошо знал каждый дом, деревья, жителей этого кишлака, поскольку мать его была родом оттуда, и большая часть его детства прошла в этом кишлаке, у бабушки.

Он искал в объективе дом бабушки. Нашел. И даже отсюда заметил тутовое дерево, что росло во дворе у деда. Увидел и на мгновение вспомнил свое детство, как детьми лазили на дерево, ели его плодов. А сейчас этот двор заняли солдаты афганской и советской армии, установили свои палатки, минируют дорогу и готовятся к очередному бою. «Оллох даст, ваши танки и БТРы, орудия вам не помогут, чтобы истребить население Панджшера! - подумал Масъуд, - Они думают обосноваться здесь. Все это выйдет вам боком. Оллох поможет нам. Все будете уничтожены! Пока в моих жилах течет хоть капля крови, не допустим, чтобы ваши грязные, кровью испачканные сапоги топтали нашу землю!» Осматривая в бинокль и площадку посреди кишлака Руха, вспомнил, что теперь, когда все вдоль и поперек заминировано, нелегко будет им маневрировать.

Небольшая равнина, с обеих сторон которой расположились афганские правительственные силы и советские солдаты и офицеры, протягивается с ущелья Карбоши до самой реки Панджшер, и речка, текущая по этому ущелью, соединяется с рекой Панджшер. А от реки до места расположения войск где-то около пятисот метров.

Масъуд подумал, что, пользуясь тем, что река Панджшер не заминирована и не представляет угрозы его моджахедам, он сможет без особого риска для жизни войти в ущелье Карбоши. Оттуда, двигаясь по этой речушке в ночное время, пройти и выйти из кишлака Руха. Удар можно будет нанести оттуда, откуда враг вовсе и не ждет его. «План предстоящего внезапного нападения надо было обсудить с полевыми командирами, и в случае их согласия, можно будет приступить к его осуществлению этой же ночью, - подумал Масъуд, еще раз осматривая окрестности кишлаков. – Кто знает, что взбредет в голову этим шурави, если мы задержимся?» Масъуд положил бинокль в футляр и тихо спросил:

- Хисайн Мухаммад, где ты? Слышишь меня? Иди ко мне!

Молодой, рослый, с щетинистой бородой Хисайн вышел из своей землянки и подошел к Масъуду.

- Омир Сохиб, вызывали меня? – спросил Хисайн, подойдя к Масъуду.

- Да, Хисайнхон! Знаешь что, брат. Ступай вниз и позови ко мне всех командиров. Посовещаться надо. Было бы хорошо, если бы где-нибудь раздобыл батарейки для радиации. Мои батарейки сели, иначе не послал бы тебя за командирами. По радиации их позвал бы.

- Хорошо, Омир Сохиб! – сказал Хисайн Мухаммад и пошел выполнять приказ. Масъуд вновь обратил свой взор на пик горных вершин. Местами все еще виднелись снежные участки. «Скоро зима. Через неделю-другую этот снег спустится еще ниже, дойдет и до Панджшера. Тогда нам тоже жить станет не сладко - подумал он то ли от холодного дуновения утреннего ветра, то ли от боли в правой ноге, когда-то раненой вражеской пулей и отдающей до самого плеча. - Может, это все от нервов, от постоянных мыслей, или оттого, что целый год дни и ночи провожу в холодной и сырой землянке? Будь проклята эта война и такая собачья жизнь!» Чтобы хоть ненадолго ослабить боль, ладонями рук Масъуд начал массировать больные участки тела, занялся гимнастическими упражнениями. Тепло пробежало по его телу, боль постепенно отошла.

Тем временем подошли и командиры. Масъуд передал им свой бинокль и попросил хорошенько осмотреть участки расположения вражеских сил, потом поделиться своими соображениями. На совещании часть командиров поделилась своим видением положения. Что касалось внезапности нападения, предложенный план поддержали все командиры. И окончательное слово оставили за Масъудом.

- Кто из вас может брать на себя командование моджахедами, нападающими на Руху? – спросил Масъуд.

Командиры Гадо и Панох встали со своих мест, приложив руки к груди. Это означало, что они готовы взять на себя эту ответственность.

- После этого совещания каждый из вас пусть подготовит пятьдесят моджахедов-добровольцев к операции. – поручил им Масъуд. - С этого же часа с 82-миллиметровых минометов и 12,7 миллиметровых крупнокалиберных пулеметов ДШК начать обстрел вражеских позиций в кишлаке Руха. Автоматчики и гранатометчики будут наблюдать за ходом обстрела со своих позиций. Суфи Гулом Мухаммад, твое оружие готово к бою? Патронов хватает? – спросил Масъуд у седобородого старика. В ответ старик встал. Сутуловатость его говорила и о его относительно преклонном возрасте.

- Омир Сохиб, мы всегда готовы служить! – сказал Суфи, чуть поправив кончик своей чалмы.

- Спасибо, родной Суфи! – удовлетворенный такой готовностью старца, поблагодарил его Масъуд. – В прошлых боях ты со своим ДШК сослужил нам хорошую службу. Заслуживаешь самых высоких наград. Извини, что нам нечем больше тебя отблагодарить!

- Да, вот несколько дней назад, в первый день прихода шурави в ущелье, Суфи сбил их вертолет. – сказал командир Панох, одобрительно похлопывая старца по спине.

- Оллох воздаст тебе за труды, Суфи. – поддерживая слова Паноха, сказал Масъуд, обращаясь вновь к Суфи. - Суфи, сегодня днем и ночью помоги Гадо и Паноху. Расположись рядом с ними на склоне горы. И до самого заката солнца не дай солдатам, расположившимся в Рухе, поднять головы. Обрати внимание. Для передвижения они вырыли траншеи. Солех, Мухаммад, Фахим, другие командиры, поговорите с моджахедами, вечером идущими на операцию. Позаботьтесь об обеспечении их боеприпасами. План операции определим после полудня.

Не прошло и много времени, как со склона горы раздались выстрелы. Это заработал миномет и ДШК. Из окрестностей кишлаков последовал ответный огонь из тяжелых танков, дальнобойной артиллерии и системы залпового огня «Град». В минуту вся окрестность была окутана дымом и пылью. При первых же залпах из миномета и крупнокалиберного пулемета, советские командиры всполошились всерьез. Было ясно, что эти залпы они восприняли как отвлекающий маневр. И, отвечая на огонь противника залпом из множества стволов, они опасались повторения ситуации в кишлаках Барчаман и Бахорак, когда моджахедаы перешли в наступление прямо из кишлаков и со стороны реки Панджшер. То есть, оттуда, откуда они вовсе не ожидали их.

Услышав команду «Приготовиться к бою!», солдаты заняли позиции. Танки, БТРы направили свои пушки в сторону горных склонов. Прошел час с начала огневого налета моджахедаов. И, судя по общей картине боя, можно было вывести, что ДШК Суфи и миномет Паноха полностью выключили из боя почти тысячу солдат двух гарнизонов советских и афганских войск. Преимущество моджахедаов было в том, что при выгодном своем положении им очень удобно было наблюдать сверху и контролировать ход боя. Все видно было им как на ладони. Солдатам же, находившимся внизу, трудно было между камнями и валунами на склоне горы различить моджахедаов и вести по ним прицельный огонь.

Видя, что пальба вслепую по горному склону бесполезна, через час командиры гарнизонов вызвали на подмогу авиацию.

Несколько минут спустя, над склонами гор появились четыре советских боевых вертолета. Опасаясь быть сбитыми залпами гранатометов, вертолеты, не приближаясь на опасное для себя расстояние, начали ракетный обстрел горных склонов. То, что обстрел из танков и другого тяжелого орудия снизу, ракетный обстрел сверху вертолетами не имел должного эффекта, об этом знали только сами моджахедаы, успевшие скрыться в своих заранее подготовленных землянках, под гранитными валунами. «Сам черт их тут уже не сможет достать!» - считали они.

Сутуловатая фигура Суфи вместе с ДШК то и дело передвигалось с места на место, продолжая обстреливать позиции советских и афганских солдат. Услышав гул моторов вертолета, Суфи прекратил огонь, посмотрел в ту сторону, откуда должны были появиться они, чтобы сориентироваться, достанет ли его ДШК этих летающих и стреляющих птиц шурави. Наблюдая за тем, как осторожничают пилоты, Суфи понял, что сбитый в прошлом бою их вертолет послужил им хорошим уроком. С позиции Суфи достать вертолеты было невозможно. «Если вертолеты вернуться, наверняка, будет удобный случай стрелять по ним» - про себя решил Суфи и пользуясь тем, что вертолеты ушли обстреливать позиции моджахедаов к другому склоны горы, он вновь отошел за гранитный валун, к своему ДШК, чтобы продолжить обстрел солдат, что находились внизу.

- Почти сто пятьдесят моджахедаов добровольно согласились участвовать в ночном бою! – после полудня командир Гадо доложил Масъуду.

- Ты им объяснил, что бой с шурави лицом к лицу дело нешуточное и ничего хорошего им не сулит? В этом бою мы вступаем в открытую схватку со смертью! Ты понимаешь это, Гадо? – спросил Масъуд.

- Все понимают, Омир Сохиб. Не первый раз лицом к лицу со смертью стоим!

- Оллох видит, наше дело правое, но все же осторожность делу не помешает. - подчеркнул Масъуд. - После того, как закончат послеполуденный намаз, всех добровольцев приведи сюда. Ознакомим с планом, проинструктируем их. Если судьба смилостивится, и останемся живыми, Суфи даст всем вам свое доброе напутствие.

Командир Гадо ушел выполнять приказание. Масъуд вернулся к своему прежнему месту и взялся осматривать в бинокль расположение солдат шурави возле кишлака Руха. Он уже твердо определился с планом своих дальнейших действий при атаке на позиции врага ночью. Он решил, как только закончится время послеполуденного намаза, находясь вместе со всеми моджахедами, участвующими в ночной операции, на этом склоне горы, объяснит им все их последующие действия, что им необходимо будет делать непосредственно на поле боя: Как только ночная темь спустит на землю свой покров, моджахеды незаметно спустятся вниз, у кишлака Аъноба перейдут реку и займут позиции напротив кишлака Руха.

Тем временем, трое-четверо моджахедов определяют место в реке, через которое потом можно будет перейти через реку Панджшер к речке Карбоши. Речка Карбоши не заминирована и пройти через нее к кишлаку, моджахедам никакая опасность не грозит. Ни под каким предлогом моджахедам не выходить за пределы указанных границ. Все вокруг заминировано, и любое отклонение от маршрута чревато трагическим исходом. Приблизившись к передовым позициям врага шагов на пятьдесят – сто, открываем огонь на поражение.

Солнце близилось к закату. Закончив обстрел позиций врага, командиры Панох и Суфи вернулись к Масъуду. Гадо тоже привел к своему командиру моджахедов-добровольцев, изъявивших желание участвовать в ночной операции. Масъуд попросил своих командиров еще раз осмотреть участок предстоящего боя, а сам приступил к разъяснению задач каждого в предстоящей операции.

- Всмотритесь повнимательнее. Карбоши делит воюющих на две части. – комментировал ситуацию Масъуд, - С правой стороны расположились афганские правительственные силы, а с левой – солдаты шурави. Ваша задача: как только перейдете реку Панджшер, не вступая на берег, вдоль реки, одной линией, друг за другом выходите к речке, идущей к нам от ущелья Поранди. И так по этой речке идете выше, пока до кишлака не останется пятидесяти – ста шагов. Ни в коем случае не выходить на берег и на равнинную местность. Лишний шаг в сторону может обернуться вам ценой жизни. Как только доберетесь до указанной точки на расстояние выстрела, выходите на берег, без лишнего шума убираете часовых, - Масъуд на минуту замолк. - Всмотритесь хорошенько! Часовые стоят на трех точках: один у входа в кишлак, под тутовником, другой – на берегу реки, и третий – на главной дороге. Заметили, нет?

- Заметили, Омар Сохиб, - ответили моджахеды.

- На берегу у ущелья Карбоши тоже может оказаться их пост. – напомнил Масъуд.

- Последний пост их находится внизу, чуть ниже расположения подразделений шурави, с этой стороны ущелья. – прояснил командир Гадо. – Посмотрите, это заметно и невооруженным глазом.

- Раз уж так, - сказал Масъуд. – то, как только расправитесь с часовыми, приступаете к атаке. Вы делитесь на две группы. Одной группой командует Гадо, другой – Панох. Группа Гадо берет на себя отряд правительственных сил, расположенных сверху ущелья. А группа Паноха берет на себя подразделения шурави, находящихся внизу, у реки.

Закончив операцию, чтобы избежать лишних непредвиденных жертв, выходите из кишлака той же дорогой, что и вошли. И вернетесь на прежние свои позиции.

Выдержав некоторую паузу, Масъуд вновь спросил:

- Кому, что непонятно?

- Все понятно! – сказал командир Панох. Его поддержали и другие присутствующие.

- Еще хочу напомнить. – сказал Масъуд. – После сумеречного намаза, как только стемнеет, незаметно спуститесь тропой вниз, перейдете на другой берег реки. Там вам ничего не грозит. Ни в коем случае не идите к Аънобе этой стороной, так как весь этот участок заминирован. Да хранит вас Оллох! – Масъуд благословил своих соратников. И, обратился к Суфи Гулому: - Дядя Суфи! Благословил бы молодых на добрый путь! Суфи ДШК повернулся в сторону Каабы, вознес руки вверх, раскрытыми ладонями рук по лицу до подбородка, произнес фразы из суры Корана:

-... Омин! – моджахеды повторили вслед за ним. И тихо начали расходиться.

Попрощавшись со всеми, Масъуд направился к своей землянке. По пути он обратился к руководителю операции Солеху Мухаммаду, его заместителю Фахиму и Хисайну Мухаммаду:

- Утром надо отправить человека к нижнему выходу ущелья, в Гулбахор. Надо уточнить, установлены ли там посты, закрыты ли дороги. Мне донесли, что какие-то группы перекрыли дорогу и не пускают население Панджшера выходить из ущелья. Кто они и что это еще за метод и стиль работы? Узнайте, кто они, и по чьему приказу действуют. Фахим вместе с Хисайнхоном вы пойдете со стороны Гулбахор, а вы, Солех Мухаммад, с северной части. Солех Мухаммад и Фахим, вы вместе с тем распорядитесь, чтобы обеспечить моджахедов боеприпасами. После операции в Рухе нам придется иметь дело с подразделениями шурави в Аънобе. Этот фактор тоже надо иметь в виду. Патронов и гранат у нас мало. Брат Фахим, вместе с заместителями поговори с моджахедами из кишлаков Барчамана и Бахорака, чтобы купили у населения немного продуктов питания и доставили сюда. Шурави намерены обосноваться в Аънобе и Рухе надолго. Хотят, чтобы война затягивалась. Это видно по тому, как они устанавливают здесь свои палатки, посты, бронетехнику. Моджахеды же в таком случае не могут долго находиться голодными в этих горных склонах.

Немного подумав, Масъуд вновь сказал:

- Фахим Мухаммад, будет лучше, если вы спуститесь в кишлаки и раздобудете картошку, риса, пшеницы. Обратитесь за содействием к устоду Мирдоду. Он в помощи не откажет.

С наступлением темноты командир Гадо спереди, 150 моджахедов за ним и командир Панох следом бесшумно, по узкой горной тропинке направились вниз по ущелью. Не прошло и часа, как они подошли к реке Панджшер. Быстро перешли на другую сторону. Хотя вода и была холодная, моджахеды вынуждены были не считаться с этим фактором, ибо дорога, по которой они могли двигаться к намеченной цели, сплошь таила в себе опасность. Опасность же заключалась в том, что транспортные средства советских войск могли появиться там в любую минуту. И их появление могло нарушить все планы моджахедов.

Вереница моджахедов темной полоской двигалась вверх по ущелью. Ночь была тихая, спокойная. Ничто не предвещало о начале каких-либо непредвиденных событий. Журчание воды в реке заглушало изредка издаваемые звуки, доносящиеся из под ботинок моджахедов. С ног до головы вооруженные, моджахеды спокойно шли к намеченной цели, к выполнению очередного кровавого задания. Хотя они и знали, что поблизости, в верхней части кишлака Аъноба, расположились подразделения Советских войск, Масъудом строго-настрого приказано было не вступить с ними бой, пройти этот участок скрытно, бесшумно. Этой ночью моджахеды должны были справа от реки, бесшумно обойти кишлак Аъноба, добраться до середины кишлака Руха, повернуть направо к ущелью Карбоши и вступить в русло одноименной речушки.

Дойдя до нужного места, командир Гадо остановился. Сел на ближайший камень, осмотрелся, вслушиваясь в звуки. Потом жестом руки дал команду перейти речку. Сам первым снял ботинки, сунул за пазуху и вступил в воду. Вода в эту осеннюю пору была холодная. «Раз уж надо, то никакой холод не может быть преградой!» - подумал он, успокаивая себя, осторожно передвигая ноги, чтобы не споткнуться о подводные камни.

Речка была не такая уж глубокая. Местами вода доходила и выше колен. Опасность таили в себе острые подводные камни. Хватило бы одного неосторожного движения, чтобы споткнуться и серьезно пораниться. При этом моджахеды должны были двигаться бесшумно, чтобы раньше времени не разоблачить себя, что было равносильно смерти. Ибо маленькой группе моджахедов противостоит противник, в десятки раз превосходящий их как по численности, так и по боевой оснащённости. Моджахеды прекрасно осознавали это: Их преимущество и основной козырь – внезапность атаки. Мощно, яростно, не давая противнику возможности сосредоточиться. И тогда они обречены на успех.

Командир Гадо приблизился к позициям советских подразделений. Остановился. Жестом руки дал понять всем, чтобы остановились и они, соблюдали тишину. Выбравшись из воды, присел на землю. Вслушался в темноту. Ничто не предвещало об опасности. Все вокруг было тихо, спокойно. Надев ботинки, осмотрелся. Жестом позвал к себе Хамида и Тоджиддина, чтобы сопровождали его. По заранее намеченному плану они втроем должны были устранить часовых. Гадо вместе с Хамидом и Тоджиддином погрузились в темноту ночи. Они направились к постам советских подразделений. Остальные моджахеды тоже знали, что им предстоит сделать: надев ботики, они разделились на две группы и тоже окунулись в темноту.

Дело было за полночь. Бодрствовали только часовые. Отряды спали в своих палатках. Ничто не предвещало о предстоящей кровавой бойне, учиняемой небольшой группой моджахедов. Никто и представить себе не мог, что относительно небольшой отряд моджахедов, состоящий всего из 150 человек, сможет решиться на такой смелый и дерзкий шаг: напасть на воинские подразделения численностью в более, чем две тысячи солдат и офицеров, вооруженных новейшим оружием, бронетехникой. Видимо, эта мысль и усыпляла бдительность и осторожность солдат и офицеров как советских, так и афганских правительственных сил.

Ожидание моджахедов длилось недолго. Не прошло и двадцати минут, пока они отдыхали и переводили дух, как подошли Гадо и его напарники и сообщили, что часовые сняты. Моджахеды тихо, бесшумно окружили расположение врага. Мгновения спустя, будто по какой-то общей договоренности, с одинаковой последовательностью, с четырех сторон раздалось громогласное «Оллох Акбар!!!». Грохот залпов из гранатометов смешался с автоматными и пулеметными очередями. Враг, не ожидавший такой яростной атаки, был подавлен, шокирован шквалом огня. Выскакивая из своих палаток, не успевая определиться с диспозицией, падали на землю, сраженные автоматными и пулеметными очередями. Град огня сделал свое дело быстро и окончательно. Это потом моджахеды узнали, что сыграл в этой операции свою роль и тот фактор, что советские солдаты и офицеры весьма недоверчиво относились к солдатам и офицерам афганских правительственных войск. «Враг есть враг. Будь он моджахед или солдат и офицер афганской правительственной армии. Все они одним миром мазаны» - считали шурави. Убедились в этом и на этот раз. Видя, что и моджахеды, и афганские солдаты одеты одинаково, кричат на одном и том же языке, советские солдаты приняли моджахедов за солдат афганских правительственных сил, якобы сговорившихся с моджахедами. Солдаты же афганской армии, зная об этой неприязни своих союзников, подумали, что это шурави нападают на них. Ответная реакция с обеих сторон не заставила себя долго ждать. А в те часы они и думать не могли, что их взяла в огненное кольцо лишь небольшая горстка смелых и дерзких моджахедов, яростно расправляющихся со своим врагом.

Выжили и вышли из этого огненного кольца лишь раненые и спрятавшиеся под броней танков и БТР солдаты и офицеры. Охваченная огневой мощью моджахедов, вышла из строя и вся имеющаяся у советских и афганских войск бронетехника.

Наступило утро следующего дня. Равнина ущелья Карбоши, что чуть ниже кишлака Руха, с обеих сторон сплошь была усеяна трупами советских и афганских солдат и офицеров.

Бойцы гарнизона, расположившегося в кишлаке Аъноба, что находился чуть ниже кишлака Руха, ничем не смогли помочь своим братьям по оружию. Услышав звуки стрельбы, грохота и взрывов, узнали о ночном сражении. Что исход его будет весьма печальным, догадаться им было нетрудно. Констатировав этот факт, они забеспокоились еще больше, ибо такая же участь могла ожидать и их. Сразу же окружив себя плотной стеной, состоящей из бронетехники, они жили ожиданием атаки моджахедов и на их позиции. Только с наступлением утра танки и БТРы из кишлака Аъноба направились в сторону кишлака Руха. К этому времени моджахеды уже успели забрать из складов запасы продовольствия, оружия и боеприпасов и скрыться в горах.

Между тем Масъуду сообщили, что дорогу у холма Ховок, что с северной стороны ущелья Панджшер, перекрыли командиры Джумъахон и Кори Гулоб, подчинявшиеся Гулбиддину Хикматёру и входящие в состав Исламской партии Афганистана. Будто кровь хлынула Масъуду в голову. «Это еще что за напасть такая?» - сжав голову ладонями рук, задумался Масъуд. – «Не хватало, чтобы каждый кишлак имел теперь своего командира, своих властных органов. Мало нам своих внутренних распри, разборок, братоубийства, что нами еще командовать пришли советские войска и воины правительства Мухаммада Довуда и Кормалая. Джумъахон и Кори Гулоб. Эти еще откуда появились? Какие еще красивые благозвучные имена у них? Судя по имени, Джумъахон появился на свет в знаменательный для мусульман день (Джумъа – пятница). Может быть, и родители, назвав его этим именем, надеялись, что вырастит он в добродетелей. А он что? Вместо добра несет людям зло и горе, не пускает людей выходить из ущелья? Иначе говоря, и нашим моджахедам закрыл дорогу, чтобы мы не смогли покинуть пределы ущелья. Это все – коварство Хикматёра, враждующего со мной всю жизнь. Он закрыл нам дорогу с севера и с юга, чтобы зимой не смогли связаться с жителями Бадахшона. Недавно глава Кописо Фарид захватил и присвоил себе сто лошадей с продовольствием и боеприпасами, принадлежащими нашим моджахедам. Сегодня дорогу нам закрыл этот Джумъахон.

Эти подлые лисы и шакалы знают, что советские и афганские правительственные силы воюют с нами. Отсюда думают, что наши дела плохи и всячески пытаются ставить нам палки в колеса. Выходит, наши же братья по крови сыплют соль на наши раны.

Не прошло и дня после получения этого печального известия, как из местечка Сафедчехр пришли к Масъуду с жалобой двое панджшерских мужчин. Мол, у местечка Ховок Кори Гулоб остановил их и не дал им перебраться на север. «Вдобавок к этому, Кори Гулоб отобрал у нас все вещи и прямо перед нашими женами и детьми кнутом избил нас!» - сказали они. Увидев их окровавленные лица, гнев охватил Масъуда: «Поднять руку на безоружного человека?! Это не по-мужски и не по-человечески!» - возмутился он.

- Видите, что за тип этот Кори Гулоб? – указывая на избитых мужчин, сказал Масъуд командирам Хисайну и Солеху Мухаммаду, присутствовавшим при беседе.

- Видим, Омар Сохиб, - ответил Солех Мухаммад.

- Регистони (так, по псевдониму обращался Масъуд к Солеху Мухаммаду), брат, надо свести счеты с этими Джумъахоном и Кори Гулобом. – сказал Масъуд и протиснулся с мужчинами.

Вечером того же дня отряд моджахедов-добровольцев собрался в дорогу, чтобы разобраться с Джумъахоном и Кори Гулобом. Прежде, чем проинструктировать и благословить их, Масъуд наказал им разоружить их и безо всяких избиений доставить к нему, чтобы Масъуд посмотрел им в глаза: «Что за физиономия у этих добродетелей?»

Инструктируя своих командиров, Масъуд заметил, что ботинки на ногах Солех Мухаммада совсем порванные. «В них он вряд ли доберется до Ховока» - подумал Масъуд и обратился к Солеху Мухаммаду:

- Регистони, другой обуви у тебя нет?

- Нет, Омар Сохиб. – ответил Солех Мухаммад.

Масъуд присел на камень и снял с ног свои ботинки, протянул их Солеху Мухаммаду, сказав:

- Бери мою обувь. Обуйся. Все равно, они мне здесь нужны не столько, сколько тебе пригодятся в пути до Ховока.

- Омар Сохиб, все равно я этого не сделаю! – попробовал возразить молодой по возрасту Солех Мухаммад. – Во-первых, из уважения к вам не могу позволить себе этого. Во-вторых, ваши ботинки мне очень малы. Мои ноги просто не влезут в них.

- Ну-ка, Регистони, примерь! – попросил его Масъуд.

- Омар Сохиб, дорогой! Не заставляйте меня. Сказал ведь. Я никогда этого себе не позволю. Хоть на край света пойду, но буду в этой, своей обуви. – своей категоричностью давая понять Масъуду, чтобы он не утруждал себя уговорами.

- Ладно, если не хочешь, тогда вынужден буду вместо вас назначить кого-нибудь другого командиром этих молодых моджахедов. А вы останетесь здесь. Оллох поможет, решим и вопрос с обувью. Со дня на день должны прибыть одежда и обувь, присланные Устодом Сайёфом из Пешавара. Выберешь себе по размеру какую-нибудь хорошую обувь.

Через два дня доставили Кори Гулоба. Масъуд находился в своей землянке, на склоне горы, напротив кишлака Аъноба и чертил план новой операции. Как только ему доложили о выполнении этого задания, Масъуд написал записку на имя этого главаря Исламской партии, чтобы к нему не применяли физических наказаний.

Кори Гулоба содержали в зиндане (тюремное помещение) кишлака Дашти Реват Панджшера. Здесь зинданом командовал поэт Мушток, прославившийся в округе как доброжелательно настроенный в отношениях с пленными, но весьма жестокий с предателями и шпионами. Об этих его симпатиях и антипатиях хорошо были осведомлены и враги. Узнав, что Масъуд распорядился освободить из плена Кори Гулоба, гневу Муштока не было предела. Когда Кори Гулоба вывели из зиндана, Мушток, занятый лицемерием красот ущелья Панджшер, сидел во дворе на камне, погружившись в свои поэтические думы. Поравнявшись с ним, один из конвоиров обратился к Муштоку:

- Дядя Мушток! Не хотите попрощаться с Кори Гулобом? Он уходит!

От этой неожиданной новости будто кровь хлынула Муштоку в голову, что в мгновение ока он вернулся на грешную землю, крикнув:

- Верни его!

Кори привели к Муштоку. В гневе Мушток спросил его:

- Как зовут тебя?

- Гулбиддин. - ответил Кори.

- Иначе говоря, Кори Гулоб?

- Да, зовут меня Кори Гулоб.

- Паскуда ты, а не Кори Гулоб! Это ты в Ховоке избивал людей кнутом и не давал им перейти на другую сторону ущелья?! – грозно сверкая от гнева глазами, Мушток не столько спрашивал, сколько обвинял его, констатируя факт.

Ярость гнева Муштока не могла не передаваться Кори Гулобу. Наслышанный о жестокости Муштока, находясь теперь лицом к лицу с ним, с лица Кори Гулоба вмиг слетела вся краска, свидетельствующая, что перед нами живой человек. Весь побелевший, он весь был охвачен мелкой дрожью. То ли страх вынудил память реагировать молниеносно на происходящее, то ли Кори Гулоб предвидел такого

поворота событий, что тут же сунул руку в карман, вытащил оттуда письмо Масъуда и передал Муштоку.

Мушток взял письмо, прочел приказ Масъуда. Узнав его подпись, он поднес бумагу к лицу, поцеловал и провел по глазам. Кровь ударила ему в голову. И, несмотря на содержание письма, Мушток не смог сдержать свой гнев, управлять своими чувствами. Вся физическая и психическая сила гнева, вложенная в огромную, как кувалда, руку Муштока, мощным ударом кулака обрушилась на голову Кори Гулоба. Он упал как срубленное бревно, успев лишь издать короткий писк, похожий на убийственный. Мушток избивал его своими кирзовыми сапогами, беспощадно, жестоко, со всей силой и гневом, переполнившим его окаменевшее от ненависти к врагу сердце. Знали о распоряжении Масъуда конвоиры и моджахеды, стоявшие поодаль. Окаменевшие на мгновение от жестокости представшей перед их взором картины, моджахеды едва успели оттащить Кори Гулоба из под ударов Муштока. Опоздай они, недолго осталось бы ему и дух испустить.

Минутой позже, придя в себя, Мушток понял, что наделал лишнего. «Упаси, Оллох! Если сейчас Масъуд прибедет сюда, на месте Кори Гулоба может оказаться сам Мушток!» - молниеносно пронеслось в голове Муштока.

- Быстро! Лошадь какую-нибудь сюда! – крикнув, приказал Мушток своим подчиненным. Откуда-то привели и лошадь.

- Посадите эту скотину! – указывая на окровавленное, грязью и пылью смешанное тело Кори Гулоба, приказал Мушток. – Везите его за Ховок. Чтобы духу его здесь не было, и нога его не ступала по ущелью Панджшер!

После случившегося Мушток целый месяц старался не попадаться на глаза Масъуду, чтобы не навлечь на себя его гнев. Масъуд же ничего об этом не знал. Находясь на склоне горы, между валунами, он осматривал в бинокль окрестности кишлака Аъноба. Он разрабатывал план предстоящей очередной операции. Теперь только здесь осталось воинское подразделение шурави с большим количеством живой силы, боевой техники, боеприпасов.

Закончив осмотр, Масъуд вывел для себя, что ситуация такая же, как в кишлаке Барчаман. Моджахедам остается под покровом ночи тихо незаметно войти в кишлак и так же, как в кишлаке Барчаман, застать врага врасплох, подавить его огневой мощью, не дав ему опомниться. Так же как в кишлаке Руха.

Как только стемнело, начал накрапывать дождь. Когда моджахеды спускались по горной тропинке, дождь лил уже во всю. Но никакой дождь, холод не мог воспрепятствовать моджахедам. Наоборот, в таких случаях дождь являлся их надежным союзником, ибо своим шуршанием заглушал звуки, изредка издаваемые моджахедами при передвижении по горной тропе, усыплял бдительность врага. Что касается неудобств, причиняемых атмосферными осадками, так многолетние трудности приучили моджахедов приспособиться и к таким неудобствам. Десятилетия боевой жизни, пребывание в холоде и голоде, постоянные бытовые неудобства так закалили этих молодых парней гор, что каждый из них в отдельности своей физической выносливостью, ловкостью, умением выдерживать большие физические и психические нагрузки мог запросто справиться с несколькими военнотружущими войск шурави, не столь подготовленные вести такой боевой образ жизни.

А пока этой дождливой ночью они шли выполнять боевое задание. Впереди шел один из командиров - Ходжи Бахлул. Как и предполагал Масъуд, ближе к полуночи они вышли из реки к тому самому месту, о котором говорил Масъуд. Каждый из моджахедов знал, что ему надлежало делать. Суфи-ДШК, со своим оружием на плечах, вышел вперед. В его задачу входило убрать часовых. И сутулая фигура Суфи скрылась тихо, бесшумно растворилась в темноте. Он направился в сторону крепости, где находился склад с боеприпасами шурави. Следом за ним пошла и группа, которая должна была участвовать в атаке на крепость. Моджахеды, в обязанности которых входила расправа

с солдатами, спящими в палатках, разделились на две группы и окружили их. Ходжи Бахлул с гранатометом в руке вместе с несколькими моджахедами двинулись к танкам и БТРам. Дождь лил все крепче. Осмотревшись, вслушиваясь в звуки, Ходжи Бахлул решил, что шурави все спят. Видно было, что, не перенося природных неудобств, часовые тоже тайком от офицеров зашли в палатки. Ни одна живая душа вокруг не заметила прихода моджахедов.

Пулеметная очередь, пущенная Суфием из его крупнокалиберного пулемета, казалось, на мгновение, в радиусе нескольких километров, заглушила и шуршание дождя, и журчание реки, и любые посторонние звуки. Это было сигналом о начале операции. И в следующее мгновение заговорили автоматные и пулеметные стволы более чем двухсот моджахедов. Казалось, от этой канонады дрожало все ущелье Панджшер. Грохот взрывов, яркое пламя от горящих танка, БТР и машин, крики выбегающих из палаток солдат и убегающих опять куда-то в темноту – все будто свидетельствовало о наступлении ада.

Нападение моджахедов было настолько неожиданным и мощным, что солдаты и офицеры, находящиеся в палатках, не смогли ничего предпринять, кроме как выбегать из палаток, изрешеченных автоматными и пулеметными очередями. Выбегая же наружу, мгновенно осознавали, что, выйдя из огня, оказывались в полымя, сию же секунду становились открытыми мишенями для моджахедов. Стрельба продолжалась. ... Ночная пелена потихоньку приподнимала свою завесу. Наступал новый день. И постепенно смолкли звуки автоматных и пулеметных очередей, опять уступив место шуршанию дождя и журчанию реки.

О нападении на свой отряд в кишлаке Аъноба в штабе советских войск узнали в первые же часы начала боя. Но в силу того, что было и темно, и непрестанно лил дождь, и что кишлак Аъноба находился далеко от базы, советское командование не решилось помочь своим ни живой силой по суше, ни огневой поддержкой с воздуха.

В предыдущей операции в кишлаке Руха моджахедам было чего опасаться. Чуть ниже, в кишлаке Аъноба располагались советские подразделения, и они в любой час могли прийти им на помощь. Используя тяжелую боевую технику, шурави тогда легко могли справиться с горсткой моджахедов. Теперь, во время второй операции, моджахеда были уверены, что никакой подмоги врагу ожидать не придется. Потому, действуя уверенно, нагло, моджахеда уничтожили и это подразделение.

Суфи со своим тяжелым крупнокалиберным пулеметом на плечах, сутулясь, уверенно двигался вверх. Дождь по-прежнему лил как из ведра. Вокруг было спокойно. Ничто не нарушало мелодию дождя и журчания вод реки Панджшер. Будто и не было ночного боя, унесшего жизни сотен молодых людей, уверенных, что завтра обязательно увидят над головой солнце, красивый пейзаж, омытый ночным дождем. Увы, не суждено было этим надеждам сбыться. А воды реки Панджшер текли дальше, неся в себе и грязь, смешанную с людской кровью, пролитой в ночном бою. К очередной людской трагедии, разыгравшейся на ее берегу, река была также снисходительна, как и в течение многих веков. ...

Глава VII

**Мурѓи шикастаболам роне ба осмон ку,
Дар рўзи бекасињо ёрони менѓубон ку?
Гар бар замин нинам сар, ку гўшаи фарпоѓ ат.
В-ар бар фалак гурезам, асбобу нардбон ку?**

**Птице подобен я со сломанным крылом,
Кто поможет мне, и кто встанет рядом?**

Есть ли покой в земле, если туда податься? Иль в небеса уйти, а как туда добраться?

Над Панджшером вновь появились советские винтокрылые боевые машины. Пролетев над кишлаком Аъноба, они полетели вниз по ущелью. Облетев его, вернулись, кружа над Аънобой. Моджахеды еще ночью успели вынести с поля боя тела своих погибших, оставив тела сотен убитых советских солдат и офицеров, разбросанных повсюду. Наблюдая сверху за горевшими танками и БТРами, за всей этой ужасающей картиной, летчики так и не обнаружили поблизости ни одного моджахеда. Не произведя ни одного выстрела, вертолеты улетели в сторону Багрома.

Некоторое время спустя к кишлаку подъехали машины с крестами по бокам. Это были машины Международного Комитета Красного Креста. Они приехали, чтобы забрать тела убитых. Трое суток колонна транспорта везла трупы. Моджахеды Панджшера и на этот раз наголову разбили подразделения шурави и правительственных сил.

Теперь ущелье было очищено от советских и афганских правительственных сил. С первыми снегами моджахеды спустились с гор, разошлись по своим домам.

После операции в Аънобе Масъуд простился с Кристофом и Джеромом, проводил их до самого выхода из ущелья. Перед тем, как проститься, Кристоф обнял Масъуда:

- Омир Сохиб! Я сразу не уеду. Куда бы не поехал, снова вернусь в Панджшер.

Панджшер главное место во всей моей кинематографической жизни. Как только закончу съемки всех сюжетов, поеду в Париж. Там закончу все работы по созданию фильма, вернусь, чтобы вас провести.

- До свидания, Кристоф! Если Оллоху угодно, еще увидимся! – сказал Масъуд, стоя прямо на дороге у реки, лицом к лицу с Кристофом и Джеромом.

- До свидания! – повторив свое прощание на фарси, сказал Кристоф, проведя ладонью по лбу, сел в машину.

- Приезжай снова, Кристоф! Буду рад вашему возвращению! Буду ждать! – обращаясь к Кристофу, сказал Масъуд.

Возвращаясь домой, размышляя, Масъуд вывел, что теперь и шурави, и правительственные войска Бобрака Кормала, Наджибуллы, и даже Хикматёр не оставят его в покое. Кори Гулоб Хикматёр попался, а Джумъахон все еще продолжает бесчинствовать на дороге Андароб у холма Ховок. Надо быть осторожным. Начиная с Гулбахора, до самого выхода из ущелья надо ставить свои посты.

Выходит, заодно с шурави и афганскими правительственными силами и группы Исламской партии Хикматёра. Закрыв вход и выход из ущелья, они намерены держать моджахедов в длительной блокаде.

Не прошло и недели, как сороковая армия советских войск снова забросила свой десант в Аънобу и Руху, в ущелье зашли танки, БТРы и другая советская техника, сверху сопровождаемые боевыми самолетами и вертолетами. В кишлаках вновь появились палатки. Представители новой власти Афганистана привезли населению кишлаков муку, пшеницу, масло и другое продовольствие. Ясно было, что всей этой акцией новые власти хотели привлечь на свою сторону местное население. В это самое время Масъуд получил письмо от Бобрака Кормала. Вместо призыва к миру, в своем письме Бобрак Кормал обвинял его в подлых убийствах советских и афганских солдат и офицеров. Мол, теперь Масъуд на себе испытает весь гнев и силу советских и афганских правительственных сил. Они обязательно отомстят ему за все его бесчинства, за пролитую кровь своих солдат и офицеров.

Такое развитие событий Масъуд представлял себе. Он знал, что шурави смогут прижать моджахедов путем затягивания военных действий. Не выдержав последствий постоянных боевых стычек, мирное население будет вынуждено покинуть свои дома, ущелье Панджшер. При таком развитии событий моджахеды в скором времени

останутся без поддержки продовольствием. С наступлением холодов, наступит и голод, моджахеды будут ограничены в маневрах, и шурави вместе с афганскими правительственными силами, в конце концов, прижмут и уничтожат их окончательно.

Поразмыслив, Масъуд решил, что настало время создать новые свои базы. Идея эта созревала в его голове еще до начала операции в Рухе. Но как-то не так навязчиво, как сейчас, поскольку тогда необходимость их создания ощущалась не так осязаемо, как сейчас. Он пришел к выводу, что, если он не возьмет под свой контроль все ущелье, желает он того или нет, моментом воспользуются враг, захватит своим присутствием все ущелье, и моджахедам в ограниченном пространстве все труднее будет разворачиваться для маневров. Да, если бы он раньше имел еще больше своих баз, сегодня ему не пришлось бы так туго. Только расширив границы своего влияния, моджахеды смогут чувствовать себя хозяевами ущелья, беспрепятственно перейти из одной базы в другую, успешно провести боевые операции.

Чем глубже Масъуд мысленно погружался в свои поиски, тем шире становилась география его охвата.

«Правда, что и в низовьях реки, в долинной местности его моджахеды проводят весьма успешные операции. В Тирмизе и в Турхаме под командованием Исмоила Торика, из Мазори Шарифа до Кобула и северного Соланга под командованием Забехуллохона, из южного Соланга до Кабула – всюду действуют его моджахеды. Только на севере страны, вокруг ущелья Панджшер есть еще двадцать таких же, как Панджшер ущелий, и в каждом из них можно будет разместить свои базы. Андароб и Хустференг, Баглон и ущелья Хелоб и Фархор чем хуже? Население кишлаков этих ущелий, как и жители кишлаков Панджшера, могут сражаться с шурави. С другой стороны, созданием своих баз можно будет привлечь туда вражеские силы и так же, как в Рухе и Аънобе, легко расправиться с ними. - размышлял Масъуд. – Для этого необходимо поехать в эти кишлаки, беседовать с людьми. А затягивающаяся война сковывает руки, ограничивает в действиях».

Счастье улыбнулось Масъуду нежданно негаданно. Озабоченный тем, что в случае затяжной войны с шурави изможденные голодом и холодом, моджахеды Панджшера до весны не смогут продержаться и все погибнут, Масъуду и его моджахедам улыбнулась птица удачи. С возвращением в кишлаки Аъноба и Руха подразделений шурави и афганских правительственных сил не прошло еще много времени. Однажды ночью Масъуд отправился в кишлак Наволич и там встретился со своим односельчанином и давним другом Довудом Мухаммадом, которого долгое время не было в Панджшере. Телосложение у Довуда Мухаммада было выше и здоровее Масъуда. Человеком он был грамотным и интеллигентным. По его приветственному тону и поведению Масъуд догадался, что Довуд Мухаммад прибыл сюда по какому-то важному делу. И не ошибся. Довуд Мухаммад сказал, что прибыл сюда исключительно к Масъуду и попросил его о согласии на беседу с глазу на глаз. Как только они вдвоем вышли из дома, Масъуд спросил:

- Брат, Довуд, с добрыми ли вестями вы ко мне пришли?
- Добрыми, Омир Сохиб! Вам письмо принес.
- Откуда и от кого письмо?
- От командующего армией шурави. – Довуд сунул руку за пазуху, из внутреннего кармана вытащил конверт и протянул Масъуду. - При посредничестве учителя Мирдоды некий советский полковник Анатолий Ткачев беседовал с нами и попросил меня передать вам это письмо.
- Вы сказали: «Устод Мирдод»? – спросил Масъуд, взяв письмо. - Это не тот ли Мирдод, что из нашего кишлака Рахмонхели?
- Вы его знаете? – вопросом на вопрос ответил Довуд.
- В Панджшере все знают доктора Мирдоды. Работает в концерне семеноводческих культур. Интересно, какое он имеет отношение к армии шурави?

- Анатолий разыскал его. Они оба послали меня к вам.

- Ну-ка, зайдем в дом.

Масъуд вскрыл конверт и при тусклом свете керосиновой лампы, стоявшей в нише, направил свой взор на текст. Письмо было написано и на кириллице, и на фарси. В нем содержался призыв о согласии командиров и моджахедов ущелья Панджшер на переговоры об окончании ведения боевых действий между сороковой советской армией и моджахедами ущелья.

Внизу разборчиво были выведены имя, фамилия и воинское звание автора письма: «Анатолий Ткачев, полковник» Масъуд еще раз прочитал письмо, улыбнулся и перевел глаза на тихо стоявшего Довуда, упершегося правой рукой в подбородок.

- Какое же все-таки вы доброе дело сделали, акои Довуд! Как было бы хорошо, если бы это не было очередным коварством врага. Скажи им, пусть не торопятся. На письмо ответу через неделю. Надо посоветоваться с моджахедами.

Довуд попрощался с Масъудом и вышел из дома. Из приличия Масъуд вышел за ним. Отчего-то эта ночь казалась Масъуду особенно счастливой. За все годы борьбы он никогда не испытывал таких радостных минут.

После ухода Довуда, совершив намаз, Масъуд вышел из дома и направился по узкой улице между домиками к концу кишлака. Выйдя на высокую насыпь, сел на камень. По старой привычке, если ему хотелось о чем-то поразмышлять, он обычно уединялся. Серьезным поводом поразмышлять и прийти к какому-то верному решению, на этот раз было содержание письма советского командира.

Была тихая и спокойная ночь. Поднявшись из-за горы Манджахур, полная луна озарила все ущелье Панджшер. Слышно было монотонное журчание реки. «Неужели шурави согласились на заключение мира - мысленно задался вопросом Масъуд. – Или это очередное их коварство? Если хотят покончить с войной, то зачем вновь стягивают войска в Панджшер, заполняют ими кишлаки Аъноба и Руха? С какой целью они пожаловали в Афганистан? Кто знает, может, как и мы, видя бесполезность войны и кровопролития, не добившись своей цели, согласились заключить с нами мир? Какую выгоду они хотят иметь, заключив с нами мир? Если хотят покончить с войной, пусть покинут Афганистан и войне будет конец. И они уйдут невредимыми, и мы останемся при своих. Кто их тронет? Никто. С оружием пришли к нам в Афганистан, захватили города и села, втянули страну в войну, а сегодня пишут мне письмо и просят, чтобы мы заключили с ними мир. Да и я сам кто такой, чтобы обладать полномочиями решать, согласиться с ними или нет? Всего-навсего один из тысячи патриотов своей страны, один из моджахедов ущелья Панджшер, вставших в защиту своего дома, семьи, народа, родины, своего Панджшера. Один из сотен таких, кто не желает, чтобы ими правили чужие, нарушили их покой. Один из тех, кто желает быть вольным как горные орлы Гиндукуша. Как шурави мы не захватывали чужих территорий, не вторгались в чужие дома. Я не представляю ни государства, ни власть, чтобы обладать полномочиями, дающими мне право заключить с кем бы то ни было мир. У меня нет ни какого-то своего ведомства, ни администрации, ни дворцов и храмов. У меня всего-навсего один домик, состоящий всего из четырех каменных стен, и тот доставшийся мне по наследству от отца. Даже дверь моего домика до сих пор не знает, что такое замок с ключами. Присланное командиром шурави письмо имеет свою печать. Когда напишу ответ на это письмо, какой печатью я буду обосновывать свое ответное письмо? Ведь у меня и печати как таковой нет. О, Оллох, что это еще за коварство шурави? Не скрывается ли за этим письмом еще какой-то подвох?» - размышляя, задаваясь вопросами, Масъуд делал свои выводы. И вновь погружался в размышления: «Заключив с нами мир, не принесут ли они населению Панджшера очередные большие беды? Отказываясь от очередной атаки, могут спланировать операции, куда страшнее и масштабнее прежних. Люди, измученные, обессиленные, нищие, голодные, смогут ли в холоде зимы выжить, пережить зиму? Я обеими руками

за мир. Но это письмо обдаёт коварством. Они хотят связать мне руки и каким-то образом убрать меня со своей дороги. Или террором, или каким-нибудь другим путем. Если бы с моей смертью на этой земле воцарился мир, я не был бы против. Но не трудно догадаться: Шурави задумали что-то другое, коварное».

С этими мыслями Масъуд встал, направился в сторону домика, где он намерен был провести эту ночь. «Пройдет и эта ночь, и десятки других таких ночей. И все время я буду опасаться террора, внезапного нападения врага. У себя дома, в своей теплой постели. Никогда не буду знать, что такое покой, чтобы спокойно спать. Мне за тридцать, а я до сих пор не могу жениться, чтобы обзавестись своей семьей, детьми. Из-за боязни, что враги мои не оставят в покое и мою семью. Однозначно, террор устроят и им.

Знаю, понимаю и чувствую, что каждую минуту и каждый час враги ищут способ покушаться на мою жизнь, расправиться со мной. На мировом рынке наемных убийц цена на мою голову повышается с каждым месяцем, с каждым годом. Не исключено, что какой-то убийца уже оценил мою голову на вес золота. Какое-то время местом ночлега и работы выбрал дом Абдулкодира Ночора. Шпионы Хикматёра и Наджиба смогли уговорить его ликвидировать меня. Теперь сменил место проживания. Посмотрим, что еще Оллох предопределил для меня. А сейчас пойду к Ночору. Посмотрим, правда ли, что он готовит на меня покушение.

Чтобы ответить на письмо командира шурави, сначала надо поговорить со своим ближайшим окружением, с моджахедами, со старейшинами кишлаков, с улемами края. И только потом прийти к какому-то решению. «Сколько бы ученым ни был, посоветуйся с кем-нибудь» - гласит народная мудрость. И еще говорят: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Народ наш наивен и прост, но умный и мудрый. Всю жизнь с ними прожил и пожинал плоды их добродетели. Нельзя добиться чего-то, не поговорив с людьми»

Утром следующего дня Масъуд созвал совет старейшин. Пришли командиры моджахедов, старейшины, улемы края.

- Шурави предлагают нам заключить с ними мир. – сообщил Масъуд. – Из содержания их миролюбивого письма я извлек доброе знамение. Да будет с нами Оллох, и удастся нам добиться мира! Хотелось бы услышать и ваше мнение.

Мавлави Мухаммад Вазир, пользующийся большим авторитетом у населения края, первым попросил слова:

- С позиций шариата для этого дела нет никаких преград. Я, как и вы, Омир Сохиб, считаю эту акцию добрым знамением. Будет время для более хорошей основательной подготовки к бою с врагом..

Другие улемы, как Мавлави Джайлон, Мавлави Мудассир и другие были за мир. Это обрадовало Масъуда, поскольку он намерен был съездить в северные районы Панджшера – Лагмон, Нуристон, Тахор, Бадахшон – поговорить там с людьми и расширить свой фронт, наряду с ущельями Панджшера и там создать свои базы.

По окончании совета Масъуд хотел встретиться с Солехом Мухаммадом, являвшимся руководителем операций. С этой целью он поехал в кишлак Малааспа.

День был солнечный. Предложение о мире, согласие командиров моджахедов, старейшин, улемов края воодушевило Масъуда. Он думал, что если шурави не нарушат условия договора о мире и останутся верными своему слову, то Масъуд вернется к мирной жизни. В любом случае он хотел продлить сроки переговоров, чтобы успеть воплотить в жизнь намеченные планы.

Масъуд обязал ответственных лиц поехать в регионы и поговорить с людьми, создать там свои базы, чтобы в случае необходимости население одного кишлака могло переселиться в другой безопасный кишлак, чтобы спасти своих близких от угрозы жизни.

В Малааспе Масъуд нашел Солеха Мухаммада, и так как они оба были из одного региона и жили в кишлаках по соседству (Масъуд жил в Джангалаке, а Солех Мухаммад в Бозораке) и долгие годы воевали вместе, встретились как братья.

Обрадовавшись встрече, Масъуд сказал:

- Хотел было, тебя пригласить к себе, да воздержался. Не хотел отвлечь тебя от основных дел. Шурави предложили заключить с ними мир. Настало время, чтобы ты обучал группу молодых владеть тяжелым оружием.

В кишлак Поранди доставили пленного шурави. Как я слышал, он владеет всеми видами оружия. Что будет, если приведем его к тебе, чтобы ты использовал его при обучении молодых моджахедов?

- О доставленном в Поранди пленном в курсе. Да я сам послал его к вам. – сказал Солех. – Нога у него раненая. Посмотрю, чуть выздоровеет, приведу.

- С каждой группы моджахедов выбери по два-три человека и начни обучение. До этого у нас в боях был один недостаток. Не было у нас инструктора по вооружению. Теперь тот пленный и будет инструктором. Об этом никому и нигде ни слова. Я намерен затягивать переговоры.

С этой беседы не прошло и недели, как Довуд вновь пришел к Масъуду. И на этот раз он принес письмо от командира сороковой Советской армии с печатью и подписью Анатолия Ивановича Ткачева. В письме он просил Масъуда о прекращении огня и заключении мира между воюющими сторонами. Также он предлагал определиться с датой и местом проведения переговоров.

Не зная, кто такой Ткачев и какую сферу он возглавляет, Масъуд не знал, как воспринять его предложения. Такая постановка вопроса несколько озадачила Масъуда. Важнее для него было предложение о заключении мира. И в этот трудный для моджахедов период Масъуду это было на руку. Пока будет затишье, Масъуд успеет выпрямить спину, запастись продовольствием, боеприпасами, создавать свои военные базы и в других по соседству с Панджшером регионах.

Масъуд успел детально изучить, на себе испытать тактику и стратегию, какую применяли в своих боевых операциях советские воинские подразделения. Как огнедышащий вулкан, Масъуд являлся последней точкой, как кость в горле стоявшей на пути советских войск. Он был тем препятствием, которое не позволяло советским войскам пройти в северные провинции Афганистана. И эту кость советское командование со всей своей боевой мощью не в силах было вырвать, вздохнуть свободно.

Сегодня они не знали о плачевном положении моджахедов, иначе решились бы на два-три мощных натиска и взятия тысячу моджахедов в кольцо блокады, чтобы расправиться с ними раз и навсегда. За все время боев Масъуд никогда не находился в столь плачевном положении. Как никогда, так остро не стояла проблема с нехваткой запасов продовольствия, с нищенским запасом боеприпасов. И предложение о заключении мира было для Масъуда весьма на руку. Это давало бы ему возможность на время перевести дух, чтобы решить все проблемы, и тем самым избежать угрозы полного уничтожения. Не воспользоваться представленным шансом, с его стороны было бы непростительной ошибкой.

После долгих раздумий Масъуд обратился к Довуду Мухаммаду:

- Брат Мухаммад, я немного знаю об Устоде Мирдодде. Но об Анатолии не имею представления. Устод Мирдод, как посредник, обязан представить вам Анатолия. Приведите их обоих к нам. Тогда и договоримся о сроках и месте проведения переговоров.

Довуд Мухаммад ушел от Масъуда весьма довольный.

Прошла еще одна неделя. Масъуд ждал прихода Довуда и Мирдодды и поэтому не покидал Панджшера. Все это время руководил проведением небольших операций моджахедов. Из числа местного населения посылал смекалистых людей в другие

регионы, чтобы восстановить с ними связи, принять меры по вовлечению молодежи в группы моджахедов, созданию военных баз на местах. Между тем, Масъуд наладил связь и с Гуломсахи. И от него запросил сведения о личности Анатолия Ткачева, о его роли и значении в иерархической лестнице Советской армии в Афганистане.

Своим приходом к Масъуду под покровом ночи Довуд с Мирдодом дали Масъуду понять, что передвигаться и добраться до него стало слишком опасно, почти невозможно. Все дело заключалось в том, что между отрядами правительственных сил, находящимся в кишлаке Руха, и моджахедами раз за разом случались стычки. Днем, когда относительно было спокойно, можно было без особого риска перейти кишлак. Ночью же любой прохожий мог подвергаться риску для жизни. Как моджахеда, так и правительственные силы брали на контроль любого.

Масъуд хотя и знал, что проводником у Довуда и Мирдода служит некий Гулдоод, человек опытный, много видавший в жизни, известный всем в округе, все же привести к назначенному месту Масъуд послал дядю Тоджиддина, моджахеда весьма осторожного, знающего все изгибы и повороты кишлака, кто чем занят в эти часы. С другой стороны Тоджиддин, будучи с Устодом из одного кишлака, хорошо знал и Мирдода.

От того, что Анатолий Ткачев в качестве посредника для ведения переговоров выбрал именно Мирдода, Масъуд вывел для себя, что этот русский никакой там наивный военный. Может, и кадровый разведчик, весьма ответственный сотрудник КГБ СССР. А. Ткачев был единственным представителем советской армии, кто за все эти годы противостояния первым предложил Масъуду заключить мир.

В эту темную, полную опасности риска, ночь Мирдоду с Довудом предстояло пройти через три линии противостояния: советский гарнизон, правительственные силы и моджахедов Панджшера. Это было делом опасным и трудным.

Старик Гулдооди Мавлодод, являвшийся жителем кишлака Хисорак из Панджшера, как проводник в эту темную ночь провел Мирдода и Довуда до назначенного места. Посланник Масъуда Тоджиддин миганием карманного фонарика указал на свое местонахождение и после того, как встретились и поздоровались, не сказав больше ни слова, привел их в кишлак Баландии Бозорак и провел в дом Мухаммади Гафс. Не только этот дом, но и все другие дома в кишлаке были знакомы Устоду Мирдоду, поскольку этот кишлак был связан с прежним местом жительства Мирдода, с кишлаком Бозорак.

Их встреча с Масъудом должна была состояться этой же ночью. Но Масъуд не смог прийти. Занятый разработкой очередной операции, Масъуд в это время находился в другом кишлаке. Принеся Мирдоду извинения Масъуда, Тоджиддин сообщил, что и завтра днем Масъуд не сможет прийти сюда. Мирдод лично не знал Масъуда. Он судил о нем по слухам. И представлял себе Масъуда мужчиной рослым, широкоплечим, чернобородым, смуглолицым, один вид которого может вселить в душу страх. Может быть, они когда-то и встречались, но друг друга не запомнили.

Большая часть жизни Мирдода, как и всех образованных мужчин Афганистана, прошла за пределами Афганистана, в Англии и Америке. Высшее образование он получил также далеко от родины. Только его детские и юношеские годы жизни прошли в Панджшере и Кабуле. А тогда он был слишком маленьким, чтобы что-то особо запомнить.

На встречу Масъуд не смог прийти и в следующую ночь, и в следующий день. Только на третьи сутки, когда прошло время сумеречного намаза, Масъуд вошел в дом Мухаммади Гафс. Тепло поздоровался с гостями. Увидев его, Мирдод понял, что воображение его подвело. Перед ним стоял обыкновенный мужчина, каких сотни, тысячи в Панджшере. Снаружи мужчина, ничем особенным не выделяющийся: Скромный, среднего роста, с широким лбом, орлиными глазами и носом, со светлой приятной кожей лица. По цепким пальцам и жилистой руке, мускулистой шее и

выдающимся плечам и туловища легко можно было понять, что занимается спортом, силен и крепок телом. С первых же минут беседы Мирдоду особенно понравились притягательность глаз Масъуда, его уважительный тон в обращении и тактичность.

- Устод Мирдод, добро пожаловать в наши края! Благополучно ли добрались? – здороваясь, спросил Масъуд. – Вы пройдите, пожалуйста, вперед, устод. Акои Гулдод, вас тоже просим пройти вперед.

Сколько гости отказались пройти, Масъуд уговорил их, а сам сел чуть ближе к выходу, рядом с Довудом. Керосиновая лампа тускло освещала комнату. Хозяин дома расстелил дастархан, принес лепешки и чайник чая. После того, как помыли руки, поужинали, как бы невзначай Масъуд обратился к Мирдоду:

- Устод Мирдод, за очень хорошее дело взялись. Я годами мечтал о мире. Осточертела мне и всем нам эта война.

- Суждено было, видимо, искать и найти меня, уговорить, чтобы стать посредником. – сказал в ответ Мирдод. – Решился вот таким образом внести и свою лепту в этом добром деле.

- Это очень даже хорошо! – отметил Масъуд и спросил: - А кто такой Анатолий, и чьи интересы он представляет?

- Он представитель Андропова, вновь назначенного генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. – сказал Мирдод.

- Разве Черненко не был их генеральным секретарем? – спросил Масъуд.

- Да, был. Но Черненко умер, Омир Сохиб, - сказал Мирдод. – Я тоже, как и вы, не знал. Вот уже неделя прошла, как средства массовой информации сообщают об этом, а мы из-за того, что в этой глуши нет ни электричества, ни радио, ни телевидения, газет и журналов, ничего не знаем об этом. Вместо Брежнева в Советском Союзе назначили Черненко. Он тоже умер. Теперь Советским Союзом руководит Андропов.

Согласно его официальным документам, Анатолий прибыл к нам в Афганистан из аппарата Андропова со специальным заданием и желает с вами поговорить. О мире, о прекращении огня. Омир Сохиб, вот почему я согласился взять на себя роль посредника в ваших с Анатолием переговорах и пришел к вам.

- Сейчас Анатолий где остановился? – спросил Масъуд.

- В нашем же с вами кишлаке Рухе, с шурави. Из Кабула послал меня к вам, и сам же приехал в Панджшер.

Масъуд был рад доставленной Мирдодом вести, но, не подав виду, сказал:

- Я согласен на встречу и переговоры. Сообщите ему, что встреча состоится на том месте, где скажем мы.

Сделав небольшую паузу, Масъуд вновь спросил:

- Не узнали, сколько человек прибудет вместе с ним?

- Точно не знаю. Но, по-моему, придет он сам с переводчиком. – ответил Мирдод.

- Вы тоже приходите. Не в качестве наблюдателя, а как наш советник. Мы немного в курсе ваших дел. Пришли к выводу, что и ваше участие в переговорах пойдет нам на пользу.

- Премного благодарен, Омир Сохиб! Конечно, приду. – ответил Мирдод.

- Знают ли об этом Бобрак Кормал, Наджиб, новые власти Афганистана? – спросил Масъуд.

- Нет. Все это Анатолий держит в строжайшем секрете. Ни новое правительство Афганистана, ни КГБ СССР не должны знать о ваших переговорах о мире. На этом пути у вас много недругов и однозначно, что они будут препятствовать переговорам, чего бы это им не стоило. – ответил Мирдод. ...

... Члены делегации, сопровождавшие Анатолия, не согласились с Масъудом в вопросе назначения им места встречи и послали Мирдода к Масъуду во второй раз, сказав ему, что они согласятся с Масъудом только в том случае, если встреча эта будет проходить

на нейтральной территории, между советскими войсками и моджахедами. Осторожности ради, Масъуд тоже попросил Мирдода передать им следующее:

- Встреча состоится там, где я скажу. При ином месте встречи мы не нуждаемся в переговорах. Пусть убираются на все четыре стороны!

Советская делегация вынуждена была согласиться на предложение Масъуда, и в канун нового года по христианскому календарю, что совпало с днем рождения Анатолия, Мирдод, Довуд, переводчик Амир Мухамаади Самарканди во главе с Анатолием Ткачевым на БТРе направились к месту встречи. Путь к назначенному Масъудом месту лежал через гарнизон советских войск, расположение правительственных сил Афганистана и отряд моджахедов. И в любом из этих мест БТР мог быть подвергнут обстрелу.

Анатолий, мужчина высокого роста, с открытым лицом, рыжеватого цвета волос, с голубыми глазами, хорошо был осведомлен о сложившейся в округе ситуации. Также хорошо знал, что достаточно лишь одной оплошности, чтобы уже в пути к назначенному месту между сторонами разгорелся жестокий бой. И они могут оказаться посреди этой кровавой бойни. Особенно опасен был участок пути, где расположились отряды правительственных сил Кормала, не знавшие об этой акции.

Анатолий сидел в БТРе, и от нервного напряжения лицо его побледнело. На всем пути следования он то и дело снимал с глаз очки, протирал их, тем самым, успокаивая себя, не давая себе отчета в том, что в эту темную зимнюю ночь, когда на расстоянии одного шага уже ничего не видно, очки ему вовсе не нужны были.

БТР остановился на самой последней точке позиций правительственных сил. И те, кто должен был пойти на встречу, спешили и пешком направились в сторону расположений моджахедов. Расстояние в несколько шагов показалось им очень длинным, ибо в любую секунду могли раздасться выстрелы.

В следующее мгновение сквозь ночной темноты несколько раз моргнул карманный фонарик. Это был условный знак, куда им следовало направиться.

Коко Тоджиддин впереди, остальные следом из кишлака Руха направились в кишлак Бозорак. Дорога эта, полная извилистых мест, камней и изгибов, была своеобразной дорогой к установлению мира между противоборствующими сторонами, к прекращению огня и кровопролития. Хотя она и не была безопасной и на каждом шагу таила смертельную опасность, Анатолий со своими спутниками были первыми, кто вступил на эту землю с миролюбивой миссией.

- Основоположником и путеводителем этого мира является сам Ю.В. Андропов, - размышлял по пути Анатолий.

Действительно, с первых же дней разработки плана и ввода войск в Афганистан Андропов выступал против этой акции. Тогда его не поддержали ни командующие армией, ни политики, ни члены Политбюро ЦК КПСС. Теперь же, придя к власти, Андропов пытается остановить эту войну. И для ведения переговоров о прекращении огня, установления мира направил в Афганистан своих людей.

Коко Тоджиддин вел группу одному ему известными горными тропами, чтобы ненароком не попасть во вражескую засаду, или стать жертвой какой-нибудь шальной пули. Когда они дошли до дома Мухаммади Гафса, уже было за полночь. Хозяин дома встретил гостей посреди двора и провел в дом. Свет от керосиновой лампы освещал комнату не так, как хотелось бы новым гостям. Но, вспомнив, какой ценой они добрались живыми и здоровыми до этого дома, они вознесли руки и, зачитав суру из Корана, поблагодарили Оллоха за ниспосланное.

Чистота и уют комнаты Анатолию пришлись по вкусу. Он осмотрелся и заметил, что каменные стены дома, оштукатуренные смесью глины с соломой, ничуть не пострадали от бомбежек.

Извинившись, Коко Тоджиддин вышел, чтобы предупредить Масъуда о приходе гостей. Хозяин дома принес и расстелил дастархан, принес чай и лепешки. Затем в

алюминиевых мисках, в каких ели советские солдаты, принес всем по миске суп-шурбо. Попросил гостей приступить к трапезе.

Анатолий, не привыкший сидеть на курпаче (тюфяк), да еще на корточках, сколько бы не чувствовал себя неудобно, из уважения к местным обычаям, старался не выказывать своего недовольства. Он придвинул к себе миску, поел немного. Но чувствовал, что его что-то беспокоит. Хотя в комнате и царил мирная и спокойная обстановка, все же и до этого дома доходили звуки автоматных и пулеметных очередей.

Не прошло и часа, как Коко Тоджиддин вернулся и сказал, что Масъуд просит у них прощения за то, что этой ночью не может прийти на совещание: Он занят какими-то неотложными делами.

Сколько не хотел Анатолий встретиться с Масъудом и поскорей, хоть до утра, закончить беседу с ним и вернуться в воинскую часть русских, расположенную в Рухе, все же не смог. Он подумал, что в этот сложный период войны Масъуд хотел основательно изучить ситуацию и мог специально не прийти на эту встречу. Как бы там ни было, в любом случае Анатолий и его спутники находились в полной безопасности, и это их успокаивало. Могут до утра отдохнуть и дожидаться Масъуда. «Да и что он может сделать при таком своем положении? - думал Анатолий. – Цель у меня одна – во что бы то ни стало, терпеть, дожидаться Масъуда. Не стоит забывать, какой ценой он добился того, чтобы добраться сюда. Почти месяц ушло на это. Кроме, как терпеть и ждать, иного выхода у него нет».

После того, как поужинали, хозяин постелил гостям и пожелал им доброй ночи. От пережитого за день Анатолий подумал, что вряд ли заснет, тем более в чужом доме у чужих людей, не зная, кто друг, кто враг и нет гарантий, что суждено ли ему увидеть завтрашний день. То ли усталость одолела, то ли эти самые волнения напрягли его мозг, ложившись, Анатолий уже не помнил, как быстро уснул. Не смог нарушить его крепкий сон даже азон муэдзина, призывающий мусульман к утреннему намазу.

Пока гости спали, хозяин дома Мухаммади и Мирдоди Панджшери, уже знакомые друг с другом, закончив намаз, беседовали о войне, о жите-бытье.

Рассвело. Голоса, смех, доносившиеся из соседней комнаты разбудили Анатолия. Он чувствовал себя бодрым, отдохнувшим и отчего-то радостным на душе.

После того, как все позавтракали, Масъуд тоже пожаловал к ним. Из уважения к Масъуду все встали.

- Ох, уважаемые, не обижайте меня, не надо вставать! – сказал Масъуд. – Уважаемый Мирдод, ну, зачем так? Вы ставите меня в неловкое положение.

Извинившись за задержку, Масъуд с каждым поздоровался за руки.

- Уважаемый, тысячу извинений, что ночью не смог прийти к вам. Проклятая война много забот взвалила нам на голову. Ладно, уж. Скажите на милость, не устали, как ночь провели-то, накормили, напоили, спалось-то как? – с присущей ему уважительностью, обращаясь к Анатолию, спросил Масъуд. Переводчик перевел.

- Благодарю вас, Омир Сохиб! Все было организовано хорошо. – сказал Анатолий. – Ничего страшного, если мучаешься во благо доброго дела. как вы себя чувствуете? Я рад вас видеть!

- Слава Оллоху, все нормально! – ответил Масъуд и пригласил всех садиться за дастархан. – Если вы не возражаете, вместе выпьем по пиалке чая. Устод, вы человек, много выдавший в жизни. Пожалуйста, во славу Оллоха и его добрых деяний зачитайте нам суру из Корана! - обращаясь к Мирдоду, сказал Масъуд, вознеся руки к груди.

- Во имя Оллоха Всемогущего и Милосердного! Да будут наши помыслы, слова и поступки добрыми! И удача сопутствует нам в делах! Да порадует нас Оллох! – и по завершению благодарственных слов все вместе, вознеся и проведя руки по лицу, сказали: «Омин».

С первой же встречи Масъуд понравился Анатолию своей тактичностью. Открытость Масъуда, его доброжелательный взгляд, губы, склонные к улыбке, скромность,

приземистость, простота в обращении особенно пришлись по душе Анатолию. Он представлял Масъуда в генеральском мундире, с особой горделивостью. И не раз его тревожили вопросы: «Как он встретится и будет беседовать с этим человеком, прославившимся на весь мир своим полководческим талантом побеждать? Масъуд, являющийся ему врагом, примет ли его вообще и будет ли с ним говорить?» И это притом, что сам руководитель самой сильной державы в мире Ю. В. Андропов счел необходимым заключить мир не с первыми лицами Афганистана, а лично с Ахмадшахом Масъудом. И доверил это важное задание не кому-нибудь другому, а лично Анатолию Ткачеву, поручив ему любым путем найти Ахмадшаха Масъуда, договориться, организовать и провести переговоры.

Отсюда Анатолий был весьма рад такому великодушному приему и гостеприимству Масъуда. Вера Анатолия в благоприятном исходе начатого им дела укрепилась.

- Уважаемый гость, я узнал, что сегодняшней день в вашей жизни особый. Сегодня у вас день рождения. Так ли это? – спросил Масъуд, и Анатолий, выйдя из плена своих размышлений, радостный и удивленный отметил:

- Что вы человек великий, я знал давно. Но, что вы еще и такой прозорливый, узнал только сейчас, Омир Сохиб! В этих передрыгах войны я и про день своего рождения забыл. Спасибо вам, Омир Сохиб, что напомнили. Да, сегодня день моего рождения. В этот день я и появился на свет.

- Мухаммад! Коко Тоджиддин! – крикнул Масъуд, обращаясь к тем, кто находился за дверью. – Сегодня день счастья и радости нашего гостя. В день своего рождения он пожаловал в наш дом с предложением о мире. Это добрый знак нашего с вами счастья! Купите у кого-нибудь из соседей барана. Гость наш – посланник Оллоха! Своим участием мы тоже присоединимся к его торжеству.

Когда Амир Мухаммад перевел слова Масъуда, Анатолий попробовал было выразить свое недовольство:

- Омир Сохиб. Бога ради, не ставьте меня в неловкое положение. Я пришел к вам не для того, чтобы отметить свой день рождения.

- К нам вы пришли с добрыми намерениями, мы добром вас и встретим! – серьезно ответил Масъуд. – Мы с вами все дети Адама и Евы. Это потом нас разделили по верам и религиям и довели до сегодняшнего дня. Что плохого в том, что в день переговоров и обсуждения вопроса о заключении мира и прекращения огня ваш день рождения будет хорошим поводом, чтобы мы отмечали и наступление нового года по христианскому календарю и ваш день рождения? Или Всевышний сотворил нас только для того, чтобы мы всю жизнь воевали друг с другом и друг другу кровь проливали? На какое-то мгновение в комнате воцарилась тишина. Как человек высокообразованный и интеллигентный, Анатолий своим молчанием был согласен со сказанным Масъудом:

- Омир Сохиб, сегодня я ваш гость. Поступайте так, как считаете нужным.

- Уважаемый гость, это уже другой разговор. По-моему, барана уже доставили. Выйдем. – попросил всех Масъуд, приподнимаясь. Другие последовали за ним во двор.

- Ведите барана вот к тому углу, свяжите, несите нож! – велел Масъуд, обращаясь к хозяину, и Мухаммади Гафс отвел упитанного барана к тому месту, куда указал Масъуд. Подошел Коко Тоджиддин с острым ножом в руке.

- Пожалуйста, уважаемый гость, берите нож и зарежьте барана, - Масъуд обратился к Анатолию. – Сегодня день вашего рождения и честь зарезать барана доверена вам.

- Я не умею резать барана, - отказываясь взять нож, сказал Анатолий.

- О, ваш народ умеет людей убивать, а вы и барана не можете резать? – спросил Масъуд.

- Омир Сохиб, я в жизни этого не делал! – несколько обиженным тоном ответил Анатолий.

Масъуд по тону разговора понял, что слова его сильно задели гостя. Но он понимал и другое: высказанная им фраза прозвучала скорее всего как следствие затаившейся

обида, произвольно. Сожалея о сказанном, он понимал, что правда она всегда горькая. Да, он не должен был сказать этого. Но допустил-таки непростительную оплошность.

Воцарившуюся тишину нарушил сам Масъуд. Поручив Кoko Тоджиддину и Мухаммади Гафсу зарезать и разделать барана, он вновь обратился к Анатолию:

- Дорогой гость! Прошу прощения за столь резкие слова. Это я из-за нанесенных этой проклятой войной обид и мучений. Понимаю, не должен был сказать вам этих слов.

Еще раз прошу прощения.

- Вы, Омир Сохиб, сказали правду. Я тоже. В жизни я не убивал никого.

- Вы – человек счастливый. – заметил Масъуд. – Это к добру. Пожалуйте в дом. Пока будут жарить мясо, мы с вами будем беседовать.

Они вновь вошли в дом, и Масъуд, обратившись к переводчику, спросил:

- Брат, извини, беседуя с нашим русским гостем, забыл поинтересоваться вашим житьем-бытьем. Вас как звать-то?

- Амиром зовут, Омир Сохиб, - ответил переводчик, - Амир Мухаммади Самарканди.

- Из Регистона Самарканда? – спросил Масъуд, - Мои предки были из Дахбеда Самарканда. Вы из Регистона. Выходит, мы с вами не то, что земляки, но и одной крови, одной нации. У нас тоже здесь есть один из Регистона. Но его предки из Регистона Афганистана.

- Да, Омир Сохиб, сейчас я живу в Душанбе. – пояснил Амир Мухаммад.

- Главное не местожительство. Важно то, что мы с вами все - таджики, мусульмане. – отметил Масъуд.

- Алхамдуллилох! – подтвердил Амир Мухаммад.

- Вместе с семьей сюда приехали или один? – спросил Масъуд.

- Один приехал. Заканчивается срок службы. По воле Оллоха уеду. – сказал Амир Мухаммад.

- Ничего страшного. Такова жизнь. Ладно, в нашем краю тяжело пришлось? – спросил Масъуд вновь.

- Тяжело. Но вы же сами сказали, Омир Сохиб, что когда надо, жизнь заставит человека пренебрегать трудностями.

- Все пройдет, брат. Но твоя профессия переводчика, знание языков – дело хорошее. Этим ремеслом можно зарабатывать на жизнь. Должен быть благодарен судьбе. А твой спутник человек доброй души. Спроси его, кого он представляет.

Переводчик перевел слова Масъуда Анатолию.

- Я из аппарата Юрия Владимировича Андропова. К вам прибыл по его поручению. – сказал Анатолий.

- Это к добру. – сказал Масъуд.

- Эту бессмысленную войну ошибочно затеяли другие. – сказал Анатолий. – От этой войны огромные убытки понесли и мы, и вы. Пострадали как афганцы, так и советские люди. Огромные людские потери с обеих сторон. Наша цель – добиться прекращения огня, подписать протокол о заключении мира между нашими двумя противоборствующими сторонами. С этой целью и послали меня к вам.

- Мир в Панджшере или во всем Афганистане? – спросил Масъуд.

- Во всем Афганистане. – ответил Анатолий.

- Я обыкновенный рядовой моджахед. Ни полководец, ни главнокомандующий войсками Афганистана. – сказал Масъуд. – Вы сами хорошо знаете, что с нашими моджахедами воюют не только советские войска, но и войска правительства Афганистана. Если вам мое согласие нужно, я согласен подписать хоть сейчас, в эту минуту и секунду.

Достаточно ознакомиться с условиями договора и подпишу любой ваш документ, гарантирующий мир на моей родине. Но кроме моджахедов Панджшера, никто из властителей Афганистана не будет слушаться меня. Я – полководец без звания, без

печати и апартаментов. Кроме Панджшера и северных провинций Афганистана шурави подчинили себе весь Афганистан.

- Вы преградили путь нашей армии. – размышляя, вставил свою фразу Анатолий.

- Плохо сделали, что защитили свои дома от интервентов? – спросил Масъуд.

- Это ваше полное право, Омир Сохиб, и я вас не намерен упрекать.

- Всю жизнь я мечтал о мире и таким останусь до конца жизни. А ваш мир на сколько дней рассчитан? Когда намечено следующее наступление на Панджшер? С восемнадцатилетнего возраста вовлечен в войну. Живя войной, дожил и до седины в волосах. Изучил все коварства поджигателей войны.

Вслушиваясь в слова Масъуда, Анатолий молчал, не знал, что и сказать в качестве каких-либо опровержений его доводам. Единственное, что счел нужным сказать, была фраза:

- Мы намерены вывести свои войска из Афганистана.

- Это благородное дело, - отметил Масъуд. – Слава Оллоху, если будем живы к тому времени, будем благодарны вам за добрые слова. Но согласится ли с нашим с вами миром новое правительство Афганистана?

- Наш с вами разговор, Омир Сохиб, это начало того мира, и об этом пока не должны знать ни руководители правительства Афганистана, ни сотрудники службы безопасности. – пояснил Анатолий.

- Я что-то не понимаю этой политической игры и ваших целей. – Масъуд не скрыл своего удивления.

- После того, как вы дадите свое согласие на мир и подпишете протокол о заключении мира, мы сможем заткнуть глотку нашим недругам. – сказал Анатолий, - Советский Союз со всей своей мощью сегодня бессилен перед вами и моджахедами Панджшера. С целью договориться о подписании протокола о мире я и пришел к вам.

Масъуд хотел, было, сказать, что это все очередное коварство шурави перед новыми сражениями, но воздержался, сказав:

- Предъявите ваши условия.

- Начиная с этого часа до завершения переговоров и подписания протокола о мире, с обеих сторон прекратить ведение наступательных действий.

- Это значит, прекращение огня обеими сторонами. Таково одно из ваших требований? – желая уточнить, спросил Масъуд.

- Да, вы меня правильно поняли. – подтвердил А. Ткачев.

- Я с вами согласен, если не будет вероломства. – сказал Масъуд. - Ради мира я жизнь свою не пожалею.

Первые переговоры на этом закончились. Здесь не был еще подписан ни один официальный документ. Ни на одной бумаге этот разговор не был зафиксирован. Посланник Ю.В. Андропова Анатолий Ткаченко дружески побеседовал с Масъудом, и по ущелью Панджшер Афганистана было объявлено о прекращении огня.

- Омир Сохиб, ужин готов, - сообщил хозяин дома Мухаммад.

Масъуд провел рукой по волосам: - Неси воды, вымоем руки и приступим праздновать день рождения Анатолия! Слава Оллоху, день выдался на славу!

Действительно, сегодня Масъуд был счастлив. Настолько, что никогда за всю свою жизнь не испытывал таких восторженных чувств.

Хозяин дома принес и положил на дастархан* табак**, полный мяса. Заполнивший комнату пар с запахом жареной баранины приятно ласкал обоняние.

- Жаль, что не понимаю и не умею говорить на русском, чтобы от всей души поздравить Анатолия с днем рождения и с наступлением нового года! Да так, чтобы и сердце мое тешилось этим! – сказал Масъуд, обращаясь к переводчику. – Брат Амир, передай Анатолию мои искренние, от всего сердца идущие поздравления! Вы своим визитом принесли в наши дома счастье, мир и спокойствие. Слава Оллоху, будем надеяться, что и наш народ доживет до лучших времен, заживет новой счастливой жизнью! ...

... С условиями, касающимися прекращения огня, Анатолий еще раз нанес визит Масъуду. Было немало споров, разногласий. Каждый защищал свои интересы. Чтобы отстранить Масъуда от командования моджахедами Панджшера, члены советской делегации предложили ему выбрать любую должность в правительстве Бобрака Кормала. Мол, они могут устроить и это. Другой член советской делегации требовал, чтобы моджахеда сложили оружие. Но Анатолий, руководивший советской делегацией, всегда действовал здравым умом, с пониманием реальной ситуации, складывающейся к данному моменту. При этом, отвергая любые предложения, идущие вразрез интересов, как сторон, так и отдельных личностей. Да и потом, как Анатолию пойти к Масъуду с предложением сложить оружие, если Масъуд со своими моджахедами в неравном бою с шурави по сей день считается победителем, заставившим советских полководцев и командующих с поклоном прийти к нему с предложением о заключении мира?

С последних событий прошло не так уж много времени, как один из военачальников Советского Союза, претендент на должность министра обороны СССР Павел Грачев по приглашению командующего сороковой армией Советского Союза прибыл в Афганистан, чтобы прямо на месте разработать и спланировать очередное наступление советских. Из Кабула П. Грачев направился прямо в Панджшер. В этой своей поездке генерал взял с собой и Анатолия Ткаченко. Они вместе на вертолете облетели вдоль и поперек весь Панджшер, произвели съемки местности, сели возле кишлака Аъноба, где расположился советский воинский гарнизон. Здесь советский генерал встретился с местным населением. Обещал всем сказочный земной рай. Стоя лицом к лицу со старцами, одетыми в ободранных чапанах***, выступая с речью, П. Грачев сказал, что он в состоянии дать им землю. Услышав эти слова, Анатолий еще ниже опустил голову, чтобы скрыть от всевидящих глаз седебородых горцев свое смущение. После того, как прошла минутная волна обещаний, Анатолий поднял голову, всмотрелся в лица старцев. На их нехитрых лицах нетрудно было заметить удивление: Мол, кто он и откуда объявился этот всемогущий властелин, способный разделить и дать нам нашу же землю?

* **Дастархан – скатерть.**

** **Табак – деревянная миска для общего пользования.**

*** **Чапан – халат с ватной подкладкой.**

Согласно своим полномочиям, Анатолий Ткаченко составлял документы, предъявлял их Масъуду. Он всячески пытался предотвратить кровопролитие. Масъуд же требовал, чтобы советский воинский гарнизон и войска Кормала срочно были выведены из Панджшера, чтобы население, покинувшее кишлаки Панджшера, вернулось в свои дома, взялось за строительство новой жизни. Советский воинский гарнизон не намерен был не то, что покидать, даже отступать с занятых позиций.

При второй и третьей встречах стороны договорились, что часть советских и афганских правительственных сил будет снята с кишлака Руха и отодвинута в кишлак Аъноба. Впредь по всему ущелью Панджшер, части южных провинций и в тех местах, где действуют моджахеда Масъуда, боевые столкновения будут прекращены. Что касается прекращения огня, таким образом, Масъуд добился того, что в течение шести месяцев моджахеда и население Панджшера были освобождены от экономической блокады, грозившей им уничтожением. И в момент подписания протокола о заключении мира свой кинжал с бронзовой рукоятью Масъуд подарил Амиру Мухаммаду Самарканди, сказав напоследок:

- Раз уж ты из Регистона Самарканда, вези этот мой подарок на родину моих предков. Это - знак моей благодарности вам с Анатолием за ваши заслуги в установлении мира на нашей земле.

За все эти двадцать лет, проведенных Масъудом на поле брани, установившийся полугодовой мир был самым спокойным и счастливым периодом его жизни.

Анатолий и Амир Мухаммади Самарканди, Довуд и Устод Мирдод были теми людьми, благодаря которым население кишлаков Панджшера зажило относительно спокойной жизнью. Этой зимой, хотя и часть советских и афганских правительственных сил осталась в кишлаке Аьноба, были прекращены и боевые действия, убийства людей. Это относительное спокойствие Масъуд расценивал как затишье перед огромной бурей, которая вмиг может поглотить все живое, поголовно сровнять с землей все бедные домишки населения кишлаков ущелья.

Из своего многолетнего горького опыта Масъуд хорошо знал, и на себе не раз испытал, что такие акции, как временное перемирие и временное прекращение боевых действий – это всего лишь очередное коварство врага, чтобы притупить бдительность моджахедов, население кишлаков. Это напоминало ему хитрость дракона, своим мощным и длинющим телом обвившего крепкий ствол дерева и приступившего к колдовству, чтобы очаровывать, соблазнять свою жертву, прежде чем одним резким и мощным броском схватить ее. Как только человек и дракон встречаются взглядами друг с другом, человеку кажется, что все вокруг горит, и единственное спасение, это добраться до ближайшего, свободного от огня, места. Места, где все, кажется, цветет, благоухает. Околдованный этой красотой, всем своим существом человек направляется туда. И ... оказывается в пасть дракона.

Масъуд прекрасно осознавал, что советское командование планирует одним мощным ударом, сразу уничтожить моджахедов. Ему, Масъуду, представлен был и шанс: За это короткое время подготовиться, как следует, чтобы отразить атаку врага. Обо всем, что творилось во вражеском стане, чем дышал этот враг, что у него в перспективе – десятки его агентов, находящихся как в воинских частях непосредственно в Афганистане, так в Душанбе и в Москве, ежедневно и ежечасно поставляли ему всю необходимую информацию.

С момента подписания протокола о временном прекращении огня не прошло и двух дней, как Ого Сохиб предупредил Масъуда, что в Кабуле, в штабе войск сороковой советской армии, уже есть готовый подписанный план очередного крупномасштабного наступления на Панджшер со всеми подробностями, и в ближайшее время Борис Громов отвезет его в Москву, в Министерство обороны СССР. Масъуд потерял покой. Как только он услышал об этом, приказал Ходжи Азмуддину и своему заместителю Абдулхаю Илохи срочно вызвать своих полевых командиров, созвать экстренное совещание. На совещании, начиная со своих военных баз, находящихся в Тирмизе, Мазори Шарифе и на перевале Соланг, до Кабула, он каждому командиру дал конкретное задание. И так с Соланга до самого севера. Сам же Масъуд направился на север Афганистана. Целью его поездки было как можно скорее, до окончания срока перемирия и прекращения огня, создать свои военные базы и в северных провинциях, чтобы быть готовым к длительной и затяжной войне с советскими войсками и афганскими правительственными силами Бобрака Кормала.

Несмотря на зимний холод, взяв с собой командиров Панджшера Хусайна Мухаммади Сайида, Солеха Мухаммада Регистони, своих заместителей, связистов, после полуденного намаза Масъуд пешком пустился в путь, поскольку дорога проходила по бездорожью перевала Ховок, и использовать лошадей было невозможно, а время поджимало. После выпавшего ночью снега день был ясный. И Масъуд подумал, что за пять часов они доберутся до Андароба. Пройдя крутые горные серпантины, они поднялись на вершину. И чем ближе приближались к перевалу, тем сильнее дул холодный ветер, глубже становился снег, все труднее становилось движение.

Перевалив за Ховок, путники поняли, что ошиблись в расчетах. Снег, бьющий в лицо от сильного ветра, мешал им и двигаться, и видеть направление движения.

- Не уходите слишком далеко друг от друга. Надо двигаться вместе! – указал своим спутникам Масъуд. Оставив за собой перевал, группа остановилась. Масъуд начал притоптывать на месте. Его спутники поняли, что он готовит место для совершения

намаза и тоже остановились, чтобы немного отдохнуть, перевести дыхание. Вынужденные дожидаться, пока Масъуд закончит молитву, моджахеды повернулись к холодному ветру спиной.

Когда Масъуд закончил намаз, его спутники порядком продрогли. Но, ничем не выдав это, все двинулись дальше.

- Что, холодом пробрало? – спросил Масъуд Хусайна Мухаммада, шедшего сзади.

- Как бы там ни было, другого выхода нет. – ответил Хусаин.

- Не привык, брат, оставить намаз на потом. – пояснил Масъуд, - Это у меня сызмальства. Несмотря ни на что, при любых обстоятельствах привык вовремя совершать намаз, не упускать нужного времени.

- Омир Сохиб, мы привыкли к вашей пунктуальности. Ничего в этом плохого нет. Слава Оллоху, доберемся до нужного места.

- Не заблудиться бы. – сказал Масъуд.

- Регистони опытный в таких делах. Этой дорогой он ходил и зимой, и летом. – попробовал обнадежить Масъуда Хусайн.

- К тому же устали. Еще три-четыре часа нам путь держать. – сказал Масъуд.

- Слава Оллоху, приближаемся. Большую часть пути прошли, осталось совсем немного.

– Хусаин поддержал Масъуда.

Ближе к полуночи они дошли до мечети кишлака Андароба. Зайдя внутрь, сразу все сели вокруг сандала (камин) и начали греться. Совершив вечерний намаз, попили чай, до самого утра беседовали, читали газели Гафиза, вспомнили отрывки из «Шахнаме» Фирдавси.

Между тем Масъуд вслух зачитал бейт из газели Джалолиддина Балхи и попросил друзей обсуждать ее строчки:

**Эй барг, кувват ёфтї, то шохро бишкофтї,
Чун растї аз зиндон, бигў, то мо дар ин набс он кунем?**

**О, лист, повезло тебе, ты вырос из ствола,
И подскажи, как выбраться нам из этой темницы?**

- Что хотел сказать Мавлоно этим бейтом? – спросил Масъуд.

- Омир Сохиб, когда и откуда выучили эти бейты, что мы не можем найти? – удивленно спросил Солех Мухаммад.

- «Кто ищет, тот найдет» - гласит народная мудрость. Вы тоже, как и я, заведите отдельную тетрадь и записывайте туда понравившиеся вам стихи и заучивайте наизусть, – отметил Масъуд и обратился к Регистони: - Скажи, Регистони, что ты извлек из этого бейта Мавлоно?

- Если не ошибаюсь, Омир Сохиб, великий Мавлоно сказал весьма просто. Мол, эй, листва, откуда взяла силы, чтобы пробить сухую ветку? Как тебе удалось выбраться из этой темницы, чтобы и мы знали, как можно выбраться из этой тьмы? – ответил Солех Мухаммад, на что радостно отреагировал Масъуд: - Регистони, ты очень образованный человек! Будь проклята эта война и этот хаос. Как только наступит мир, берись за науку. Что касается смысла данного бейта, то ты определил точно. Это хорошо, что ты, как и я, имеешь свою тетрадь. Твоя тетрадь даже больше моей. Запишешь там иные свои заметки, приглянувшиеся стихи, бейты.

- Надежда умирает последней, говорят, Омир Сохиб. Когда-нибудь Оллох поставит конец всем этим войнам, и, может быть, напишем что-нибудь из воспоминаний о днях сегодняшних. Эта тетрадь, Омир Сохиб, дневник моих личных воспоминаний. – сказал Регистони.

- Оллох даст, Регистони добьешься своей цели. Неслучайно ведь сказано: «Добрые помыслы – пол победы». Дай, Оллох, чтобы мы с вами тоже дожили до тех светлых дней!

Глава VIII

**Калам дар панлаи ман нахли сармобурдаро монад,
Давот аз хушкмағзию даъони мурдаро монад.
На пайванде ба дирузе, на умеде ба фардое,
Дили беъсили ман шаъри тўфонбурдаро монад.**

**Ростку высохшему подобно перу в моих руках,
И чернильница пуста как рот мертвеца.
Ничто не связывает с прошлым, нет надежды на завтра,
Городу унесенному ветром, подобно опустевшая страна.**

Чем ближе подходила к концу осень, тем холоднее, дождливее становились дни. Население кишлаков ущелья Панджшер не успело собрать урожай зерновых, как выпал и первый снег. Казалось, люди, торопившиеся в мечеть на совершение намаза, суетились как-то необычно. Всем, кому довелось услышать муэдзина, возвещавшего о начале утреннего намаза, голос его показался каким-то необычным. И стар, и млад, шедшие в сторону мечети, пытались укрыться от сильного ветра и снега, успевавшего вмиг облепить людей толстым снежным покрывалом.

Имам-хатиб мечети, вознеся похвалы и благодарности Всевышнему за ниспосланное, закончил намаз, встал и обратился ко всем собравшимся:

- Родные и близкие! Как и договаривались, все собираемся в путь. Мы надеялись, что наступят-таки светлые мирные дни. Увы, выходит Всевышнему угодно было так распорядиться, чтобы мы еще помучились. Пусть будет так. Главное, что мы все будем вместе. Иного выхода, как собраться в дорогу, у нас нет. Раз уж выпал и первый снег, значит, с каждым днем будет все холоднее и труднее. Мы с вами в пути будем не одни. К нам присоединятся и люди из других кишлаков ущелья. Двигаться вместе безопаснее. Оллоху угодно было так распорядиться.

У кого в ближайших городах и кишлаках были родные, те нашли себе приют, укрылись от холода и снега. Мы с вами тоже до наступления холодов должны найти себе укрытие. Через час все население кишлака Джангалак, собрав все свое хозяйство, загрузившись на осликах и лошадях, покинуло родной кишлак. Население кишлаков Аъноба и Бозорак тоже, собравшись группами из пяти - десяти человек, следуя одна группа за другой, по узкой горной тропинке направилось на север. Люди не оставляли дома ни скотину, ни другую живность. Все, что можно было взять, брали с собой. Надежды, что весной или летом смогут вернуться, у них не было. Свежи были у них в памяти и события недавнего прошлого, когда после очередного наступления на их кишлаки, им был нанесен огромный материальный и человеческий ущерб. В этом переселении на помощь своим родным и близким пришли и моджахеды. Беспомощных стариков и больных посадили на ослы и лошадей. Все свои запасы пшеницы, другие пожитки люди взяли с собой.

В это первое снежное утро, как и у всех жителей ущелья, и у Масъуда было не так уж хорошо на душе. Закончив утренний намаз, выйдя из дома своего дяди Якуба, какое-то время наблюдал, как население покидает свои дома. От этой картины на душе у него стало как-то тоскливо. Он заметил, как его односельчанин Коко Куддус гонит впереди своей семьи свою костистую корову на холм, следом за ним последовали другие члены его семьи. А на осле сидел его десятилетний сын Абдурасул со своей простреленной ногой. Масъуду стало как-то не по себе. «О, Оллох, что это за напасть такая, что взваливаешь на плечи этих людей? – пронеслось в голове Масъуда. – В эту холодную снежную пору где эти старые немощные люди с раненым мальчиком найдут себе укрытие?» Правда, Масъуд заранее договорился с жителями отдаленных селений

насчет приюта жителей ущелья Панджшер. Но он знал, что они, хотя и примут нуждающихся, все же чужой дом все равно не свой, чтобы не чувствовать себя чужим. Притом в такое трудное время, когда голод и холод идут рядом.

Масъуд перевел взгляд ниже по ущелью. Сколько охватывал взор, картина везде была одинаковая: люди вереницами шли вверх, на север. И так по всему ущелью люди покидали свои дома. И всему этому было свое объяснение. Из надежных источников донесли Масъуду, что в ближайшие дни шурави намерены начать наступление по всему Панджшеру.

Население центра и юго-восточной части Афганистана подчинилось советским войскам. Только Масъуд восстал против шурави и со своими моджахедами перекрыл им вход в ущелье и выход на север страны, чтобы таким образом шурави не смогли захватить весь Афганистан и разместили здесь свои военные базы.

В четырех предыдущих наступлениях шурави понесли большие потери от моджахедов Масъуда. И ясно было, что на этот раз не будут жалеть никого: ни моджахедов, ни мирного населения. Будут использовать все подручные средства и виды вооружений. Масъуд знал, чтобы добиться своего, теперь шурави пойдут на все.

Холод и боль в раненом плече напомнили Масъуду, что он вышел наружу в одной легкой одежде. За это короткое время от запорошенного снега он весь был белый. Не выдержав то ли холода, то ли боли от увиденной картины, он вернулся в дом. «Без крыши над головой в эту зиму людям будет очень трудно!» - опять та же тяжелая мысль пронеслась по голове. «А что потом? Кому от этого выгодно? «Как найти выход из этого положения?» - Масъуд задавался такими вопросами и никак не мог найти им объяснений. Он углубился в свои размышления. Вспомнил и свой каменный домик, в трех маленьких домишках которого в детстве играл вместе со своими братьями и сестрами. Тогда домик этот напоминал им райский уголок. Жили радостной и беззаботной жизнью. Несмотря ни на что. Масъуд хорошо помнил, что самые лучшие и безвозвратные годы его жизни прошли именно в кишлаке Джангалак, в этом домике. Отсюда он уехал в дальние края. В Кабуле и Герате провел свои молодые годы, пошел в школу, поступил в высшую школу, обрел новых друзей, крепко встал на ноги.

Так уж распорядилась судьба, что с самых молодых лет связал свою жизнь с политикой. Среда, в которой он жил, вовлекла его сначала в политику, а затем и в войну. Водоворот событий, полный драматизма, и втянул его в эту жизнь. И, оказалось, выхода оттуда у него больше не было.

«В домике, где когда-то прошло наше светлое радостное детство, теперь нет той жизни. Своей неблагодарной поступью непрошенный гость осквернил, омрачил его быт.

Человечество учится, осваивает профессию, старается сделать что-то доброе, своим трудом кому-то принести пользу. Нас же не оставляют в покое в собственном доме. В чем мы провинились? За что? Кроме, как защищать свой дом, я ничем другим пока не могу заняться. Точно знаю, что на этом пути у шурави будут погибать невинные дети других вер и народов. Но вся вина за это будет на совести тех, кто привел этих молодых людей на нашу землю. Привел, чтобы убивать нас, сровнять с землей наши дома и села. О, Оллох, покажи мне путь истины! Не дай пролиться человеческой крови.

Когда подписывали протокол о прекращении огня, всем военачальникам шурави я сказал, что моей основной задачей является защита своего собственного дома, населения своего родного Панджшера. Никогда не претендовал, и не буду претендовать на чужую территорию, на чужой дом. Любой, кто приедет сюда с намерением убивать людей, в этом ущелье, в этом крае кроме своей смерти больше ничего не найдет» - так размышлял Масъуд, пока сам не прервал вереницу своих суждений, приказав позвать к нему Солеха Мухаммада.

- Брат Солех, - обратился к вошедшему мужчине, выглядевшему чуть моложе Масъуда.
- Соберите руководителей групп моджахедов. Необходимо поговорить. - И после того,

как Солех Мухаммад вышел, Масъуд вынул свой дневник, чтобы еще раз полистать, посмотреть и дать своим подчиненным необходимые инструкции.

Молодые моджахеды один за другим вошли в дом.

- Фахим Мухаммад и доктор Абдулло, вы со своими отрядами идете в Пули Хумри и в течение одной недели, начиная с Кундуза и кончая городами и селами этой стороны Соланга, Багрома и других ближайших мест, изучите, уточните расположения советских войск. Постарайтесь, любыми путями раздобыть как можно больше противотанковых и противопехотных мин.

Солех Мухаммад и Мухаммад Хусайн, вам обоим необходимо поехать в Пешавар Пакистана. Там вы найдете Устоду Сайёфа и доложите ему обстановку. Мое письмо передадите ему. Доложите Устоду Сайёфу о нашем положении с продовольствием. Запасы наши кончаются, зима вся еще впереди. Вдобавок к этому очень скоро начнется наступление шурави, и нам будет не до других дел и забот. Неделями, месяцами будем вынуждены оставаться в горах. В таком положении нам будет очень трудно. Все и всех можно обмануть, но желудок не обманешь. Если уже сегодня не примем соответствующие меры, завтра, когда наступят шурави, будет уже поздно.

Каждый из вас наряду с тем, что должен заботиться о себе, обязан думать и о своем напарнике. В минуты нужды должны делиться с напарником последним куском лепешки. Иного выхода у нас нет. Наш святой долг - защитить свой дом, своих близких, свой кишлак, свою родину.

После всех указаний Масъуд вложил свое письмо в конверт, передал его Солеху Мухаммаду, наказав:

- Берите рацию у связиста Абдусамада и отправляйтесь.

- Взяли, Омир Сохиб. Абдусамад сам принес и передал нам. – сказал Солех.

- Если взяли, тогда хорошо. Все старшие групп и отрядов, проверьте состояние раций, чтобы потом не было неполадок со связью. Сами знаете, что самое важное сейчас для нас это хорошо налаженная связь. У нас нет ни танков, ни машин, ни самолетов и вертолетов, чтобы вовремя прийти на помощь друг другу. Работу нам облегчит вот эта связь. Сказал не раз и повторю еще раз: Где бы ни были, свои секреты о проделанной работе всегда держите при себе. Если уж взболтнули, считайте, что все пропало. Всегда будьте со мной на связи. Купленные мины, оружие и боеприпасы грузите на ослах, лошадях и отправляйте в Панджшер.

В первые два месяца зимы наша с вами задача собрать и привезти в Панджшер мины. Будь это противотанковые, или противопехотные мины. Мы должны быть готовы защититься. Как раненый дракон, на этот раз шурави нанесут нам удар всей своей мощью. Теперь вместе с ними будут и правительственные войска Афганистана. Это значит, что шурави на этот раз хотят уничтожить нас как своими силами, так и руками наших же братьев. Мы с ними подписали протокол о прекращении огня и заключили мир. Они не сдержали своего обещания, планируют новое наступление на Панджшер. Нас больше жалеть не будут. Я в курсе их дел и планов. Поэтому и население кишлаков отправили в безопасные места. Не забыл и о нашей с вами безопасности. Абдулхамид, вы едете в Кабул и окрестности центра. Каждая из групп действует по согласованию друг с другом, и в нужный час выходит на связь с нами, чтобы мы тоже были в курсе происходящего. Согласно складывающимся условиям, дальнейших распоряжений с доставкой оружия и боеприпасов ждите на подступах Панджшера. Моджахеды, оставшиеся в Панджшере, будут заняты внутренней обороной. У них будут другие задачи.

Разъяснение задач каждой из групп на ближайшие недели и месяцы продолжалось до самого полудня. Затем все группы разошлись. Масъуд поручил всем оставшимся командирам собраться у него после полуденного намаза. В это время один из его телохранителей попросил разрешение доложить и сообщил, что кинорежиссер Кристоф

де Понфилий вместе с несколькими другими репортерами и еще одним своим коллегой дошли до Аъноба и послали человека с просьбой принять их.

Услышав это, Масъуд задумался. Понял, что приезд Кристофа в Панджшер вместе с другими репортерами в это трудное время доставит ему еще немало хлопот. Кристоф обещал, что вернется сюда весной. Что вынудило его, несмотря на этот холод, вернуться сюда уже в конце осени, Масъуд еще не знал. Но он знал другое: С каждым своим приездом в Панджшер Кристоф оставался здесь как минимум на два-три месяца. Сегодня, когда все население покинуло свои кишлаки, ради чего-то Кристоф готов и себя не жалеть. Много свободных пустых домов в Панджшере. С крышей над головой проблем не будет. Но Масъуда удивляло другое: Как человеку, жившему в роскошных особняках Парижа, жить и привыкать к холодному горному Панджшеру? Какой породе людей принадлежит этот человек, ради какой выгоды он готов перенести голод, холод, неудобства, пуститься под пули? Всевышний по своему усмотрению сотворил род людской.

Масъуд повернулся к своему телохранителю Шамсиддину, дожидавшемуся ответа у двери, и, отчего-то довольный, сказал:

- Иди, Шамсиддин! Скажи Коко Тоджиддину, чтобы поселил гостей в какой-нибудь мало-мальски приличный дом. Как только у меня будет время, сам загляну к ним.

Шамсиддин ушел. Масъуд вышел из своего дома, чтобы совершить омовение. Но из головы все еще не уходила мысль о Кристофе и его друзьях: «Кристоф намерен снять новый фильм о моджахедах и сегодняшней жизни афганского народа в условиях войны с шурави на примере Панджшера и населения его кишлаков. У него нет других целей. Но в Афганистане действуют тысячи вооруженных группировок. Почему Кристофу не снять фильм хотя бы об одной из этих группировок? Который год, как не желает оторваться от моджахедов ущелья Панджшер. Вот уже который год, как Дустум сплотил вокруг себя узбекские племена на юге страны. Хикматёр в Пакистане и на границе имеет тысячу своих моджахедов. Но нет. Этот Кристоф хочет снять все свои фильмы о Панджшере и о жизни этих людей. Если он поговорит с Хикматёром и займется съемкой фильма о его сражениях с Дустумом, то что будет? Нередко бывает, что они то воюют друг с другом, то заключают между собой мир и вместе сражаются против правительственных войск Афганистана. Не прошло много времени, глядишь, как волки, не разделившие между собой тушу овцы, уже готовы перегрызть горло друг другу.

Кристоф снял немало о нашей жизни, о нашей борьбе. Но почему он ни разу не пошел к другим афганским вооруженным группировкам, чтобы снять такой фильм, который охватывал бы все стороны жизни афганского народа, сплотил бы моджахедов Афганистана в борьбе за свободу своей родины, своего народа?

Будет на то воля Оллоха, после сумеречного намаза, поговорив с моджахедами, определив задачи каждого, пойду к Кристофу. Там и поговорю с ним обо всем. Может, с помощью его фильмов и удастся нам объяснить и направить в правильное русло силу народа, его мудрость. Сколько можно терпеть это кровопролитие, нищету, голод, бесправие? Надо найти выход из создавшегося положения. Но у нас нет руководителя, способного руководить нами и направить нас по верному пути. Что мы за невежественные и несчастные племена и народности, что из поколения в поколение, из века в век не знаем, что такое мир, не можем жить без братоубийственных воин?

Некогда имели великий Хуросон. И эта персидская империя в свое время прославилась на весь мир. Врагам удалось нас расчленив, чтобы впредь не смогли объединиться. И как только мы пытаемся пробудить в себе чувство собственного самосознания, определить, кто мы есть, враг вклинивается, сеет между нами семена вражды, стравливает нас друг против друга, и из века в век мы не можем выйти из пекла воин и убийств, чтобы вернуться к своим великим истокам. И так всю жизнь. Где выход к светлой жизни? Наши предки так и не нашли путь спасения. Мы тоже не смогли его найти. И так дальше жить?

Кроме святой религии Ислама, кроме исполнения повелений Оллоха, кроме душевной добродетели нет у нас ничего. В чем мы провинились перед Оллохом, что Всевышнему суждено было ниспослать нам столько бед и несчастий?

Правда, что не отдельные личности, а большинство людей верующих в Оллоха, своими черными деяниями очернило и продолжает чернить Ислам. Причем так, что в глазах большинства Ислам предстает теперь как религия террора и убийств. Вместо того, чтобы этим очернившим Ислам невежествам понести страшное наказание Оллоха, наказывающий меч падает опять-таки на голову простых смертных, рядовых мусульман, кто испокон веков живет простой жизнью рядового, свято верующего в столпы Ислама соблюдающего законы Шариата.

О, Оллох, кроме твоих воздаяний и поддержки нет у нас иной опоры! Наша жизнь тяжелая, несносная, полная крови. Мы не знали и не знаем, что такое хорошая жизнь. О, Оллох, не приведи, чтобы и наши дети жили также. Подари им жизнь светлую, счастливую, без воин и кровопролития!

Может, Кристоф со своими фильмами хоть как-то сможет помочь нам во имя святых идеалов объединить, сплотить народ. Но сделать это - дело трудное, можно сказать, непосильное, ибо население поглощено сплошной неграмотностью, бескультурьем. Большинство из нас не может отличить правды от лжи. Необразованный человек напоминает нам того слепого, кто идет по ночной темноте. Несчастья страшнее необразованности нет на свете».

Закончив полуденный намаз, Масъуд позвал и разъяснил командирам оставшихся групп моджахедов важность момента в связи с отражением готовящегося очередного наступления шурави.

- Комментировать больше нечего, - начал Масъуд. – Чей дом ближе к входу в ущелье? - Наши дома. – ответили двое, и один из них вышел вперед.

- Раз уж так, то вы со своими группами займете удобные позиции выше, прямо над дорогой. Кому, что не понятно? – объяснив всем собравшимся значение предстоящего боя, спросил Масъуд.

- Все понятно! – последовал ответ полевых командиров.

- Руководителям групп, действующих над Аънобой, Бозораком и Джангалаком, следовать такой же тактике. Раз уж всем понятно, начиная с этого часа, все приступаем к выполнению своих заданий. – определился со сроками Масъуд. - Еще раз напоминаю: Малейшая оплошность в наших действиях, считай, все мы уничтожены. Мы имеем дело с противником, который в тридцать раз превосходит нас по численности, и в тысячу раз по боевой оснащенности. Побеждает тот, кто обладает здравым умом, занимает более удобные позиции, хорошо владеет тактикой ведения боя. Не мне вас учить, как воевать в наших горных условиях. – Масъуд сделал паузу, помассировал лоб и закончил – Саперам остаться! По моим расчетам их где-то десять-пятнадцать человек.

Руководителям групп к завтрашнему дню представить мне список молодых способных моджахедов. Брат, Абдусамад, составь список обучающихся. И за каждым сапером закрепите по десять моджахедов, чтобы в течение месяца обучились ремеслу сапера. Итого у нас будет сто пятьдесят саперов. Это будет в дополнение к их участию в боевых операциях. И чем быстрее они освоят это ремесло, тем лучше будет для нас. По-моему, я все сказал. Если нет вопросов, можете приступить к делу. - командиров, представлявших группы из кишлака Бозорак, Масъуд попросил остаться, остальных отпустил.

Следом за Масъудом группа из тридцати моджахедов направилась к реке Панджшер, протекавшая чуть ниже того места, где они совещались.

- Вместе с вами на том берегу определим еще одно место для огневой точки, – объяснил Масъуд одному из своих командиров из кишлака Бозорак, коренастому, среднего роста Мухаммадису, указывая на одну точку на противоположной стороне реки.

Серые тучи закрыли собой солнце. Дул сильный холодный ветер, пахло снегом. Непрестанно ливший двое суток дождь осложнил и без того трудное положение жителей кишлаков ущелья. Буйствующие волны реки Панджшер, смешанные грязью, будто обиженные и злые на кого-то, бились по прибрежным камням, извивались и, слившись с громадной массой, уходили прочь, на юг. Если бы в этот день жители кишлаков видели это состояние реки, подумали бы, что и река сочувствует им в их горести. Но, увы, за этой картиной наблюдать было некому. Страх перед возможным налетом армии и авиации шурави, выдворил их всех из своих кишлаков. Опустели и прибрежные дома. Казалось, что во всем ущелье не осталось ни одной живой души.

Над ущельем постепенно опустился густой туман, закрыв собой и вершины горных хребтов, покрытых выпавшим первым снегом. Нет-нет, да слух улавливал раздающееся карканье ворон, неизвестно откуда залетевших в эти края. Вслушиваясь повнимательнее в это птичье карканье, проницательный человек легко мог открыть для себя, что и это карканье чего-то не дополняет. Подумав, в следующее мгновение его осеняет, точнее, опечалит другое прискорбное открытие: Нет хорового пения друзей наших пернатых. Обычно птицы пели стаями, заполнив своей дружной разноголосицей всю окрестность. Теперь осталось только соло, да и то в исполнении откуда-то залетевших сюда заблудившихся ворон. Нет теперь того разноголосого пения воробушек, голубей, горлиц и других певчих пернатых, своим присутствием украшавшие повседневный быт жителей кишлаков ущелья. Вместе с людьми покинули свои гнезда и обжитые места и эти невинные создания.

В канун послеполуденного намаза Масъуд, усталый и опечаленный чем-то, пришел к коко Тоджиддину, чтобы узнать, у кого нашли прибежище Кристоф де Понфилий и другие незванные гости, сопровождавшие его.

Кристоф и по возрасту был старше, и по росту был на голову выше Масъуда. Он был мужчиной рослым. Небольшая лысина выше лба, голубые проницательные глаза, жилистые руки, так сочетающиеся с его телосложением. Чем-то непонятным, быть может, своей открытостью, но после первой же встречи Масъуду понравился этот европеец. Очередной визит Кристофа в Панджшер был четвертым. Познакомившись, они с первого же раза стали близкими друзьями. Знание французского дало Масъуду возможность ближе познакомиться с Кристофом. Еще в свои молодые годы, когда учился в лицее «Истиклол» города Кабула, Масъуд изучал французский язык, читал на нем произведения французских писателей.

Когда Масъуд вошел в дом коко Тоджиддина, хозяин уже посадил гостей за дастархан. Сидя на курпачах, гости о чем-то беседовали. Хотя языком жестов и мимики разговор никак и не клеился, видно было, что собеседники все равно понемногу понимали друг друга. Слегка кашлянув, Масъуд дал знать сидящим о своем приходе. Сидящие встали ему навстречу. В знак взаимного уважения Кристоф с Масъудом поздоровались по таджикским обычаям, широко раскрытыми руками обнявшись друг с другом.

- Добро пожаловать, брат! Очень рад твоему приходу к нам! – на французском обратился к Кристофу Масъуд и спросил – По-моему, добираясь к нам, страшно замучились. Не так ли?

- Конечно, не обошлось и без этого, Омир Сохиб. – ответил Кристоф, с особым уважением произнеся имя Масъуда. – Сами знаете, большинство дорог и тропинок закрыто. Через одну дорогу не пускают советские солдаты, на другом месте дорогу преграждают неизвестные группы моджахедов. Со стороны Пакистана Хикматёр закрыл дорогу, с юга – Дустум. Афганистан это не Панджшер, где от мала до велика знают меня. Плохо еще и то, что в домах жителей нет ни электричества и ни телевизора. Посмотрели бы мои фильмы, знали бы меня, как и в Панджшере.

- Тогда и живым бы не остался. – с легкой иронией заметил Масъуд.

- Вы правы, Омир Сохиб. – Кристоф поддержал Масъуда. – Меня убили бы или моджахеды других групп, или сотрудники КГБ СССР. По фильмам об Афганистане меня

знают не то, что французы, но и народы других стран: Италии, Германии, даже Америки. А вот само население, о жизни и быте которого я и рассказывал в этих самых фильмах, абсолютно меня не знает.

- Так, ты же сам говорил, что это и к лучшему. – вставил Масъуд. – Какой дорогой пришли-то? Через Мазори Шариф или какой-то другой дорогой?

- Говорил же, Омир Сохиб, что мучений, тяжелее, чем эти, еще не знал. Мне-то в силу моего крепкого тела, не так уж тяжело было. Но вот моему оператору господину Жерому Бойну действительно пришлось туго. – пояснил Кристоф.

- Тяжелее мучений, чем эти, думаю, быть не может. – проведя пальцами руки по своим длинным волосам, и Жером включился в разговор. – На границе с Пакистаном чуть было, нас не застрелили. Не знаю, это были моджахеды или разбойники с большой дороги, но обыскали нас с ног до головы. Конечно, ничего-то не нашли, но на сутки нас посадили в холодную кибитку. В какие только инстанции не обращался Кристоф. Все было тщетно. Предложив взятку, спаслись, наконец.

- Ладно, живы, здоровы, и то удача. Как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Раз уж вышел путешествовать, трудностей не избежать. – успокаивая и поддерживая своего напарника, начал Кристоф. – Надо отработать свой кусок хлеба. Если уж подумать о философии жизни, так она – сплошное мучение. Не горюй, Джером. Как только приедем в Париж, у себя на даче, в компании какой-нибудь милашки вытравишь из себя всю накопившуюся в Афганистане усталость.

- Наша с тобой профессия, Джером, трудная и требует полной самоотдачи. – философски отметил Кристоф. – И потом у каждого в жизни есть своя цель, своя мечта. Наша с тобой задача – показать миру трудный и жестокий быт афганского народа. Народ этот борется за свою свободу. Беседуя, мы с тобой оба пришли к такому выводу. Что еще ноешь?

- Нет, я не ною. – задумавшись, как бы для себя отметил Джером. – Я это к тому говорю, что если бы мы пришли сюда весной или летом, может быть, столько и не мучились бы.

- Ничего страшного. – сказал Кристоф. – Что за мужчина, если не будет знать, что такое трудности, мучения? Если мы останемся живы, все будет в порядке. Смотри, каковы условия у Омир Сохиба. В каких условиях живет, и какие он подвиги совершает. Смотри, в каких условиях живет население Панджшера. Холод, голод, разруха и одно понятие – Родина. Ею и живет этот народ. Что мы за люди, если живем в роскошной стране мира, и проезд сюда кажется нам сущим адом? Неужели человек рождается на свет, чтобы думать и заботиться только о каких-то своих выгодах? Если мы с тобой не соберем материал о жизни и быте этого народа, не покажем его миру, то кто за нас сделает это? Следовать утверждению «Моя хата с краю, я ничего не знаю» я не могу. Сам знаешь, Джером, что сегодня беды этого народа – беды всего мира. Если Омир Сохиб это человек, посвятивший свою жизнь служению своему народу, то я свою жизнь посвятил служению всем бедным людям земли. Мы с вами, уважаемый Джером, сейчас же прекратим изливать душу, и поинтересуемся у Омир Сохиба его жизнью и бытом.

- Да, вы вот беседуете между собой, а нам интересно знать, зачем, с какой целью пожаловали к нам уважаемые репортеры на этот раз? – вставил свой вопрос Масъуд.

- Мы на все сто процентов согласны с вами. – сказал молодой блондин с длинными волосами. – Мы тоже французы. Пришли к вам вместе с кинорежиссерами, чтобы подготовить интервью с вами для французского журнала.

- Если вы не против, мы с Кристофом продолжим нашу беседу. – обратился к гостям Масъуд и повернулся к Кристофу. – Спрашивал, чем и как живу? Слава Оллоху, что еще сказать? От ваших зорких любопытных глаз ничего не скроешь. Вы, как горные орлы, с высоты своего положения видите внизу буквально все. Скажи уж лучше, Кристоф, какой дорогой добрались-то сюда?

- Из Пакистана через хребты гор Кунор и Нуристон. – ответил Кристоф.

- Вах! Замучились страшно, что так горестно рассказывали об этом. – заметил Масъуд, хорошо знавший насколько труден этот путь. – А в Панджшере сколько времени остаться хотите?

- Если будет возможность, до весны. – ответил Кристоф. – Конечно, коллеги-репортеры после того, как закончат свои дела, еще на день-два останутся здесь. Потом уйдут. Сами знаете, Омир Сохиб, что нам еще предстоит работать здесь долго.

- До весны не так уж много времени? – спросил Масъуд.

- Задумали создать новый фильм о сражении в Панджшере.

- Задумка ваша хорошая. Только кто даст вам гарантий вашей безопасности? Сам видел и знаешь, дорогой друг, что такое война, как бомбят вертолеты и самолеты шурави. Увидишь, каково массовое переселение. К весне шурави намерены сровнять с землей все ущелье. Вместе со своим фильмом будешь похоронен в Панджшере. Что, Кристоф, намерен до самой весны так и скитаться с нами по горам? – с печалью в голосе спросил Масъуд.

- Вы, Омир Сохиб, имеете в виду мои теплую кровать и хорошее питание? – желая уточнить, спросил Кристоф. – Если бы мы желали такую роскошь, не покинули бы роскошный Париж и не прибыли бы в Панджшер. Я привык к вашему куску черствой лепешки, жареным пшеничным зернышкам и тутовому толокну. И как моему коллеге и напарнику, Джерому тоже от трудностей бежать некуда.

- Знаю, что потеряете все здешние жизненные тяготы. – сказал Масъуд. – Мы с вами месяцами были на боевых позициях. Спору нет. Но на этот раз ваша жизнь будет под большой угрозой. Намереваясь снять фильм, явно окажетесь под градом пуль и ракетных обстрелов. Боюсь, снятые вами фильмы останутся незавершенными. Потом знаю, что ваши дети еще очень малы, братья будут ждать вас. Вы – представители одной из великих держав мира. Я, Кристоф, на этот раз не могу дать вам гарантий, что останетесь живы. Мне своих грехов достаточно, чтобы брать на себя вину за вашу смерть, чтобы потом весь мир проклинал меня.

- В ближайшие дни шурави вновь нападут на Панджшер? – вывел и спросил Кристоф у Масъуда. – Вновь вероломство?

- Сегодня нападут или завтра, неизвестно. Но точно знаю, что Панджшер хотят подавить окончательно. Обеспечить пропитанием двоих-троих гостей, мне труда не составляет, но гарантировать вашу безопасность не могу.

- Дорогой ты мой, Омир Сохиб, - восхищенный искренностью Масъуда, сказал Кристоф. – В прошлых боях приходилось видеть, как ваши люди прячутся в горах, между скалами, копая себе убежища прямо под валунами, как волки и тигры для своих детей. Знаю, не один и два месяца им приходилось жить в этих укрытиях. Мы с Джеромом тоже здесь, в Рухе, под валуном выроем себе убежище и останемся до весны. Отсюда прекрасная будет панорама для съемок. Да так снимем, что никому в мире до сих пор не удавалось делать таких съемок. Я, Омир Сохиб, научился у вас предугадывать что-то. И кто знает, представится ли мне в жизни еще такая возможность.

Умоляю вас, Омир Сохиб, не лишайте меня возможности снять вволю хотя бы этот свой фильм, чтобы было, что можно оставить в наследство своему народу, своим детям, потомкам.

Что касается вашей ответственности перед нашими семьями, детьми, нашим властям, перед мировым сообществом, можете не беспокоиться. Прямо сейчас мы с Джеромом собственноручно напишем расписку, что мы с Джеромом по своей воле и не по чьему-либо принуждению, добровольно прибыли из Парижа в Панджшер. Здесь мы находимся с целью снять фильм. И чтобы ни случилось с нами, пусть, ответственность ложится на нас самих. Никто нас к этому не принуждал.

Да, кстати. Кроме, как изложить все это на бумаге, мы можем еще заснять это на пленке и кассеты с нашими заявлениями отдать вам.

За долгие годы дружбы с этим упрямым человеком Масъуд знал, что Кристоф решителен и переубедить его в чем-то невозможно. И отступать от своего он не намерен. Чтобы снять фильм, он преодолел такое расстояние, не побоявшись трудностей. Добрался до Панджшера. И Масъуду ничего не оставалось, как согласиться с Кристофом.

О подготовке шурави к очередному наступлению Кристоф узнал от Масъуда. Он знал, что Масъуд всегда говорит правду, ненавидит ложь. Хотя Масъуд не назвал точной даты наступления, Кристоф понял, что благодаря своим многочисленным информаторам, внедрившимся во все структуры подразделений войск шурави и правительственных сил Афганистана, Масъуд всегда находился в курсе происходящего в стане врага, знал, чем дышит враг, какие строит планы вражеское командование. Даже знал, какой численностью солдат и офицеров, каким вооружением обладает враг и когда намерен начать наступление. Кристоф знал и другое. Чтобы не раскрыть своих планов, Масъуд всегда воздерживался от каких-либо комментариев. Потому Кристоф стал дожидаться, что скажет на этот счет сам Масъуд.

- Раз уж так настаиваешь, Кристоф, сам решай. – сказал Масъуд. – Правильно, от судьбы не убежишь. Чему быть, того не миновать. Говорил и говорю: Чтобы потом не упрекал, что Масъуд не предупреждал. Поступай, Кристоф, так, как душа велит тебе.

- Благодарю вас, Омир Сохиб! Искусство требует жертв! Благодарен я судьбе за то, что посвятила меня профессии кинематографиста. Как вы сказали, Омир Сохиб, если все заранее предопределено судьбой, то от судьбы никуда не убежишь. Иначе чем объяснить тот факт, что я оставил Париж с женой и четырьмя детьми и променял свою спокойную беззаботную жизнь на мучения и скитания по горам и ущельям Афганистана? И все ради того, чтобы рассказать всему миру о трагедии, обрушившейся на голову народов этой страны. После меня наряду с детьми останутся лишь эти фильмы. Чтобы потомки сказали, что некогда жил француз по имени Кристоф де Понфилий и променял все свое состояние, красоты Парижа, величие Эйфелевой башни на горные хребты Гиндукуша и ущелье Панджшер. И десятки лет своей жизни посвятил осуществлению своей мечты – съемке сериала, рассказывающего об этой многострадальной, войной разрушенной стране.

Перевел снятые до сих пор фильмы на английский, итальянский и язык дари и распространил их по всему миру. Теперь снова прибыл в Панджшер.

- Вы, Кристоф, отдыхайте со своими спутниками. Настало время намаза. С вашего позволения, я пойду, чтобы не опоздать. – сказал Масъуд, вставая из-за дастархана. – Успехов вам. Коко Тоджиддин и его дом в вашем распоряжении. Если проблемы возникнут какие, дайте знать. Да хранит вас Оллох!

- Да хранит и вас Оллох! – на дари сказал Кристоф, вставая и провожая Масъуда. Плотная пелена тумана еще не покинула ущелье. Шел легкий снежок. Под тутовником Масъуд о чем-то поговорил с коко Тоджиддином и ушел.

Выходя, коко Тоджиддин сказал:

- Сынок, может, останешься, переночуешь здесь, с гостями? Все равно дома никого нет. Да и у меня после ухода внуков дом вовсе опустел.

- Коко, забот невпроворот. Аж голова трещит.- задумчиво ответил Масъуд. – Зайду к себе, узнаю обстановку. Переночую или там, или в другом месте. Да и какой уж там сон, когда мысли о предстоящем наступлении не идут из головы?

- Как хочешь, дорогой! – попрощался с ним Коко Тоджиддин.

Коко Тоджиддин знал, что Масъуд никогда никому не говорил, куда идет, где будет ночевать. И было отчего: Враг не раз покушался на его жизнь. И такая предосторожность в нынешнем его положении была как раз на руку Масъуду. Коко Тоджиддин же и днем и ночью – всегда в течение всех прошлых лет находился рядом с Масъудом. И многие, знавшие это, негласно называли Тоджиддина тенью Масъуда.

Ясное дело, жизнь у каждого проходит по-своему, на свой лад. Коко Тоджиддин же в силу своей многодетности, чтобы справиться с хозяйством, до объявления джихада был простым дехканином. Но с тех пор, как Масъуд стал руководителем моджахедов ущелья Панджшер, Коко Тоджиддин тоже встал в ряды моджахедов. Он также знал, что нет в стане моджахедов самих братьев Масъуда: Ахмад Яхё учится в институте за границей. Ахмад Зиё учится в лицее Кабула. Коко Тоджиддин же, как близкий родственник, всегда находится рядом, охраняет его. Масъуд доверял ему свои важные секретные планы. И этот мужчина всегда оправдывал его доверие, справлялся с любым его заданием. Теперь же в его нынешнем положении выходило, что он становился слугой двух хозяев – Масъуда и Кристофа с его друзьями, решившим оставаться здесь, в Панджшере до наступления весны. Правда, что каждый раз, когда Кристоф приезжал сюда в Панджшер, и оставался здесь месяц-другой, чтобы сделать свои съемки, всякий раз давал Тоджиддину некоторую сумму денег, чтобы Тоджиддин покупал им продукты питания. Кристоф хорошо понимал положение Тоджиддина и помогал ему по хозяйству.

Этой ночью за дастарханом Кристоф вновь заговорил на эту тему и вынул из кармана пиджака немного американских столларовых купюр. Положил он эти деньги перед Коко Тоджиддином и на ломаном персидском, вперемежку с французским, попросил его, чтобы он на эти деньги купил муку, масло, мясо. И показал Коко Тоджиддину свои четыре пальца, давая понять ему, что не исключено, что на этот раз они могут остаться здесь на четыре месяца. Языком жестов и мимики Кристоф дал-таки понять Коко Тоджиддину, что если будет нужда, они будут и дальше помогать ему по хозяйству.

Начиная с завтрашнего дня, Кристоф вместе с Джеромом и другими моджахедами решили подняться на склон горы и выбрать для себя удобное место для съемок, заняться рытьем окопов и землянок, чтобы во время боя суметь снять сюжеты для будущих фильмов.

Масъуд, хотя и очень устал от дневных забот, после вечернего намаза вернулся в свою землянку, что находилась над холмом Сарича. Его землянка не была особенно примечательной. В основном обтесанный с трех сторон каменный гранит. Вокруг этой землянки не было ни одного кустика или дерева. Огромный валун, стоявший над землянкой, служил и своеобразной крышей. Это место Масъуд выбрал неслучайно. В случае боя и нападения врага единственная дорога, ведущая в ущелье, просматривалась отсюда как на ладони. С другой стороны, в случае необходимости можно было незаметно выйти из землянки и скрытно уйти по склону горы. Огромный валун над землянкой надежно защищал людей от любого обстрела. Будь это снаряд, ракета или залп гранатомета. Изнутри землянка была оштукатурена обыкновенным глиноземом. Пол был устлан картоном из под шкафов и прочей хозяйственной утвари и накрыт стареньким потрепанным паласом. У единственного небольшого окошка стоял маленький самодельный столик, на котором лежали книги и тетради Масъуда. В основном так коротко можно было описать рабочую землянку Масъуда. В этом и заключалась роскошь рабочего кабинета и места отдыха командующего моджахедами Панджшера, преградившего путь советским войскам на север Афганистана. И эта единственная дорога находилась под контролем моджахедов Масъуда. Чуть дальше землянки Масъуда, еще под одним огромным валуном моджахеда выкопали себе место, приспособив его под столовую, где иногда, в дни занятий и совещаний, пекли себе лепешки или готовили обед. Это место иногда служило моджахедам, прибывшим из отдаленных селений, и своеобразной гостиницей. Во время же сражений и ракетных обстрелов это укрытие служило им и надежным убежищем, где могли поместиться десять-двадцать моджахедов.

После того, как совершил намаз, Масъуд взял у молодых служивых немного лепешки, толченого тутовника, завернул все это в платочек и направился к мазару (**кладбище**), находившемуся чуть выше кишлака. Хотел проведать тамошнего суфия. Вспомнил, что

надо и в бутылочке взять этому Суфи и немного масла для его лампы, и он взял с собой бутылку с маслом.

Будучи глубоко верующим, Масъуд с особым уважением относился к людям верующим. И в трудные моменты жизни иногда помогал этим суфиям, устраивал им обеды.

Старик встретил Масъуда в своей келье, весьма приветливо. Масъуд понял, что старик рад его приходу.

- Добро пожаловать, Омир Сохиб, в мою скромную обитель! – красноречием встретив Масъуда у своего порога. – Проходи, присаживайся. Извини, что тесновато. Масло в лампе кончилось. Никто нынче не интересуется нашим житьем - бытьем. Слава Оллоху, Омир Сохиб, и на том спасибо, что пришли проведать меня! Да будет ваш приход добрым знаком, и обитель моя станет богатой! Да благословит нас Оллох на добрые деяния и укрепит в наших сердцах веру, не лишит нас лицемерия своего доброго лика и благословения всех пророков! Омин! Оллох Акбар!

Масъуд вместе с Суфи провел сложенными ладонями по лицу.

- Слава Оллоху, помыслы ваши добрые, Суфи. Где лампа ваша, Суфи? Вспомнил и принес вам немного масла.

- Спасибо тебе большое, Омир Сохиб. – довольный, поблагодарил Масъуда Суфи и достал из нищи свою керосиновую лампу с разбитым стеклом. – Ну-ка, где масло, чтобы налить в лампу?

- Вы не беспокойтесь, Суфи. Я сам все сделаю. – сказал Масъуд, и, взяв лампу, вышел из кельи.

Масъуд подумал, что в эту темень ему самому лучше налить масло в лампу. Иначе масло случайно может вылиться и на пол. Запах же керосина не столь приятный, может испортить воздух.

- Я бы сам налил, Омир Сохиб. Вы же мой гость. Неудобно как-то. Как-никак лишние хлопоты для вас.

- Ничего, к добру это, уважаемый Суфи. – сказал Масъуд. И после того, как залил лампу маслом, вынул из кармана брюк спички, зажег лампу и вошел в келье.

- Да хранит тебя Оллох, дорогой Омир Сохиб! Благодаря твоему приходу, и в моей обители стало светло.

- Ничего, уважаемый Суфи. – тронутый словами Суфи, Масъуд сел на курпачу*.

- Слава творцу, что чувствую себя хорошо. Но возраст как-никак дает о себе знать. Благодаря Всевышнему, занят молитвами. Своевременно совершаю намаз, чтобы было с чем прийти к судному дню. Чего только не творят заблудшие в этом брэнном мире? Какие великие грехи взваливают на себя? И это все из-за их алчности. Какие только беды не совершаются на этой земле? Да простит их в судный день Всемогущий и Всемиловитый за их прегрешения!

Курпача* - туюфяк.

- Величие Всевышнего не признает границ. Мы возлагаем на творца великие надежды! – сказал Масъуд и расстелил свой платок. Сам отломил кусок лепешки и предложил то же самое сделать и Суфи.

- Принес вам немного лепешки и толченого тутовника. Угощайтесь, пожалуйста! Извините, что, занятый передрыгами, редко навещаю вас.

- О, дорогой Омир Сохиб, я благодарен вам от земли до небес! Дай вам Оллох, чтобы вас и в этой жизни сопутствовала удача, чтобы не испытывали нужду ни перед кем, чтобы и к детям вашим снизошла доброта Всевышнего!

Время от времени мне приносят от вас лепешки, кулчи, другое съестное. Жители кишлака не забывают меня. Спасибо им. Всевышний их руками шлет мне все необходимое. Отчего-то в последнее время меня стала беспокоить суетливость населения. Оллох, да уберегут нас духи святых пророков от всякой жестокой напасти.

Оллох непременно воздаст нам за содеянное добро и зло, совершенные людьми на земле. Всем по степени содеянного.

Вот вспомнил притчу одну. Пожалуй, расскажу, Омир Сохиб.

В древние времена жил некий мудрый везир. И раз за разом твердил своему падишаху:

- Все, что Всевышний ниспошлет своим поданным, состоит из добра и в угоду им. И всякий раз везир не переставал напоминать эту истину своему падишаху.

Однажды, очищая острым ножом яблоко, падишах неожиданно порезал себе палец. И по этому случаю везир опять повторил ту же самую фразу: Все, что Всевышний пожелает своему поданному, все к лучшему. В сознание падишаха, не лишнего чувства самолюбия, начало подкрадываться сомнение в истинности сказанного. Из-за нанесенной его самолюбию обиды, падишах решает отомстить везиру. Вскоре падишах со своей придворной свитой отправляется в путешествие в чужую страну. Так уж совпало, что падишах и везир оказались чуть спереди свиты и пошли другой дорогой. Через какое-то время, оказавшись на краю глубокого обрыва, оба поняли, что заблудились. Падишах, не забывший про нанесенную обиду, столкнул своего везира с этого обрыва. Радостный такому стечению обстоятельств, падишах продолжил свой путь, и вскоре навстречу ему вышли разбойники, принадлежавшие какой-то другой вере. Сняв с падишаха всю его одежду, забрав драгоценности, связав его, разбойники привели его к своему главарю. Как выяснилось, согласно обычаям иноверцев, тот день был днем жертвоприношения. Увидев падишаха чужой страны, они обрадовались такому стечению обстоятельств, что Оллох услышал их, послав им в качестве жертвы такого человека, причем, не просто человека, а падишаха. И все пришли к единому решению: Принести в жертву падишаха чужой страны.

Связанного по рукам и ногам падишаха доставили к месту жертвоприношения, чтобы, отрубив ему голову, исполнить свой священный обряд. Оказалось, согласно обычаям, на теле у приговоренного не должно быть ни единого изъяна. Главарь приказывает своим палачам:

- Осмотреть его с ног до головы.

И когда осмотрели, на пальце падишаха заметили ножевой порез. Принести в жертву такого человека считалось великим грехом. Развязав падишаху руки и ноги, разбойники отпустили его на волю. Вернувшись на родину, падишах видит, что его везир, живой и здоровый, сидит на царском троне. Падишах преклоняет перед ним колени и просит у него прощения за послушание. Везир спрашивает его:

- Что вы имеете в виду?

- То, что вы говорили: Все, что пожелает Всевышний своим поданным, все к лучшему и в угоду им. И порезанный мною палец тоже был в угоду мне и к лучшему, спас мне жизнь.

На это везир сказал следующее:

- Если бы не было на то воли Всевышнего, и вы не столкнули бы меня в обрыв, разбойники однозначно вместо вас мне отрубили бы голову, ибо у меня, слава Оллоху, на теле не было изъянов. И не случайно великие мыслители тоже говорили:

Нар он чї додааст Парвардигорам, боз мегирад,

Бигирад, ё нагирад, кори он, шукрона бояд кард.

Всё что дано Богом, то Он отберет,

Благодарны мы Богу, хоть берет иль не берет.

- Мы с вами тоже на каждом шагу должны вознести благодарности Всевышнему за ниспосланное. – сказал Суфи, и кроме, как слушать, Масъуд не соизволил сказать что-либо. «Да, Оллох поистине велик. Величествен и сотворенный им мир. Во имя свободы и спокойствия своего народа Масъуд ежедневно рискует своей жизнью, борется, а этот Суфи в своей обители возносит Оллоху благодарности только за то, что уже живет в

этом мире и имеет хоть что-то, чтобы поддержать эту жизнь. Кто из них прав и более близок к истине, кроме Оллоха никому другому не дано знать. - подумалось Масъуду. – В любом случае Суфи не испытывает нужды в Масъуде. Кроме, как возносить благодарности Всевышнему за ниспосланное, Суфи ни в чем не нуждается. Но Масъуд-полководец нуждается в том, чтобы проведать его, услышать его добрые наставления, советы. В правоте своей мысли Масъуд убедился и на этот раз. Он невольно открыл для себя, что приходит к этому мудрому старцу как раз в те моменты жизни, когда трудно ему самому. Стоит ему посетить обитель этого старца, и мудрые слова его словно бальзам очищают душу Масъуда, успокаивают его, заряжают какой-то новой энергией, вселяют в него веру в свой завтрашний день. И все это – всего лишь за час беседы, проведенный Масъудом у этого мудрого старца.

Масъуд возвращается в свою землянку теперь уже совершенно другим, обновленным, чтобы с новой энергией взяться за то дело, которому посвятил всю свою оставшуюся жизнь – за свободу. ...

Глава IX

**Дил му́кими кўи лўнон асту, ман ин лў ғариб,
Чун кунад бечораи мискинтан танњо ғариб?**

**Серце стремится к любимой, но мы здесь на чужбине,
Что может поделатъ одинокий и жалкий скиталец.**

Во дворе Киёмиддина, куда Аваз и Хасан доставили Николая на осле, он чувствовал себя еще тяжелее, чем прежде. Все тело болело. Со связанными глазами, передвигаясь с места на место, он понял, что, преодолевая по горным тропам долгий и трудный путь, он все дальше уходил от аэродрома Багрома. Только не знал, где и в какую сторону его вели. Судя по прохладному климату, он подумал, что находится где-то на северо-востоке от Багрома. Там, в Багrome, погода стояла невыносимо жаркая. В это утро, когда моджахеды привезли и положили его во дворе, и сами о чем-то беседовали с хозяином дома, он, Николай, так и не понял, о чем они говорили: полная неясность своего положения. С его глаз сняли повязку. Он осмотрелся. Обзор со всех сторон закрывал высокий забор. Напротив себя увидел двух мужчин, захвативших в плен и доставивших его сюда, и чуть дальше - каменный дом. Чужой, незнакомый, стоявший и беседовавший со знакомыми Николая, по всей вероятности, и был хозяином дома. Ростом чуть выше Николая, с короткой черной бородой, серой чалмой на голове. С первого взгляда Николай прочувствовал, что орлиные глаза хозяина дома настроены к нему более доброжелательно, нежели те двое, что привезли его сюда. Да и интонация голоса, его движения говорили о том, что он вовсе не настроен к нему так враждебно, как эти двое.

Все трое мужчин оставили Николая прямо у входа в дом, а сами пошли совершить омовение. Николай, прислонившись на бок, хотел, было сесть на рядом стоявший камень, как резкая боль, ударившая по ноге, молнией обожгла и прошлась по всему телу. Опершись обеими руками об землю, хотел, было хоть как-то унять, заглушить невыносимую боль, но она все нарастала, скрючивала его. Выдержав короткую паузу, затем, поворачиваясь на бок, прикусывая губу, искал удобного положения, когда боль пройдет, утихнет. То ли боль отошла, то ли он сам стал привыкать к ней, но мгновение спустя его слух отчего-то стал улавливать пение какой-то птицы. Подавив в себе боль, глубоко вдыхая холодного утреннего воздуха, с закрытыми глазами Николай стал вслушиваться в это пение. Птице той, конечно, было не до Николая. Да и откуда ей было знать, что она своим пением привлечет чье-то внимание к своей персоне. Она вся была поглощена своим занятием. Хотя пению птицы по тембру звучания и своей мелодичностью было далеко до пения соловья, но Николаю оно почему-то пришлось по

душе. Он почувствовал какое-то внутреннее облегчение и постепенно начал осознавать, что начинает воспринимать и красоту окружающих гор, и свежесть утренней прохлады. Прежние чувства постепенно начинали возвращаться к нему. Он открыл глаза и направил взор в ту сторону откуда доносилось пение птицы. Хотел посмотреть, что это за птица, которая в этом чужом для него краю пожелала вселить в его душу чисто человеческие чувства, пробудить в нем любовь к жизни. И среди ветвей тутовника он обнаружил-таки птицу, вся черная, смахивающая больше на скворца, нежели на ворона, но чуть меньше. Как называется эта птица, Николай так и не понял. Но, несмотря на свою непривлекательность, все же птица эта, как показалось Николаю, хорошо пела. Он вывел для себя, что пение ее все-таки как-то положительно повлияло на его самочувствие. Этому он был рад.

Вольная птица по-прежнему сидела на ветке и продолжала исполнять свое соло. Откуда ей было знать, что человек, лежавший внизу, на земле, благодарен ей за свое возвращение к жизни. В это мгновение к пению птицы откуда-то присоединилось и журчание воды. Николай понял, что где-то поблизости течет и какая-то речушка.

«И все-таки жизнь прекрасна. – подумалось Николаю. – И красота ее заключается вот и в этом пении птицы, и журчании реки, повседневных хлопотах людских, с раннего утра занятых своим повседневным бытом. А что с ним сделают эти хищные люди с волчьими лицами? Куда, и с какой целью меня привели? Не понимаю. Если бы хотели убить, там же и убили бы, в Багrome, а не мучились бы со мной, доставляя в такую даль»

В это время, веником подметая, из дома вышла стройная девушка в ситцевом платье, с марлевым платком на голове. Увидев лежащего на боку мужчину, она отпрянула, было назад. Но потом, видимо, осмелев, подошла поближе, посмотрела на него повнимательнее, чтобы убедиться, жив ли он. По легкому движению его тела она поняла, что он жив. Девушка оглянулась по сторонам и увидела посреди двора привязанных к дереву лошадь и осла и поняла, что в доме гости. Но что это за гости, она еще не знала. Повернулась назад, вошла в дом и через калитку прошла на другую сторону двора, к своей матери, хлопотавшей у таганки. Девушка подошла к матери и спросила:

- Мама, на той стороне, во дворе к дереву привязаны лошадь и осел. У входа в дом лежит чужой мужчина. Испугалась. Кто они?

- Не бойся, доченька. Какого-то пленного доставили сюда. Он раненый. Эти двое вместе с отцом в доме совершают намаз. Иди, доченька, приготовь дастархан, заверни в нем лепешку. Разбуди Шамсулхака, Парвиза и Нурулло. А то отец будет ругаться, что дома гости, а они все еще спят.

Слова матери несколько успокоили девушку, и она прошла в комнату, чтобы разбудить братьев. Но мысли ее почему-то все еще были заняты раненым пленным: «Кто этот пленный, и куда он ранен, что не может стоять на ногах, а лежит бессильный, прямо на земле?»

Совершив утренний намаз, гости вышли во двор, и подошли к пленному. Киемиддин крикнул:

- Шамсулхак, неси в чайнике воды, чтобы пленный гость умылся. - повернулся к Николаю, осмотрел его, пробурчал. – Что это за грязное изможденное лицо. Будто бы никогда и не умывался.

Киемиддин перевел взгляд на Аваза и Хасана:

- Вы не дали этому кафиру умыться?

- Зачем этой собаке мыться? – ответил Аваз. – Солех Мухаммад не дал прикончить его, а то я давно, там же, прикончил бы его и не возились столько. Сколько хлопот и мучений с ним натерпелись-то. Вы, брат Киемиддин, такой же сердобольный и жалостливый, что этому уроду еще хотите помыть лицо?

- Урод не урод, а сегодня он пленный и нуждается в нашей помощи. Он впервые переступил порог моего дома. Значит, он мой гость. А уважение к гостю – это и по шариату святое дело. Вот когда уйдет из моего дома и будет в вашей власти, тогда вы и будете решать, что с ним делать. А пока он – мой гость. И окажу ему все почести, какие положено оказывать гостю.

Шамсулхак принес воды и остановился возле Николая. Из словесной разборки мужчин Николай ничего так и не понял. Но, судя по тому, что возле него остановился юноша с чайником в руке, он догадался, что хозяева хотят, чтобы он умылся. Опершись обеими руками об землю, Николай приподнялся. Хотел, было встать, но не смог. Боль еще раз пронзила его. Сильнее, чем прежде. Николай сел на камень, засучил рукава и приготовился умыться. Действительно, с того самого момента, когда оказался в плену, Николай еще ни разу не умывался. Теплая вода, ласкавшая ему руки, лицо, глаза, шею, действовала на него упоительно. С каждой секундой он чувствовал прилив свежести.

- Сынок, полотенца не принес, что ли? – спросил Киёмиддин, не заметив в руке Шамсулхака полотенца. Мальчик смутился.

- Пусть, вытрется краем пиджака. – как бы заступившись за Шамсулхака, сказал Хасан, который стоял чуть дальше и наблюдал за Николаем. – Этот ублюдок и полотенце испоганит.

- Испоганит, не испоганит, он сегодня причастен к нашему добру и злу. – сказал Киёмиддин. – Говорят, гость – посланник Оллоха. Раз уж так, то в чем нам его упрекать? Вы привели его в мой дом. В чем я провинился, что со мной говорите таким тоном? Не нравится вам, заберите его и делу конец. Нечего мне одолжение делать.

- Доставили его сюда по поручению Солеха Мухаммада. Выпьем по пиалке чая, отправимся в Панджшер, доложим. Пусть, они там сами и решают, что с ним делать. – сказал Аваз.

– Ведите в дом. Пусть, что-нибудь с нами покушает. Потом, если хотите, можете уйти. – сказал Киёмиддин и вошел в дом.

- Бери его подмышки. – Аваз обратился к Хасану, и сам взялся с левой стороны, чуточку приподняв, помогая встать. Николай понял, что его хотят перенести в другое место. Сжав губы зубами, всю тяжесть своего тела перенес на левую ногу и встал на ноги. Хасан тоже помог ему. Поддержав Николая за руки, Хасан и Аваз ввели его в дом. Пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку двери, Николай вошел в кибитку. На полу поверх циновочной подстилки был разостлан потертый палас. В углу кибитки стоял кувшин с водой, накрытый жестяной миской. Стены были обмазаны глиной. У входа возвышался тандыр, напротив умывальник. Николай впервые заходил в дом афганцев и до этого момента еще не знал, что из себя представляет внутреннее убранство дома рядовых афганцев. С первых же минут, как он оказался в гостях у афганцев и увидел, как его встретили и как с ним обходятся хозяева, понял, что здесь однозначно его не убьют. Если что-нибудь с ним и сделают, то точно не здесь. От этой мысли Николай почувствовал некоторое облегчение. По разостланной на полу материи он понял, что это скатерть. На ней из съестного пока ничего не было. В кибитке не было окна. Единственным отверстием был дымоход, через который и просачивался лучик света.

- Дорогой Аваз, вы вместе с Хасаном пройдите вперед и посадите рядом пленного. – обратился к гостям Киёмиддин и вышел, чтобы принести чайник чая.

- Брат Киёмиддин специально сажает эту собаку рядом с нами за дастарханом? – недовольный пробурчал Хасан, обращаясь к Авазу.

- На мелочи не обращай внимания, Хасан. Выпьем по пиалке чаю и отправимся обратно. Пусть, Киёмиддин сам решает, что с этим сукиным сыном делать. Мы с тобой свою задачу выполнили. Доставили пленного в дом к Киёмиддину. Сообщим об этом в Панджшере и отправимся по своим делам.

С алюминиевым чайником, четырьмя пиалками и сложенной вчетверо лепешкой чаппоти в руках, Киёмиддин вошел в кибитку, положил все на дастархан, сам сел у края и стал разливать чай.

- В эту тяжелую годину у вас нашлось столько добра. И на том спасибо. У нас и этого нет. – сказал Аваз. – Вот уже который месяц, как наши дети питаются толченым тутовником. Виной всему этому проклятая война!

- Был бы рад, если бы таких дорогих гостей, как вы, сладостями, варениями потчевал, да зарезал бы барашка. Увы, не то время нынче на дворе, чтобы угостить вас, как хотелось бы мне. Посмотрите сами. Откуда вас судьба занесла в мой дом? Где ваши дома, и где наш Поранди? – своим сладкоречием ласкал слух гостей Киёмиддин. – Будем уповать на Оллоха, что и мы с вами доживем до тех дней, когда закончится эта война, и заживем мы в мире и благоденствии. Тогда я буду счастлив принять вас как самых дорогих гостей.

- Говорят, обещанного три года ждут. – шутя, сказал Аваз, взяв у него из руки пиалу чая. – Сколько помню себя, столько эта война продолжается. Конца и края ее не видать. Когда она закончится, и мы вдоволь наедемся бараниной, еще неизвестно.

- Надежда умирает, как говорится, последней. – желая вселить дух оптимизма, в такт ему отметил Киёмиддин. – Будем благодарны Оллоху и за то, что имеем сейчас. Живы, здоровы, семья, дети есть, слава Оллоху. Чего нам еще надо-то?

Из всего сказанного Николай ничего не понял. Взяв пиалку чая, обмакнув в ней кусок лепешки, он молча продолжал жевать этот кусок. Голодный, он почувствовал в этом куске какой-то особый вкус. Будто ничего вкуснее до сих пор в жизни он не ел. Проглотив свой кусок лепешки, он только потом понял, что этой своей долей он так и не успел утолить голод. Ему хотелось есть, а на скатерти ничего съестного уже не было.

Гости изъявили желание встать. Хозяин вознес руки к груди и в знак благодарности Оллоху за ниспосланное добро, зачитал отрывок из суры Корана. «Омин!»- сказали все хором и встали.

- Когда вы сюда собрались, что велел передать Солех Мухаммад? – выйдя провожать своих гостей, снимая с ветки поводья лошади, спросил Киёмиддин у Аваза, собравшегося садиться на лошадь.

- Сказал лишь, что до тех пор, пока не заживет раненая нога пленного, пусть он побудет у вас. Поскольку там нет лекаря, чтобы лечить его. Потом сами и отведете его в Панджшер. – объяснил Аваз.

Чуть подумав, Киёмиддин вновь обратился к гостям:

- Не обессудьте, если не смог вас должным образом встретить, принять у себя. Всегда рад буду вашему приходу!

- Да хранит вас Оллох, аки Киёмиддин! – сказал Аваз.

- И вас пусть хранит Оллох! – сказал Киёмиддин на прощание и, проводив их взглядом, вернулся в дом. Николай сидел за дастарханом. По тому, как он жадно съел свой кусок лепешки, Киёмиддин понял, что пленный очень голоден. «Жена говорила, что дома в дастархане осталось лишь одна лепешка. – размышлял Киёмиддин. - Если половину он возьмет с собой на поле, где он будет убирать пшеницу, то детям останется лишь половина. Им до вечера ничего так и не останется. Что делать? Если свою половинку отдаст пленному, сам до вечера останется голодным. Жалко, конечно, человека!.. Будь что будет!» И Киёмиддин, выйдя из кибитки, подошел к жене:

- Мать Шамсулхака! Мою долю лепешки отдашь нашему гостю.

- Так, ты же на поле идешь! Что, сам голодным хочешь остаться? – удивилась Хамида, сочувственно посмотрев на мужа.

- Нет, чуть позже пойду. Гость голодный. Оллоху суждено было поделить мою долю с ним. Если съем один, будет несправедливо.

- Отец Одилы, у нас дом полон едоков. В это тяжелое время Оллох свалил на нашу голову еще одного едока. Сам знаешь, у нас самих и крохи лепешки нет. Какая же еще

может быть доля у этого пленного кафира, что ты твердишь о какой-то справедливости?

- Жена, одумайся, не говори глупостей! Ты ведь в свое время не была такой скупердяйкой! Что на тебя нашло?

- Это вы – Благородный Хотами Той, а я – скупердяйка. – обиженно пробормотала Хамида. – Твою долю отдам ему, а долю детей не тронем. Нам с детьми что делать с этим пленным? Сначала иди, сдай его куда следует, потом отправляйся на поле косить.

- Вечером принесу немного пшеничных колосьев. Очистишь, сварить далду*. Ничего, Оллох не оставит нас голодными. – сказал Киёмиддин, видя, как жена успокаивается. – Пленный ранен. Осмотрю его раненую ногу. Надо, чтобы рана не гноилась. Смажу рану мазью, потом отправлюсь на поле.

- Боюсь, как бы в твое отсутствие этот пленный кафир не натворил чего! Что мы с детьми сможем сделать тогда? – делилась своими страхами жена.

- Сейчас он занят собой. Он не то, что шагать, двигаться даже не может. И потом. Если заметишь какое-нибудь лишнее движение, знай: Пистолет мой во внутренней комнате, лежит в нише над балкой. Целиться и стрелять ты умеешь. Чего еще боишься, что из мухи делаешь слона? – попробовал, было успокоить жену Киёмиддин.

- Нет, не боюсь. Просто из осторожности спрашиваю. Не хватило нам самим головной боли, так еще одного, причем пленного кафира, к нам привели. Вот из-за чего мои опасения. – поделилась своими соображениями Хамида.

- Солех Мухаммад послал этого пленного. Не подчиняться что ли? – спросил Киёмиддин.

- Тот Солех Мухаммад, что из Бозорака? – переспросила Хамида.

- Да, он самый. Он у Омир Сохиба за командира, пользуется у него уважением. Его нельзя не уважать. Сколько добра он нам сделал, сама знаешь не хуже меня, мать Одилы. Я долго думал, прежде, чем решиться. В это военное время иного выхода, как терпеть, вынести все, у нас нет.

После этих слов Хамида принесла кусок лепешки и отдала мужу. Киёмиддин отнес кусок пленному. Николай сидел в той же позе, над недопитой пиалкой чая, погруженный в свои мысли.

- Бери. Половина – тебе, половина – мне! – протягивая кусок лепешки, сказал Киёмиддин и положил его перед Николаем. А свою половину завернул в платок. Николай увидел свой кусок, но не осмелился дотронуться до него: Из слов и действий хозяина дома понял, что у него дома больше нет ничего съестного. Особенно в эту пору, когда прошлогодние запасы зерна и прочего урожая кончились, а новый урожай еще только начали собирать. А в семье у Киёмиддина пятеро голодных детей. Жестом сопровождая свою русскую речь, он поблагодарил хозяина за щедрость и сунул кусок лепешки обратно в руку Киёмиддина. Но Киёмиддин положил этот кусок обратно на дастархан и быстро вышел из дому, чтобы Николай при нем не испытывал неудобств. «Аваз сказал, что этого парня взяли не на поле боя, а на плантациях конопли. – вспоминал Киёмиддин. – На наркомана он не похож. Но кто знает, враг есть враг.

*Далда – блюдо, сваренное из зерен пшеницы путем долгой варки.

Надо быть осторожным. Сейчас этот пленный похож на раненого орла. Ничего не может предпринять в свою защиту. А сколько они наших молодых невинных жизней погубили своими танками, самолетами, вертолетами, сколько сел наших сровняли с землей? Не счесть. Одному Оллоху известно обо всех их злодеяниях. Съест лепешку, осмотрю его рану и отправлюсь на поле, - решил, было Киёмиддин, но вспомнил, что необходимо сообщить о пленном командиру моджахедов кишлака Диловару. – Да и что может поделаться слабая Хамида, если этот кафир задумает что-нибудь плохое, если я оставлю его одного дома?» - размышляя так, по тропинке между заборами Киёмиддин вышел к дому Диловара. Он был дома. Сообщив о пленном, Киёмиддин сразу же вернулся обратно домой. Зайдя к пленному, Киёмиддин увидел, что Николай

так и не дотронулся до лепешки и лежит на боку. Киемиддин подумал, было что пленный притворяется спящим. Вглядываясь пристальнее в него, понял, что пленный действительно спит. Кашлянув раза два, Киемиддин дал понять о своем приходе. Пленный не двигался. Двигаясь ночью по горным тропам, да еще в таком состоянии, Николай страшно устал, и теперь над ним властвовал крепкий сон.

Через час Киемиддин все же разбудил Николая, ибо ему самому надо было идти на поле, а предстояло еще осмотреть рану Николая. Сняв повязку с ноги, он помыл рану теплой водой и мылом, смазал ее какой-то мазью, перевязал. Закончив всю эту процедуру, Киемиддин на дари и при помощи жестов объяснил Николаю, что оставляет его одного дома, а сам идет на поле и, может быть, домой вернется поздно вечером, когда стемнеет.

Час крепкого сна, обработка раны положительно сказались на общем самочувствии Николая. Он почувствовал некоторое облегчение. Но само положение действовало на него угнетающе. И было отчего. Молодой человек, в самом расцвете сил, еще не испытавший трудностей жизни, в числе десятка тысяч таких же, как он, молодых парней был призван в ряды вооруженных сил. И привезли его в Афганистан. Не успев понять, что собой представляет служба в рядах вооруженных сил, что такое война, причем афганская, как по нелепой случайности оказался в плену у моджахедов, да еще в таком состоянии.

Придя в себя после ухода Киемиддина, Николай погрузился в свои размышления. Он был образованным грамотным молодым человеком. До призыва в армию много читал книги, газеты, и журналы. Был осведомлен и в вопросах политики. Оставаясь наедине с собой, оценивая свое сегодняшнее состояние, в поисках причины такого стечения обстоятельств, решил, что судьба сама сыграла с ним жестокую шутку. Не исключено, что закономерным итогом всему этому будет смерть.

«Если бы он был офицером и знал военные секреты, моджахеды, наверное, могли бы использовать его в своих интересах. В таком случае у него был бы шанс остаться живым. А он всего лишь рядовой солдат, которого вместе с тысячами таких же, как он призвали в армию. И при неподчинении приказам своих командиров нетрудно было бы угодить даже под суд. Командовали им самим, а не он командовал другими, чтобы для врага представлял какой-то интерес. Как бы Николай не тянул нить своих долгих и глубоких размышлений, при всем своем желании и положении он никак не рассчитывал на то, что останется жив. Да если и останется жив, и будет отпущен на родину, то и в воинской части и на родине теперь он будет считаться изменником родины, и будет привлечен к ответственности. При таком раскладе же ему светит как минимум 15 лет лишения свободы. Спрашивается, за что такая несправедливость? По всем пунктам выходило, что он ни в коем случае не должен был попасть в руки врага. Его совесть была чиста. Николай за всю свою молодую жизнь и воробушка не убивал, не говоря уже о человеке. Кроме, как стрелять по мишеням на стрельбище, не пришлось-таки ему стрелять по живым людям и на афганской земле. – тянулась нить размышлений Николая. – Нас привезли в эту страну как воинов-интернационалистов, чтобы защитить мир и спокойствие на этой земле, чтобы, благодаря нашему вмешательству, противоборствующие стороны прекратили братоубийственную войну и взялись за строительство мирной жизни. Мы сами толком не знали, что кроется за всеми этими понятиями. На самом же деле вышло, что руководство Советского Союза ввело свои войска в эту страну, чтобы тем самым опередить, не допустить, чтобы в Афганистан первыми вошли американские войска, захватили его. После того, как советские войска вошли в Афганистан и встали на защиту новоявленных властей коммунистического режима, американские власти не поскупились, и только на антисоветскую пропаганду потратили немного-немало двухсот миллионов долларов, используя в этих целях всю свою шпионскую сеть, религиозные движения, само мусульманство Афганистана. С другой стороны, вокруг этой кампании американцы подняли небывалую шумиху и в

мировом масштабе. Единственная их цель заключалась в том, чтобы, во что бы то ни стало, любым путем поднять все мировое сообщество против Советского Союза и выдворить его войска из Афганистана.

В противоборстве двух великих держав мира Афганистан с его многострадальным народом оказался, как говорится, между молотом и наковальней. Иначе говоря, Афганистан оказался тем полигоном, на котором перетасовывали свои карты эти два великих игрока, не считаясь с тем фактом, что жертвой этих политических игр станут десятки тысяч ни в чем неповинных граждан этой страны, их дома, села и города.

Советский Союз опередил американцев. Используя фактор границы с сопредельным государством, защиты коммунистического режима Бобрака Кормала, Советский Союз ввел свои войска в эту страну. Теперь американцам необходимо было отомстить Советскому Союзу за такую прыть. И американские политики прекрасно понимали, что во все века, даже при революции, самой надежной победой является не та, которая достигнута бряцанием оружия, а та, которая достигнута на идеологическом фронте. Во все времена, во всех сражениях победителем выходил тот, кто совершал революцию в умах людей. И американцы в своей борьбе руководствуются именно этим, опираясь на религиозный фактор, являющийся ключевым и в решении политических вопросов. Пользуясь этим фактором, американские идеологи пытались насаждать в умах афганцев идею о том, что Советский Союз намерен отделить население от своих религиозных основ. Твердили, что коммунисты своим государственным устройством не признают ни Оллоха, ни его пророка Мухаммада, ни религии, ни исламских ценностей, и борьба их в основном направлена на искоренение Ислама с лица земли. С другой стороны американцы снабжали афганских моджахедов оружием и направляли их на борьбу с советскими войсками. И советские солдаты и офицеры теперь воспринимались афганцами не как воины-интернационалисты, приносящие мир в дома афганцев, а считались заклятыми врагами афганского народа, ибо шурави в основном признавались ими как иноверцы, враждебно настроенные к исламу, пустившему в этой стране корни аж тысяча четыреста лет назад, передаваясь из поколение в поколение. В дополнение к этому, моджахедам Афганистана поставляли оружие и из соседнего Пакистана, чтобы борьба с шурави не прекращалась ни на день.

Советские солдаты и офицеры вместе с невинным населением Афганистана теперь становились мишенью невидимого невооруженным глазом американского оружия. Сегодня одной из таких жертв был Николай, как куропатка сраженный пулей моджахеда-охотника». Судьба забросила его в ущелье Поранди, в дом Киёмиддина. Будь на его месте любой другой, не позавидовал бы той участи, какая была уготована Николаю. Он не знал и не мог знать, куда его поведут дальше, что ждет его в будущем. Николай находился в одном из каменных домов у подножья горного хребта Гиндукуша. Его окружали опытные охотники, закаленные в боях. Кроме, как отдаться воле судьбы, ему ничего не оставалось делать. Одновременно он твердо знал, что одно лишнее движение с его стороны может стоить ему жизни.

После ухода Киёмиддина Николай почувствовал, что все вокруг тихо и спокойно. Избитые места, раненая нога все еще болели. Сильная боль в теле лишала его силы. Внутри дома воздух стоял прохладный. Уходя, хозяин закрыл за собой дверь. Свежий воздух находил дорогу себе через дымоход. До слуха Николая донесся слабый звук ручного транзисторного радиоприемника, настроенного на радиоволны столицы Таджикистана, города Душанбе. Николай не понимал таджикского языка. Но само название таджикского радио, выступление ведущих, отдельные русские слова, входившие в лексику таджикского языка – все это для Николая, оказавшегося на чужбине, так далеко от родных стен, было подарком судьбы.

Он, профессиональный механизатор из станицы Некрасовска Краснодарского края, при словах «механизатор», «трактор» и «комбайн» устремил свой слух в сторону голоса, надеясь услышать что-нибудь на своем родном русском. Перед его взором

всплыли бескрайние просторы родного Краснодарского края, нивы Кубани. Мысленно прочувствовал и запах родной земли. И перед его взором возникли образы родной матери и любимой Наташи. ...Выступление ведущей сменила песня. Хотя слова песни и голос певца были настроены не на мажорные ноты, все же в одной из строчек Николай уловил слово «русь». Он воодушевился. И под пение этой песни вновь фантазия полета мыслей увела его в дальние просторы родной земли российской.

**«Моңи кишвари Руси, майли мазнаби мо кун,
Ё бие мусулмон шав, ё маро насоро кун. ...»**

**Края русского луна, прими ты нашу веру,
Иль стань ты мусульманкой, иль поменяй нашу веру.**

пел певец Умар Темур по радио Таджикистана. И через каждые четыре строчки он возвращался к этому припеву, воодушевляя тем самым Николая. Он, хотя и не понимал значения содержания всей песни, но был благодарен тому, что звучало слово «Русь», и благодаря этому, Николай мысленно парил над просторами родной земли.

- Мама!.. Мамочка!.. Змея меня ужалит!.. – внезапно со двора донесся истошный крик, прервав нить полета фантазии Николая. Хотя он и не разбирался в смысле слов, по истошному крику понял, что случилось что-то ужасное. За короткое время своей службы, из бесед с сослуживцами Николай успел узнать, что постороннему мужчине в Афганистане категорически запрещено смотреть на женщин, находящихся даже под паранджой. А в том положении, в котором находился Николай, не то, что смотреть, даже услышать их голос, можно было расценить как преступление. Но крик вынудил Николая сквозь проем в двери посмотреть наружу.

- Мама!.. Мамочка!.. Змея эфа!..- вновь раздался тот же крик. Ползая на животе, Николай открыл дверь, осмотрел двор. Кроме девушки, дочери хозяина, там никого не было. Николай тут же увидел эфу, длиной где-то около полтора метра, приподнявшей высоко свое туловище напротив девушки. Все говорило о том, что змея намерена нападать. Испугавшись вида ядовитой змеи, девушка стояла, прижавшись к забору. Своим мощным туловищем напугав девушку и загородив ей путь, змея, по всей вероятности, готовилась нанести ей удар. Как только дверь открылась, по ее скрипу девушка заметила Николая. На ее лице Николай легко прочел мольбу о помощи. Николай также заметил, что в руках у девушки не было ничего, чем она могла защититься. Где-то он вычитал, что в таких случаях одно неосторожное движение может спровоцировать змею на ответную реакцию. И скорее всего от испуга она невольно может атаковать, ужалить девушку. Мгновенно оценив ситуацию, Николай жестами дал понять девушке, чтобы она не двигалась, стояла на том же месте. Сам Николай выполз из дому, осмотрелся, чтобы найти что-нибудь, чем можно будет защититься от змеи. Чуть дальше от него, возле танура, лежала кочерга. Николай дополз, взял ее в руки. Он рассчитал: Расстояние между ним и змеей где-то порядка десяти шагов. Попытка попасть в змею с такого расстояния – дело рискованное, опять-таки змею может спровоцировать на атаку. Нужно действовать наверняка. Ситуация требовала моментального принятия решения, ибо змея, как показалось Николаю, тоже выжидала удобного момента для нападения, а Николай не мог встать, чтобы подойти, обратив внимание змеи на себя, спасти девушку. И вдруг Николая осенила другая мысль. Он начал ударить палкой по лежащим рядом камням, чтобы привлечь внимание змеи к себе. Хитрость удалась. Змея повернула туловище на голос. Она заметила лежащего чуть дальше Николая, грозящего ей палкой. Плавно повернувшись в сторону Николая, шелестя и медленно извиваясь, чешуйчатое тело полутораметровой змеи поползло к Николаю. Где-то в двух шагах от Николая эфа остановилась. По ее позе легко можно было догадаться, что она готовится к нападению. Николай понимал, что дорога каждая секунда. И он, не медля, с размаху ударил палкой по шее змеи. Удар оказался настолько сильным и точным, что змея, как резиновый жгут, расстелилась на землю. Интуитивно эфа попыталась, было поднять туловище, атаковать, но верхняя

часть мощного тела уже не подчинялась ей. Извиваясь и сворачиваясь в клубок, она собиралась силами, чтобы поскорее отползти на безопасное расстояние. Николай был на высоте. Он еще ближе подполз к змее и начал ее добивать.

Девушка, все так же тихо стоявшая и прижавшаяся к забору, наблюдала за происходящим. Видно было, что от шока она не могла и слова выговорить. Она видела, как мужчина, добив змею, медленно отполз от нее чуть дальше, остановился, свернулся калачиком и руками начал массировать ногу. Только сейчас девушка заметила, что у него ранена нога, и он сам нуждается в помощи. И первым желанием ее было подойти и помочь ему. Но воздержалась, ибо стыд, точнее, установившиеся за века традиции, с малых лет воспитывавшие женщин, ни при каких обстоятельствах не встречаться лицом к лицу с посторонним мужчиной, - табу остановило ее. Сколько бы Одиле не хотелось оказать помощь своему спасителю, она и шагу сделать не осмелилась более. И не то, что подойти к нему, не имела права даже поблагодарить его за свое спасение. Вера и веками сложившиеся традиции запрещали, лишали ее всего этого. Все это промелькнуло в ее голове лишь мгновение. Она стояла ошарашенная, сама не ведая, как потекли по ее щеке слезы жалости и сострадания.

Одила только у себя дома и во дворе ходила без паранджи. Находясь рядом с незнакомым мужчиной, да еще с открытым лицом, она вдруг осознала свое нынешнее положение и направилась к дому. Но мысли ее все же были заняты теперь Николаем. В доме и во дворе стало по-прежнему тихо и спокойно. Будто минутой назад не было и смертельной опасности, и схватки с ядовитой змеей.

Как только боль в ноге отошла, Николай ползком направился в дом, откуда выполз. Двигаясь, он понял, что ноги поцарапаны до крови. И теперь ему еще труднее было ползать, возвращаться назад в дом. В его мозгу теперь пылала и другая, более жестокая мысль: Застав его во дворе, хозяин может подумать, что пленный задумал сбежать или что-то еще похуже. И тогда Николаю не придется надеяться на пощаду. Прикусив губу, он все-таки дополз до двери. Оперся всем телом об косяк двери, перевел дух. Почувствовал, что по телу течет пот. Запахло зловонием. «Это, видимо, смешались кровь, грязь, пот» - подумал он. И ему стало как-то тошно. ...

«Где теперь сауна, горячая вода, никелированный тазик, чтобы помыться, как следует, почувствовать себя в сказочном мире? Где тот блаженный пар, пробивающий до мозга и костей, приносящий всему телу облегчение? Где венички банные, чтобы прощупать спину аж до покраснения? Где пиво жигулевское?.. Разрешили хотя бы холодной водой и мылом помыться, чтобы очиститься от этой грязи. .. О боже, какую же ты судьбу мне предопределил? Что за напасть такая? В чем я провинился перед тобой, что в самые молодые годы жизни подверг меня таким наказаниям, стольким испытаниям? Неужели это все в ответ за то, что служу родине-матери, в Афганистане?» - пронеслось в голове, вспоминая былое и желаемое, задаваясь вопросами.

Собравшись силами, Николай сделал еще одно усилие, перевернулся на живот и начал ползти внутрь дома. Добравшись-таки до своего места, опустил голову на палас. Видно было, что он сильно устал. Вдобавок к этому и сильно проголодался. Хотелось есть. Но на скатерти кроме куска лепешки ничего больше не было. Про себя решил: «Пусть, умрет с голоду, но до этого куска лепешки не дотронется.» Он знал, что, уходя, Киёмиддин оставил ему свою долю, из жалости. Усталый, изможденный, Николай вскоре заснул. Шамсулхак, старший сын Киёмиддина, принес ему чай. Увидев пленного спящим, юноша оставил чайник и пошел за пиалками в другую комнату. На этот раз вместе с пиалками принес и положил на дастархан миску. Шамсулхак снова посмотрел на пленного. Видя его спящим, не решился разбудить и прошел в другую комнату. Судя по той заботе, какую Шамсулхак проявлял к Николаю, нетрудно было догадаться, что сестра рассказала о случившемся братьям и матери. Все, кроме отца, уже знали о случившемся. Теперь каждый по-своему старался отблагодарить Николая за

проявленную доброту. Хамида, жена Киёмиддина, попросила у соседа миску с ряженкой и сказала детям:

- Если бы этот пленный кафир не был хорошим человеком, он не спас бы Одилу от змеи. И какие черти угораздили меня пойти к соседке Ханифамо и задержаться там, сама не пойму. Да и откуда мне было знать, что такое может случиться, и змея нападет на мою дочь. Если бы этот пленный кафир не спас Одиле жизнь, кто знает, что было бы потом. Оставьте змею до прихода отца. Пусть, увидит, какой он благородный этот пленный кафир. Шамсулхак, носи ему ряженку и поблагодари его от имени отца. Когда отец придет, сама обо всем расскажу ему. Пусть знает, хоть он и кафир, но нашей Одиле спас жизнь. Видимо, и человек он добрый. Если бы таким не был, не поступил бы так. Пропавши пропадом эта наша нищета. Нет и двух яичек, чтобы пожарить ему.

Высказавшись, мать указала дочери:

- Одила, тебе страшно было-то? Дома, хотя и нет масла, но постарайся два три дня не есть ничего калорийного, приготовленного на масле. Впредь по дому и по двору не ходи без паранджи. Это считается большим грехом. Соседки под разными предлогами придут посмотреть на пленного кафира, а языки у них, сама знаешь, какие. Будут искать повода, чтобы хоть как-то позлословить, посплетничать. Боюсь, не наплели бы чего и о нашей семье.

Другие дети, Шамсулхак и Нурулло, молчали и слушали наставления матери, хотя все желали знать, кто этот пленный, где и за что был ранен. Но об этом от матери ничего так и не узнали.

День близился к вечеру. Солнечный диск медленно опускался на острые гребни Гиндукуша. Чем ближе становился вечер, тем прохладнее становился воздух. Посреди ущелья текла небольшая речушка, взявшая свое начало у горных родников и талых вод снежных вершин, вливающиеся затем в реку Панджшер. Река разделяла ущелье на две части, и в конце ущелья сливалась с водами Хазорчашмы, что текла вниз по ущелью, превратившись в огромную реку. Эта вода была пресная, и все население близлежащих к реке кишлаков использовало ее.

Дома, построенные из камня и глинозема, возвышались над обоими берегами реки, и располагались, словно один над другим. Так тянулись они дальше и выше по склону горы. Стороннему наблюдателю эта картина напоминало строение гнезда ласточки. И так в этом ущелье нашло себе приют и крышу над головой не одно поколение людей, веками преследуемых разбойниками с большой дороги. Изобилием плодородных земель не баловала жителей этих кишлаков и сама природа. Одни каменные глыбы, да отдельные кусочки земли с плодородной почвой. На склонах гор аж до самых далей не видно и кустика живого, пригодного для употребления. Только близ своего жилья люди сажали и выращивали редко встречающиеся в этих местах яблоню, тутовник, груши и другие плодовые деревья. Да и то не столько, чтобы людям можно было вдоволь наесться их плодами.

Рабочую силу, как и принято было в этих краях, в основном составляли мужчины и молодежь. В поисках куска хлеба насущного весной и летом они спускались с гор, уезжали зарабатывать в другие города и села. Возвращались зимой. Из-за отсутствия работы, рабочих мест, своих производственных структур большинство населения вело нищенский образ жизни. В большинстве кишлаков здешних мест не было школ и медицинских учреждений. Нуждающиеся в лечении люди прибегали к услугам местных знахарей, не имевших соответствующего медицинского образования.

Повсеместно, по всему Афганистану, господствующей религией является ислам. И все проблемы, возникающие в быту, решаются местными муллами и хакимами согласно требованиям заповедей ислама.

Николай немного был наслышан обо всем этом и теперь ему самому на собственной шкуре приходилось испытать все это, ближе познакомиться с этими обычаями и традициями. Основная же трудность для Николая заключалась в незнании языка дари.

До сих пор он так и не встретил хотя бы одного человека, понимающего русский язык. С ним в течение всего этого времени общались, если надо было, языком жестов. И он отвечал тем же. За трое суток плена запомнилось ему лишь слово «Оча», которое произнесла дочь хозяйина дома, позвав на помощь. Но он не понимал значения и этого слова.

Перед закатом солнца, когда последние золотые прощальные лучи солнца, поднимаясь ввысь, прошлись по горным склонам, Николая разбудило пение той самой, уже знакомой, птицы. Ее пение действовало на Николая успокаивающе. Он открыл глаза, перевернулся на бок и вслушался в чириканье птицы. По ее пению Николай понял, что птица не в том состоянии, в котором находится Николай. Она на свободе. И, кто знает, может, имеет и свою любимую половину, чтобы построить себе гнездышко, чтобы вольготнее жить и продолжить свой род.

«Эта птица и ведать не ведает о политических играх руководства сверхдержав мира. Об их интригах, вовлекших в кровавую бойню войны сотни, десятки тысяч людей. Наоборот, при малейшей опасности, угрожающей ее покою, она вспорхнет крылышками и улетит прочь» - отдался размышлениями Николай.

Вслушиваясь и наслаждаясь пением птицы, Николай посмотрел на разостланную скатерть. Увидев миску с ряженкой, обрадовался. Невольно поднес руку к миске, облокотившись другой рукой об пол. Поднес миску к губам и жадно сделал глоток. На секунду переведя дух, сделал второй глоток. С каждым очередным глотком ему становилось легче на душе, глаза становились светлее. Он поставил миску на скатерть и вновь взгляд его остановился на куске лепешки, оставленный ему хозяином дома. С выпитой ряженкой голод вновь проснулся в Николае, напомнил о себе. Ему страшно хотелось взять и съесть этот кусок. Рука сама невольно потянулась к куску лепешки. Взяв машинально кусок, на полпути рука остановилась, положила кусок обратно на скатерть. Николай нашел в себе силы воздержаться. «Боже, и как же этот народ живет при таких условиях?..» - судя по своему состоянию, не без доли риторики спросил себя Николай. Сам, живущий некогда в достатке, представить себе не мог, что есть еще на земле страны, народ которых живет только мечтой о куске хлеба. Виноватой во всем этом несчастье Николай считал войну. С одной стороны, людей до ручки доводит сплошная неграмотность, невежество, с другой стороны – отсутствие воли и желания избавиться от веками устоявшихся, как догма, традиций и обычаев, мешающих им идти вперед, по пути прогресса. И где преобладают такие симптомы, там и больше войн, разрушений, убийств, что не дает им возможности выпрямиться, сделать свою жизнь краше, богаче, содержательнее.

В это мгновение сквозь дверной проем Николай заметил, как девушка возится возле таганка. Вспомнил ее испуганные глаза, слезы, стекавшие по ее щеке. И вдруг отчего-то Николаю стало не по себе. Тогда, занятый змеей, преисполненный желанием расправиться с ней, Николай как-то особо и не обратил внимания на телосложение девушки, на ее стан. Теперь же обнаружил, что она весьма красивого телосложения, такие же, как у его Наташи, красивые глаза. Николай всмотрелся и заметил, что девушка все еще стоит к нему спиной и кипятит воду в чайнике. Волосы девушки, сплетенные в косы и откинутае назад, были настолько длинные, что опускались аж ниже колен. И это придавало ей еще больше женственности и красоты. Она, видимо, и не догадывалась, что в эти минуты ее с ног до головы оценивающе осматривает пара чужих посторонних мужских глаз. Знай, она это, мгновенно убралась бы прочь, а свои дела поручила бы брату. Занятая лишь своими мыслями, она продолжала также беззаботно класть в огонь дрова. Как только пламя под чайником воспылало, она направилась в дом.

Мысли Николая вновь вернулись к любимой Наташе: «Когда находился в учебно-тренировочной базе в городе Мари Туркменистана, от Наташи получил письмо. То письмо до сих пор лежит в его вещевом мешке, в Багrome. Оно там, а я здесь. Неужели

во время моего отсутствия мои товарищи забрали то письмо и книги? Те книги и письма от Наташи, сестер и матери – вот все мое богатство, которое я привез с собой в Баграм. Знают ли мои однополчане и односельчане Валерий и Виктор, приехавшие служить со мной в Афганистан, и оставшиеся сейчас в Баграме, что я жив и нахожусь в плену у моджахедов? Сообщили ли они обо мне моим родным?

В тот день, когда нас отправили за коноплеи, кроме старшины никто больше не знал об этом. Мы втроем отошли от аэропорта и воинской части, по меньшей мере, на три километра. Услышали они звуки стрельбы или нет, искали они нас или нет, знают ли они о гибели моих товарищей и о моем плене, тоже ничего мне не известно. В любом случае, любым путем надо сообщить в воинскую часть о своей участи. Но что я могу сделать при таком своем положении? Во-первых, останусь ли я жив, это еще вопрос. Но, если и останусь жив, то по возвращении в воинскую часть или к себе на родину, меня будут судить как предателя. Какую ошибку я допустил, что оказался в таком положении? Хотя бы родители узнали, что я жив, пока этого для меня было бы достаточно. Но кто сообщит им об этом? Может, покончить с собой? В таком случае раз и навсегда избавлюсь от мучений, но не смогу увидеть родителей, Наташу. А какие до этого строил планы, о чем только не мечтал, чего только не обещал своей любимой? Она до сих пор ждет, надеется, что я вернусь к ней, мы сыграем с ней свадьбу и проживем счастливой жизнью. Выходит, покончив с собой, все эти мечты я унесу в могилу?» В это мгновение перед взором Николая возник образ матери, со слезами на глазах провожавшей сына в армию: «Сыночек, держись при любых обстоятельствах!.. Возвращайся живым и здоровым!.. Кроме тебя у меня больше никого нет!.. Некому, кроме тебя, гроб мой нести!.. Некому!.. Некому!..» Сердце Николая что-то вдруг прищемило.

«Эх, будь проклята эта жизнь со всеми ее сладостями и горечью, со всеми ее муками и последствиями!..» - будто выдохнул Николай и заключил: «В любом случае жизнь человеку дается лишь один раз. Раз уж жив, значит, надо терпеть все эти трудности, чтобы выжить. Жизнь – оказывается, штука дорогая и слаще, чем смерть!..»

Глава X

**Кунан дарахтаму ин кўдакон зананд ба сангам,
Ба ғайри мева дар ин бўстон гуноьнадорам.**

**Дереву – старцу подобен я, дети бросают камнями, меня,
Кроме плодов никакой другой вины нет у меня.**

Командующий сороковой армией Ограниченного контингента Советских войск в Демократической Республике Афганистан Борис Громов, вызванный Политическим Бюро ЦК КПСС в Москву, чувствовал себя не столь уютно, как хотелось бы ему. Он знал, что большинство членов Политбюро и вообще все руководители партии и государства не довольны ходом боевых действий в Афганистане. Рядовые граждане, потерявшие в этой войне своих детей, выражали свое возмущение случившимся трагическим последствиям. Не исключено, что не только его, но и министра обороны и председателя Комитета Государственной Безопасности СССР, многих командующих, имеющих отношение к войне в Афганистане, снимут с должностей. Особенно беспокоила всех участь, постигшая несколькими днями раньше войсковой части, дислоцированной в кишлаках Руха и Аьноба ущелья Панджшер. Здесь потери в живой силе были особенно велики.

Военные, направленные сюда, не справлялись с поставленными перед ними задачами и кроме, как убивать мирных граждан, ничего они не добились. Небольшие вооруженные группы, особенно моджахеды Ахмадшаха Масьуда, как кость в горле льва, раз за разом давали о себе знать, нанеся ощутимый урон советским войскам, как

в живой силе, так и в технике. Вследствие таких частых стычек не хватало и авиации, предназначенной везти на родину цинковые гробы убитых солдат и офицеров.

Со дня ввода так называемого Ограниченного контингента Советских войск в Афганистан шли годы, а обстановка в этой стране никак не менялась в лучшую сторону. Наоборот, с каждым днем, неделей, месяцем оперативная обстановка становилась все хуже и хуже. И этой войне не было видно ни конца, ни края.

По всему Афганистану орудовали вооруженные группировки. Грабежам и убийствам не было предела. То один, то другой кишлак подвергался массовому террору. Вооруженные формирования всячески пытались поднять народ против вновь образованного законного правительства, так называемого демократического строя. Устои этого государственного устройства были под угрозой развала. В боевых стычках с моджахедами с советской стороны ежедневно гибли десятки, а то и сотни военнослужащих.

Чтобы в своем выступлении перед политическим руководством страны, особенно перед министром обороны и генеральным секретарем ЦК КПСС, не допускать каких-либо ошибок, Борис Громов, проведший эту ночь в своей резиденции, находящейся в войсковой части у дворца президента Афганистана в Кабуле, до самого утра ломал голову над составлением отчета Политбюро ЦК КПСС. Он хотел, чтобы речь его была лаконичной содержательной и понравилась всем собравшимся, и чтобы никто не мог придраться к каким-либо мелочам.

Самолет держал курс на Москву. Наблюдая сверху через иллюминатор за картиной горного пейзажа, вновь отдался своим размышлениям. Он вывел, что с первых дней, когда на эту землю со всей своей боевой мощью вступила советская армия, он, Борис Громов, до сих пор не знает, что такое покой, отдых и беззаботная жизнь. В последнее время на первый план у руководства советской страны проблемы Афганистана отодвинули на второй план все другие внешние и внутренние вопросы общественно-политической жизни страны. Говоря другими словами, афганский вопрос заметно подорвал авторитет Советского Союза в политических кругах Европы, Америки и мусульманских странах. Репортеры газет, радио и телевидения многих стран посвящали этой войне столько материалов, что уже не было и резона скрывать правду о ней.

Фильмы, снятые за последние пять лет Кристофом де Понфилием и распространенные в европейских странах, сообщили всему миру о той страшной трагедии, которую обрушил на голову афганского народа Советский Союз. Вспомнив имя Кристофа де Понфилия, Борис Громов почувствовал себя несколько неуютно. «Сколько не пытался задержать этого французского кинорежиссера, не смог. Он всегда в Панджшере и находится под опекой Масъуда. КГБ тоже не справился с ним. Этот негодяй ежегодно выпускает по одному или два фильма о наших боевых операциях в Панджшере и распространяет по всему миру» - размышлял Б. Громов. Ему вспомнилась и телепередача «Служу Советскому Союзу!», которую смотрел однажды вместе со своим помощником, генералом Варенниковым. Вспомнил и при одном только воспоминании ему стало плохо. То ли воспоминания эти были столь тяжелыми, то ли воздух в салоне самолета стал тяжелым, он почувствовал, что ему не хватает воздуха. Быстро расстегнув верхние пуговицы кителя, перевел дух и, чтобы быстрее избавиться и от дурных воспоминаний, через иллюминатор посмотрел вниз. По плывущим внизу горам Гиссарского хребта, окружившим столицу Таджикистана город Душанбе, по красивой архитектуре городских линий проспектов и улиц, по зеленому оазису, в котором утопал город, Б. Громов понял, что самолет давно уже пересек границу и находится на советской территории. Он успокоился. «Теперь может и мыслями собраться. Его самолету ничего уже не грозит. И до Москвы еще долго лететь. Будет и время подготовиться, как следует» - подумал он. Но как только оторвал взор от раскинувшейся внизу живописной картины, сразу в памяти всплыли сюжеты фильмов

того же самого Кристофа-француза. Картины эти одна за другой промелькнули перед его взором. Особенно его раздражали откровенные признания русских военнослужащих, оказавшихся в плену у моджахедов и выступающих перед объективом кинокамеры. По одному из таких фильмов он узнал и о русском парне, рядовом Николае Быстрове, попавшем в плен к моджахедам и доставленном в Панджшер.

«Эти уроды раскроют все наши карты. Надо побольше проводить политзанятий среди солдат и офицеров, улучшить военно-патриотическую работу. – вывел для себя Б. Громов. И мысли его вновь вернулись к тому фильму. – Хорошо, что у нас в стране КГБ запретил трансляцию таких фильмов. Иначе народ узнал бы о судьбах своих детей. И это не сошло бы нам с руки.

Да, кстати, один рядовой военнослужащий, попавший в плен, может снести головы десяткам генералов и маршалов. Человеку, посмотревшему фильмы Кристофа, станут противны и правительство, и государство Советов. Сколько я не пытался освободить тех же пленных и вернуть их в свои воинские части, как назло, сами пленные не захотели возвращаться. И всякий раз свой отказ они обосновывают тем, что в случае возвращения по советским законам они все равно будут привлечены к уголовной ответственности, и им грозит пятнадцать лет лишения свободы. Выбор их был однозначен: Уж лучше оставаться им в плену, нежели возвращаться на родину и быть осужденным. Если по логике рассуждать, они в чем-то и правы. Что делаем и какую выгоду мы ищем в этой богом забытой, нищей и обездоленной стране кроме, как потерять убитыми своих же детей? В чем провинились молодые русские, украинские, казахские, туркменские, таджикские парни, что из-за спокойствия чужого нам афганского народа лишаются своей жизни?

Если конкретно, то и мы с афганцами так и не поняли друг друга. Сколько мы им твердили, что нам нет дела до вашей религии, что мы хотим принести вам мир, помочь вам сделать вашу страну краше и богаче, как соседние с вами наши Таджикистан, Узбекистан и Казахстан, и вы тоже по соседству с нами заживете как эти народы. Увы. Со своей идеологией и политикой вторглись сюда мусульманские страны, Америка и другие страны из мира капитала, насаждали среди населения семена антисоветизма, снабдили их оружием и подняли их против нас. Вышло, что все наши старания оказались как горох об стену. Как все это объяснить политическому руководству страны? Они тоже, как и религиозные фанатики Афганистана, заражены коммунистическими идеями и никак не могут избавиться от них, понять истинное положение вещей.

Если уж за семь лет мы не смогли найти с афганцами общий язык, то не добьемся этого и в последующие годы. По-моему, никто, кроме самих афганцев, не сможет успокоить это воинствующее племя, в течение нескольких веков мракобесия, невежества и предрассудков воюющих между собой. Спокойствие и мир в эту страну может принести только здравый рассудок. Если есть здравый рассудок, и общество будет развиваться. В этой же стране девяносто-девяносто пять процентов населения элементарно неграмотны, не умеют даже писать и читать.

Наших солдат и офицеров привезли сюда, чтобы защитить вновь созданное правительство афганского государства, помочь им в построении демократического государства. И это при том, что само это государство по уровню своего развития находится еще на феодальной стадии развития. Здесь доминирует ислам, и государством в основном управляют религиозные деятели.

Ладно, скажем, что благодаря прогрессивному руководству ведущих сил страны свершилась революция, и у руля власти встали демократическая и коммунистическая партии, цель которых заключалась лишь в одном – продвижение Афганистана по демократическому пути развития, хотя и революцию-то в Афганистане совершил Советский Союз, извне, так сказать, насильно.

Выходит, не год и не два, а целых пятьдесят лет все помыслы руководства Советского Союза были направлены на то, как, какими путями и способами захватить Афганистан, разместить здесь свои военные базы, чтобы не допустить сюда американцев и англичан.

Строительство дорог и коммуникаций электростанций, домостроительных и мукомольных комбинатов, оросительных сооружений, аэропортов, обучение молодежи Афганистана в вузах Советского Союза, еще сотни других дел. И все это преследовало лишь одну цель – показать афганскому народу, политикам Афганистана, чтобы убедились воочию, что советские люди желают им мира и процветания. И что в итоге? Сегодня выступления одного муллы достаточно, чтобы игнорировать все сделанное Советским Союзом для этой страны, признать нас врагами ислама, убийцей афганского народа. Достаточно и намек, чтобы сбить этот народ с правильного пути. Если хоть один мулла скажет, что кафиры своими поступками хотят изгадить наши дома, разрушить веками установившиеся традиции, превратить Афганистан в страну кафиров, в ту же минуту толпа невежд готова встать на тропу войны с нами.

Предпочтительнее было бы, если бы вместо совершения революции, ввода войск, применения силы мы совершили бы революцию в умах самих афганцев. Всего этого советское руководство проигнорировало и, как следствие этой недальновидной политики, сколько же наших человеческих жизней полегло на афганской земле?

Кто знает? Впереди нас ждут бои, еще более кровопролитные, бессмысленные и бесполезные, чем все предыдущие. И меня вызвали в Москву, чтобы я отчитался перед руководством страны о положении дел в Афганистане, чтобы обсудить наши дальнейшие действия. ...»

Самолет стремительно летел в сторону Москвы, а Громов, занятый своими мыслями, дремал в своем мягком кресле. Видимо, вспомнилось ему еще что-то, что открыл глаза: «Стоп! Как же совершилась-то эта самая Апрельская революция Афганистана? – размышляя, он задался вопросом. – Шах Хафизулло Амин, как говорится, был свергнут. Вместо него на царский трон посадили Бобрака Кормала. Насколько осведомлен в этих делах сам Борис Громов, все эти перемещения и революция годами разрабатывались в секретных отделах КГБ СССР, Министерства обороны и министерства внутренних дел. И только потом ими же и осуществились. Сотни, тысячи советских шпионов, прикрываясь маской строителей и дорожников, переводчиков и помощников должностных лиц различного ранга, перебрасывались из республик Средней Азии и Центра в города и села Афганистана, чтобы наладить связи с местным населением, пропагандировать среди них советский образ жизни. Если вдуматься, это все было направлено на пользу этого же народа. Но не сидели, сложа руки и спецслужбы Америки, Англии и других стран, в том числе и мусульманских. На этой земле и они имели свои интересы. Делали все возможное, чтобы ослабить здесь влияние Советского Союза, направить ум народа в нужное им самим русло, самим занять образовавшееся пространство.

Захватив Афганистан, Америка и Англия получили бы возможность разместить здесь свои ракеты, нацеленные на города и села, военные объекты Советского Союза. С другой стороны, Афганистан граничит с Пакистаном, Индией и Китаем. И территория Афганистана как военный полигон как нельзя лучше подходит для захвата и этих территорий. Другого такого государства, как Афганистан, на других точках планеты вряд ли удастся найти.

По сообщениям, каким располагал Громов как командующий советскими силами быстрого развертывания в Афганистане, конгресс Америки выделил двести миллионов долларов, чтобы поднять народ Афганистана против Советского Союза. В том числе и на подготовку отрядов моджахедов в Пакистане и других арабских странах на борьбу против советских военных из числа афганского населения. И таких мероприятий было

сотни, предпринятых американцами против нас. Все это позволило им направить против нас местное афганское население, организовать против нас терроры.

Вот в таких условиях, советский вояка, приходи и защити завоевания революции Афганистана и сумей объяснить этому войной замученному народу, что жить при социалистическом устройстве общества лучше и выгоднее!

«Этим утром, - улыбаясь, вспомнил Борис Громов. – проснулся от звука тысячи громкоговорителей Кабула, и одна мысль осенила меня: Разом тысячи громкоговорителей кричат: «Оллох Акбар!!!» И видишь, как простой люд в возрасте от семи до семидесяти лет сквозь ночную темь пробираются по улочкам к мечети, чтобы совершить утренний намаз, поклониться своему Аллаху. И так эта процедура продолжается тысяча четыреста лет. И нет, чтобы Аллах услышал их, и на эту многострадальную землю ниспослал мир, покой, процветание, изменения в лучшую сторону.

Боже! Не где-нибудь, а именно в этом городе Кабуле видел, как моджахед со своей семьей вырыл на склоне холма углубление, подстелил соломой и стал там жить. И вся жизнь его пройдет в этой конуре. Значит, в этой же конуре родится и его потомство, вырастает, заводит свое семейство и будет жить дальше. При полном отсутствии элементарных жилищных условий, к которым мы привыкли в наших городских домашних квартирах. Не говоря и о соблюдении элементарных требований санитарии и гигиены.

Когда увидел, как, и в каких условиях, они живут, убедился, что в мире нет народа более многострадального, чем афганский народ. А мы пришли к ним с оружием в руках. Пришли, чтобы навязать им свой социалистический уклад жизни, не объяснив им, что это вообще за мироустройство, и чем оно лучше их быта. Мол, вот вам все хорошее, что есть и у нас, есть, что перенять. Все новое и лучшее. Вот и получается, что они и впредь, как и тысяча четыреста лет назад по первому зову муэдзина направляются в сторону мечети, чтобы выполнить святую для каждого мусульманина миссию – совершить намаз.

Руководство Советского Союза, учитывая фактор чужого вмешательства извне, опередило американцев и первыми, якобы по просьбе Бобрака Кормала, ввело свои войска в Афганистан. На самом же деле, ситуация развивалась так, как рассказал друг Громова, врач, исполнявший обязанности личного врача шаха Афганистана Хафизулло Амина:

- Однажды в полдень – рассказывал Дмитров. – в президентском дворце шаха Хафизулло Амина мне сказали, что шаху плохо, и я срочно должен осмотреть его. Взяв с собой коллегу Петрова, мы срочно пошли во дворец. Смотрю, вся царская свита сидит вокруг празднично накрытого стола и занята трапезой.

- Доктор, что-то нашло на шаха. Плохо чувствует себя. – сказал мне один из слуг шаха. Вижу, шаху что-то не по себе. Лицо бледное, сводит судорога, словно в предсмертной агонии. Он, вспотевший, весь бледный, пытался что-то сказать, но и слова толком выговорить не мог. Проверил пульс. Уму непостижимо было, что при таком пульсе человек мог оставаться еще живым. Когда проверял пульс, у него изо рта так дурно пахло, что до сих пор не могу забыть этот запах. Потом понял, что это был запах цианистого калия. Действительно, этот яд смертельный. В ту же минуту из соседней комнаты ко мне подошла дама и сказала, что супруга шаха в таком же состоянии. Оставив шаха, пошел к его супруге, надеясь хоть ей чем-то помочь. Смотрю, ее состояние еще хуже, чем у шаха. Капли яда текли уже изо рта и носа женщины. Подумал, что их отравил какой-то убийца, и, чтобы оказать им хоть какую-то помощь, вышел в прихожую. Петров тоже был со мной. Столовая шаха находилась на втором этаже дворца, а лекарства были в моем кабинете, на первом этаже. Не дойдя до середины прихожей, услышал гул моторов БТР. Удивился такой дерзости и безответственности военных в шахском дворце. Сделав еще три-четыре шага,

услышал и автоматные очереди. Секунду спустя прямо передо мной возникли солдаты в масках и в советской военной форме. Подумал, что это солдаты из группы «Альфа» ворвались в царский дворец и ведут стрельбу. Что было сил, крикнул, чтобы в нас не стреляли. Мол, мы советские! Крик не помог. Видел, как сразили моего друга Петрова. Я бросился к нему, перевернул на спину. Входное отверстие на уровне левой груди и выходное со спины. Кровь хлестала вовсю. Остановить ее уже было невозможно. Петров умер на моих руках, не успев сказать ни слова. До последних дней своей жизни не забуду удивленный взгляд и глаза друга, полные любви к жизни. Сколько стоял над его окровавленным телом, ошарашенный, уже не помню. Минут где-то через десять или больше, закончив на первом этаже, боевики «Альфы» поднялись на второй этаж.

- Помогите! Друга убили! Надо везти в посольство!.. – умолял боевиков, проходивших мимо меня.

- Нам нет дела до трупов! – сказал один из них в маске. Не обратив на меня никакого внимания, они покинули дворец. Я не мог оставить здесь тело друга. ...

Утром следующего дня узнал, что военные нашей страны вошли в Афганистан, и в этой стране началась революция. Это убийство, кстати, и было началом той самой революции, которую задумали и совершили советские политики в Афганистане.

Вместо Хафизулло Амина на трон сел Бобрак Кормал. Это и есть «Апрельская революция» нового Афганистана. По сообщениям средств массовой информации и утверждениям местного населения, Советский Союз привел Бобрака Кормала к власти и посадил его вместо Хафизулло Амина. Хафизулло Амин же был наемным политиком Америки. Он обучался за границей, заграничными же политиками был посажен на царский престол, убрав с трона своего же руководителя по партии. Руками этого палача было казнено столько молодых прогрессивных людей страны, посажено в тюрьмы Кабула и Пули Хайри, сколько не было убито во времена правления ни одного из его предшественников. Смерть Тараки считают делом его рук, и до конца дней своих народ шлет этому тирану свои проклятия».

Самолет еще летел. Громов немного вздремнул. Кожаная папка, полная важных документов, выпала из его разжавшихся рук. Громов проснулся, поднял папку, положил себе на колени и вновь закрыл глаза.

В папке вместе с другими бумагами лежали и бумаги с текстом отчета Политбюро ЦК КПСС, копия плана предстоящих операций советских войск в Панджшере. После того, как командиры и военные советники в Кабуле обсудили и утвердили этот план, Громов вез его в министерство обороны СССР. Командующий, хотя и знал, что в самолете он в полной безопасности, когда папка выпала из рук, опасался, чтобы никто из спутников и охраны не знал о плане предстоящего нападения на Панджшер.

Как только Громов вспомнил о Панджшере, в его памяти вновь всплыл и образ Ахмадшаха Масъуда по кинофильму француза Кристофа де Понфилия. Француз снял Ахмадшаха Масъуда в его повседневной одежде, в гордой и мужественной позе. В том фильме Масъуд беседовал со своими моджахедами, направив взор куда-то вдаль. В эти минуты он действительно напоминал гордого орла, готового взмыть ввысь, покрыть огромное расстояние, чтобы добиться поставленной цели. Масъуд говорил на своем дари, и переводчик француз переводил его слова. Громов ничего не понимал в этом переводе, поскольку не знал ни дари, ни французского языков.

После того, как доставили Громову этот фильм, в первый раз он посмотрел его вместе со своими коллегами и военными советниками. Велел найти переводчика, чтобы точь-в-точь переводили ему каждое предложение. Из всех планов боевых операций, составленных и исполненных Громовым, больше ему запомнились операции, проводимые в Панджшере. И было отчего. Все операции проводились успешно, но только не в Панджшере. Действительно, моджахеды ущелья Панджшер со своим командиром Масъудом во главе, были как кость в горле Громова. Не повезло Громову

ни в первой, ни во второй и ни в третьей операциях. Громов, сам непосредственно командовавший операцией, потерпел поражение и в этой, пятой по счету, операции. Операция в Рухе и Аънобе была шестая. И вновь фиаско. Полный провал. В этом бою моджахеды Масъуда еще при въезде в ущелье взяли в засаду передовую часть пехоты и бронетехники русских. Пользуясь своим позиционным преимуществом, они уничтожили большинство живой силы и бронетехники Громова. Уже с первых своих шагов техника и живая сила русских напоролась на мины моджахедов. Двигаться вперед хоть на метр, стало почти невозможно. Громов приказал атаковать позиции моджахедов сверху, вертолетами и истребителями-бомбардировщиками. Пехота и бронетехника отступили назад, предоставив авиации свободу в действиях – совершать налеты на вражеские позиции. Авианалет продолжался двое суток. Ни в одном уголке Афганистана Громов не встречал такого сопротивления моджахедов, как здесь. Солдаты и офицеры, да и сам Громов, думали, что после такого авианалета в ущелье не останется ни одной живой души. Но, как стало известно чуть позднее, кроме шестерых убитых моджахедов, находившихся на противоположном берегу реки, напротив позиций русских, никто из моджахедов не пострадал. Следствием долгих бомбометаний стало то, что были разрушены дома и постройки населения, живущего у входа в ущелье. Моджахеды же, укрывшись в своих убежищах, землянках под скалами, на склоне горы, без особой опаски для жизни, наблюдали за этим бесчинством русских. Спустя два дня после налета Громову сообщили, что в ходе боевой операции в Панджшере советские войска потеряли тринадцать танков и БТРов и двести солдат и офицеров убитыми. После этой операции в течение недели он не мог успокоиться, поскольку до этого он ни в одной из проведенных операции не понес таких ощутимых потерь. По этому поводу он долго совещался со своими командирами и военными советниками. Но объяснений всему случившемуся он так и не смог найти, ибо он знал: Посылай теперь в два раза больше живой силы и техники на подавление сопротивления врага, всеми этими мерами потерянное уже не вернешь. После того, как завершилась операция и собрали тела убитых, Громов, хотя и находился далеко от места трагедии, в Багrome, в безопасности, весь горел огнем ненависти и гнева. Несмотря на то, что он был человеком военным, и, казалось, чувства в нем должны быть немного притупленными, ему, как и любому другому человеку, не чужды были и чисто человеческие чувства. Он глубоко переживал. Его сильно задевало и то чувство, что солдаты и офицеры погибали зря. Хотя он и выполнял приказы, спускаемый сверху, в случившейся трагедии он и себя в какой-то мере считал виноватым. И было отчего. Именно по составленному им плану и его приказу пришла в действие целая армия, вступила в бой и, как выяснилось позже, потерпела поражение. Единственной целью советской армии в Панджшере было открыть путь в северные провинции Афганистана. Другой дороги туда не было. Громову, хотя до сих пор и ни разу не встречавшемуся с Масъудом, но знавшему его по сообщениям средств массовой информации и из рассказов самих афганцев, от своих консультантов, приходилось много слышать о нем, о его делах. И после очередной операции у входа в ущелье он понял, что Масъуд резко отличается от других командиров моджахедов, действующих в Афганистане. Громов стал опасаться его. Дерзость, с которой Масъуд вступал в бой с советским генералом, вынуждала Громова бояться Масъуда. Обладая таким мощным войском, Громов думал, что разом снесет с лица земли все войско Масъуда и одним марш-броском дойдет до самого Бадахшана, что означало завершение войны в Афганистане. Известное дело, что после этого не заставят себя долго ждать и медные трубы, и повышение в звании и высокие должности. Не исключено, что сочтут нужным присвоить и звание «Героя Советского Союза». Столкнувшись с Масъудом, все эти планы оказались не более, как мыльные пузыри, мечтой неосуществимой. В промежутке определенного периода времени все это превратилось в миф, кануло, как говорится, в мифическую Лету. Уж сколько бы не

скрывал от своего командования численность потерь в боевой технике, потери в живой силе были настолько велики, что скрывать их было делом невозможным и преступным. Цинковые гробы, доставленные в Союз, на родину погибших, увидят все. Их невозможно будет спрятать от глаз людских. И это все будет на совести командующего.

С другой стороны, играет свою роль и множество средств массовой информации. Таких, как Кристоф де Понфилий, возвещающих по всему миру о боевых операциях, о потерях в живой силе и технике воюющих сторон.

Масъуд раз за разом одерживал победы, благодаря своим информаторам, внедрившимся в круг командного состава советских войск. Он заранее узнавал о наших планах и заранее готовился к боевым операциям.

Анализируя операции в Панджшере, Громов задался вопросом: «Операция была строго засекречена. Вплоть до последнего дня перед началом о ней знал лишь узкий круг людей. Откуда Масъуду удалось узнать о точной дате начала операции?»

Анализируя свои ошибки, Громов пришел к выводу, что Масъуд в курсе всех его повседневных дел. Если бы не так, то и потери в этой операции не были бы столь велики. Громов также понял, что Масъуд, благодаря своей осведомленности, заранее, еще до начала операции, увел в безопасное место все население кишлаков, расположенных вблизи у входа в ущелье. А население верхних кишлаков оставалось в своих домах. Значит, Масъуд знал, что мы потерпим поражение у самого входа в ущелье.

Командующий советскими войсками в Афганистане генерал Борис Громов вынужден был признать в Ахмадшахе Масъуде достойного противника, великого стратега и тактика.

Тот факт, что его агенты действуют везде, в том числе и в генеральном Штабе – однозначно, факт бесспорный. Следовательно, прежде, чем запланировать очередную операцию, мы должны найти и обезвредить их, или ...» - делал выводы Б. Громов.

... Уже с первых дней ввода Советских войск в Афганистан Масъуд предвидел предстоящие трудности. И для их предотвращения, чтобы выставить заслон перед врагом, превосходящим его войско в десятки, а то и сотни раз, искал, перебирал десятки вариантов защиты. Изучил также и труды советских полководцев. Знакомился с тактикой белорусских и украинских партизан, действовавших в годы великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Сопоставлял их тактику с действиями своих моджахедов в горных условиях, перенимал их опыт ведения боевых действий. Вывод же напрашивался всегда один: ведение такой тактики боя никогда не подводило их.

С другой стороны, преимущество Масъуда основывалось еще и на том, что он действовал на своей земле, где он хорошо был знаком с местностью, пользовался и поддержкой местного населения. Плюс к этому, моджахеды ясно осознавали смысл своей борьбы, знали, за что воюют. И эти качества не могли не сыграть своей положительной роли в общем успехе моджахедов под командованием Масъуда.

Громов еще не знал, что предки Масъуда и население Панджшера живут в этом ущелье веками. И все это время они жили, скрываясь от нападений разбойников с большой дороги, защищаясь и закаляясь в борьбе и сражениях с грабителями, и всегда выходили победителями. Выжили. Часть населения работала и зарабатывала себе на пропитание на рудниках лазурита. Сегодня многие думают, что при захвате этого края, дороги и рудника люди лишатся и этого источника заработка, умрут. И, чтобы не допустить этого, моджахеды воюют с русскими. Люди, хотя все в основном неграмотные, не могли все же недооценить значимость этой дороги.

Другим побудителем массового народного волнения стал ислам. Начиная с первых дней своей сознательной жизни, кроме, как ислам, население не знало и не желало признать другой религии, ибо с именем Оллоха в ушах рождались дети, именем Оллоха умирали, ложились в гроб. Хоть мужчина, хоть женщина, от мала до велика готовы были вынести любую муку, даже смерть, но быть рабами, преклонять колени

перед чужими – и мысли такой они не могли допускать. И нет силы, способной сломить свобододлюбивый дух этого народа, подчинить его себе. С этим племенем можно говорить только здравым умом, а не силой и бряцанием оружия.

После долгих таких размышлений Громов вывел, что руководство Советского Союза, командующие советской армией, направив войска в Афганистан, тем самым обманули всех солдат и офицеров и как манкуртов приговорили всех к смерти. Выходило, отправляя их на верную гибель, сначала им в голову вдалбливали мысль о том, что они идут защищать родину-мать, как воины-интернационалисты, призванные защитить братский афганский народ. И что их задачей на этой земле является недопущение межплеменных распрей между самим афганским народом. А вышло все наоборот. Выходило, что невольно сами советские военнослужащие оказались втянутыми в боевые стычки с моджахедами. На самом же деле, основной целью руководства Советского государства было, во что бы то ни стало удержаться в Афганистане Ограниченному контингенту Советских войск, чтобы не допустить сюда вторжения американцев и других стран Запада, чтобы эти страны не разместили в Афганистане свои военные базы.

По истории Громов знал, что, начиная уже с первой половины XIX века, англичане пытаются захватить, подчинить себе эту страну. И какими только средствами не пользуются, чтобы добиться своего. К примеру, у себя на родине англичане под видом мулл-исламистов обучали тысячи агентов и переправляли их в Афганистан. Чтобы войти в доверие местного афганского населения, англичанами проделана определенная работа и по обустройству городов и сел Афганистана. Построены жилые и административные здания, оросительные сооружения, открыты газовые месторождения, рудники полезных ископаемых. Но в силу того, что англичане не были мусульманами, население Афганистана не признало их своими. И последние муллы и муэдзины, подготовленные англичанами, покинули эту страну с отрезанными ушами и носами.

Американцы, чтобы ввести в Афганистан свои войска, до Средиземного моря привезли свое войско и готовы были вступить на афганскую землю, как их опередил Советский Союз. И под предлогом защиты завоеваний Апрельской революции советские войска вошли в Афганистан. И он, Борис Громов вместе с Махмудом Гореевым и Варенниковым, был назначен командующим стотысячной советской армии.

Громов, как и Л. И. Брежнев и министр обороны СССР Д. Устинов, принял афганцев как казахов, туркменов и таджиков Центральной Азии и поступил с ними так, как в свое время поступили с этими народами первые руководители советского государства – В. И. Ленин и И.В. Сталин: Если в самом начале завоевывания этих республик политика руководства молодой Советской страны была захватнической, то в последующие пятьдесят лет она была созидательной. Сплошная неграмотность населения, низкий уровень жизни абсолютного большинства жителей этих республик постепенно были ликвидированы. Народ зажил новой созидательной жизнью. Процветали города и села. И народ видел все это, благодарил Советский Союз за все эти новшества. Хотя еще в самом начале, когда в их селения только-только вступила нога большевика, и было убито много видных известных сыновей, оставшиеся в живых, на себе испытали добрые плоды прихода великого русского народа на их землю. Иного выхода при создавшемся положении у них и не было.

Но Афганистан есть Афганистан. Со своей историей развития, со своим укладом жизни. И не считаться с этим фактором означало быть обреченным на поражение. ... - монотонное гудение мощных двигателей воздушного лайнера не мешало ровному течению хода мыслей советского генерала. Он был занят своими мыслями о войне в Афганистане. - Несмотря на все то, что было до этого, он разрабатывал план очередной, седьмой по счету, операции в ущелье Панджшер. И теперь ломал голову над тем, как реализовать свой план. Был уверен, что в Генеральном Штабе

министерства обороны одобряют его план, дадут добро на очередное наступление. Но «Победит ли он эту небольшую группу моджахедов, численностью не более чем одной тысячи человек?» - вот в чем заключался главный вопрос. Эта мысль и не давала покоя Громову.

Никакой другой военный начальник, а именно он – командовавший сороковой Советской армией вот уже пять лет. – как никто другой знает цену побед и поражений здесь. Что было ему интересно, ни в одном из боев, проведенном Советскими войсками в Панджшере, они не одержали победы. Одно поражение следовало за другим. В чем заключаются наши ошибки? Каждый раз подчиненные в свое оправдание выдвигают десятки причин. Даже сам Варенников, на себе испытавший все ужасы Великой Отечественной войны, не может предложить лучшего варианта действий. После множества поражений и потерь вынуждены были согласиться на временный мир и прекращение огня. Что было в запасе средств и хитростей, использовали. И все безрезультатно. Не помогли ни вертолеты, ни современные боевые штурмовики - истребители. Вывели из строя огромное число транспорта и другой боевой техники. Почти две тысячи погибших солдат и офицеров. И большинство из них выходцы из рядовых, простых семей граждан СССР. Да, кстати, по одному два человека служат в воинских частях дети из семей высших чинов армии, властных структур государства. Но на горячих, ключевых точках, как Афганистан, нет ни одного из них. Пробегаю взглядом ежедневную сводку. Кто убит? Рядовой солдат Петров, уроженец Украины, село Слатино, отец – тракторист. Кого убили? Сидорова. Из Подмосковья, из г. Муром. Отец – учитель. ... Да, кстати, как звали того пленного в Багrome? Которого увели к Масъуду? Николай Быстров, кажется. Из села Некрасовск Краснодарского края. Отец – крестьянин. Каким путем освободить этого солдата из плена? Может, обратиться к Масъуду? ... О, нет!!! Проклятие. Уже сколько стараюсь не вспоминать о Масъуде, почему-то никак не получается. Никак не могу забыть его образ. Масъуд! Масъуд! Видать, Богом предопределено мне Масъудоведение. Он вышел победителем в шести операциях. Как будет на этот раз? На этот раз я застаю его врасплох. При помощи Юрия Владимировича мы с Масъудом договорились о мире и временном прекращении огня. Теперь каким-то образом убрали и Андропова. Это был единственный человек, сумевший заключить с Масъудом мир. И теперь вот уже полгода, как не ведутся боевые действия, не везем в Союз цинковых гробов. Дальше что? Теперь у руля власти Горбачев. Масъуд надеется, что мы больше не нападем на Панджшер. Столько потеряли. Может, хватит? Когда очнешься, поймешь, что просчитался. И жестоко. На этот раз на голову населения Панджшера пошлю столько самолетов и вертолетов, танков и пушек, насыплю им столько снарядов и бомб, сколько Гитлер не сбрасывал на Сталинград.

Да, пусть Масъуд вспомнит Сталинградскую битву. Пусть дух его захватит, задохнется. Сверху донизу через сито пропущу все содержимое ущелья, чтобы потом веками здесь невозможно было жить человеческому роду. Мои предки сумели отомстить Гитлеру за гибель двадцати миллионов советских граждан. Моя же акция будет ответом за пролитую кровь советских солдат и офицеров в Афганистане.

Ты, Масъуд, единственный, кто смог в Афганистане преградить нам путь. со своим умом, пронизательностью, военной прозорливостью и тактикой сумел противостоять нашей огромной и мощной армии. Всего лишь с сотней-другой автоматов и пулеметов Калашникова, гранатометов в руках горстки голодных, босоногих, грязных, оборванных, ободранных моджахедов, и победа над этой мощной армией обеспечена. Слава тебе, Масъуд! Прославленный грозный и мудрый панджшерский лев! Ты действительно смог поставить нас на колени!

Что делать? Война есть война. В ней есть и победители, есть и побежденные. И побеждает не тот, у кого больше сил и оружия, а тот, кто превосходит врага умом, прозорливостью, владеет тактикой и точным расчетом. Выходит, ты, Масъуд, в этом

плане пока превосходишь нас. Да, на всех этапах войны в Афганистане я всегда находил нужные варианты, чтобы справиться с вооруженными бандитскими формированиями. Найду управу и на тебя, Масъуд!

За все эти годы я не хотел встретиться лицом к лицу ни с одним моджахедом, ни с одним из афганских командиров. Мне противно даже смотреть в их рожи с длинными бородами. Но с тобой, Масъуд, встретиться хочу только после твоего поражения. Хочу посмотреть в твои орлиные глаза, панджшерский лев. Стоять тебе напротив и сказать, что я смог-таки отомстить тебе за пролитую кровь советских солдат и офицеров.

Из числа сотен высокопоставленных военных чинов, главнокомандующий вооруженными силами СССР только мне, генералу Громову, доверил должность командующего Ограниченным контингентом Советских войск в Демократической Республике Афганистан. И я вступил на землю Афганистана с намерениями установить мир и согласие на этой земле.

Увы, из-за своего невежества, вследствие вмешательства соседних мусульманских стран, Америки и Англии вовлекли нас в кровавую бойню. Сотни, тысячи молодых парней были убиты. Вынудили меня ввязываться в эту бойню, совершить великий грех убивать человеческое дитя, разрушить города и села.

Кстати, Масъуд, мы с вами, военнослужащие и моджахеды не виноваты в этой войне. Вся наша вина заключается в нашем с вами невежестве, тупости и неведении.

Основные же виновники всего этого – политики нашего государства и ваши муллы, сами всегда прикрывающиеся вашими и нашими спинами в своих фешенебельных отелях, дворцах, дачах, занятых торжественным времяпрепровождением, а нас толкающих на братоубийственную бойню. Да, это они направили нас сюда, на это дело, вооружив самым современным оружием, чтобы легче было убивать друг друга. Вспомни же, Масъуд, Рустама и Сухроба из «Шахнаме» Фирдоуси. Какую от этого мы будем иметь выгоду, Масъуд? Я – человек военный, принял присягу на верность служения своему Отечеству и вынужден идти этим путем. В случае отказа или неподчинения приказу тюремная камера мне уготовлена. Но ты же, Масъуд, свободен как горный орел. Как тысячи твоих сограждан можешь покинуть Афганистан, поехать в другие страны, зажечь мирной жизнью. Я же никуда из своей страны не могу выехать. Политики, руководители страны меня найдут везде. И в лучшем случае или посадят в тюрьму, или в худшем – приговорят к расстрелу.

Мы с нашими солдатами и офицерами не хотим войны. Нас, можно сказать, привезли сюда не по нашей воле, а вы вовлекли в свою кровавую бойню. Мы всего-навсего игрушки в руках наших руководителей и политиков. Как хотят, так и будут играть нашими судьбами. Не жалея своей жизни, мы выполняем их волю. Одно только обидно: мы вступили на эту землю с мирными намерениями. Хотели, чтобы и вы, как соседние с вами туркмены, узбеки и таджики, зажили хорошо, построили себе новые города и села, освободились от нищеты. Оглянитесь. Все вокруг цветет. Соседние с вами народы живут полнокровной созидательной жизнью, в своих развитых странах. А по уровню жизни народ Афганистана находится на феодальном этапе развития. Даже еще хуже, чем феодальный строй. Разразившаяся война оттолкнет вас еще глубже в древние века мракобесия. Куда вы катитесь, господа?

Кстати, любой прогресс в развитии общества должен обосновываться не войной и кровопролитием, а развитием науки и техники. Вы, Масъуд, ни разу не бывали в нашей стране и не видели, как народы, в том числе и ваши единоверцы, живут и здравствуют в единой семье народов СССР. Разделяет же вас только река Пяндж. Да и река ни в чем не виновата. Ваш выбор жизненного пути определил вам вашу судьбу. Чтобы веками вы не избавлялись от воин и кровопролитий, такие же, как мы, чужестранцы, политики-иноверцы своей чуждой вам моралью и политикой загнали вас в тупик.

Вы постоянно погружены в пучину средневековых предрассудков, что теперь не в силах выбраться оттуда. Откройте глаза. Человечество давно покоряет космические

дали, а вы из глубин прошлых веков не видите и не желаете признать все это. Иного выхода не вижу, да и я не способен вам помочь. Вы тоже, может быть, и не согласитесь со мной в этом. Чтобы своими глазами увидеть и убедиться в правоте моих мыслей, в ошибочности ваших взглядов, избранного вами пути развития, вам необходимо побывать в тех республиках нашей страны, где живут ваши же единоверцы,. Пожив в этих республиках месяцы, годы, сами убедитесь в правоте сказанного мною.

Да, Масъуд! Твоя вина и единственная твоя ошибка в жизни – это твое незнание, скорее, нежелание знать все это, признать эту жизненную аксиому, наше государственное устройство, реалии нашей сегодняшней жизни. Если вдуматься, и здесь нет твоей вины, поскольку у вас нет, и не было тех условий, путешествовать по миру, познакомиться с жизнью народов мира. Чтобы посмотреть, увидеть, как живут люди в нашей стране и в соседних государствах. И тогда ты изменился бы, в корне изменилось бы и твое видение окружающего мира. И тогда, наверное, понял бы, зачем, с какой целью пришли на твою землю Советские войска.

Теперь же, Масъуд, мы с тобой живем по разные стороны баррикад. Мы с тобой стали заклятыми врагами друг друга. Советским политикам не хватило прозорливости и мудрости, чтобы вас и подобных вам командующих привезти в Советский Союз, чтобы вы познакомились с нашим образом жизни, общественным укладом. Общему врагу нашему этот фактор сослужил свою службу. Ему удалось превратить нас в заклятых врагов. Теперь вы воюете против нас, обосновывая это тем, что защищаете свой дом, свою семью. И вы будете правы. Пока. Я же пока с планом будущей операции в папке лечу в Москву, к своему руководству. Министр и депутаты поддержат меня и вновь направят меня к тебе, против тебя. Посмотрим, кто окажется победителем на этот раз, кому улыбнется фортуна? Тебе или генералу Громову?»

Глава XI

**Диле дорам, ки аз султон натарсад,
Зи банди кундаву зиндон натарсад.
Дили ошик мисоли гурги гушна,
Ки гург аз най-наи чупон натарсад.**

**Серцу моему не страшен султан,
Ни тюрьмы, ни виселицы боится мой стан.
Серце влюбленного как волк галодный,
А волку не страшен ни крики, не чабан.**

Этот день и эта ночь для Одилы – красивой совершеннолетней девушки – были днем и ночью полными таинств и загадочных переживаний. До сих пор она ни в кого не влюблялась, даже ни на одного парня не смотрела влюбленными глазами. Она не знала, что такое «любовь». Знала лишь одно – наступит-таки тот день, когда ее согласно обычаям и традициям ислама могут выдать замуж за какого-нибудь парня. Как все девушки этого края, она тоже должна будет подчиниться парню, выбранному ей в мужья родителями.

На этой земле, где веками господствует религия, Одила, как и все другие девушки и женщины, не имеет права сама выбрать себе суженого. Все зависит от воли родителей, уповающих на судьбу. И кому судьбой предопределено быть ей мужем, родители, ближайшие родственники дают лишь свое согласие, и их воле Одила должна подчиниться беспрекословно, как должное. Будь ее суженый юношей или мужчиной-вдовцом, или даже стариком, Одила, как и все другие девушки и женщины, должна признать его как своего покровителя, хозяина, владыкой своей жизни, превратившись в его рабыню. И за всю жизнь этот муж как будет с ней обращаться, повелевать ею, женщина должна быть послушной. Это значит, что женщина при таком своем

положении и в таких условиях жизни не имеет никаких прав и свобод. Она рабыня, не имеющая права сделать и шагу без разрешения мужа, не имеющая права даже косо смотреть на своего мужа.

Эти мысли молнией пронеслись в ее мозгу, когда в сердце внезапно вспыхнул доселе неведомый ей огонек, в миг охватил ее всю и какой-то сладкой болью там же осел.

В тот день, когда, подняв туловище, лицом к лицу с ней стояла змея, готовая вот-вот напасть и ужалить девушку, Одила решила, было для себя, что вот наступил уже ее конец и нет сил, чтобы убежать от змеи. И в эти самые мгновения Одила увидела за поднятым туловищем змеи Николая, делавшего ей какие-то знаки, похожие на «Стой! Не двигайся!» По тому, как Николай лежал на земле, девушка поняла, что он ранен и не может встать, двигаться. И, несмотря на всю боль в теле, выполз из дома, чтобы помочь, спасти ее. Когда со змеей было покончено, Одила хотела, было подойти к своему спасителю, припасть к его ногам, поблагодарить. Она знала: «Если бы не он, змея точно ужалила бы ее, и тогда в этом ущелье, где нет ни одного лекаря, этот укус **был бы для нее смертельным. Но обычаи, сложившиеся веками традиции ислама**, ставшие привычными, тысячи других наставлений, передаваемых из поколение в поколение, остановили ее, не дали ей подойти к Николаю. Хотя дома никого и не было, Одила не смогла сделать и шагу в сторону стонущего от боли Николая. Обидно было ей, но она ничего не могла поделать вопреки религиозным традициям, устоявшимся в течение веков в ее генах. Ей оставалось лишь дать волю своим слезам. ...

Киёмиддин вернулся с покоса под вечер, точнее, после сумеречного намаза. Жена Хамида рассказала ему о случившемся с дочерью. И он направился к домику, где отдыхал спаситель дочери. Николай сидел в той же темной комнатке. Киёмиддин зажег огонь в керосиновой лампе. В комнате стало чуть светлее.

Вглядываясь в лицо пленного, прижав обе руки к груди, Киёмиддин поблагодарил его за спасение дочери:

- Да благословит тебя Оллох за то, что спас нашу дочь от змеи! За твою доброту мы отблагодарим тебя!

Из сказанного Киёмиддином Николай ровным счетом ничего не понял. Но сложенные на груди руки и тон слов были красноречивее, нежели сами высказанная Киёмиддином фраза.

При свете лампы Киёмиддин перевел взгляд на дастархан. Увидев нетронутый кусок лепешки, принесенной им самим еще утром из соседского дома, Киёмиддину стало как-то не по себе, что крикнул:

- Шамсулхак! Эй! Шамсулхак!

У порога возник сын Киёмиддина.

- Сыночек! Если есть что-нибудь съестное, чай, неси! Этот молодой человек с утра ничего не ел. Да и я голодный.

Киёмиддин встал, вышел из домика, направился к жене, возившейся у печи-танура.

- Мать Одилы! Что же вы, за весь день ничего не дали поесть этому бедному пленному?

- На обед сама у соседей попросила миску ряженки и отнесла ему. Дома же у нас у самих больше ничего съестного не было, чтобы класть в казан, сварить и отнести ему. Присланные тобой колосья зерна помолола и положила в казан, чтобы сварить далду. Как только сварится, подам и ему и нам самим.

Не сказав ничего, Киёмиддин пошел совершить омовение, чтобы подготовиться к вечернему намазу. Приятная прохлада вечернего ветерка, дувшего со стороны Хазорчашмы, что ниже кишлака, ласкало уставшее тело Киёмиддина. До слуха доносилось пение птиц и монотонное журчание воды в реке Поранди.

Закончив сумеречный намаз, Киёмиддин вновь зашел к Николаю. Ясно было, что после случившегося с дочерью Киёмиддина отношение членов этой семьи к Николаю в корне

изменилось. И теперь они вовсе не боялись его, наоборот, что-то очень крепкое, близкое притягивало, связывало их с ним.

После того, как Хамида рассказала мужу о случившемся с дочерью и показала мужу убитую змею, Киёмиддин утвердился во мнении, что пленный шурави действительно благородный человек. И этому его решению было свое объяснение. За годы войны с шурави ему неоднократно приходилось видеть и убеждаться в мысли, что солдаты и офицеры шурави вовсе не желают воевать, настроены к простому населению весьма дружелюбно. Но они, вынужденные подчиняться чьему-то приказу сверху, выполняют лишь чужую волю. От этой войны рядовые солдаты и офицеры кроме, как быть убитыми и ранеными, не извлекут никакой выгоды. Выгодна она кому-то из высших эшелонов власти.

Поступок же пленного Николая вполне в духе человеколюбия и благородства, достойный уважения.

- Завтра собираюсь в Панджшер. – жестом сопровождая свои слова, сказал Киёмиддин, обращаясь к Николаю, когда Шамсулхак принес миску-табак с далдой и поставил на дастархан.

Николай понял, что хозяин дома куда-то собирается, и там намерен доложить и о нем. Николай хотел, было поблагодарить и Киёмиддина и членов его семьи за человеческое обращение с ним, но вспомнил, что в этом доме никто не понимает его русскую речь. Его тут же осенила другая мысль: Киёмиддин, когда благодарил Николая за спасение дочери, прикладывал руки к груди. Это значит, что он говорил «Спасибо!» Николай тоже приложил руки к груди, повторяя слово «Спасибо! Спасибо за все!..» Киёмиддин понял, что слово «Спасибо» это то же слово «Рахмат», только по-русски.

За все время своего пребывания в плену Николай впервые встретил такое с ним обращение и до глубины души был тронут таким обращением к своей персоне. Он впервые улыбнулся. Улыбка эта озарила его лицо, кровь пробежала по щекам.

- Приду в Панджшер, расскажу и о твоей доброте. Скажу, что ты не убийца, а спаситель, что ты очень мужественный и благородный человек. – сказал Киёмиддин, также сопровождая свои слова жестами, когда ложками ели далду из миски-табака. Николай понимал общий смысл сказанного, и был весьма польщен этим, благодарственно качая головой. Он был рад еще и тому, что если об этом случае узнают командиры моджахедов, то не исключено, что и их отношение к нему будет соразмерно степени поступка. Даже самым наихудшим вариантом будет и то, если они узнают, что отношение Николая к ним, если и не дружеское, то вовсе и не враждебное. Что он не палач и не убийца какой-то, а человек, не способный причинить, кому бы то ни было, вреда, не говоря уже об убийстве.

Уставший за день, Киёмиддин не пошел спать в свою комнату, а велел сыну принести курпачи, подушки и стелить им с Николаем в этой же комнате. Скоро тишину в комнате нарушало лишь спокойное и ровное дыхание его обитателей: И гость, и хозяин уснули сразу. ...

Ночь была необычной только для Одилы. Поток долгих размышлений неподвластен был и силе сна. Чувства и мысли, всколыхнувшие сердце девушки, не давали ей покоя. Она, обуреваемая потоком этих мыслей, вовсе забыла и о сне. Переворачиваясь с боку на бок, она и не догадывалась, что это все не может ускользнуть от матери, лежавшей рядом и успевшей за свою жизнь пережить и такие чувства, какие волнуют сердце ее совершеннолетней дочери. Мать сначала сочла все это как следствие страха от встречи со змеей. И опасалась, как бы дочь не заболела какой-нибудь душевной болезнью.

Одила понимала, что это ее беспокойство может быть замечено и матерью. Потому пыталась заставить себя уснуть. Но сладкая сонная дрема никак не наступала, чтобы, сомкнув отяжелевшие веки, отдаться воле сладких сонных грез. И всему этому виной был облик пленного Николая. «Полулежащий, с палкой в руке, его прямой взгляд,

устремленный через туловище змеи прямо на нее, его каштанового цвета волосы, красивые голубоватого цвета глаза, его небритая борода» – все это и многое другое поплыло перед ее взором. Сравнивая все это с каким-то абстрактным образом, Одила неожиданно для себя открыла, что пленный очень похож на юношей из ее родного Поранди. Увидевший Николая впервые, не сказал, бы, что он заброшен к ним из далекого Шурави. Всем своим видом он, как две капли воды, был похож на Хисайна Мухаммада Сайида Панджшерского. Хисайн же дружил с ее отцом и часто приходил к ним домой.

«О, Оллох, как же судьба забросила его именно в наш дом, к моему отцу? - мысленно Одила карала себя за такую участь. – Правда, что и мой отец, как и все здешние молодые мужчины вместе с моджахедами находятся в подчинении Ахмадшаха Масъуда. Но таких, как мой отец, в Поранди – сотни. Аваз и Хасан пришли издалека, из Багрома, не к кому-нибудь другому, а именно в наш дом, к моему отцу. И как назло именно в этот день случилась эта злополучная история со змеей. Или, может, и это не простая случайность? Если бы не было этого пленного, змея точно ужалила бы меня. И не стало бы тогда меня. А я за доброту не могу даже отблагодарить его. Не могу ему прямо сказать, что тебя Оллох сам послал в наш дом, чтобы спасти мне жизнь.

Пусть, Оллох за доброту твою освободит тебя из плена и живого здорового вернет к твоим родным и близким. Кто бы ты ни был, какой бы вере не принадлежал, ты был послан самим Оллохом, чтобы спасти, подарить мне эту жизнь. Теперь всю свою оставшуюся жизнь я буду молиться за тебя, о посланник Оллоха!

Для меня встречаться и поговорить с тобой – великий грех по шариату. Но я хочу и мечтаю о том, чтобы припасть к твоим ногам и пожертвовать тем, чем смогу. Увы, кроме, как просить у Оллоха счастья для тебя, ничего я не смогу сделать для тебя.

Прости меня, о, пленник, что мы, девушки, в нашей стране не имеем никаких прав и свобод в действиях. Родиться здесь женщиной – это уже само несчастье великое наше. Знаю, всех великих людей на свете рожала женщина-мать. Но в нашей стране сама женщина-мать – великое несчастное создание творца! Желаю тебе всех земных благ!..»

Утром следующего дня Киёмиддин послал на покос жену вместе с детьми, сказав им, что сам отправляется в Панджшер и вернется домой, возможно, к полудню. Дома остались Николай и младший сын Киёмиддина Нурулло. Мать наказала Нурулло присматривать и ухаживать за пленным гостем.

Сначала Киёмиддин хотел, было и Николая взять с собой в Панджшер, посадив его на осла. Но после случившегося с дочерью и благородного поступка Николая, он подумал, что в Панджшере раненого Николая могут бросить и в зиндан. А там ему будет еще хуже. Не желая подвергнуть Николая этой участи, Киёмиддин воздержался от мысли взять Николая с собой: «Кого из себя представляет тюремный надзиратель Мушток, понятно всем. – вывел Киёмиддин. – С простреленной ногой, да еще при полном отсутствии каких-либо лекарств, при такой жаркой погоде рана может испортиться за одну неделю и не исключено, что легко можно и человека потерять. А Муштоку никого не жалко. Пусть, кафир и неверующий, но мужественный и благородный пленный солдат. Уж сколько дней гостит у меня, ни разу не замечал за ним ничего плохого. Пусть, хотя бы до заживления раны останется у меня. Потом, пусть забирают, что хотят, то и делают с ним» – заключил Киёмиддин. С такими мыслями он прибыл в Панджшер и первым же делом зашел к Муштоку.

- Аваз и Хусайн доставили из Багрома ко мне домой одного пленного шурави. – обратился Киёмиддин к Муштоку.

- Почему же мне не доставил? – спросил Мушток.

- Нога у него раненая, двигаться не может. Не смог привести. – ответил Киёмиддин.

- Ступай к Омир Сохибу, доложи ему сам! – посчитав лишним что-то добавить, крикнул Мушток и отошел от Киёмиддина.

Когда Киёмиддин поднялся на холм Сарича, над кишлаком Бозорак, солнце поднялось уже над горой. Подойдя к землянке Масъуда, он попросил у охранников разрешения войти. По давней сложившейся привычке, при встрече со своим давним другом и соратником по борьбе, Масъуд встал. После того, как они поинтересовались жизнью и бытом друг друга, Киёмиддин рассказал Масъуду о пленном солдате шурави и о приключившейся истории с дочерью.

- О пленном мне докладывали. Знал, что ты придешь ко мне.- задумчиво сказал Масъуд. – Раз уж такой благородный, пусть, пока побудет у тебя. Как только рана заживет, сам и доставишь его сюда. Но смотри, чтобы ничего лишнего не натворил. А здесь для его лечения нет никаких условий. – помолчав немного, Масъуд спросил Киёмиддина: - А дома у тебя как с запасами продовольствия-то? Самим хватает, что еще и этого пленного себе на плечи взвалил?

- Вот урожай собираем, будет немного пшеницы. – ответил Киёмиддин. – Пока живем тем, что Оллох пошлет.

- Так-то оно так. И мы не забудем о вас. Как только представится возможность, поможем. – сказал Масъуд, проводив и попрощавшись с Киёмиддином. И, вспомнив что-то, сказал на прощание:

- Завтра или послезавтра пришлю к тебе переводчика, чтобы узнать, кто он твой пленный, на что он годен. Может, и нам пригодится.

Киёмиддин ушел от Масъуда весьма довольный. Обстоятельства складывались так, как ему хотелось.

«Пока закончу с покосом и молотьбой, рана на ноге пленного немного заживет. – думал Киёмиддин по дороге. – В таком состоянии, в котором он находится сейчас, было бы несправедливо сдать пленного Муштоку в зиндон. Если бы он был плохим человеком, не спас бы мою дочь от смерти»

Выйдя из землянки Масъуда, Киёмиддин направился в кишлак Бозорак, к своему давнему знакомому деду Сайёду Мухаммади, отцу Хусайнхона. Перейдя через реку Панджшер по всяческому железному мосту, заметил мать Хусайнхона, тетю Бегим, с кувшином на плече направлявшуюся к своему дому. Хотя лицо старушки было закрыто платком, Киёмиддин узнал ее по высокому статному росту и мужской походке. Узнал и окликнул:

- Матушка, родная! Неужели больше некому было идти за водой, что сами пришли? – шутя, спросил Киёмиддин.

- Ой, это ты, родной Киёмиддин? – заметив Киёмиддина, остановилась и воскликнула старушка, поставила кувшин на камень. - Еще с утра казалось мне, что кто-то должен прийти к нам в гости. Оказывается, не ошиблась. Невестка ушла проведать больную мать, а внуки еще малы, силенок им не хватает, чтобы воду носить. Вот и получается, что дома кроме меня больше некому. Идем, Киёмиддин, домой. – сказав это, старушка хотела было взяться за кувшин, как Киёмиддин опередил ее:

- Тетушка, дай я понесу. А вы идите вперед. – Киёмиддин взял кувшин.

- Что-то в последнее время редко стал заходить к нам, дорогой Киёмиддин. Как там твоя Хамида, дети?

- Слава Оллоху, все хорошо!

Девяностолетний дед Сайид сидел на веранде, на коврике и был занят чтением Корана, когда во двор вошли тетя Бегим и Киёмиддин. Увидев гостя, он встал.

- Добро пожаловать, порандиец. Сколько лет, сколько зим тебя не было у нас. Каким ветром занесло тебя к нам в эту трудную пору? Случилось небось что? Покойный отец твой часто навещал нас. Мы с вами давние друзья, Киёмиддин! Проходи, родной. Спрошу-ка я тебя, как живешь, как со здоровьем моих внуков?

Киёмиддин поставил кувшин на землю и поздоровался со стариком:

- Слава Оллоху, дядя, пока все живы, здоровы. По одному делу пришел в Панджшер. Было бы неудобно уйти, не проведав вас. Покойный отец еще наставлял дружить с его друзьями и не забывать их. Я не забыл его наставлений.

- Да, сынок, память ушедших в мир иной священна. Будешь следовать их наставлениям, и жизнь твоя будет в радость.

Старик расстелил дастархан и поставил рядом чайник.

- Дядя, разливать чай – теперь за мной! – придвинув к себе чайник, сказал Киёмиддин. В двух мисках тетя Бегим принесла суп-ордбирён.

- Бери, Киёмиддин. Я еще не завтракал. Приготовленный твоей тетей суп-ордбирён достался нам с тобой. Давай, ешь. А заодно рассказывай, как ты там живешь?

- Слава Оллоху! Не успели отдохнуть от бомбежек шурави, как они наваливают нам на голову очередную головную боль. Что же нам остается делать, какая уж там спокойная жизнь? Слава Оллоху, оружие оставил дома, взялся за косу и иду убирать пшеницу.

- Как с урожаем в этом году? Хорош он? – спросил старик.

- Неплохой. Зерно сытое, полноценное. Из первого урожая невестка ваша сварила далду. Пробовали, так ничего, нормально.

- Дай, Оллох, вам благоденствия и хорошего урожая, чтобы дети не голодали. Будь проклята эта война! Разорила она всех. Так разве можно жить, Киёмиддин? – с горечью в голосе заметил старик. – Кончается мой жизненный срок на земле, а жизнь свою так и не смог прожить без воин. Кибитку, которую сейчас видишь, построили этой весной. Старую бомбой разрушило. Кое-как собрали камни, отстроили эти четыре стены, чтобы хоть крыша над головой была. Молю Оллоха, чтобы душу мою призвал к себе, чтобы не видел горя своих детей и внуков.

- Вы, дядя, слава Оллоху, еще полны сил и здоровья. Нечего вам о смерти думать. – тешил старика Киёмиддин. – Я пришел к вам еще по одному делу. На днях ко мне домой привели одного пленного шурави. Он ранен в ногу. Пуля, скорее всего, задела и кость. Хотел, было попросить у вас немного мумии, чтобы залечить ему рану.

- Отчего-то ты пленного так заужавал, Киёмиддин? – недовольный таким поворотом разговора, заметил старик.

- Уважать-то не заужавал. Но парень он из себя вроде правильный. Омиру Сохибу тоже доложил все как есть. Он согласился со мной. Нога у него сильно ушиблена. Если привести и сдать, зиндона ему не избежать. А там его ждет верная смерть, человека потеряем ни за что. Хотя и враг, но парень он благородный. Жалко его. Как-никак, мы все рабы Оллоха.

- Разве это не те шурави, которые наших детей не жалеют? – спросил старик, не скрывая свою неприязнь к врагу. Потом, призадумавшись, смягчился, - Как-то из Файзабада Хусайнхон принес немного мумии. Сейчас спрошу у старухи, куда положила. – сказал старик и встал, направился в другую комнату. Вернулся сразу:

- Издалека пришел к нам. Было бы неуважительно, если бы ты ушел от нас ни с чем. Извини, что от одного слова «шурави» мне становится как-то не по себе. Да и как не злиться, когда всех мужчин в расцвете сил и молодежь они убили. Тетя Бегим в небольшой скляночке из под вазелина принесла и отдала Киёмиддину мумий.

- Отдашь ему вот столечко, размером с гороха, после вечернего намаза. – сказал старик. – Пусть кладет себе под язык, глотая выделяющуюся слюну. Обязательно поможет! – сказал старик.

Посылая благодарности Оллоху за ниспосланное, сказав «Омин!», все встали: Проводив гостя до изгороди, старик остановился, снял висевшую на ней бутылку и протянул ее Киёмиддину:

- Если рана в эту летнюю жару начнет гноить, используй и это лекарство.

По запаху Киёмиддин понял, что это Каролин, который используется для заживления ран скота.

Тетя Бегим протянула Киёмиддину кусок лепешки, сказав:

- Бери, сынок! Лепешка в пути самая верная еда, всегда пригодится.
И этот дом Киёмиддин покидал с чувством большого удовлетворения.
В торговой лавке кишлака Бозорак он купил два куска мыла и направился домой.
Придя к себе, Киёмиддин первым делом зашел к Николаю.

Когда Николай узнал, что он еще на некоторое время останется у Киёмиддина, его радости не было предела. При помощи Нурулло Николай снял свои бинты. Нурулло лил из кувшина воды, а Николай мыл ногу, очищая рану от прилипшей к ней грязи и крови.

Посредством языка жестов Киёмиддин объяснил Николаю, что вся семья сейчас на покосе. Мол, Киёмиддин тоже пойдет туда, на поле. Но прежде, чем уходить, он поставил ведро и кувшин с водой на солнцепеке. И через час-другой, когда вода разогреется, пусть Николай зайдет в баню и искупается, как следует. Сказав это, Киёмиддин положил рядом с Николаем кусок мыла. Потом раскрыл платок, взял кусок лепешки и протянул Николаю. Киёмиддин вышел из кибитки. Смысл всего сказанного Николай понял.

Вернувшись вечером с покоса, хозяева застали Нурулло и Николая за чтением алфавита языка фарси-дари. Выяснилось, что молодой человек, не желая сидеть без дела, попросил Нурулло принести ему карандаш и бумагу, а заодно и книжку какую-нибудь. Нурулло принес ему «Букварь». Николай уже успел вывести на бумаге и некоторые буквы, произнеся: «Алиф, бе, те, се», спрашивая у Нурулло, правильно ли он произносит эти звуки.

Чувствовалось, что купание и мазь пошли Николаю явно на пользу. Он теперь был убежден, что его вовсе не хотят убить. А хозяин дома – человек весьма благородной души. Не то, что Николая в тюрьму не отвел, более того, ухаживал за ним, чтобы он скорее выздоровел. Николай подумал, что для заживления раны, может быть, понадобится еще месяц. Кто знает, может, он останется еще с ними. Следовательно, ему необходимо, во что бы то ни стало, изучить язык и алфавит этого народа. Иначе ему будет очень трудно ужиться с ними. И чем скорее он освоит их язык и алфавит, тем лучше будет для него самого. Николай твердо знал и другую прописную истину: Чтобы жить с народом на равных, надо на равных знать и уважать его язык, культуру, нравы и обычаи. Сегодня фортуна ниспослала ему такую участь. И он обязан считаться с этим фактом. «Иного выхода нет. – подумал Николай. – думал, отслужу службу матушке-родине, а привезли меня в Афганистан. И приключилась со мной такая вот история. Сегодня я в плену, и никто из сослуживцев, родных не знает, где я, что со мной. Не могу даже записку какую-нибудь отправить в воинскую часть или Валерию Солдатенко и Виктору Читрикову. Если же об этом узнают моджахеды, меня в живых не оставят. Для них я враг, даже убийца. О каком уже письме домой или в воинскую часть может идти речь? Со дня прибытия в Багром шестой месяц, как не имею вестей ни от домашних, ни от любимой Наташи. А, может, в воинской части сочли меня убитым и домой отправили письмо с таким содержанием? Кто знает, если в воинской части узнают, что я попал в плен, может, примут какие-то меры для моего освобождения?»

Время было за полночь. Но сон все еще не мог одолеть Николая. И так не только этой ночью. Предыдущие тоже ничем не отличались от этой. С первого же дня плена Николай коротал ночи таким вот образом: В мыслях, размышлениях, анализах, выводах. И вспоминалась ему былая жизнь. Он жил, как говорится, не тужил. Вольготно, как птица вольная. В кругу семьи, в компании отца, матери и сестры Валентины. Он был единственным сыном в семье. Его все любили, ласкали, лелеяли. В семье все было для него. Ни в чем он не испытывал нужды. Стал механизатором, в селе – почет. Мечтал сыграть свадьбу, соединить судьбу с любимой Наташей. Родители тоже одобрили его выбор. Николая призвали в армию. «Наташа все еще ждет весточек от меня. Что с ней? - мысленно спросил себя Николай. - И все разом ушло в небытие. Для него нет теперь ни того райского Некрасовска, городка Усть-Лобинск

Краснодара, ни тепла родительского дома, ни чистой искренней любви красавицы Наташи. Доведется ли еще раз увидеть ее. Боже, что и кому я плохого сделал, что ты лишил меня всего этого и разом превратил мою жизнь в сплошное мучение? На этой земле, как сам вижу, люди живут как в рабовладельческом обществе. Это страна, где абсолютное большинство ее населения неграмотное, лишено электричества и техники, нет промышленных предприятий, страна, где повсюду господствует над всеми религия. Чего ожидать от всего этого? Безработица и бродяжничество, войны и кровопролитие, отсутствие школ, радио и телевидения и еще сотни других проблем, от решения которых зависит и благополучие населения страны.

Правда, что вера народа в Аллаха и пророка ислама велика, и свое благоденствие и разруху, процветание и голод, даже войны и убийства народ признает как нечто ниспосланное Всевышним. Предвзвешенности настолько глубоко пустили корни в сознание людей, что женщина – первоисточник человеческого рода на земле – лишена здесь любых человеческих прав.

Где, в каком уголке земли, вы видели, чтобы члены одной семьи где-то на склоне горы выкопали бы себе жилище, расстелив вместо ковра солому, жили бы себе спокойно, как люди рожали бы своих детей, растили и воспитали бы их, продолжили бы род людской? И так до конца дней своих. Куда уж им до уютных роскошных домов, ресторанов и театров, бань, коттеджей и дач – всех достижений цивилизации?

Боже, некоторые из этих людей годами не моются, не видят и куска мыла. Что это за жизнь такая? По-моему, только в Африке жизнь такая же нелегкая, но и там люди живут лучше, чем здесь.

Меня, попавшего в плен, жизнь превратила в раба таких вот людей. Вчера, когда увидел, что жена Киёмиддина не на тарелке и не в миске, а в цинковой коробке из под патронов к АКМ месит тесто, страшно стало за них. Единственная в доме более-менее подходящая посуда - эта «миска». Да и та досталась им от наших солдат, не раз нападавших на это ущелье и в качестве трофея оставившим здесь ящики, коробки из под боеприпасов. Нет, чтобы хоть деревья какие посадить вдоль берегов рек, построить себе заводы и фабрики, чтобы зажить по-человечески, обустроить свою жизнь.

От рождения до самой смерти знают лишь оружие да войны и кровопролитие. И война теперь стала единственным средством существования. Только куда, до каких пор, с какой целью они несут этот крест, неизвестно. Мне, выдавшему и жизнь другую, теперь приходится терпеть все это. Другого выхода нет. Чтобы выжить, надо терпеть муки и боли, победить смерть.

Вдобавок ко всему этому, Советский Союз намерен превратить эту страну в свою военную базу, а Америка ищет пути вытеснения Советских войск отсюда и себе подчинить Афганистан. Моджахеды же оказались между молотом и наковальней, и нет им спасения от воинов. Они воюют с шурави, но вместе с тем внутри самого Афганистана действуют сотни, тысячи враждебных друг другу группировок. Словом, в каждом кишлаке, городке действуют свои командиры и генералы-самозванцы. И они сами вольны решать судьбы людские. Я же – пленник моджахедов, подчиняющийся Ахмадшаху Масъуду, пользующегося среди других группировок особым авторитетом. Даже советские командиры признают в нем большого стратега и тактика, и только его считают единственным смелым и бесстрашным моджахедом. ...»

Одила была рада поступку отца. Она была довольна тем, что до полного своего выздоровления пленный остается у них дома. Она теперь будет готовить ему еду, кипятить чай. И в отсутствии родителей она может теперь понаблюдать за ним. Одила еще сама не догадывалась, что чувственно уже привязана к нему. Девушка, не знавшая еще, что такое любовь, не понимала и не могла себе представить, что доброта, спасшая ее от укуса змеи, посеяла в ее сердце семена любви, и эти семена теперь дают свои всходы. И с каждым днем все глубже становятся их корни в ее нежном

сердце. Недалек и тот день, когда эти чувства превратятся в чувство огромной любви и всецело охватят ее своими щупальцами, выпутаться из которых уже будет невозможно.

Она была молода, стройна и красива. В том возрасте, когда молодые влюбляются, не отдавая отчета своим чувствам. Она была влюблена, сама еще не замечая того. С того мгновения, когда она, стоя лицом к лицу со змеей, увидела Николая, изготовившегося ударить палкой змею и направившего свой взор в сторону Одилы, она уже не могла забыть его притягивающего к себе взгляда. И перед сном, и во сне, и в то время, когда она была занята домашними делами – днем и ночью его образ был перед взором Одилы. И это несмотря на то, что он – пленный, смертельный враг ее самой, ее родителей, населения ее родины, всех мусульман, и видеть его лицо – уже страшный грех, что мусульманин, столкнувшийся лишь взглядом с кафиром, уже запятнан и не видать ему рая. Но что делать Одиле, что ее сердце не желает признать все это. Она мысленно падает перед ним на колени, признавая себя побежденной силой чувств, любви. И признает это всем своим существом, готовая быть рядом с ним, его пленницей, связать с ним свою судьбу, дальнейшую совместную жизнь. Вспомнив песню, услышанную когда-то по радио в исполнении таджикского певца, она тихо запела:

**Моңи кишвари руси, майли мазнаби мо кун,
Ё биё мусулмон шав, ё маро насоро кун. ...**

**Края русского луна, прими ты нашу веру,
Иль стань мусульманкой, иль поменяй нашу веру.**

Строчками песни она успокаивала вспыхнувшую в глубинах сердца страсть любви.

Одила знала, что девушке-мусульманке нельзя выйти замуж за иноверца, что это запрещено исламом. В этой стране девушка не имеет права выходить замуж за любимого без родительского благословения. Так, что же делать?

«Может, это все плод моей наивной девичьей фантазии? – не найдя ответа на свои вопросы, вновь и вновь она мысленно спрашивала себя и задумывалась. – Через несколько дней эти мысли наверняка улетучатся, испарившись.» – решила, было она. Но нет. Долгие ночи коротала она только и мыслями о Николае. И как только рассветало, она искала возможность хоть на минутку увидеть Николая, хотя бы через щель в калитке»

О чувствах, обуревавших сердце дочери, через неделю узнала и мать. Хотя сама Одила и словом не обмолвилась о своих сокровенных чувствах, материнское сердце само догадалось, какие страсти бушуют в чувственном море сердца дочери. Вначале мать и виду не подала. Подумала, что это наивная девичья фантазия бурлит в сердце дочери, и что скоро пройдет, улетучится. С каждым днем, наблюдая за поведением дочери, убедилась в обратном. И мать решила: Если не пресечь, потом будет поздно. И кто знает, какие еще беды может навлечь на них любовь дочери. Срам не то, что на весь кишлак, а на всю округу. «О, Оллох, упаси! Это еще что за несчастье, что занесли в мой дом Аваз и Хасан из Багрома? - страшилась и мысленно спрашивала себя Хамида. – Разве не могли отвести пленного в другой дом, к кому-нибудь другому? Взяли и доставили сюда, к нам. Видно, уж судьба так распорядилась. Ничего не поделаешь. Уж лучше с дочерью поговорить, оградить ее от бесчестья».

Этими мыслями теперь она проводила ночи и дни напролет. И тайком от всех следила и наблюдала за дочерью, чтобы она не натворила чего лишнего. А заодно убедиться в правдивости своих догадок, чтобы потом основательно поговорить с дочерью.

На четвертый день, после полуденного намаза, когда солнечные лучи перевалили за дом и своими тонкими лучиками, пробивающимися сквозь проем в двери вовнутрь, освещали комнатенку где лежал Николай, Хамида заметила, как Одила прошла к той комнате. Оглянувшись по сторонам, она прижалась к проему в двери и так постояла. Не издав и звука, Хамида продолжала наблюдать за дочерью. Так продолжалось где-то полчаса. Мать не выдержала все-таки. Отошла, обошла дом и крикнула:

- Одила!.. Дорогуша!.. Где ты? Иди вымой посуду!

Одила, довольная тем, что мать не заметила ее, быстро прибежала, собрала всю посуду и направилась к речке. Мать сочла удобным поговорить с дочерью на берегу. Взяла миску, подошла к дочери и устроилась рядом.

- Доченька, после обеда ты где была столько времени?

- Здесь была, на заднем дворе. – ответила Одила, немного смутившись и опустив голову.

- Скажи матери, родненькая! Чем занята была ты все это время?

- Заготовливала дрова для танура, мамочка. – ответила Одила, еще ниже опустив голову от смущения. И было отчего. Уж сколько она себя помнила, не могла вспомнить, чтобы хоть раз соврала матери. А тут такой случай, что невольно вынуждена была соврать. И знала, что от умных пронизательных глаз матери ничего не возможно утаить.

- Врать научилась, доченька? Видать, повзрослела? – также спокойно спросила мать. Одила молчала.

- Думаешь, мать не знает, что ты делала в течение этих получаса на заднем дворе, не знаю о твоих сердечных тайнах?

Одила, занятая мытьем посуды, по-прежнему хранила молчание. Краска смущения залила ее лицо, она еще ниже опустила голову и теперь не смела даже голову поднять и смотреть матери в глаза.

- Что, в Поранди парней-мусульман хороших мало, что влюбилась в этого круглого кафира?! Или веру нашу хочешь осквернить?!

Уже не способная сдержать затаившуюся злобу, Хамида решила выплеснуть наружу всю накопившуюся за эти дни желчь на дочь:

- Знаешь, доченька, до чего может довести нас твой поступок? Тебе-то уж позор будет обеспечен. Но своим поведением ты нас всех, аж до седьмого колена, втянешь в эту грязь! Думаешь ли ты обо всем этом? Знай, отец до сих пор еще не справлял свадьбу ни одному из своих детей. Ты – первая и старшая среди детей, наша надежда! О своих братиках, об авторитете отца подумала хоть? Или тебе наплевать, что и сама опозоришься, и других втянешь в этот позор, сровняв с земной пылью? Не дай Оллох, узнать об этом соседям, односельчанам. Отрекутся они от нас, забросают камнями! Из-за тебя нам не будет жития здесь! Ты осознаешь, что делаешь-то? Что молчишь, отвечай!

Одила и слова не смогла вымолвить против воли матери. Прикусив губу, вся побледневшая, она сидела, также опустив голову, также монотонно продолжая мыть посуду. Видимо, гнев матери еще не остыл, что она заговорила вновь:

- Увидев, что ты ночами не спишь, вся какая-то рассеянная, сама не своя, подумала, что это все – следствие того страха, который причинила тебе змея. Оказалось, что это вовсе не так, ты влюбилась. Да, еще в кого, спрашивается. В пленного кафира, которого завтра или послезавтра, может быть, уведут убивать! Влюбилась в убийцу своих же земляков, соплеменников, единоверцев! С тобой-то ладно, но мы-то в чем провинились, что нас позоришь?

Так и знай, доченька! Если отец узнает, проклянет тебя! И не видать тебе потом ничего хорошего от жизни! Я же вырежу те груди, молоком которых тебя поила и растила! Понимаешь ли ты смысл всего сказанного мною и содеянного тобою? – сказав это, мать дернула дочь за руку, притянув к себе. Только сейчас Хамида заметила, что по молчаливому и бледному лицу дочери текли струйки слез. Это, видимо, сильно подействовало и на мать, что сразу смягчилась, замолкла, вспомнив: За всю жизнь ни разу она так не обращалась с дочерью. Она понимала: Влюбленному сердцу не прикажешь, как поступать, что делать. Влюбленные действуют по велению сердца, а не здравым рассудком. Уж сколько не пытайся наставлять влюбленного на путь истины, он будет действовать по указанию своего сердца. А сердце уже отдано другому, не

подвластно приказаниям и указаниям. Хамида прекрасно понимала, что сердцу не прикажешь, но что поделаешь, если среда, в которой они живут, не признает никаких чувств, прав женщин, какими бы они величественными ни были. И не считаться с мнением окружающей тебя среды в их положении означало бы преступить пределы дозволенного исламом, пределом греховности. Что скажут люди? До сих пор никто и слухом не слышал, чтобы девушка-мусульманка выходила замуж за неверного, кафира, да еще за убийцу своих же соплеменников, вопреки желаниям своих же родителей. Да, были и такие девушки, которые наперекор воле родителей убегали со своими влюбленными из родительского дома. Но такой девушке впредь дорога в родительский дом была закрыта навсегда. Теперь она не смела смотреть в глаза своим родным и близким. И если родителям доводилось встречаться с непослушной дочерью, то ее подстерегало лишение жизни. Эти обычаи и устоявшиеся веками традиции хорошо знала и сама Одила, и ее мать.

Хамида была первой женщиной, узнавшей о ее сердечной тайне. И она теперь была в шаге от этой истины, горькой для нее правды жизни. Мать упрекала дочь, уговаривала ее отказаться, забыть, заглушить пробудившиеся чувства, пока они полностью не завладели ее умом. Мол, у Одилы есть еще время опомниться, осознать всю трагичность последствий своего поступка, ведущему ее к позорному концу – к смерти. Да, Одила знала, но непослушное сердце диктовало ей свою волю. «Пусть, ее убьют, повесят, разрежут на куски, но она влюблена теперь в раненого пленника, быть может, уже приговоренного к смерти. Одила, до сегодняшнего дня не зная, что такое свидание с любимым, не зная, что такое быть влюбленной, не взяв за руки с любимым человеком, не вкусившая сладости первого поцелуя, все свои самые дорогие чувства теперь связывала с этим неверным кафиром. Да, Одила любит. И не любить она уже не может!»

Мать вынуждена была сказать дочери все это, чтобы избежать печальных последствий такой любви. Мать понимала, что теперь огонь любви дочери будет гореть еще ярче, сильнее, что теперь ее невозможно будет остановить.

Мать и дочь все еще сидели у речки. Постороннему наблюдателю могло показаться, что мать помогает дочери, учит ведению домашних дел. А дочь, как послушное дитя, слушает наставления матери, понимая, что все сказанное потом пригодится и ей.

Одила, как и ее мать, какое-то время училась и в школе. Умела читать и писать. Хорошо знала о правилах этикета шариата ислама, осознавала свое нынешнее положение, понимала всю трудность сложившейся ситуации. Точнее, допускала и мысли, что ее чувства к пленному кафиру – это вещь, несовместимая как с моралью ислама, так и со сложившимися у них традициями.

Главная вина Одилы заключалась в том, что, находясь в глуши гор, кроме четырех стен, реки, односельчан и гор вокруг она больше ничего не видела и не знала. И о ценностях человеческой жизни и всего мира она судила лишь по понятиям правил жизни горцев и требованиям шариата (законам) ислама. И не более того. Повлияло на ее мировоззрение и радио, ежедневно передававшее какие-то интересные для ее слуха и ума передачи. Это все не могло пройти бесследно. На все окружающее Одила смотрела по-своему, образно говоря, открытыми глазами сердца.

Она была таджичка по национальности, и ее родным языком был дари-фарси. Волны своего сломанного радиоприемника она настраивала на волну радио столицы Таджикистана, города Душанбе. И большей частью Одила слушала передачи таджикского радио. Судя по содержанию передач, выступлению артистов, она понимала, что жизнь там, в соседней стране, другая, лучше, свободнее, нежели у них. Потом Одила стала замечать, что занятая домашними делами, она большей частью поет те же песни, что услышала по радио.

Может, далеко не последнюю скрипку в перемене мироощущений Одилы сыграло и радио. Она была тронута той жизнью, какой жили ее подруги в соседнем Таджикистане.

И чувства, возникшие и воспылавшие к Николаю, в этом плане воодушевляли, вдохновляли ее, невзирая на все преграды, которые учинял ей образ жизни, сложившейся за тридевять земель от того Таджикистана, где юноши и девушки живут свободной, вольной жизнью. Теперь ей казалось, что свою жизнь она не может представить без Николая.

- Что с тобой, какая муха тебя укусила, Одила? Почему плачешь, слезы льешь? – видя плач дочери, спрашивала Хамида, жалея, что так повела разговор с дочерью. А Одила отвечала все тем же молчанием. И это раздражало мать. – Что хорошего ожидать тебе от того кафира, что так влюбилась в него? Неужто он околдовал тебя? Ладно, убил змею, что хотела нападать на тебя. Ну, и что из этого? Какой еще подвиг совершил он, что ты так втюрилась в него? Будь на его месте любой другой, поступил бы так же. Да и не такой уж он, чтобы влюбиться в него. Ты, глупая, понимаешь, что если отец узнает, убьет вас обоих. Хватит слезы лить! Умойся и иди домой! Не приведи Оллох, если еще натворишь чего-нибудь и нам на голову беду накличешь! Дурные мысли выкинь из головы! Еще не время тебе замуж выходить! Если Оллоху угодно, с такой красотой, какая у тебя, сотни молодых парней будут просить у тебя руку и сердце! Вставай, иди домой, сама вымою посуду! Вечером отец придет, отправим тебя в Кабул, подальше от этого черта!

Одила встала и пошла вниз по речке. Умылась и вошла в дом. Хамида вымывая остаток посуды, все еще мыслями была занята дочерью. Она искала выхода из создавшегося положения, перебирала все возможные варианты, чтобы не навлечь на семью какую-нибудь беду. Мать хорошо знала, что достаточно одной оплошности и по всем близлежащим кишлакам расползутся недобрые слухи и их семью сочтут как семью неверных, кафилов.

Николай, еще не знавший о тех чувствах, какие питала Одила к нему, был занят своими мыслями. Довольствуясь кусочком лепешки, он был благодарен этой семье за заботу и уважение, какое оказывали ему. Дети – Шамсулхак, Парвиз и Нурулло – тоже стали привыкать к нему. Между ними протянулась какая-то невидимая нить, привязавшая их к этому пленному. Всякий раз, когда они находились дома, приходили к нему, учили его алфавиту фарси, повторяли вместе с ним изученные слова и фразы. Чуть позже Николай стал просить Киёмиддина, чтобы тот учил его читать и заучивать наизусть суры из Корана.

То отношение, какое оказывала семья Киёмиддина пленному, Николаю пришлось по душе. С другой стороны Николай прекрасно понимал, что в его положении ему ничего и не оставалось делать, кроме как изучать язык, культуру и традиции этих людей. В среде и условиях, в каких оказался он, один неуместный поступок мог стоить ему жизни. Ясно осознавая свое положение, будучи в здравом уме, он вовсе не желал себе плачевного исхода. И действовал он так, как подсказывал ум.

С высоты осознания им этой истины и смотрел Николай на свое нынешнее состояние: жизнь сама состоит из переплетений взлетов и падений, горестей и радости бытия. Ради всего этого и рождаются люди, и ради всего этого надо жить. Во что бы то ни стало. Падая и вновь вставая, находясь на краю гибели, он думал только о жизни, мечтал, боролся за жизнь. И пока он жив, надежда остаться живым, бороться за жизнь остается с ним. Где-то в подсознании у него теплилась и другая потаенная надежда, служившая опорой, ради которой он и боролся за существование. Это были самые родные и дорогие для него существа на земле – его отец, мать, единственная сестра и горячо любимая красавица Наташа, ожидавшие его там, далеко за горами Афганистана, в далеком селении в Краснодаре. Николай по-прежнему жил надеждой, что когда-нибудь, в недалеком будущем, он вернется-таки живым здоровым домой, они с Наташей справят свадьбу и заживут счастливой жизнью.

Глава XII

Шаби торику бими мавлу гирдоби чунин найил, Куль донанд ноли мо сабукборони сонилню?!

Тёмная ночь боязнь волни ураганов,

Как знать наше состояние оставшимся на берегу.

В северных провинциях Афганистана жизнь людей протекала намного лучше, чем в Панджшере. Затяжная война, своими когтями обхватившая огромное пространство, начиная с окраин узбекского города Термез, охватив и афганские города Мазори Шариф, Кабул, перевал Соланг и ущелье Панджшер, еще не успела дойти до этих провинций. Война захлебнулась в Панджшере. И виной тому были моджахеды Ахмадшаха Масъуда, стеной вставшие на пути советских войск и афганских правительственных сил.

Масъуд хорошо осознавал, что заключенный с шурави шестимесячный мир о прекращении боевых действий – лишь временное затишье перед большой бурей. Единственной целью шурави было усыпить этой акцией бдительность моджахедов, заставить их поверить им, чтобы крупномасштабным, во много раз мощнее подготовленным наступлением подавить моджахедов, как своей внезапностью, так и своей мощью.

Зная об этом, Масъуд считал своим долгом поступить так, чтобы свести к минимуму потери, как среди населения кишлаков ущелья, так и среди моджахедов, как следует подготовиться к этому крупномасштабному наступлению шурави. Выходило, что, узнав об истинных целях шурави, предложивших и заключивших этот временный мир, этот период стал подготовительным не только для шурави, но и для моджахедов Ахмадшаха Масъуда.

Масъуд прибыл в Андароб, чтобы поговорить, обсудить складывающуюся ситуацию с населением, старейшинами кишлаков, руководителями отрядов моджахедов близлежащих кишлаков, чтобы в случае опасности своевременно эвакуировать население в безопасные места.

По поступившим сведениям, во всех населенных пунктах, куда прибывал Масъуд, его принимали не как какого-то разбойника с большой дороги или басмача, а признавали в нем своего полководца и защитника населения кишлаков ущелья Панджшер и всего Афганистана.

Этот общепризнанный полководец не имел еще ни звания, ни своих апартаментов, ни даже служебной машины. Перевалив пешком перевал Ховок, да еще зимой, за пять часов преодолев однодневный путь, Масъуд спустился в кишлак Андароб. Единственной его целью было предупредить население близлежащих кишлаков о готовящемся наступлении шурави и предотвратить массовое уничтожение мирного населения всей округи. С этой же целью побывал Масъуд и в Хусте, и в Хонобе, и во многих других провинциях. Встречался с людьми, собирал добровольцев-моджахедов, создавал боевые группы, проводил совещания, организовывал Советы, объединял, призывал население быть готовыми выступить в защиту своего дома, кишлака, своих семей. Словом, быть готовыми к предстоящему крупномасштабному наступлению шурави. И все время поддерживал связь со своими командирами, разбросанными по всему южному направлению. Давал инструкции, планировал очередные мероприятия. И так каждый день, каждый час неумолимо приближали его к той дате, за которой начиналась черная полоса войны и смерти.

Фронт его деятельности расширялся с каждой неделей. И теперь посредством связистов в зону его охвата входили и Пакистан, и Бельгия, и Индия, и другие страны. Отовсюду доставляли оружие, боеприпасы, чтобы он был готовым оказать шурави достойное сопротивление. Теперь Масъуд не был в блокаде, мог свободно разворачиваться и действовать. И он действовал. Ежедневно десятки журналистов со

всех концов света писали, говорили, показывали свои репортажи, посвященные деятельности моджахедов под командованием полководца Масъуда. На этом фоне особенно прославил Масъуда, как великого полководца, проницательного стратега и большого тактика, его последний успешный бой возле кишлаков Руха и Аъноба. О том, какой сокрушительный удар нанес Масъуд по Советской боевой машине в этом бою, сообщило по всему миру большинство известных в мире средств массовой информации.

Хотя истинные цели заключенного с шурави мира держались в строжайшем секрете, дотошные репортеры все же узнали о многих деталях этого мира и через свои СМИ донесли их до мировой общественности. Смакуя содержание этого документа, они основной акцент старались делать опять-таки на авторитет полководца Масъуда. Мол, Ахмадшах Масъуд смог своим умом и прозорливостью, избранной тактикой поставить на колени советских командующих, чтобы они вынуждены были просить у Масъуда, чтобы он согласился на заключение мира. И далеко не последнюю роль в этой акции сыграло и последнее поражение шурави. Потери, понесенные в этом бою советскими подразделениями, заставили советских командиров пересмотреть свое отношение к моджахедам, учесть и фактор Масъуда.

В то время, когда мировые средства массовой информации во всю вещали об этом поражении русских, ведущие СМИ самого Советского Союза всячески пытались замалчивать эту трагическую бойню.

Солнце подолом не закроешь, гласит восточная мудрость. Ежедневно с аэродромов Багрома и Кабула везли на родину, в Советский Союз, десятки, сотни гробов с трупами солдат и офицеров Советской армии. О трагедии Афганистана, таким образом, узнавали и в домах советских граждан. Вместо убитых солдат и офицеров военные комиссариаты на местах призывали других. И так, безостановочно, крутилось колесо военной машины Советского Союза. Таким вот образом вновь пополнялись ряды воинов-интернационалистов, несущих воинскую службу в составе так называемого Ограниченного контингента Советских войск в так называемой Демократической Республике Афганистан.

Военнослужащих отправляли в Афганистан тысячами. В надежде, что, отслужив срочную военную службу, живыми, здоровыми вернуться на родину, к себе домой. Взамен же не было и дня, чтобы тот или иной солдатский дом не пронзил резкий материнский крик, возвещавший о гибели сына: «Сообщаем Вам, что Ваш сын, ... выполняя задание командования, героически погиб. Командир батальона (полка, дивизии) ....»

... Масъуду доложили, что советские вертолеты и самолеты совершили налет на Панджшер и бомбили Фарза и Истолиф. Истолиф находится в окружении. В этом бою был ранен Солех Мухаммад. Кровь ударила Масъуду в висок. Это было первое после подписания протокола о прекращении огня наступление советских войск: Шурави не сдержали-таки своего слова.

Из этого сообщения Масъуд понял, что шурави узнали о его планах и намерениях, о его поездке в северные провинции страны и предприняли свои шаги. «Теперь они не оставят меня в покое» - из всего этого сделал свой вывод и Масъуд.

Он сразу же пустился в обратный путь. Через день, перевалив гору, он был уже на месте прошедшего боя. Кругом были одни сожженные дома мирных граждан, да разбросанные многочисленные тела убитых. И это было впервые за пределами Панджшера.

Той же ночью Масъуд послал в окрестные селения людей, собрал моджахедов и перед рассветом ударил по базам советских войск, прорвал кольцо окружения, освободил моджахедов, находившихся в западне.

После боя Масъуд первым же делом призвал население всех кишлаков перебраться в Панджшер. Там было относительно безопаснее. Опасаясь очередного наступления шурави, население кишлаков покинуло свои жилища.

С рассветом Масъуд со своими моджахедами был уже на склоне горы. Он был уже недоступен советским войскам, спешившим на помощь своим подразделениям. Очередной бой длился трое суток. Шурави понесли большие потери и вынуждены были покинуть этот кишлак. Созданное за пределами Панджшера первое боевое укрепление сослужило-таки свою службу.

Масъуд знал, что шурави подписали протокол о ненападении на Панджшер, и если захотят, могут напасть на любой другой населенный пункт. Они готовы преследовать Масъуда аж до самой могилы.

Польза от создания своих боевых укреплений заключалась еще и в том, что мирное население могло укрыться здесь от бомбежек и обстрелов. Впредь, при очередной атаке и затяжных боев, Масъуд может перевести бой из Панджшера на другие свои участки, о существовании которых шурави еще не знали. В каждом бою Масъуд умело пользовался партизанской тактикой ведения боя, которая по максимуму обеспечивала ему успех. От неожиданных ударов Масъуда шурави всегда несли большие потери.

Со времени последнего боя на севере страны не прошло много времени. Гуломсахи через связистов разыскал Масъуда и сообщил, что командование шурави в гневе от его очередной вылазки, и что они ищут его, чтобы договориться об условиях заключения мира и подписания протокола о прекращении огня.

«Интересно, - подумал Масъуд. – еще не успел закончиться шестимесячный срок заключенного мира, а они трезвонят уже о заключении другого мира. Что же на этот раз кроется за их выходкой? В любом случае, я еще не успел своевременно подготовиться к предстоящим сражениям.

Если уж шурави признали меня как командующего вооруженными силами, то мне на данном этапе важно, чтобы максимально использовать этот фактор. Кому нужен мир и спокойствие? Убедившись, что большинство населения Афганистана на моей стороне и слушаются меня, шурави вынуждены были считаться со мной. Мне же на данном этапе это необходимо: Надо идти на переговоры, знакомиться с их условиями и пожеланиями, соглашаться и подписывать документы, чтобы тянуть время, успеть закончить все начатое в северных провинциях, быть готовым к поискам врага.

Я же для шурави теперь не какой-то там басмач.

О, Оллох, благослови! Враг, который еще вчера считал меня босоногим басмачом, сегодня нуждается в моей благосклонности к себе»

Вопреки требованиям советского командования, Масъуд сразу не пошел на переговоры. Лишь за неделю до завершения первого срока заключения мира и прекращения боевых действий, закончив все свои дела в северных провинциях, он отправился в Панджшер. Прибыв туда, Масъуд узнал, что на этот раз в делегацию шурави вошли совершенно другие, незнакомые ему люди.

Андропов умер, или его убили. Вместо него на коммунистический трон сел Горбачев. В составе делегации шурави теперь не было Анатолия и Амира Мухаммади Самарканди. Именно при них и при их содействии и участии Масъуд заключил мир с шурави. Вместо них переговоры с Масъудом желают вести неизвестные ему лица. Он назначил дату ведения переговоров. Наступил тот час, и делегация из пяти человек прибыла к нему. После соответствующей процедуры приветствия и рукопожатий глава делегации шурави, полковник Юрий Андреев представил Масъуду каждого из членов советской делегации и объяснил собравшимся цель визита нынешней советской делегации:
- Прежняя делегация заключила с вами договор преступным путем! – жестким тоном отметил Андреев.

- Значит, вы не согласны с условиями прежнего договора? – спросил Масъуд.

- Нет! Мы категорически против! – в том же жестком тоне продолжил Юрий Андреев. – Вы проводите операции на перевале Соланг, и мы не можем перевезти через этот перевал свои грузы. Мы провели операцию в северных провинциях, вы переселили всех в Панджшер. Вы здесь заключили с нами мир, а в Андаробе занялись строительством боевых укреплений.

От этих слов Масъуду стало не по себе. Сколько бы он ни обладал выдержкой и самообладанием, на этот раз промолчать не смог:

- Афганистан – наша родина! Что хотим, то и будем делать! Какое до этого ваше дело? Что вы потеряли на этой земле? Кто вас сюда звал?

- Новое правительство Афганистана попросило советское руководство о помощи и поддержке. И мы, как воины-интернационалисты, прибыли сюда.

- Ваш интернационализм – это одно за другим очередные ваши нападения на кишлаки, убийства людей? Мы подписали протокол о прекращении боевых действий, заключили мир, а вы, вопреки требованиям этого документа, подвергаете бомбежке северные провинции страны. А мне беженцев из этих кишлаков, как вы, убивать прикажете что ли? То, что они в Панджшере находят себе убежище – это разве преступление?

Раз уж вас приглашало правительство Кормала, то зачем не с ним самим ведете переговоры о мире, а со мной? Я не нуждаюсь в вашем мире!

Слова Масъуда, видимо, заглушили былую прыть Андреева, что он промолчал.

Выдержав небольшую паузу, Масъуд продолжил:

- Разве человек, который идет на переговоры, имеет моральное право позволить себе обращаться с собеседником грубо и бестактно?

В ответ Андреев положил перед Масъудом какой-то документ, сказав:

- Свои условия мы изложили на этом листе бумаги. В случае их несоблюдения, мы будем вынуждены заявить о своей готовности к возобновлению боевых действий.

Мельком взглянув на бумагу, Масъуд напомнил:

- Неужели вы забыли, что, заключив с нами мир, вы тем самым спасли жизни тысячи своих же солдат и офицеров? Это и есть ваша благодарность? Спрашивается, за какие-такие ваши заслуги? Вы нас пригласили на мирные переговоры, или мы вас? Все ваши предложения я вынесу на суд моих соратников. Скажу лишь одно. Таких, как вы, мировых вершителей судеб людских, видел немало! К войне мы готовы в любой час! Пожалуйста, хотите воевать, будем воевать!

Больше не сказав ни слова, Масъуд встал, вышел. Лист бумаги с изложенными советской делегацией условиями, остался лежать на полу. Советская делегация села в БТР и направилась в сторону кишлака Аъноба, где располагался их военный гарнизон.

Масъуд направился в сторону своего дома, хотя знал, что там сейчас никого нет. За все то время, пока находился на севере страны, Масъуд не знал, в каком состоянии находится его жилище. Сердцем чувствовал, что где бы он ни был, как бы он долго не отсутствовал, этот дом все время притягивал его к себе. И ему достаточно было присесть у крыльца, руками пощупать его стены, калитку, понюхать его запах, чтобы вспомнить своих родителей, бабушку, свое детство, юность и тем самым облегчить себе душу, очистить ее от какой-то тяжелой ноши, снять с плеч груз усталости, накопившейся за все это время.

Этими мыслями он и направился в сторону своего родного Джангалака. Журчание воды в реке Панджшер действовало на него успокаивающе. Вспомнилось ему беззаботное детство и, казалось, на время он забыл всю тревогу сегодняшних дней. И ему ни с того ни с сего вдруг захотелось, как в былые детские и юношеские годы, скинуть с себя одежду. И там, за поворотом, где река, сбавив свой темп, на время успокаивала свой бурный нрав, окунуться в холодную воду, смыть с себя всю прилипшую за все годы душевную грязь. ...

«Купаться – теперь удел детей и юношей. – подумав, Масъуд тут же хотел забыть свою минутную слабость. Оглядываясь по сторонам, будто кто-то в это время мог наблюдать

за ним со стороны, отбросил и саму идею, тем самым и успокоил себя. – Всею свое время. И он, пожалуй, не молод, чтобы позволить себе такое».

Сняв обувь, он пошел по песчаному берегу, омываемому наплывом воды, вспоминая, как в былые детские годы, вместе с друзьями бегали, играли здесь. Масъуд шел к себе, в свой родительский дом. ...

«
**Родительский дом – начало начал,
Ты в жизни моей – надежный причал! ...**

Несколько минут спустя он был уже дома. Ступив во двор, подошел к тутовнику, когда-то посаженному отцом. Провел рукой по его шершавому стволу и окунулся в мир своих воспоминаний. «Да, крепок еще ствол отцовского дерева!..» - подумал он. Посидев там немного, он спустился к речушке Чашмаи Бедак. Умылся ее холодной водой, сел у речки, окунул ноги по щиколотку в воду, оглянулся назад. Дверь его дома была открыта, в доме никого не было. ...

Азмуддин, пресс-атташе Масъуда, сопровождавший его в этой встрече, после того, как Масъуд и советская делегация покинули помещение, взял тот лист бумаги с выдвинутыми шурави условиями, чтобы ознакомиться с ними. Сейчас он подошел к Масъуду. Увидев его, Масъуд спросил:

- Прочитал то, что написали властители мира?

- Да, прочитал, Омир Сохиб. – ответил Азмуддин.

- И что же требуют?

- Прекратить на севере строительство боевых укреплений. По всему Афганистану не оказывать противодействия советским вооруженным силам. Хотят знать, сколько у нас оружия, моджахедов. Не ввозить в Панджшер цемента. И так далее.

Из всего этого Масъуд вывел, что делегация шурави прибыла сюда не затем, чтобы заключить с моджахедами мир, а пришла, чтобы заявить о своей готовности начать боевые действия. Подумав немного, Масъуд сказал Азмуддину:

- Передай всем командирам Панджшера, юга и севера, чтобы готовились к боевым действиям. Попроси местное население, чтобы поскорее управились со сбором урожая. Если шурави изъявят желание возобновить переговоры, я постараюсь оттянуть на время сроки проведения переговоров, чтобы успели подготовиться к оборонительным действиям.

Прогнозы Масъуда подтвердились. Советская делегация вновь призвала Масъуда садиться за стол переговоров.

На этот раз Масъуд встретил членов делегации шурави вооруженным, в своем военном мундире, следуя образному выражению: «Каков привет, таков и ответ». Масъуд даже не счел нужным и поздороваться с ними. Остановились в нескольких шагах друг от друга. Не забывая, как при первой встрече член советской делегации протянул лист с выдвинутыми условиями, Масъуд тоже протянул главе советской делегации свой лист с выведенным на нем крестом: «Это наш ответ вам на ваши требования!»

Когда переводчик прочитал и перевел каждое предложение в отдельности, члены советской делегации побледнели. Масъуд, в свою очередь, выдвигал советской делегации свои условия. В частности, он требовал назвать, какова численность советских солдат и офицеров, боевой техники и авиации в Афганистане.

У одного из членов советской делегации в очках, судя по внешнему виду, весьма солидного, не выдержали нервы:

- Вы за кого нас принимаете? Кто вам дал право оскорблять нас? Подождите, мы еще вам покажем!

Масъуд тоже не смог вынести такого к себе обращения. Не в силах сдержать свой гнев, он скомкал в руке бумагу со своими требованиями и швырнул ее тому в лицо:

- Пока этот невоспитанный не покинет это помещение, я не буду вести с вами никаких переговоров.

Члены советской делегации удивленно переглянулись. Видя неловкость положения, председательствующий советской делегации умоляющим тоном вставил:

- Но ведь этот человек – основное лицо в нашей делегации. Никак невозможно, чтобы он покинул помещение.

Масъуд был непоколебим:

- В таком случае я с вами не буду вести переговоры.

Недовольные, переглядываясь друг с другом, все вышли из дома. Несколько минут спустя, хозяин дома Джонмухаммад подошел к Масъуду. Видно было, что представитель советской делегации попросил его быть неким посредником.

- Джонмухаммад, не суй нос, куда не надо! – сердито отрезал Масъуд.

Видя решительность и категоричность Масъуда, незваные гости оставили своего коллегу во дворе, и сами вчетвером вновь вошли в дом.

После долгих продолжительных споров и взаимных уступок друг другу, стороны поставили-таки свои подписи под документом. Это означало, что еще шесть месяцев они будут жить в мире, без возобновления боевых действий.

Вместе с тем, Масъуд был убежден, что и после заключения мира шурави вероломно будут нарушать условия договора. Ибо к этому их вынуждало новоиспеченное правительство Афганистана, то и дело просящее наносить удары по тем или иным районам и провинциям страны. Но, как бы там ни было, пока эти шесть месяцев мира без войны были нужны Масъуду как воздух. И не воспользоваться этим временным перемирием он не мог.

Утром следующего дня он вновь отправился в северные провинции страны, в Нуристон, Бадахшон, Тахор и Баглон, чтобы завершить там строительство своих боевых укреплений, быть среди населения.

Признав Масъуда командующим вооруженными силами, и ни с кем другим, а именно с ним ведя переговоры о заключении мира, советское командование подлило масло в огонь его вражды с другими командирами моджахедов, действовавших в Афганистане. И чем выше возвышался в стране авторитет Масъуда, тем ярче становилось пламя вражды его врагов.

Теперь по всему Афганистану перестали звучать на устах людей не то, что имена тысячи и тысячи отдельных командиров полевых группировок моджахедов, блуждавших по городам и селам, но и стерлись имена таких видных командиров со стажем, как Гулбиддина Хикматёра, Наджиба и подобных им. Войной забитый народ теперь связывал свои надежды на мир и спокойствие только с именем Ахмадшаха Масъуда. В нем народ видел своего спасителя, сумевшего стать стеной перед советской боевой машиной. Большинство афганцев уже знали, что именно перед ним преклонило колено советское командование и предложило пойти на мировую.

Это все не могло не задевать честолюбивых намерений Хикматёра и Наджиба. Не бездействовали и они. Логика их действий соответствовала известной фразе: «Для достижения цели все средства хороши» И задумали они предпринять шаг, отнюдь неблагородный, не красящий настоящего мужчину - задумали покушаться на жизнь Масъуда.

Хикматер действовал в Пакистане, а Наджиб руководил службой безопасности Афганистана. Эти два врага Масъуда, противоборствующие с ним еще со времен своей молодости, видели, как Масъуд своим умом и проницательностью смог победить советскую боевую машину, и теперь его невозможно было победить, сломить войной. Единственным способом расправы с ним враги считали террор. Убрав со своего пути Масъуда, они надеялись, что уже смогут реально претендовать на то, чтобы прославиться в Афганистане. Масъуд же прекрасно понимал, что наряду с верными

друзьями у него и множество врагов. Не случайно всякий раз он вспоминал и эти стихотворные строчки, принадлежащие перу великого поэта:

Нар ль, ки набибест, ба панлуш ракибест.

Дар рӯи ланъон як гули бе хор набошад.

Там где любимой – там есть завистник,

Нет взтом мире без колючи цветник.

- О, Оллох, да будет проклята война! Из-за нее нет покоя на земле! – не раз подчеркивал в беседах Масъуд. – Не помню дня, чтобы спокойно отдыхал дома, не думая о войне. Что за жизнь такая, никак не пойму.

Люди в других странах живут спокойной беззаботной жизнью, с уверенностью смотрят на день грядущий, а мы, кроме, как искать пути спасения своей жизни, ни о чем другом больше не думаем, ничего, кроме четырех стен, полуголодных и босоногих жены и детей, не имеем. Мы все еще горим в огне войны. Боимся, как бы с минуты на минуту не убили нас.

«О, Оллох, за какие-такие богатства воинствующие стороны вовлекают нас в свои кровавые разборки? В чем провинился этот народ, что ты таким вот образом наказываешь нас, о, Всемогущий? Сколько будет продолжаться все это?» - про себя роптал Масъуд. Поглощенный этими думами, прошел к верхней части двора, по каменной тропинке поднялся чуть выше, подошел к яблоне, два года назад посаженной покойным отцом, сел под ней. Осматривая дерево, заметил, что деревце за эти годы заметно окрепло, но, судя по сухости почвы, понял, что долгое время никто его не поливал. Масъуд направился к речушке, очистил ее от камушек, и живительная влага направилась к дереву. Образовавшуюся ямку вокруг деревца быстро залило водой. «Оллох даст, весной яблоня зацветет! – подумал Масъуд. – Из-за этой войны вовсе забыл об уходе за деревьями в отцовском саду. Где война, там льется не только людская кровь, погибают и деревья. Таков уж закон жизни».

Масъуд встал, направил взор выше, вдоль ущелья, откуда текла вода родника Чашмаи Бедак, и вспомнил, что когда-то отец хотел обустроить этот сад, да жизнь не смилостивилась с ним: Он погиб в автомобильной катастрофе, в Пакистане.

«Если Оллох смилостивится надо мной, и останусь жив, весной обязательно обустрою сад. Но вот избавимся ли от войны? Вот в чем заключается вопрос. Всю жизнь собираюсь отремонтировать свой дом, да все некогда. Война разрушила все мои планы. Даже на похороны матери не смог прийти. Находился в Пешаваре Пакистана и не узнал о ее смерти. Слава Оллоху, могила матери находится на кладбище в Панджшере, и есть возможность проведать ее. Слава Оллоху, хоть этим могу тешить себя, - Масъуд присел на камень и вновь погрузился в свои думы: - Жили в Кабуле, в квартале Кортаи Парвон, и учился в политехническом институте. Как все учащиеся школы увлекся политикой и помнил, как однажды дома по радио передали выступление Мухаммада Довуда. Он сообщил о кудете (революция) и приходе к власти коммунистов. Это известие опечалило отца:

- Афганистан поглощен коммунистами и Россией!»

С детства воспитанный в духе ислама, как большинство населения Афганистана ненавидящий коммунистов и русских, Масъуд решил на борьбу с коммунистическим режимом Мухаммада Довуда. В институте вместе с друзьями вступил в общество оппозиции Мухаммада Довуда. Общество это призвало всех своих сторонников к вооруженной борьбе с Довудом. В институте Масъуд подружился с еще одним ярким исламистом Хабибуррахмоном.

«Каким все-таки настоящим мусульманином был этот Хабибуррахмон! – вспоминая его, с восхищением заметил для себя Масъуд. – Их группу разоблачило правительство Афганистана. Большинство из них были упрятаны в тюрьму, казнены. В том числе был казнен и Хабибуррахмон».

Смерть Хабибуррахмона серьезно всколыхнула Масъуда и сыграла свою роль в дальнейшей политической борьбе против Довуда и его коммунистического режима. «Да, именно сложившаяся тогда общественно-политическая жизнь в стране, борьба противоборствующих политических сил и вынудила меня взять в руки оружие и встать на борьбу с режимом Довуда. И так, вот уже двадцать лет, как с оружием в руках скитаюсь по горным тропам. Кроме, как сплошные муки, ничего другого не приходилось пережить.

Столько лет воевал с Довудом, пока шурави не посадили на трон Кормала. А Кормал привел на землю Афганистана другую чуму – военных Советского Союза. С тропы войны с Довудом перешел на тропу войны с режимом Кормала и шурави.

Когда убили Хабибуррахмона, покинул Афганистан, прибыл в Пакистан и оказался в числе тех, кто проходил курсы подготовки диверсантов и террористов в военных лагерях и учебных центрах. В этих центрах тысячами готовили убийц и палачей собственного афганского народа и отправляли обратно в Афганистан, чтобы убивали себе подобных. Центры эти функционируют до сих пор, и до сих пор сотни и тысячи молодых афганцев обучаются здесь, чтобы вернуться вновь в Афганистан и убивать своих же братьев, все больше превращая страну в руины. И, как мне кажется, это будет продолжаться веками».

Масъуд вспомнил, что именно в Пакистане Хикматёр посадил в тюрьму и убил его близкого друга Джонмухаммада. Он хотел, было то же самое сделать и с Масъудом, но то ли случайно, то ли благодаря своему упорству, Масъуд смог вовремя уйти от расправы, унося с собой и неистребимую ненависть к Хикматёру. Вражда между Масъудом и Хикматёром и преследование Масъуда Хикматёром начались именно в ту пору. И эта вражда продолжается уже двадцать лет. В течение этих лет Хикматер ни на минуту не забывал и не переставал искать возможности физического устранения Масъуда. Масъуд перелистывал страницы своей памяти. И, может быть, делал он это потому, что сегодня переговоры с русскими прошли весьма удачно для него»

Кто способен разобраться в дебрях человеческой природы? Увидев свой дом пустым, Масъудом вновь охватило какое-то чувство грусти.

«После гибели Джонмухаммада вновь прибыл в Панджшер, чтобы продолжить борьбу, – вспоминал Масъуд. – На этот раз с оружием, которым снабдили меня пакистанцы и направили на борьбу со своим народом. Тогда мной управлял Пакистан. Что знает, чем руководствуется в своих действиях молодой двадцатилетний человек, еще толком не разбирающийся ни в политике, ни в делах государственного масштаба, чтобы с оружием в руках встать против правительства? Мы, сто молодых афганцев, были игрушками в руках пакистанских политиков, вооруживших и тайно направивших нас в Панджшер и Кунот, Лагмон и Пактиё, чтобы в нужный час, когда министром обороны был Мустагни, под видом военного парада вывести танки из Кабула и вновь направить на правительство и свергнуть коммунистический режим Довуда».

Под руководством Масъуда должны были захватить власть и в Панджшере. Утром того дня, без кровопролития, в течение одного часа захватили все государственные структуры ущелья Панджшер. Но в Кабуле революционеры были разоблачены, революция была предотвращена.

«Население не поддержало нас тогда и в Панджшере. Военная машина Довуда начала жестоко расправляться с революционерами, и мы вынуждены были отступить. Тогда и узнали о силе народной. Мы тогда не вели никакой работы среди населения, чтобы потом, в нужный час, положиться на него. Народ встал на сторону правительства, и многие наши революционеры были убиты. Мы вынуждены были отступить в Андароб. Народ и там не поддержал нас. Какое-то время провели в бегах. Кто куда хотел, ушел. Мы с Шеваном пришли в Поранди, и оттуда в Джангалак. Поскольку нас хотели задержать, спрятались в пещере, которая находилась на склоне горы, над кишлаком, вблизи Чашмаи Бедак.

Царство небесное садовнику Фарходу, ночью приносил нам еду и сообщал об обстановке в кишлаке. Вот и после этого краха нашей революции мы с Хикматёром не смогли пойти на мировую и на всю жизнь остались врагами друг друга. С той поры нас и втянули в кровавую бойню, и мы – соотечественники, Хикматёр, пакистанцы – всю жизнь, не зная покоя, воюем между собой и сейчас».

Натура у Масъуда была такая, что в критические минуты он размышлял с самим собой. Будучи в таком состоянии, он на сей раз вспоминал случившееся с ним еще в первые дни, когда был втянут в боевые действия. Прервав нить своих размышлений, Масъуд встал и зашел к себе в дом. Поискал, нашел там лопату со сломанным черенком и направился вверх по ручейку, чтобы направить воду в сад. Очистил дно ручей от грязи, камней, вода потекла.

Масъуд посмотрел на свои часы. Наступило время полуденного намаза. Положив лопату, тут же у ручья совершил омовение и встал совершить намаз. Хотя и проголодался, но вовсе не было желания обедать. Посмотрел вниз, в сторону своего двора, заметил там сидящих под деревьями своих телохранителей. Подумал, что, возможно, и соседи заметили их прихода, и теперь они не оставят его телохранителей голодными, накормят их, чем Оллох пошлет.

Масъуд снова сел под яблоней. Сел и начал вспоминать свой первый джихад молодости.

В то время Мухаммад Довуд, следуя призыву коммунистов, встав на путь ярого атеиста, своим лозунгом признал следующее: «Да здравствуют Маркс и Ленин! Коммунисты в мире – идеалы! Мухаммад – всего-навсего старик из арабского племени Курайши! Намоз – всего-навсего гимнастика!» Услышав это или по радио, или из уст людей, Масъуда охватывала какая-то злость, гнев переполнял его сердце. С малых лет воспитанный на исламских ценностях, он не мог признать идеологию Довуда, государственного и общественного устройства, которым он руководил.

Люди, окружившие его, все были вооружены. В своей борьбе они руководствовались принципом: «Что ты за мужчина, если живешь в этой стране и не вооружен, чтобы защитить и отстоять святость единого Оллоха и его пророка Мухаммада?» Джихад, защита чести, достоинства своей семьи, своей Отчизны - святые для этого народа понятия.

В то время Масъуду едва перевалило за двадцатипятилетний рубеж своей жизни, и большую часть этого периода он целиком посвятил джихаду, обучению тактике и стратегии в военных учебных центрах Пешавара Пакистана, для ведения боевых действий в Кабуле и Панджшере. Чтобы низвергнуть коммунистический режим Довуда, Масъуд вновь объявил джихад. Начал с того, что собрал вокруг себя своих панджшерских друзей-единомышленников. Рядом с ним на этот раз был и его родной брат Ахмад Зиё.

В начале группа из тридцати вооруженных молодых моджахедов ранним утром заняла здания государственных учреждений, функционировавших в Панджшере, направилась в сторону перевала Соланг, вскоре захватила и перекрыла тем самым основную артерию страны, по которой везли и снабжали страну продовольствием, другими необходимыми материалами. Здесь между правительственными силами и моджахедами Масъуда завязалась перестрелка, молва о которой вскоре разошлась по всей стране. Но, поскольку смысл этой перестрелки не был доведен до населения как защита священной религии ислама и борьбы против коммунистического режима, Масъуд не смог величить свои ряды.

Шаг за шагом группировки Масъуда были сломлены правительственными войсками Довуда. В одном из таких боев сам Масъуд был ранен в правую ногу, большая часть его моджахедов была уничтожена, сам Масъуд отступил в Панджшер.

Основной целью своей борьбы тогда Масъуд считал защиту ислама, искоренение коммунистического режима в стране. Он был убежден, что режим этот очень скоро осквернит ислам, жизнь и быт народа.

По мнению Масъуда, умереть в бою с врагами ислама - это великая честь, и человеку, умершему за дело ислама, место в раю уготовано. Окрыленный этой идеей, Масъуд вновь задумал собрать вокруг себя своих единомышленников. Призывом на этот раз стала фраза: «Кто готов ради Ислама жертвовать своей жизнью, становись в наши ряды! Все на джихад!» На этот раз девиз этот возымел действие среди населения. В ответ на этот призыв день за днем число его сторонников стало увеличиваться. И Масъуд приступил к занятиям по обучению моджахедов тактике и стратегии ведения боя в горных условиях.

Он разделил свое войско на три группы. Каждую из групп обучал специфике ведения партизанской войны. После того, как эта часть подготовки была завершена, группы были разбиты на отряды, по тридцать и сто человек в каждом. Теперь они стали обучаться тактике и стратегии ведения боя в разных боевых условиях. И в любых условиях ценности ислама, соблюдение требований всех столпов ислама, как некий ориентир, своеобразный маяк, стояли во главу угла.

Завершив подготовку, обученное войско Масъуда вновь объявило джихад правительству Довуда. И в самый разгар боя с правительственными войсками, когда в Афганистан вошла сороковая армия Советского Союза, Мухаммад Довуд был убран с политической арены.

Операция по ликвидации Мухаммада Довуда прошла по специфическому сценарию. В тот день и час, когда в Афганистан вошла советская армия, Мухаммад Довуд и все члены его семьи были умерщвлены, правительство его было свергнуто. Вместо него на царский трон советское руководство посадило Бобрака Кормала. Объявив эту акцию, как победу новой революции, Бобрак Кормал приступил к созданию нового правительства. Означало же это то, что режим тот же старый, только в другом обличи. Войска Советского Союза были призваны защищать завоевания этой самой революции. На самом же деле, кроме, как захватить территорию Афганистана, создать здесь свои военные базы, разместить здесь свои войска, других целей у Советского Союза не было.

Как только Советские войска были введены в Афганистан, американские политики поняли свой провал. И теперь им предстояло заново пересмотреть свою политику, свой маневр в Афганистане, чтобы повернуть ход развития событий в свою пользу.

Невооруженным глазом видно было, что Советский Союз перехитрил-таки американцев, оставив их с носом.

Сколько история человечества помнит, у казны государства находится только один хозяин. Второго не было и в помине. Но сейчас на роль главного мирового судьи, вершителя судеб людских претендуют двое – Советский Союз и Америка. В случае с Афганистаном Америка поняла, что на этот раз она побеждена мощной политической машиной Советского Союза.

Сидя в тени отцовской яблони, Масъуд листал про себя эти правдивые страницы недавней истории Афганистана. Ему от этого стало как-то не по себе. Действительно, жизнь людей напоминала сейчас положение того утопающего, кто сам знает насколько тяжело его положение, на берегу же об этом никто пока не знает. Откуда знать мировому сообществу о настоящем положении Афганистана, афганского народа, о том, какие еще трудности ждут их впереди?

Масъуду вспомнилось, как враги расправились с Мухаммад Довудом, и ему стало жалко своего земляка-афганца. Хотя Мухаммад Довуд был и его врагом, но Масъуд никак не мог одобрить то подлое убийство, какое учинили советские спецслужбы шаху, его семье и придворным служащим. Если же судить по большому счету, в свое время и Мухаммад Довуд сам, точно таким же образом, расправился и со своим

предшественником Нурмухаммадом Тараки. Кровь Тараки была на его совести. Как говорится, что посеял, то и пожнешь.

По сведениям, которыми располагал Масъуд, Довуда, получившего образование в Америке, давно, как паук, окутало своей паутиной Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки, и всеми возможными путями оказало содействие, чтобы именно он сел на царский трон. В свою очередь, не остался в долгу и Комитет государственной безопасности СССР, его кровью отомстивший ему за кровь Тараки.

Масъуд вспомнил, как некогда по радио Би-Би-Си передавали сообщение о гибели Довуда. На всю жизнь запомнился ему и рассказ русского врача Власова.

«Это и было злой участью Довуда. – размышляя, про себя отметил Масъуд. – А как он мечтал поймать меня живым и здоровым, передать Наджибу и убить под жестокими пытками. Но сам же и стал первой добычей шурави».

Теперь Кормал намерен построить в Афганистане коммунизм. Наджиб же является его помощником и руководителем Службы безопасности Афганистана, своеобразной машиной убийств.

«Если Оллох не даст мне умереть, на всех вас найду управу, строители коммунизма. – мыслью вслух отметил Масъуд. – О, Оллох, помоги мне!» Масъуд встал.

Взяв лопату со сломанным черенком, он осмотрел грядки, по которым вода текла к деревьям. Успокоившись немного, он направился в сторону своего дома. Зайдя во двор, заметил, что его телохранители сидят дома и пьют чай. Увидев Масъуда, все встали.

- Сидите, не вставайте! Не проголодались? – Обращаясь к ним, спросил Масъуд.

- Соседка ваша, тетя Шахрбону принесла далду и чайник чая. Наелись досыта. Вам тоже оставили, Омир Сохиб. – обращаясь к Масъуду, сказал Хусайнхон.

- Спасибо вам. Задумавшись о чем-то, иногда и забываю, что проголодался. Увидев вас, вспомнил, что и сам еще ничего не ел. Да так проголодался, что словами не передать. Давайте-ка, я тоже поем далду тети Шахрбону.

- Хаётхон, неси кувшин с далдой. Нальем и Омиру Сохибу. – распорядился Хусайнхон, и сам вышел, чтобы помыть ложку.

Хаётхон налил из кувшина далду в табак и поставил перед Масъудом, усевшемуся за дастарханом, рядом со своими телохранителями. Пар, доносивший приятный запах блюда, ласкал аппетит.

- Омир Сохиб, извините, что лепешки мало осталось. – чувствуя себя как-то неловко, сказал Хаётхон и положил на дастархан небольшой кусочек лепешки, завернутый в платочек.

- И на том спасибо! – сказал Масъуд. – Продолжение угощения ждет нас у Регистони. С того времени, как получил ранение, ни разу не проведаль его. Оллох даст, прямо сейчас и пойдём к нему. Брат Хусайнхон, пожалуйста, почини черенок лопаты, чтобы можно было в саду поработать. Потом, как-нибудь обязательно отблагодарю!

- Сделаю, Омир Сохиб. Пока вы будете у Регистони, я найду хороший черенок и починю. А то, что касается вашего услужения, так, можете считать, что мы с вами уже в расчете. Когда-то вы принесли две лопаты, одну отдали мне, а другую взяли себе. Так вот, взамен на это я и отработаю вам за подаренную вами лопату. – ответил Хусайнхон.

- Забыл. – проведя рукой по голове, сказал Масъуд. – Только сейчас вспомнил, что, работая в саду, забыл пикуль* под яблоней. Отчего такой рассеянный, сам не пойму. Иногда бывало, и пистолет свой забывал. Исключение составляет только книга «Избранное. Гафиз» да и то потому, что она всегда у меня в кармане. Хусайнхон, брат, иди, принеси-ка мой пикуль.

Обмакнув кусок лепешки в далду, Масъуд начал аппетитно есть.

- Дорогой брат, иди, пожалуйста, неси в кружке родниковой воды. Видно, и жажда стала докучать. Уж никак не забыть мне вкус воды родника Чашмаи Бедак. – обращаясь к Хаётхону, сказал Масъуд.

*Пикуль – шапка, головной убор.

Дом Солеха Мухаммада находился чуть ниже и дальше от дома Масъуда, на берегу реки. И от этого больше, чем другие пострадал от бомбежек. Веранда, сверху накрытая старой циновкой, едва держалась на двух наскоро приделанных бревнах. Раненый Солех полулежал в тени этой циновки, когда к нему подошел Масъуд со своими телохранителями. Он хотел, было встать навстречу своим гостям, но Масъуд остановил его:

- Не надо, дорогой Солех! Не беспокойся, брат! Мы знаем, какой ты человек! Оллох даст, еще будет время, чтобы ты смог проявить к нам свое уважение! Лучше скажи, как твое самочувствие-то? Рана как, заживает? Лекарств хватает? Каково семье, детям твоим?

- Слава Оллоху, Омир Сохиб, все хорошо! Но так не годится. Вы мне не дали встать, а вам самим тогда некуда будет садиться. Неудобно, чтобы вы стояли. Лучше уж давайте, я распорядюсь, чтобы нам дома приготовили место. Там и посидим, поговорим.

- Ладно, давай. Мы, брат, никуда не торопимся!

При помощи Хусайнхона Солех встал, хромя, направился в дом. Вскоре вынес оттуда коврик, курпачи и подушки. Расстелил. Масъуд сел рядом с Солехом.

Брызги воды доходили и до веранды, отчего и воздух становился здесь более прохладным.

- Ах, какое же хорошее место выбрал себе, Солехджон! – отметил Масъуд.- Как раз о таких вот местах и писал, наверное, Гафиз в своей газели. Смотри, какая здесь красота-то! Посидевший здесь хоть раз, потом долго будет вспоминать про это место.

Это все хорошо. Извини, что в суете дел, давно не проведали тебя. Самочувствие твое, как я вижу, хорошее. Наверное, день ото дня тебе становится все лучше. В последние дни чем был занят-то?

- Чтобы не хандрил, завел дружбу с книгами, бумагой и ручкой. Сколько знания позволяют, занимаюсь чтением книг, упражняюсь в написании своих воспоминаний.

- Ты, брат, молодец! – обрадованный этим, воскликнул Масъуд. – Это очень даже хорошее занятие. Читать и писать - во сто крат лучше, чем стрелять из оружия.

Будь проклята эта война! Вот через четыре месяца скитаний вернулся в родительский дом и обнаружил, что здесь совсем тихо и пусто, словно, на кладбище, будто никто и не жил здесь. Как дом опустел, так и сад стал засыхать. Что поделаешь, из-за проклятой войны, руки никак не доходят и до других дел. Ничего, оставим эти грустные воспоминания. Я к тебе с радостной вестью пожаловал, чтобы рана твоя быстрее заживала. Мир мы продлили еще на шесть месяцев. Хорошо, если все так и будет. Но боюсь, шурави вновь готовятся к внезапному нападению. А мир их - это своеобразный тактический ход, скорее всего, очередная их уловка. Чтобы нашу бдительность усыпить.

Да, впрочем, Солех дорогой, что мы все о грустном толкуем-то? Надоело все. Давай уж, стихи нам почитай. Соскучился по ним, отдохнем чуток.

Солех не успел начать, как скрипнула калитка и во двор вошли доктор Абдулло и Масъуд Халили. Увидев давних знакомых друзей, они с распростертыми объятиями пошли навстречу Масъуду, Солеху, Мухаммаду. Хусайн и Хаётхон принесли и расстелили другой палас. На этом Солех и Масъуд на время забыли о чтении стихов. Накрыли дастархан и откуда-то появились лепешки чаппоти и в двух мисках творог.

Доктор Абдулло и Масъуд Халили раскрыли свой целлофановый пакет и достали оттуда зажаренную тушу индейки. Беседа старых друзей продолжалась, и вновь все вернулись к теме чтения стихов.

- Там, где доктор Халили, нам уже сказать нечего! – воздержавшись от чтения стихов, проведя рукой по своим блестящим черным волосам, скромно сказал доктор Абдулло, предоставив слово Масъуду Халили.

- Ладно, устод Масъуд Халили зачитает нам бейт, потом ваша очередь, доктор! – сказал Масъуд, и Халили начал читать:

**Эй чашма, чаро ин нама бетоб шуди,
Ларзону саросема чу симоб шуди?
Дар манфили оташнафасони таги хок,
Оё, чи шунидї, ки чунин об шудї?**

**О родник, к чему все эти бушевание,
Ты весь в дрожи и спешки как ртут,
В собрание подземельных бунтарей,
Что услышал, что так растаял ты вдруг.**

- Да будет благословен поэт, сказавший так мудро и величественно! – воскликнул доктор Абдулло, возбужденный таким пафосом стихотворных строк.

- Устод, это чье творение?

- Моего покойного отца. – ответил Халили.

- Ах, какой я невнимательный, что пропустил это рубаи и не выучил его наизусть! – досадуя, отметил доктор Абдулло.

- Теперь ваша очередь, доктор. Вас послушаем! – сказал Масъуд, предоставив слово доктору Масъуду.

**Холи сабзе ба рухи сабз маро кард асир,
Дом намранги замин буд, гирифтор шудам.**

**Родинка пленила нас, похожая на лик,
Западня тянула нас цветом земляным.**

- Вот это да! Какой же стих? Еще раз прочитай, чтобы выучил наизусть! – попросил Масъуд у доктора, и доктор Абдулло повторил начало газели.

- Ваша взяла, доктор! – сказал доктор Халили. – Такой газели до сих пор мне не доводилось услышать! Какой высокий стиль! Bravo, доктор! Ради таких строк и жить стоит! - отметил Халили, чем воодушевил и Масъуда:

- Братья вы мои! Уж сколько бы меня не восхваляли, не прославляли, увы, это все не может сослужить мне добрую службу. Ибо я такой же, как и вы, обыкновенный человек. С такими же, как и все, слабостями. Но, может быть, к моему несчастью, до сих пор неженатый, несемейный человек. И, что еще хуже, из-за боязни своей смертью сделать свою половину несчастной, считаю, что не имею права и жениться. Сами знаете, чтобы расправиться со мной, враги днем и ночью не дремлют, охотятся на меня. А я свои лучшие молодые годы провел в боях и сражениях. Не приведи Оллох, если бы я женился, и враги расправились бы или со мной, или с моей семьей. Вот и с той, пленившей меня своей родинкой на щеке, мы вынуждены пока отложить свадьбу до лучших времен. А когда наступит это время, кроме Оллоха никто, пожалуй, и не ведает.

Доктор Абдулло, своим стихом вы вселили надежду в мое сердце! Благодарю вас, брат, за вашу мудрость и чуткость!

- А теперь, Омир Сохиб, настал ваш черед ласкать наш слух! – сказал Халили. – Мы знаем ту девушку с родинкой на щеке. Призывая нас к чтению стихов, сами, пожалуйста, не оставайтесь в стороне. Мы вас слушаем, Омир Сохиб.

И Масъуд прочел:

-Эй, ашк, ту сарчашмаи маъсудам шав!

Эй, нола, пайёми рӯзи бенъудам шав!

Эй, хома, асои фасли пириам бош!

Эй, шеър, ту зангулаи тобутам шав!

**О слеза, стань истояником цели моей,
О рыдание, стан вестником прекрасного дня,
О перо, стан в старости моей опоры,
О проза, стан колоколом моего гроба.**

- Во имя Оллоха всемогущего, рубаи был высокого слога, Омир Сохиб! – отметил Халили. – Я думал, что как обычно, прочитаешь что-нибудь из творений великого Гафиза, но нет. Это рубаи – творение нашего же современника, и весьма высокого полета. Тысяча благодарностей автору и чтецу рубаи.

Омир Сохиб, еще раз зачитайте, пожалуйста, чтобы мы выучили наизусть и получили удовлетворение.

И Масъуд зачитал вновь. Солех Мухаммад записал рубаи в свой блокнот, чтобы не забыть ненароком.

- Послушаем теперь Солеха Мухаммада? – спросил Халили, обращаясь к Регистони. И Солех Мухаммад начал:

**- Назокат он қадар дорад, ки дар вақти хиромидан
Тавон аз пушти пояш дид нақши рӯи қолинро.**

**Столь очеровательно в хотбе,
Что за паходкой видны узоры ковров.**

- Мы все ничто перед тобой, Регистони! – воскликнул Халили. – Откуда ты находишь эти великие строки? Подскажи, чтобы и мы прониклись пониманием содержания этих строк. А то получилось так, что сам заметил эту красавицу, а другим ее не показал. Сглазил тебя кто-то, И вот, пожалуйста, ранен в ногу! Теперь подскажи, чтобы и наши сердца были поражены стрелами этой грациозной красавицы твоей!

- Солех Мухаммад наш – ловелас большой. – сказал Масъуд. - Если вы не возражаете, пусть, еще прочитает нам какой-нибудь бейт.

- Не ловелас я, Омир Сохиб! – немного смутившись, заметил Солех Мухаммад. – Я – человек, влюбленный в жизнь. Так зачитать или нет?

- Зачитай, брат! Стихи - это бальзам на твою рану. – сказал Масъуд, и Регистони продолжил:

**Дар хонае, ки васфи рухи ёр бигзарад,
Хуршед хам-хам аз паси девор бигзарад.**

**В доме где восхвалятся лицо любимой,
За стеной застенчиво солнце проходит.**

- Ты, брат, сразил нас наповал! – смеясь, воскликнул Халили, и присутствовавшие кивком головы подтвердили это. – Что за слог?! Bravo! Красота ее смутила, затмила собой аж сияние солнца! Мы преклоняем головы перед тобой, брат! Ты своими стихами, словно бальзам на сердце, нам душу согрел, а мы взамен ничем таким тебя не порадовали, чтобы хоть боль твою облегчить. Слава Оллоху, в следующий раз обязательно найдем что-нибудь величественное, чтобы и тебя порадовать!

- Я думаю, надо найти такое стихотворение, которое могло бы и ему залечить рану, и преградило бы путь войне и кровопролитию, чтобы впредь вообще не было у нас страданий! – вставил Масъуд.

- Да, человечество когда-нибудь обязательно найдет панацею от этой чумы! – сказал Халили. ...

Глава XIII

**Хуршеди сипенри безаволї ишк аст.
Мурѓ и чамани хулистафолї ишк аст.**

**Ишк он набувад, ки намчу булбул нолі,
Нар гаъ ки бимирию нанолі, ишк аст.**

Сонце в небе просторном – это любовь,

Любовь – это птица счастье в раю.

Любов это не стон соловья,

Когда умирая не стонешь – это любовь.

Жатва закончилась. После долгих уговоров Хамиды Одилу из Поранди привезли в Кабул.

- Отец Шамсулхака, не знаю, какой бес вселился в сердце Одилы, но в последние дни с ней что-то не так. Отвези-ка ее к бабушке в Кабул, и покажи какому-нибудь мулле, пока болезнь не запущена. – обращаясь к мужу, сказала Хамида, убеждая Киёмиддина, что дочь серьезно больна.

Может, уговоры жены подействовали на Киёмиддина, что вскоре он отвез дочь в Кабул. У Киёмиддина в Кабуле, в квартале батраков, в многоэтажном доме, построенном еще русскими, была своя трехкомнатная квартира. Стало для него делом обыденным, весной вместе с семьей приехать в Поранди, заняться сельскохозяйственными работами здесь, а к зиме, к наступлению холодов, опять перебраться в Кабул. И до наступления весны в городе заняться батрачеством. Большую часть времени, таким образом, его семья, дети проводили в компании старушки-матери Киёмиддина.

Слушая жену, Киёмиддин перебирал в памяти все прошедшие недели, и пришел к выводу, что, действительно, в последние недели дочери что-то нездоровится. Уж сколько кишлачные бабки-лекари не старались, не смогли вылечить Одилу. Теперь уговоры Хамиды возымели свое действие, и, посадив Одилу на лошадь, по узкой горной тропе Киёмиддин направился к ущелью Панджшер, чтобы там на какой-нибудь попутной машине отвезти дочь в Кабул.

Николай, как и все, кроме хозяйки дома, о болезни Одилы ничего не знал. Только Хамида знала об истинной причине болезни дочери. Достаточно было, чтобы мать вторглась в ее сокровенный мир, как девушка начала глубоко переживать и страдать. И это не могло не сказаться в ее психическом состоянии. Она впала в депрессию, увядала с каждым днем. Без паранджи, с открытым лицом, растрепанными волосами выходила во двор и на улицу. Не слушалась матери, разговаривала громко, несвязно, громко пела услышанные по радио песни. Большею частью, по ночам, мать заставляла ее у ручья, куда Одилу опускала ноги в воду и громко пела песни. Мать видела, как по ночам Одилу вставала с постели и, босая, без платка, ходила к ручью. Часто по ночам она переходила на задний двор, и долго стояла у комнаты, где жил Николай. Да, виной такому состоянию Одилы был никто иной, как сам Николай. Это поведение дочери не могло не разозлить мать. Но с этим Хамида ничего не могла поделать. Единственный выход из создавшегося положения мать видела в том, чтобы увезти дочь куда-нибудь подальше от Николая, тем самым избавив ее от общества Николая.

«Так ведь эта девка одним своим недостойным поступком может опозорить нас на всю округу! – размышляла про себя Хамида. – И не избежать тогда нам злой участи односельчан. Они просто-напросто выживут нас из кишлака. Что нам делать потом, какими глазами на людей потом будем смотреть-то?»

Где в этом отдаленном кишлаке больница и врач, чтобы лечить Одилу? Куда, к кому только не обращалась за помощью несчастная мать? Точь-в-точь исполняла все наставления знахарей и мулл. И все бесполезно. День ото дня Одиле становилось все хуже и хуже. И Хамида единственный выход нашла все-таки в том, чтобы увести Одилу подальше от Николая. «Быть может, находясь вдали от этого кафира, на нее все же подействуют слова муллы? И она, забыв его, выздоровеет!» - вывела она про себя. И утром следующего дня попросила мужа отвезти дочь в Кабул.

Сначала Одила вообще отказалась ехать из дома куда-либо. Даже подняла крик, ударила головой об стену. Но, видя решительность отца и матери, она бросилась к их ногам, обеими руками обхватила ноги отца и стала умолять его не отвезти ее в другое место:

- Дорогой мой отец! Родненький мой! Никуда не вези меня, пожалуйста! В другом месте мне будет еще тяжелее, чем здесь! Может, и не увидишь больше свою Одилу и потом жалеть будешь! Не сделай этого, отец!

Чего только еще не сказала Одила. Киёмиддину. От ее слов ему стало не по себе, аж сердце защемило. Поразмыслил над ее словами и поступками, и пришел к выводу, что с дочерью, действительно, случилось что-то серьезное. «Не исключено, что не обходится здесь и без участия потусторонних сил, ангелов небесных!» - подумал Киёмиддин.

Наблюдая за разворачивающейся печальной картиной, зная об истинных причинах случившегося с дочерью, мать не смогла сдержать своих чувств, запричитала и разрыдалась горькими слезами. При этих словах дочери мать вспомнила, как одна женщина, которую привела Хамида, осмотрев Одилу, сказала, что девушка сильно влюблена в кого-то, и если выдать ее замуж за того парня, болезнь сразу пойдет на убыль. «Но как ей открыться, сказать, что она влюблена в неверного кафира. И при нынешних условиях, когда всю господствует ислам, любой поступок, идущий вразрез с законами шариата, расценивается окружением как осквернение ислама. Как она может выдать свою дочь за Николая? Об этом Хамида не то, что говорить, даже рот открыть не могла. И когда Одила так рьяно запричитала, мать поняла, что дочь больна любовью. «Да, права была та женщина, сказавшая, что Одила влюблена в кого-то – размышляла про себя Хамида. – Что будет, если оставить Одилу здесь, и тайком от всех дать свое согласие на свидание Одилы с пленным кафиром? Может, потом Одиле как-то легче станет?» Подумав, Хамида пришла к выводу, что это невозможно. Узнает об этом Киёмиддин, или люди кишлака, тогда в лучшем случае по законам шариата не избежать ей участи быть забросанной камнями. «Так привязавшаяся к кафиру девушка, после первого же свидания и сладости встречи станет привыкать к нему, и тогда уже невозможно будет отделить их друг от друга – делала свои умозаключения Хамида. – Пока она не сошла с ума, единственный выход из создавшейся ситуации - это увезти ее куда-нибудь подальше от пленного кафира, чтобы чувства Одилы к нему постепенно гасли» ...

Николай, при помощи Шамсулхака и Парвиза к тому времени успевший выучить суры из Корана, научившийся у Киёмиддина, как совершать омовение и намаз, приступил к выполнению этого обряда ислама. Николаю здесь, в этом его положении, ничего не оставалось делать, кроме как принять ислам и соблюдать все его ритуалы. Да и Киёмиддину негоже было содержать у себя неверующего в Оллоха человека. Зная все это, Николай весь день проводил за чтением Корана, знакомству с законами ислама, чтобы в повседневном быту пользоваться ими. А это пока было для него единственным гарантом того, что он может остаться живым. Другого выхода у него не было. Чтобы его приговорили к смерти, с его стороны достаточно было лишь хоть раз в чем-то проявить оплошность. И все. Он, человек вполне разумный, прекрасно отдающий себе отчет за все происходящее вокруг, прекрасно осознавал свое нынешнее положение. Согласился он и на проведение обряда обрезания. Сегодня он у них пленный, а не гость, и должен согласиться и принять все те условия, какие выдвигают, устраивают его нынешних хозяев.

Утром того дня, когда Киёмиддин собирался отвезти Одилу в Кабул, Николай, совершив утреннюю молитву, услышал плач Одилы и, хромя, вышел из своей комнаты во двор, стал свидетелем разворачивающейся сцены. Он понял, что случилось что-то ужасное, но ни на йоту не разобрался в словах Одилы, поскольку еще не в достаточной степени освоил язык, чтобы понять суть разговора Одилы. Из знакомых ему слов «Нон»

(лепешка, хлеб), «Об» (вода), «Модар» (мать), «Намоз» (молитва), «Руза» (пост) и несколько других разговорных слов не услышал из уст Одилы ни слова. А Одила плакала, говорила отцу какие-то доселе непонятные Николаю слова. А то, что она о чем-то умоляла отца, Николай понял уже по ее жестам и движениям.

Только тогда, когда Одилу посадили на лошадь позади отца, Николай заметил направленный на него взгляд Одилы. Этим взглядом она будто умоляла Николая о помощи, будто просила его взять ее с собой, спасти. Мол, вези, куда хочешь, хоть на край земли, лишь бы быть с тобой, навсегда, на всю жизнь. Сам видишь, самые близкие и родные мне люди сегодня стали врагами моей любви к тебе. Хотят погасить пламя моей любви к тебе. И чтобы добиться своего, они увозят меня отсюда, чтобы мы больше не видели друг друга. Больше я не смогу увидеть тебя! Я готова вынести все муки, чтобы еще раз удостоилась встречи с тобой! ...

Глаза говорили обо всем, что было у девушки на сердце. Без слов и объяснений. Николай понял все. Зная, что одно неосторожное движение может стоить ему жизни, он, кроме, как стоять прямо, неподвижно и смотреть в ее сторону, ничего не мог поделать.

Мать, заметила, что Одила, увидев Николая, замолкла и долго смотрела на него. Хамида обратилась к мужу:

- Да хранит вас Оллох! Доброго вам пути!

После того, как Киёмиддин и Одила уехали, Хамида будто с плеч сняла какую-то тяжелую ношу, быстро вошла во двор, увидела пленного. Николай с опущенной головой сидел на своем прежнем месте. Пройдя мимо него, Хамида вошла в дом к проснувшимся ото сна детям. Она почувствовала какое-то облегчение. Подумав, она поняла почему: Отправив дочь подальше от пленного, Хамида была уверена, что время и расстояние все-таки сделают свое дело, Одила позабудет пленного, и тем самым семья их не будет опозорена недобрыми слухами.

Увы. Спустя неделю, после того, как Киёмиддин увез дочь, из Кабула донесли еще более страшную весть: Одила сошла с ума. И старушка Фатима, мать Киёмиддина просила, чтобы сын и сноха во что бы то ни стало, скорее приехали в Кабул. Мол, старушка одна не в силах удержать Одилу. Услышав эту весть, Хамида потеряла покой. Все валилось из ее рук, она, как угорелая, не знала, что делать, за что взяться. Чтобы сообщить Киёмиддину о случившемся, она срочно отправила сына Парвиза на поле, где был и Киёмиддин, занятый молотьбой. Николай тоже был там. Хотя рана на ноге еще полностью не зажила, он, не желая остаться дома без дела, сам попросил Киёмиддина, чтобы он взял его с собой на поле.

Вечером Киёмиддин пришел с работы. Посоветовался с женой. Договорились, что утром рано мать вместе с Парвизом и Нурулло едут в Кабул. А он вместе с Исломиддином (так теперь называли Николая все домашние Киёмиддина) и Шамсулхаком будут молоть пшеницу. Если постараются, за два-три дня управятся с пшеницей, и он тоже может поехать в Кабул.

- Все сделал. Осталось только кое-что доделать. Как назло нет ветра, чтобы продуть пшеницу. А ветер начнется в полдень и вечером. Я вынужден остаться. Дети сами не управятся. А у Исломиддина пока с ногой не важно. Еще две ночи и годичный запас муки будет готов. Ты, мать Шамсулхака, езжай. А то старушка одна не управится с Одилкой. Как только закончим, сразу и я приеду вслед за тобой.

- Я еду. Как только закончишь с пшеницей, приезжай сразу. – все еще рассеянная, сказала Хамида. – Не приведи Оллох, чтобы с Одилкой случилось что-то! О, Оллох, за какие такие наши грехи ты так немилосерден к нам?

- Не говори так! Не гневи Оллоха! Оллох велик и милосерден! Дочь наша выздоровеет! – успокаивал жену Киёмиддин. – Крепись и возьми себя в руки. Потерпи хотя бы еще два дня. Сам приеду и отведу дочь к какому-нибудь хорошему лекарю! Вылечим ее. ...

С того дня, когда состоялся этот разговор, прошли недели, месяцы. Но состояние Одилы не то, чтобы пошло на улучшение, наоборот, ей становилось все хуже и хуже. Она страшно похудела. Из той красавицы, какой была в родительском доме, остались лишь одна кожа да кости, и глаза, полные тоски и печали.

Не помогли ей и старания народных лекарей-мулл. Все было понапрасну. Одила чахла с каждым днем.

Углубляясь в свои печальные думы, Хамида теперь все чаще и чаще вспоминала сказанное однажды одним муллой относительно того, что девушка в кого-то влюблена. Да и сама Одила, когда приходила в себя, умоляла мать отвезти ее в Поранди. Мол, она там выздоровеет. Одила всегда твердила эту мысль, и всякий раз, как бы невзначай, спрашивала мать:

- Mamочka! Родненькая! Скажи, как звали того пленного?

И мать вынуждена была ответить:

- Николай.

- А Николая куда увезли? – вновь спрашивала Одила.

- У нас дома он.

- Сними с моих ног цепь, к нему пойду.

- Отец тебе голову снимет с плеч!

- Без головы пойду!

- О, доченька, будь я проклята! Сказать тебе мне больше нечего, что днем и ночью только его имя и твердишь?!

- Кроме того пленного ни о ком другом в этом мире не знаю и знать не хочу! За что его взяли в плен? Mamочka, если он еще у нас дома, отведи меня к нему домой. Увидев его, болезнь пройдет, обязательно выздоровею!

- Доченька, это тебе не Поранди, а Кабул! Привезли тебя сюда, к бабушке, чтобы ты навсегда забыла того пленного. А ты все еще помнишь того кафира?

- Да, помню, мамочка! Днем и ночью только о нем и думаю! Он спас меня от змеи. Если бы не он, я б давно умерла. Отведи меня в Поранди! Увижу его и выздоровею! ...

После этих слов дочери Хамида схватилась за голову, громко зарыдала и обняла дочь. Она не знала, что делать, как поступить. Не найдя другого выхода из создавшегося с дочерью положения, после долгих раздумий, не выдержав тяжести сложившейся ситуации, как-то ночью она решилась и рассказала все Киёмиддину.

- С ней ничего другого не случилось. – закончила Хамида. - Помнишь Гуландом, дочь дедушки Хафиза?

- Да, помню. Это происшествие вроде недавно было. И что? – спросил Киёмиддин.

- Сам знаешь. Родители, родственники встали поперек любви Гуландом и Азиза, и они, без родительского благословения, вместе убежали из дому. А всему этому что было виной? Различия были лишь в том, что Гуландом – дочь таджикского мусульманина, из касты племени ишанов, а Азиз из хазорийцев. Мол, какой такой таджик выдавал свою дочь за хазорийца, что родители Гуландом нарушают сложившиеся устои? В итоге Гуландом, как наша Одила, сошла с ума. После того, как Азизу засватали другую девушку и сыграли свадьбу, прямо на свадьбе Гуландом и устроила самосожжение.

Рассказав все это, Хамида помолчала немного: - Не приведи Оллох, чтобы и с нашей дочерью такое несчастье приключилось!

Услышав рассказ жены о самосожжении Гуландом, Киёмиддин долго молчал. И было отчего. Он понял и опасался того, что если не предпримет меры, такая же участь может ожидать и его семью. Из слов жены вывел, что его дочь влюблена в Николая. Но, чтобы до такой степени, чтобы сойти с ума, он себе этого не представлял.

Теперь, как и Хамида, прибавилась головной боли и Киёмиддину. Взвесив все доводы в реалиях сегодняшних, с точки зрения законов ислама, Киёмиддин никак не мог найти объяснений существующему положению вещей. Он не знал, как подступиться к проблеме, чтобы и овцы были целы, и волки были сыты. «Уму непостижимо, чтобы

Николай и Одила стали мужем и женой. Что же делать тогда? - мучила Киёмиддина эта дилемма. – Действительно, при нынешних реалиях никто из селян не одобрит такой союз. Но если мы не согласимся на такой союз, то нам не избежать той участи, какой подверглась Гуландом. Если же такое случится, то потом уже, как говорится, слезами горю не поможешь. До конца жизни потом будешь горевать. Не иметь детей – одна беда. Но иметь детей, воспитать их - проблема не менее важная и сложная. Оллох дает тебе детей и вместе с ними насылает тебе горы проблем и трудностей. Что от меня требовалось делать для дочери, сделал. От этого ей лучше не стало. Все в руках Оллоха. Уповая на Оллоха, отвезу ее в Поранди. Мать лучше знает свою дочь. Послушаюсь ее матери и отвезу Одилу к Исломиддину. Авось Оллох поможет и дочь выздоровеет. ...» - так до утра Киёмиддин не сомкнул-таки веки.

Одилу привезли в Поранди. Как только вошла, сразу пошла на задний двор и остановилась возле комнаты, где временно жил Исломиддин. Отец и мать не стали препятствовать ей, чтобы видеть, как к ним благосклонен Оллох. Они считали великим счастьем, если, благодаря свиданию с пленным, их дочь выздоровеет. Чего только не сделают родители ради счастья своих детей? Киёмиддин и Хамида сегодня были в таком же положении. У них выхода иного не было. Для Киёмиддина теперь было бы великим счастьем, если догадки жены относительно любви дочери к Исломиддину подтвердятся и, увидев Исломиддина, она пойдет на поправку.

К этому времени Исломиддин своим поведением успел заслужить уважение и жителей Поранди. В кишлачной мечети, прилюдно произнес фразу «Ло иллоха иллалоху Мухаммада расулуллох», принял ислам, стал мусульманином. Согласился на обрезание, начал совершать намаз, выполнять требования столпов ислама, читать Коран. И имя дали ему другое. Сменив имя «Николай» на священное в исламе имя «Исломиддин», Николай был рад и этому событию.

Узнав об этом, Масъуд приказал, чтобы после выздоровления Исломиддина доставили к нему.

«Какие еще могут быть препятствия, чтобы могли помешать, двум молодым создать семью? «Оллох, отведи болезнь подальше от моей дочери и если Исломиддин согласится, пусть они создадут свою семью и заживут счастливо. Мне же остается позаботиться о том, как организовать и свадьбу сыграть. Если надо будет, займу у кого-нибудь в долг. ...» - размышлял про себя Киёмиддин.

Какое-то время через проем двери Одила наблюдала за Исломиддином и Шамсулхаком. Они всецело отдались чтению какой-то книги и не знали, что за ними наблюдает и пара чужих, влюбленных глаз. От такой возможности свободно наблюдать за любимым Одила была в восторге. Да так, что не заметила, как невольно толкнула, открыв тем самым калитку. Исломиддин и Шамсулхак на скрип оглянулись сразу.

- Одиладжон, сестра родненькая! Когда приехала? Кто тебя привез?! – с этими радостными возгласами Шамсулхак встал и пошел навстречу сестре.

Картина встречи брата с сестрой всколыхнула и Исломиддина. Вспомнил он и свою родную сестру Валентину, и что-то екнуло под сердцем. Глаза его увлажнились до слез. В исхудалой, увядшей девушке он сначала не признал, было дочь хозяина семьи.

Вглядевшись пристальней, он узнал те же знакомые красивые глаза, да такие же красивые брови, дугой обводившие эти два черных глаза, некогда принадлежавшие Одиле. От братьев Одилы Исломиддин знал, что девушка больна, и Киёмиддин отвез дочь в Кабул на лечение. О глубинных чувствах, ставших основной причиной этой самой болезни Одилы, Исломиддин ничего еще не знал. Правда, Исломиддин заметил было пристальный взгляд Одилы к своей персоне, но мать вовремя воспрепятствовала тому, чтобы этот обмен взглядами не перерос во взаимные, более глубокие чувства.

- Отец с матерью меня привезли. Увидела пленного. Оллох даст, выздоровею! – сказала Одила.

Встретившись взглядом с Исломиддином, постояв так немного, Одила повернулась назад и пошла к себе домой. Вслед за ней вошли и родители. Повернувшись к матери, как будто доселе ничем и не болела, Одила безо всяких лишних движений, неподобающих здоровому человеку, обняла мать и зарыдала, выплеснув месяцами накопившуюся в глубинах ее нежного сердца печаль, тоску и грусть. Сквозь эти слезы мать легко угадала, что это плач вполне здорового человека. Слезы дочери сильно растрогали материнское сердце. Она обняла дочь, прижала ее голову к своей груди:

- Доченька, дорогая ты моя! Чего плачешь-то?! Мы, как видишь, послушались тебя, привезли в Поранди, как сама того хотела! Сказала, что здесь выздоровеешь! Не плачь, доченька!..

- Mamочka, родная! Привезла меня сюда, увидела пленного! Теперь обязательно выздоровею! – не переставая плакать, всхлипывая, растягивая слова, сквозь слезы говорила Одила. – Я видела его! Он здоров! И болезнь моя сразу отошла! Mamочka, никуда больше не увозите меня! Не разлучите меня с ним, иначе я умру!..

Слушая слова дочери, то ли от радости, то ли от жалости мать, задышавшись, тоже разрыдалась:

- Оллох свидетель, отсюда никуда больше не увезу тебя! За все время болезни впервые вижу и слышу, что ты говоришь как вполне здоровый человек! Слава Оллоху, обязательно выздоровеешь!.. Больше не плачь, доченька! А то мы все извелись! Давай, выйдем во двор, на свежий воздух. Дома не убрано, не чисто! Давай, доченька, выйдем! Киёмиддин, стоявший поодаль и наблюдавший за их беседой, облегченно вздохнул и первым вышел из дому.

- Mamочka, простите меня за все причиненные вам мучения! – выходя из дома, сказала Одила. – Видимо, волей Оллоха суждено было мне столько мучиться. Глядишь, сразу и выздоровею! И поступки, и все мои дела по дому будут вполне разумными. Если разрешишь, я разогрею воду, искупаюсь. Ты, мамочка, не волнуйся! Я - та самая Одила, что была раньше. Слава Оллоху, мой разум никак не пострадал.

- Благодарю Оллоха, прекрасная моя Одила! Иди, что хочешь, то и делай! Как сердце прикажет, так и поступай! Я займусь своими делами по хозяйству! – погладив дочь по голове, вытирая радостные слезы, Хамида направилась в дом, чтобы приготовить поесть что-нибудь дочери.

Исломиддина в Поранди уже знали и стар и млад. Знали и его настоящее имя. Но, поскольку ислам не признает безверия, и народ здешний признает только ислам, все старались воздержаться звать его по первому имени. И все обращались к нему по новому его имени. Теперь, как равноправный член семьи Киёмиддина, с наступлением времени намаза, Исломиддин вместе со всеми шел в мечеть, совершал намаз, возвращался в дом Киёмиддина, помогал ему по хозяйству, читал книги, изучал язык.

Все тайное рано или поздно становится явью. Вскоре все жители кишлака уже знали обо всем, что случилось в доме Киёмиддина со дня прихода Исломиддина в его дом вплоть до последнего дня. И то, что слухи распространились столь быстро, особенно усердствовала старушка Рисолатмох, которую Хамида приводила домой, чтобы осмотреть и лечить Одилу, и которая беседовала и с самой Одилой. Именно Рисолат и сказала Хамиде, что дочь ее влюблена в кого-то, и единственная панацея от этой болезни – свидание с влюбленным, другого лекарства нет. То ли из своего жизненного опыта она знала, то ли еще что-то, но Рисолат будто в воду глядела. Как говорится, солнце подолом не закроешь. Именно Рисолат и распространила по всему кишлаку то, чему сама стала свидетелем в доме Киёмиддина. Слухи эти перешли из уст в уста, и вскоре уже все жители кишлака знали о состоянии здоровья Одилы и об истинных причинах ее болезни.

На фоне всего этого люди знали еще и о том, что Исломиддин стал мусульманином, читает Коран, соблюдает все обычаи и обряды ислама. Теперь, по их мнению, не исключено, что и Киёмиддин согласится выдать свою дочь замуж за Исломиддина.

Исломиддину в его положении другого выбора не оставалось, кроме как жениться на Одиле. С того дня, как он оказался в плену, прошло почти два месяца. Хотя у Киёмиддина ему жилось неплохо, живя здесь, он узнал, что Ахмадшах Масъуд сам распорядился, чтобы моджахеды с пленными обращались гуманно. И чтобы всех пленных в обязательном порядке приводили к Масъуду на собеседование. После того, как Масъуд узнает, кто этот пленный, при каких обстоятельствах он оказался в плену, он сам распорядится, как поступить с ним. Если этот пленный не совершал никаких жестоких деяний, не убивал никого, его самого тоже не убивали. И до сих пор Николай еще ни разу не слышал, чтобы какого-то пленного моджахеды убили.

Буквально на днях, когда Киёмиддин вместе с женой и дочерью был в Кабуле, к Николаю приходили иностранные репортеры. С ними был и французский кинорежиссер Кристоф де Понфилий. Он долго беседовал с Николаем. Репортеры ушли, а Кристоф де Понфилий остался еще два дня и снимал на видеокамеру свою беседу с Николаем. Сначала Николай не хотел беседовать и сниматься на камеру, обосновывая свой отказ своим пониманием реалий дня. Мол, политики Запада снабдили Кристофа деньгами, средствами и направили в Афганистан, чтобы ситуацию в Афганистане преподнести мировому сообществу в нужном им ракурсе. А Западу важно было показать советские войска в Афганистане как оккупационные. А то, что жизнь в Советском Союзе по сравнению с Афганистаном и многими другими странами мира, райская, для Николая это было истиной неоспоримой!

- То, что я сегодня чисто случайно оказался в плену, и вы, злоупотребляя моим положением, хотите, чтобы я злословил о своей родине, так этому не быть! Моя родина – самая красивая и самая богатая на земле! И я ни на что не променяю ее! Она мне дороже всего на свете! – твердил Николай. Но Кристоф был настырен. Не скрывая своих намерений, он объяснил Николаю, что желает снять о нем фильм. «Будь что будет! – решил Николай. – Может быть, хоть посредством этого фильма узнают родители, земляки, Наташа, что я жив и, если Богу угодно, когда-нибудь вернусь домой!» Николай согласился на съемки. Первым делом он сделал заявление, что никогда и ни за что не изменял своей родине и не думает изменять. Заявил также, что его, как и десятки тысяч таких же, как он, парней в Афганистан привезли не по их воле, из-за чьей-то недалёковидной прихоти. По вине этих же самых политиков и гибнут сотни ни в чем неповинных молодых людей Советского Союза. И это продолжается и по сей день. Смертью сотни и тысячи таких же, как он, молодых людей кто-то все еще пытается оправдать свой политический просчет. Что у Николая наболело на душе, не утаивая ничего, не опасаясь каких-либо тяжких для себя последствий, он и высказал Кристофу де Понфилию. Уж как там во Франции поступит этот кинорежиссер, как переведет слова Николая и как преподнесет это все зрителям, Николай уповал на совесть самого Кристофа. Единственной целью, которую преследовал этим Николай, было сообщить своим родным и близким, землякам о том, что он жив и находится в плену у моджахедов, в Афганистане.

Николаю к этому времени важно было, что раненая нога потихонечку начала заживать, и с каждым днем он чувствует себя все лучше. Ему подошел по вкусу и здешний горный климат. Здесь его никто не унижал, не теснил. Только нищета, отсутствие элементарных условий жизни, царящие как в доме Киёмиддина, так и во всем кишлаке, несколько омрачали его настроение. От осознания этих реалий Николай чувствовал себя как-то неуютно. Но он был пленный и с этим фактом ничего поделать уже не мог. Ни изменить, ни переделать ничего. С другой стороны он был благодарен, что в таких вот условиях его не заточили в зиндон (тюремная камера).

Иногда в те часы, когда оставался один, брал радиоприемник Одилы, настраивал его на российскую волну, и, чуть приглушив звук, слушал до поздней ночи. Это действовало на него успокаивающе. Незаметно засыпал. И, проснувшись, понимал, что во сне часто видел себя в своем детстве, своих родных, мать свою Екатерину Андреевну. От

осознания всего увиденного и пережитого ему становилось легче на душе. Будто и те родные ему люди находились теперь, в часы сна, рядом с ним, между гор Гиндукуша, среди этих людей – чужого вероисповедания, чужой культуры, других обычаев и нравов.

Действительно, жизнь для Николая здесь была трудная, непривычная. Единственно хорошим для него было то, что рана на ноге заживала с каждым днем, и с каждым днем он чувствовал себя свежее и бодрее, сил прибавлялось в нем все больше и больше. Но избавления, выхода из этого тесного ущелья у него не было. И надеяться было не на что и не на кого.

Исломиддина вокруг знали теперь все. По радио и в газетах теперь почти ежедневно о нем говорили и писали, печатали его фотографию. Посредством этого о нем знали теперь во всем Афганистане. Не было и дня, чтобы к нему не приходили пять – десять человек из других округов, чтобы увидеть русского, принявшего ислам, посмотреть какой он из себя человек.

Николаю надоело быть свободным пленником. Его положение напоминало какого-то хищного зверя в зоопарке. Любой гость, придя в кишлак Поранди, считал своим долгом увидеть Николая. Все желали увидеть его, поговорить с ним. И это все благодаря той услуге, которую оказали Николаю репортеры газет, радио и телевидения. Они прославили его почти на весь мир. Знали о нем почти все: что касалось причин его пребывания здесь, условий, в которых он жил, и что с ним было потом. И каждый комментировал прочитанное, увиденное и услышанное на свой лад. Теперь о нем имели представление и все командиры советских воинских подразделений, находящихся в Афганистане. Специальные сотрудники Комитета госбезопасности СССР отправляли ему письма с просьбой дать свое согласие на освобождение из плена. Николай же предпочел плен, нежели возвращение в свою воинскую часть или на родину. Ибо знал, что означает эта свобода: Как только Николай окажется или в воинской части, или у себя на родине, заработает советская судебная машина. Предъявив обвинение в измене родине, его привлекут к уголовной ответственности, посадят в тюрьму, и пятно это ему и его родным и близким будет обеспечено на всю оставшуюся жизнь.

Как в воинской части, так и в Министерстве обороны СССР знали, что Николай Быстров жив и находится в плену. Поскольку сам этот факт пребывания советского воина в плену не делал чести великой советской державе, спецслужбы искали пути его освобождения.

Через два дня после того, как Николай попал в плен, у аэродрома в Багrome, у воинской части, где служил Николай, произошла кровавая стычка с моджахедами. В результате погибло много советских солдат. Их всех уложили в цинковые гробы и готовили к отправке на родину в Союз. Поскольку к тому времени в воинской части уже не было пропавших без вести Николая Быстрова и еще двоих военнослужащих, командиры решили списать и их в числе погибших. Написали их имена и фамилии на гробах и отправили на родину. Расчет их основывался на том, что на родине родным и близким погибших запрещено было открывать гробы и посмотреть, кто и в каком состоянии там находится. Родителям и близким оставалось только поплакать над гробом и положить его в могилу, будучи уверенными, что в гробу действительно их родной человек. Никому и в голову не приходила мысль, что вместо конкретного человека может находиться не он, а совершенно другой, незнакомый им человек. Известие о том, что Николай жив и находится в плену у моджахедов, дошло до воинской части тогда, когда домой, в родное его село уже был отправлен гроб, и церемония похорон давно уже состоялась. Может, здесь не обходилось и без вмешательства КГБ, или из каких-то других соображений, но командирам, скорее всего, в суматохе своих дел, было теперь не до какого-то там рядового Николая Быстрого, что так и не удосужились известить родных о произошедшей ошибке с гробом.

Будучи не в курсе свершившего страшного факта, единственный выход из своего теперешнего положения Николай видел только в уповании на Бога и терпении. Чтобы выжить, он настроил себя на все худшее, что могло ожидать его в последующий период его пребывания в плену. И то, что он принял ислам, и то, что он сменил даже свое имя – пойти на такой шаг подсказывал ему здравый рассудок. Повезло ему и в том, что Аваз и Хасан доставили его из Багрома в Поранди, в дом Киёмиддина. И этот человек вдобавок к тому, что был праведным мусульманином, являлся и человеком справедливым. Киёмиддин сразу понял, что за человек Николай, и отношение его к нему было подобающим образом. Как раз весьма кстати оказалась и поддержка, оказанная Масъудом относительно пребывания Николая в доме Киёмиддина до его выздоровления.

Хамида и Киёмиддин были довольны тем, что с каждым днем улучшается и состояние дочери. И первым их жестом навстречу дочери стало, то, что они разрешили Одиле свободно двигаться по всему дому, и что впредь они не станут чинить ей препятствия в действиях. Одила же, как и все ее сверстницы, получившая начальное религиозное образование и соблюдавшая основополагающие требования законов ислама, не позволяла себе ходить к Исломиддину в его комнату. Только в отсутствие родителей спрашивала у него что-то, да через своих братьев отправляла ему чай и лепешки. Девушка была рада, что за время ее отсутствия Исломиддин поправился намного и теперь может самостоятельно передвигаться. Бывало, что иной раз, когда дома не было родителей Одилы, и Исломиддин осмеливался смотреть на девушку. Хотел беседовать с ней более свободно, но опасался своего положения пленного. Боялся, что вдобавок к своему положению пленника могут его еще и оклеветать, и тогда ему не миновать какого-нибудь жестокого наказания. Положение Исломиддина смахивало на состояние овцы, которая находилась посреди волчьей стаи, и достаточно малейшего повода, чтобы голодные волки набросились и растерзали ее. Потому Исломиддин каждый свой шаг, каждое свое слово тщательно взвешивал, прежде чем сказать или сделать.

Между тем не прошло и недели, как Масъуд прислал человека, и Исломиддина увезли в Панджшер. При отбытии Одила вышла провожать Исломиддина. И когда Киёмиддин повернулся в сторону Каабы, чтобы благословить Исломиддина на добрый путь, Одила, улучив момент, попросила брата Шамсулхак передать Исломиддину сверток с кулчами (колобок), испеченными самой Одилой еще вчера специально для Исломиддина.

Николай целых три месяца пробыл в доме Киёмиддина. И при прощании вспомнил, что за все время пребывания здесь он ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из семейства Киёмиддина обращался к нему неподобающим образом. За это Николай был благодарен Киёмиддину. Приложив руки к груди, Николай от всего сердца поблагодарил Киёмиддина за все то хорошее, что они сделали для него:

- Киёмиддин Сохиб! Согласно мусульманским обычаям, я прошу вас простить меня за причиненные вам неудобства и поблагодарить за всю доброту вашу, какую вы оказали мне, за то, что вы поделились со мной в своем доме и последним своим куском хлеба! Кто знает, что случится со мной в последующие дни моего пребывания здесь. Потому прошу вашего благословения!

- Благословляю тебя, Исломиддин! Да хранит тебя Оллох! Омир Сохиб – человек доброй души. Над пленными не допустит издевательств. Я говорил ему о тебе. Тебе не причинят никакого вреда. Оллох даст, еще свидимся, будешь навещать нас. Как только представится возможность, приходи к нам, как к своему другу и брату.

Попрощались с Исломиддином Шамсулхак, Парвиз и Нурулло.

За несколько дней до этого события Киёмиддин был в Панджшере и оттуда вернулся домой не с пустыми руками:

- Масъуд интересовался Исломиддином. как только я ему рассказал о его состоянии здоровья, что и как с ним, Масъуд сказал, что его, как и других пленных, отпустит на волю. – поведал тогда Киёмиддин жене. – Да, так и сказал: «Пусть идет, куда желает. Нам он не причинил никакого вреда. Плюс к этому, так он еще и ислам принял. Этот его поступок уже выше всяких похвал! Пожелает, пусть останется с нами. Нет, так сам волен решать, как ему поступить дальше!»

Хамида, в свою очередь, сообщила об этом дочери. Одила, уповая на свою судьбу, все еще надеялась, что Исломиддин хоть чем-то ответит на ее любовь. Стесняясь прямого с Исломиддином разговора, Одила на листочке призналась ему в своей любви, сложила листочек вчетверо, положила в платок вместе с кулчами. И через Шамсулхака передала ему и свой сверток с письмом. Девушка видела и знала, что Исломиддин изучал персидский алфавит, читает на нем книгу. Она была уверена, что или в пути, или в зиндане Исломиддин найдет в узелке платка и ее письмо и обязательно прочтет его. Эта мысль несколько успокаивала ее, и она надеялась, что и Исломиддин ответит ей положительно. Сердце, во всяком случае, так ей подсказывало.

Исломиддин уехал, и Одиле показалось, что дом для нее вовсе опустел. Надежда, как говорится, умирает последней. Одила решила дождаться ответа Исломиддина. Будь этот ответ положительным или отрицательным, она будет жить надеждой на лучшее.

Час спустя, Исломиддин вместе с прибывшим за ним парнем прибыли в Панджшер и вместе зашли в мечеть кишлака Бозорак, где по какому-то случаю собралось много народа. Они вошли в мечеть. Его, Исломиддина, в числе еще двенадцати таких же, как он пленных, доставленных из других мест Афганистана, отвели в угол мечети. Указывая на Исломиддина, председательствующий собранием обратился к мужчине, стоявшему напротив Исломиддина. Это был невысокого роста мужчина, лет тридцати – тридцати пяти, хорошо одетый, в одежде моджахеда:

- Омир Сохиб, это и есть тот самый Исломиддин! И по этому обращению Исломиддин понял, что этот самый невысокий мужчина и есть тот самый знаменитый Ахмадшах Масъуд. Исломиддину не раз приходилось слышать о Масъуде разные истории. Но видеть его самого ему еще не доводилось. И мысленно представлял его себе мужчиной богатырского телосложения, одетого в генеральский мундир. Исломиддину никак не верилось, что этот скромного вида мужчина и есть тот самый прославленный полководец Ахмадшах Масъуд. Исломиддин понял, что эти минуты для него судьбоносные.

Масъуд с головы до ног осмотрел Исломиддина. Молодой переводчик, пришедший за Исломиддином в Поранди, в эти минуты стоял рядом с Масъудом. Кроме него в мечети все другие лица были незнакомы, чужие.

- Вас, тринадцать пленных шурави, с этой минуты я объявляю свободными! – громко сказал Масъуд, и переводчик перевел его слова на русский язык.

- Можете идти хоть в свои воинские части, хоть к себе на родину, или в другую страну. Ваша на то воля. Хочу лишь заметить вам. Если задумаете вновь воевать с афганским народом и вновь окажетесь в плену, пеняйте на себя! Да хранит вас Оллох!

Это были последние слова Масъуда, и собравшиеся люди начали покидать мечеть. Пленные тоже вместе со всеми вышли во двор. Исломиддин был последним в этой группе. Он знал, что настало время намаза, и как любой верноподданный мусульманин он должен совершить два ракаата намаза, посвятив их людям, построившим эту мечеть. Не выходя из мечети, расстелил свой молитвенный коврик. Не успевшие выйти из мечети люди, видели это и удивились, указывая друг другу на него. Мол, смотри, как кафир принял ислам, стал мусульманином и теперь не хуже любого мусульманина соблюдает законы ислама.

Это известие сразу дошло и до Масъуда, стоявшего во дворе. Зная, что Исломиддин принял ислам, узнав о том, что сейчас он совершает намаз, обрадовался. Он стал дожидаться, пока Исломиддин закончит намаз и выйдет во двор.

У выхода из мечети Исломиддина лицом к лицу встретил сам Масъуд:

- Исломиддин, что это был за намаз, который ты совершил? – спросил его Масъуд.

- Омир Сохиб, это были два ракаата, посвященные строителям данной мечети. – на понятном языке дари ответил Исломиддин.

- Да благословит тебя Оллох! – сказал Масъуд. – Ты первый пленный шурави, кто принял ислам и стал мусульманином. Скажи, что думаешь делать дальше, как поступить? Как-никак ты теперь человек свободный.

- Омир Сохиб, я никуда не собираюсь отсюда уехать. Если можно, я останусь здесь. – несколько просящим тоном сказал Исломиддин.

- Ты сам волен решать. Если здесь останешься, будет еще лучше.

Говорят, ты хорошо разбираешься в марках оружия шурави. Если не возражаешь, в наших школах будешь обучать наших моджахедов, как обращаться с этим оружием. Ты согласен?

- Омир Сохиб, как прикажете, так с удовольствием и поступлю.

- Хусайнхон! – позвал Масъуд. И к нему подошел молодой человек. – Отведи Исломиддина в наш учебный центр, объясни ему его задачи. Пусть учит моджахедов-новобранцев как обращаться с легким видом вооружения. Заодно приготовьте ему место для отдыха, обеспечьте хозяйственной утварью. Пусть останется с нами. До свидания, Исломиддин!

Простившись с Исломиддином, Масъуд вышел на дорогу. Переполненный радостными чувствами, Исломиддин, провожая Масъуда взглядом, стоял как вкопанный, забыв даже проститься с ним.

Хусайнхон привел Исломиддина в Саричу, в учебный центр моджахедов. Ознакомил его с выкопанным кирками и лопатами прямо на склоне горы помещением, предназначенном для учебных занятий и попросил дождаться здесь новобранцев. Мол, прямо сейчас он может приступить к занятиям.

- Исломиддин, по окончании занятий спать, отдыхать будешь прямо здесь. – объяснил ему перед уходом Хусайнхон. Исломиддин осмотрел помещение.

Хусайнхон вернулся поздно. Некоторое время Исломиддин подождал его у входа со свертком, полученным от Шамсулхака перед уходом из Поранди. Походил немного из угла в угол. Раненая нога начала побаливать. Сел на камень. Хотел было положить сверток рядом, как заметил, что кончик платка связан в узелок. Пощупав его, понял, что внутри что-то есть. Развязав узелок, Исломиддин вынул оттуда сложенный лист бумаги, прочитал: «Исломиддин! Я привязалась к вам со дня вашего прихода в наш дом. Мать запретила мне увидаться с вами. Она сказала, что по шариату ислама мусульманке запрещено выходить замуж за кафира. Из-за этого и моей любви к вам, я заболела, чуть было не сошла с ума. Что было дальше, знаете сами.

Тысячу раз благодарна Оллоху за то, что вселила в ваше сердце любовь к Оллоху, и вы приняли ислам, стали мусульманином. Сегодня, когда вас уводят от меня, не знаю, что будет со мной. Не видя вас, я однозначно сойду с ума.

Этим письмом хотела сообщить вам, что до конца дней своих буду жить мыслями о вас.

Ваша Одила»

-Что за день такой светлый подарил мне Всевышний! – сунув письмо в карман, едва слышно произнес Исломиддин.

Действительно, этот день выдался для Исломиддина днем радости и благоговения. Столько времени он только и думал о том, как сделать, чтобы выжить. А сегодня сам прославленный Масъуд взял, да и смилостивился над ним, сделал его самым счастливым человеком на земле, освободив из плена. Вдобавок к этой доброте сказал еще, что может поехать, куда душе его будет угодно. «Но мне ехать некуда. Везде люди КГБ СССР. Они достанут его хоть из под земли, раз уж он на свободе и если задумает куда-нибудь поехать. И тогда ему, Николаю, не миновать тюрьмы и клейма

«Изменник родины». Уж лучше будет, если он останется с Масъудом. С одной стороны он не будет с оружием в руках идти воевать, с другой стороны при окончании войны, может, представится и возможность вернуться на родину.

А сейчас на весь белый свет осчастливила его Одила. В Афганистане до сегодняшнего дня у него не было ни жизненной опоры, ни светлой надежды на завтрашний день. И теперь Одила станет той опорой и надеждой.

Что касается красавицы Наташи, видно, не судьба, что он не сможет теперь связать с ней свою судьбу. И неизвестно, сколько еще времени ему суждено жить в этой чужой стране. Может, на всю жизнь останется здесь. При этом еще и Одила призналась ему в любви. Что в этом плохого? Одила, как и Наташа, такая же красавица, каких еще и мир не видывал, наверное» - размышляя так, от переполненных его сердце радостных чувств Исломиддин не знал что и делать.

Он был рад, что Хусайнхона еще не было, и он теперь может собраться с мыслями. Плохо было то, что ему не с кем было поделиться этой своей радостью. Он вспомнил, что Масъуд, оказывается, был в курсе его предыдущих дел, и к тому же в мечети сам лично наблюдал за тем, как он совершал намаз, а потом сам лично разрешил ему остаться здесь. Теперь, в его положении, для Исломиддина не было мест на свете священнее, нежели Панджшер и Поранди. «Что поделаешь, если судьбе угодно было забросить его в песчаный Багром. И безвинно виноватый, он оказался в плену? Красавица Наташа, наверное, тоже еще ждет его. Кто знает, какая судьба уготована ей в будущем? Да и Одила ей ни в чем не уступает. Такая же стройная и красивая, как Наташа. Какие же у нее длинные черные волосы? Достают аж до самых колен. Девушка влюблена в меня, а я не знал! - улыбаясь, думал Исломиддин. – Даже чуть было с ума не сошла от любви ко мне! Правда, со слов ее младших братьев я знал, что она болеет. Но и духом не ведал, что я сам являюсь причиной ее болезни».

Только теперь Исломиддин понял, что и в этой чужой стране он кому-то дорог и очень нужен. Но его тут же опечалила другая мысль: «Меня же из Поранди привели сюда, то есть нас с Одилкой разлучили. Но ничего в этом плохого нет. Останусь жив, доберусь до Поранди от силы займет где-то час-другой. Теперь я свободен, куда захочу, туда и пойду. В самый дорогой теперь для меня дом, в дом Киёмиддина, считающийся для меня теперь домом надежды, готов хоть на крыльях лететь!»

Видать, жизнь и состоит из таких вот больших и малых радостей и печали. И ради них стоит и жить. Мне теперь надо жить и ради достижения любви Одилы. Получается, что до сегодняшнего дня, не имея на то права и возможности сделать лишнего шага, я опять обрел себе оковы. И теперь этими оковами является любовь Одилы?

Ничего, слава Оллоху, период жизни, приговоренный к смерти, закончился. Теперь для меня началась новая полоса жизни. И эта полоса, слава Всевышнему, должна стать светлой, обрести новые светлые очертания!..» - вывел для себя Исломиддин.

Глава XIV

**Мурѓи шикастаболам ронѐ ба осмон ку,
Дар рўзи бекасињо ёрони менрубон ку?
Гар бар замин нинам сар, ку гўшаи фароѓат?
В-ар бар фалак гурезам, асбобу нардбон ку?**

**Раненная птица где путь в небеса,
Где ласковая подруга в дни одиночество.**

**Как ложусь где найти мне покой,
Как уйти в иной мир и как найти туда путь.**

Конец осени выдался слегка холодным. По своему жизненному опыту жители кишлаков ущелья Панджшера хорошо знали, что по всем приметам зима в этом году наступит раньше обычного и будет холодной. Вместе с делами по хозяйству, они были заняты и

приготовлением запасов дров на зиму. Знали, что, начиная с первых снегов до наступления Навруза, зима будет лютовать, и, чтобы выжить до весенней оттепели, им мучений не избежать, если заранее не запасутся дровами. Плюс к таким неудобствам, причиняемым природой, добавляло людям забот и хлопот и их нищенский уровень жизни, бедность, доставшиеся им от войны.

Окидывая взором всю окрестность, обнаруживая, что вокруг лишь одни горы, каменные утесы, скалы, да голая земля, невольно поражаешься той стойкости, с которой живут люди в этих кишлаках, и не один или два года. Если в былые годы относительного спокойствия, когда не было воин, люди спускались на заработки в долины, в другие кишлаки, города, чтобы запастись на зиму всем необходимым, то теперь были лишены и этой возможности.

Нет-нет, да вспоминали старожилы и притчу такую: Тысячу лет назад до правления Султон Махмуда Газнави, тюркские и мангитские интервенты называли ущелье Панджшер Кичкином. И с той поры осталось в памяти людей такое двустишие:

**Ба Кичкин марав, эй писар, зиннюр,
Ки суми самандат шавад пора пор.
Ки дарёи пурхашм дорад ситез,
Гиёне надорад ба луз санги тез.**

**О молодец, не ходи в Кечкин никогда,
Копыта коня растеряется весь.
Что у бузующей реки намерение плохое,
Нет растений кроме острых камней**

Местами, на берегах реки Панджшер, берущей свое начало с родников и снегов северо-восточного Гиндукуша и Бадахшона и спускающейся до самых низовьев, лишь небольшой кусочек земли люди очистили от камней, засыпали землей, обработали под свои огороды, засеивали пшеницей. Соломы и сена, собранных с этих участков, хватило и скотине.

Кроме этого жители кишлаков сажали вокруг своих домов и плодовые деревья, пользовались их плодами. В холодную же зиму эти самые деревья спасали их и от лютых морозов, защищая вместе с тем и от жесточайших холодных зимних ветров. Так они и жили в своих низеньких глинобитных и каменных домиках.

Наблюдая за их хозяйством, их повседневной жизнью, поражаешься опять их стойкости. В этом ущелье, начисто лишенном любых условий для человеческой жизни, люди живут веками. Лишь прекрасный климат и чистейшая питьевая вода, которые имеются здесь, вот то единственное, что отличает ущелье Панджшер от других мест Афганистана, и которому могут позавидовать люди из других провинций страны. Может быть, это и удерживало жителей кишлаков в этом ущелье. И так веками прижились здесь люди, обрели себе родину и не могут себе представить жизнь в другом месте, пусть даже намного богаче, чем здесь.

Дорога, протянувшаяся вдоль реки Панджшер, единственная нить, связующая города и кишлаки юга Афганистана с северными провинциями. Гордый непокорный народ, живущий в этом ущелье, является единственной преградой на пути врагов, стремящихся к рудникам лазурита, находящимся чуть выше Панджшера и служащим населению источником их существования в трудные периоды жизни. И это не случайно. Своей ценностью здешний лазурит издавна привлекал внимание богачей и сильных мира сего. Кольца и серьги, другие дорогие вещицы, изготовленные из этого металла, пользуются особой популярностью у богачей, королей и других состоятельных людей мира.

Некогда основным занятием молодежи этих кишлаков была и охота. Им, молодым, тоже было, на кого охотиться. Много живности и дичи было в горах. И, ясное дело, у каждого дома были и охотничьи ружья, и кинжалы. Хорошо ими владели и

пользовались. Бывало, что и в дни свадеб и особых торжеств устраивали соревнования по стрельбе.

Ущелье Панджшер узкое и тянется до ста километров. Двигаясь по нему, кажется, что острые пики горных вершин аж нависают над головой и вот-вот готовы сорваться. Каждый, кто с плохими намерениями ступает в это ущелье, никогда не останется вне поля зрения смелых и отважных молодых охотников, как свои пять пальцев знающих здесь каждую тропинку, скалу, с детских лет обученных метко стрелять.

Отличие населения кишлаков ущелья Панджшер от жителей других провинций заключается в том, что все они происходят от одной общей для всех семьи. Все они состоят между собой в родственных отношениях. Отсюда и их сплоченность, единство во взглядах и действиях, характере, их взаимное уважение, послушание старших.

Передавая все эти качества из поколения в поколение, они сохранили свою самобытность и не допустили, чтобы хоть чья-то поганая нога ступала и растоптала этот народ, его нравы и обычаи. И сами, сколько помнят себя, ни разу не зарились на чужое богатство, не шли оружием на соседние с ними кишлаки.

В тот пасмурный холодный вечер, когда небо заволкло черными тучами, Масъуд вызвал к себе Солеха Мухаммада и Хусайнхона из кишлака Бозорак.

- Солехджон, вместе с Хусайнхоном предупредите всех моджахедов, чтобы к утру были здесь. Есть весьма важный разговор. – обратился к ним Масъуд, как только они вошли в его землянку.

- Омир Сохиб, - Солех Мухаммад осмелился было возразить. – все нынче заняты покосом, уборкой урожая и находятся вдали от своих домов. Да и темнеть начинает уже. Как мы сейчас их всех найдем-то?

- Инструкции таковы! – сказал Масъуд. – Вы идите вдоль ущелья, сообщите их домашним. Они потом предупредят тех, кто на уборке. Пусть хоть до полночи, хоть до глубокой ночи. До утра они должны собраться. Это важно. Знаю, в нынешних условиях неудобно отвлечь людей от дел. Но мы вынуждены собраться. Нынче дорог каждый час. Можем и опоздать. Иного выхода у нас нет. В добрый путь! Да хранит вас Оллох!

Солех и Хусайнхон вышли из землянки Масъуда. Вдобавок к холодному ветру начал накрапывать и дождь.

- Было бы лучше, если бы вместо нас послал кого-нибудь другого. – сказал Хусайн, обращаясь к Солеху. – Только что вернулись из Соланга. Уставшие, разбитые, изможденные. Теперь опять в путь! Невезучие мы с вами, Солех Мухаммад.

- Ладно уж, чего мне жалуешься-то? Если не хочешь, почему не сказал самому Омиру Сохибу? – попытался успокоить друга Солех Мухаммад.

- Ему невозможно возражать. – оправдывался Хусайн. И подумав о чем-то, добавил: – Ладно, ничего страшного не будет, если еще ночь не поспим. Возьмем только лошадей. Раз уж так срочно, значит, и дело важное. А к трудностям нам уже не привыкать. Пошли, возьмем что-нибудь съестное и в путь!

Вернулись они под самое утро. Взглянув в окошко, увидели Масъуда занятым чтением Корана.

- Пока лучше его не беспокоить. – сказал Солех, сойдя с лошади, чтобы совершить утренний намаз. Хусайн тоже привязал свою лошадь к тутовнику и тоже пошел за ним.

Дождь перестал накрапывать. По-прежнему стоял густой туман. Сквозь густой пелены тумана стали просачиваться лучики солнца. Светало. Постепенно стали просматриваться жилища людей, рассыпанные по склонам ущелья и вдоль реки.

Закончив чтение Корана, Масъуд вышел из землянки. Узнал и о возвращении Солеха Мухаммада и Хусайнхона. Понял, что за ночь они намучились предостаточно.

Успокаивал Масъуд себя тем, что они еще молоды и ночь, проведенная ими без сна, не так уж вредна их здоровью: «Перекусят что-нибудь, попьют чай, и усталость, будто рукой снимет» - подумал он.

- Заходите, Регистони! – обратился Масъуд к Солеху, и сам первым прошел в землянку. Минуту спустя он вышел оттуда и вместе со своими спутниками направился к кишлачной мечети.

По дороге в мечеть Масъуд вспомнил, что по законам ислама утренний намаз он должен был совершить в мечети вместе со всеми. Но из опасения, что еще темно, а до мечети было далеко, и не исключено, что враги готовят на него покушение, намаз совершил в своей землянке. «Нынче много врагов развелось у меня. - думал Масъуд. – Хотя и нахожусь я у себя на родине, осторожность не помешает в моем положении. Наверное, из-за таких вот опасений и этой ночью плохо спалось мне»: После вечернего намаза пошел проведать семейство дяди. Побеседовал с ними. И там долго задержаться не смог. Хотя целую неделю не был у себя дома, и туда не смог заглянуть, ходил в сторону Фархора и кишлаков, расположенных вдоль берега реки Пяндж, беседовал с людьми, поделился с ними своими планами. Вернувшись домой, хотел было эту ночь провести у себя дома, но мысль о готовящемся на него покушении не давала основания успокоиться, терять бдительность. Вернулся в свою землянку, и здесь же переночевал.

Эти мысли не давали ему покоя, возможности расслабиться хоть на какое-то время. Складывающаяся ситуация заставляла его быть предельно осторожным. Он понимал, какую тяжелую ношу ответственности за судьбы людей взвалил на свои плечи. Теперь он должен был заботиться о себе не столько ради своей личной безопасности, сколько ради безопасности населения всех кишлаков, расположенных в ущелье Панджшер. Люди надеялись на него, связывали с ним свою судьбу, свою жизнь. Чувствуя эту ответственность, он считал своим долгом заботиться и о них, думать и действовать так, чтобы ни в чем не ошибиться. И то, что он попросил всех жителей кишлаков переселиться в эту холодную пору в другие места, исходило не от каких-либо догадок и личной прихоти Масъуда, а здравый ум и точный расчет, основанный на достоверных сведениях, подсказывало ему пойти на такой шаг.

Неделю назад надежные люди донесли ему, что шурави готовят очередное, седьмое по счету, наступление на Панджшер. Узнав об этом, Масъуд потерял покой. Он вновь представил себе весь ужас картины предстоящего боя. Не знал теперь, как предотвратить это наступление. Мысленно задавался вопросами относительно причин такого поведения шурави и никак не мог найти им объяснений. Сослаться на подписанный и заключенный с шурави мир? Но и этот факт не мог сослужить ему утешением. Масъуд не верил этим бумагам, будучи на себе испытанный их силу и влияние, зная, на какие уловки и вероломство способен их враг.

«Не раз и не два, а целых шесть раз напали на это ущелье. Убили множество людей, разрушили их дома. Но кроме, как тысячи убитых и искалеченных солдат и офицеров своих отсюда вы ничего другого не смогли взять. – мысленно обращался к своим врагам Масъуд. Население Панджшера не преклонило перед вами колени, не стало вашим рабом. Наоборот, мы победили вас. Вы вынуждены были пойти на мировую, заключить мир с моджахедами Панджшера. Смогли захватить весь Афганистан. Но здесь, в этом захолустном ущелье, застряли. Вас, вершителей судеб людских, остановила, заставила преклонить перед собой колени всего лишь горстка молодых моджахедов! Вы не смогли сломать хребет Панджшера, Панджшер переломил вам хребет, опозорил вас на весь мир! Вы еще не знаете, что я в курсе ваших дел и знаю все о вашем предстоящем вероломном наступлении на Панджшер. Из достоверных источников знаю точно, что в этом наступлении вы задействуете немного немало 200 самолетов-истребителей, бомбардировщиков и вертолетов, 1200 единиц бронетехники, более десяти тысяч солдат и офицеров пехоты. Что ж, приходите, посмотрим, как река Панджшер будет наводнена людской кровью! Приходите, я жду вас! Приходите и знайте, что еще ни одна вражеская нога не прошла по этому ущелью на север Афганистана. Не пройдете и вы! Здесь вы найдете свою погибель! Пока кровь течет в

моих жилах, не допущу, чтобы ваша нога ступала по могилам наших отцов и дедов. ...»

- такими мыслями Масъуд переступил порог кишлачной мечети.

Мечеть была полна народом. Имам-хатиб выразительно читал суры Корана, комментировал прочитанное. Все внимательно слушали его. Несколько человек заметили приход Масъуда и хотели, было встать, но Масъуд жестом руки остановил их. Чтобы не помешать им, Масъуд сел в углу и тоже стал слушать.

Закончив чтение суры, в знак благодарности за воздаяния, имам-хатиб вознес руки к небу, поблагодарил Всевышнего за ниспосланное и пошел навстречу Масъуду:

- Добро пожаловать, Омир Сохиб, в святую обитель Оллоха. Вы по-прежнему так же скромны, как и были. Было бы лучше, если бы прошли вперед. Извините, что, занятый чтением сур Корана, не заметил вашего прихода. – обратился к Масъуду имам-хатиб.

- Это вы меня извините, что из-за меня прервали проповедь. – поправил Масъуд, вставая навстречу имам-хатибу.

- Это все к добру, Омир Сохиб! – заметил имам-хатиб. – Вы вовсе не помешали.

Наоборот, порадовали нас своим визитом!

- Слава Оллоху, к добру это, домуллох! – сказал Масъуд. – Нас сюда к вам привело одно важное дело. Да простит меня Оллох, послал людей, чтобы собрали жителей Панджшера у меня. А к вам, как к своим односельчанам, пришел сам!

- Мы тоже рады видеть вас, Омир Сохиб. – сказал имам-хатиб. – Да хранит вас Оллох! Мы благодарны вам за то, что охраняете наш мир и покой. Молимся всегда за вас Оллоху! Да хранит вас Оллох! Когда к вам прийти? Прямо сейчас или чуть позже?

- Прямо сейчас. Пока из дальних кишлаков еще не пришли, вы успеете попить дома чай и прийти ко мне.

- Хорошо! – из уважения приложив руки к груди, сказал имам-хатиб и вышел вслед за Масудом во двор.

Во дворе его окружили односельчане. Интересовались его жизнью, бытом, заботящими его делами. Видно было, что Масъуда очень уважают, почитают за честь поздороваться, поговорить с ним. Оглядываясь по сторонам, обведя взглядом людей, Масъуд увидел одни знакомые ему лица. Это и понятно было. Детство, отрочество юность и молодые годы его жизни прошли в этом кишлаке Джангалак, в кругу этих вот самых людей. Седобородые старцы помнят его аж с младенческих лет. Прямо на их глазах и рос он, знал всех поименно, и с каждым из них что-то связывало его. Он не пожалел, что сам пришел пригласить своих земляков на собрание, а не послал кого-то другого.

Когда Масъуд пришел к своей землянке, там уже собралось много народу. Как доложили Солех Мухаммад и Хусайнхон, пришли не только моджахеды, но и седобородые аксакалы кишлаков, главы семейств, другая молодежь.

Сквозь пелены рассеивающихся туч просачивались лучики солнца. Было холодно.

«В горах, наверное, ночью шел снег, что так холодно» – подумал Масъуд.

Поздоровавшись со всеми, Масъуд прошел в свою землянку и вышел обратно.

Остановился на возвышении, чтобы всем было видно его, и обратился к собравшимся:

- Прошу прощения за то, что вынужден был потревожить вас в столь неудобное для вас время. И послужили тому причиной весьма веские обстоятельства, складывающиеся сейчас. Подумал, что решение возникшей проблемы невозможно без вашего согласия.

Потому, не собрав и не побеседовав с вами, я не смогу решить ее!

Всем вам известно, что после долгих сражений и кровопролития, благодаря героизму ваших детей и братьев на полях битвы, мы заставили шурави заключить с нами мир, прекратить кровопролитие. Мы с ними договорились, что в течение года они не нападут на Панджшер. Однако не прошло и месяца, как мы с вами стали свидетелями того, как их самолеты и вертолеты бомбили наши кишлаки. Это свое вероломство шурави объяснили тем, что якобы по чьей-то ошибке нас бомбила авиация правительства Кормала. «Ладно уж, черт с вами!» - сказали мы им в ответ. Простив их, в этот раз мы

поверили им. Но надежные люди сообщили нам, что шурави готовят очередное, крупномасштабное наступление на Панджшер. И в этот раз шурави вместе с правительственными войсками Бобрака Кормала намерены подавить, уничтожить все живое по всему ущелью Панджшер. А что это значит, мы с вами уже знаем по своему прошлому опыту. Они хотят убрать нас с вами с дороги, ведущей на север страны. После того, как уничтожат нас и захватят северные провинции страны, весь Афганистан будет в их подчинении.

Я и до этого знал, что шурави не оставят нас в покое. Поэтому какое-то время провел и на севере Афганистана. Там имел беседу с руководителями регионов, кишлаков, авторитетными людьми. Вместе с населением этих кишлаков создали там свои боевые укрепления. Просил их поддержать нас в этой нашей борьбе. И самое главное, попросил их, когда для нас наступят трудные времена, разместить в своих кишлаках население кишлаков ущелья Панджшер. Они согласились!

Сегодня настал тот день, когда мы с вами должны покинуть свои дома и отправиться в безопасные места. С датой наступления своих войск шурави определились. В срочном порядке вы должны покинуть свои кишлаки. Когда начнутся боевые действия, вам уже не удастся сделать это без риска для жизни.

Поэтому, убедительно прошу вас! Чтобы избежать печального конца, как можно скорее уберите урожай и в срочном порядке покидайте свои дома, кишлаки! Теперь я слушаю вас! – Масьуд замолк, обведя взглядом собравшихся.

- Омир Сохиб! – из толпы раздался голос старика Махсиддина из кишлака Аъноба. – Омир Сохиб, с первых дней войны жители кишлаков Панджшера выбрали вас руководителем фронта, и по сей день они находятся под вашей защитой! Вы и впредь являетесь нашим руководителем, и мы доверяем вам нашу судьбу! Оллох свидетель! Как вы скажете, так мы и поступим!

- Омир Сохиб! Мы все на вашей стороне, согласны с вами! – воскликнули другие из толпы.

- Вы наш предводитель и советник! Как скажете, куда скажете, так и сделаем, туда и пойдем! – поддержали другие голоса.

- До вашего прихода сюда, мы тут посоветовались с командирами моджахедов и пришли к такому выводу. – вновь обратился к собравшимся Масьуд. – Прямо сейчас, придя домой, сообщите всем, чтобы начали приготовления к переселению. Кроме моджахедов в кишлаках никто не должен оставаться. Все должны на время покинуть свои дома! Шурави своими бомбами намерены перекопать все ущелье, не оставить в живых никого! Поэтому, чтобы выжить, кроме, как на время покинуть свои дома, мы другого выхода не нашли. Повторяю, дорог каждый день и каждый час. До наступления холодов в Панджшере кроме моджахедов никого не должно остаться! Заберите с собой все, что можете нести!

И еще одна, убедительная просьба. Обо всем этом никому чужому ничего не говорите. Иначе подлый и хитрый враг наш тоже не дремлет. Предпримет и свои хитрые уловки, чтобы обмануть нас с вами.

За пределами своих кишлаков никто из вас не останется без крыши над головой! Люди в других кишлаках временно приютят вас! Как я уже говорил вам, в течение одной недели я был в сопредельных с ущельем Панджшер кишлаках. Как гласит народная мудрость, друзья познаются в беде. Беседовал с аксакалами этих кишлаков, их руководителями, объяснил им наше с вами положение. Они все согласились приютить вас в своих домах. Если кому-то в чем-то будет трудно, обратитесь прямо к нам. Чем сможем, тем и поможем. Да хранит вас Оллох!

Масьуд замолчал. Он знал, что этой печальной вестью еще больше омрачит и без того тяжелое настроение жителей кишлаков. Но он прекрасно осознавал, что иного выхода при создавшемся положении нет. Мол, пусть на время поживут вдали от дома, хозяйства своего, но останутся живыми, нежели быть при своем хозяйстве, но с риском

для жизни. А народ этот, судя по историческим фактам, веками жил в таких вот условиях и привык к таким лишениям и трудностям.

Он хорошо осознавал и другую истину: Раз уж народ этот доверил тебе свою судьбу, будь добр, оправдай его доверие.

Простившись с людьми, Масъуд направил свой взор на склон горы Мунджахар и увидел солнечный диск. Постоял так некоторое время, призадумавшись над чем-то, потом вошел в свою землянку, сел на табуретку. «Что еще осталось не законченным? – мысленно задавался вопросом Масъуд. – Раз уж моджахеды здесь, сегодня же надо поговорить с ними»

Даже при встрече с собравшимися жителями кишлаков Масъуд не мог сказать им все, что он думал и знал. Он знал, что и среди этих людей есть шпионы, подсланные к нему или шурави или людьми Бобрака Кормала. И если они узнают о его планах, то руководство армии врага обязательно примет какие-то адекватные меры, что может помешать ему, осуществить задуманное. Одной из характерных особенностей Масъуда как раз и было то, что он вплоть до последних минут перед началом какого-то дела мог держать тайну в строжайшем секрете. Даже от своих ближайших командиров. И этим его качеством восхищались не только его командиры, но и высшие офицеры во вражеском стане. «Тайна, которую знают двое, это уже не тайна! - не раз он повторял уже когда-то услышанную и знакомую фразу и всякий раз твердил своим подчиненным: – Пусть каждый сверчок знает свой шесток!»

Как раз в это самое время он почему-то вспомнил и о пленном, который содержался у Киёмиддина и сейчас находился рядом с его телохранителями. Решил, прежде чем поговорить с молодыми моджахедами, поговорить с Исломиддином:

- Приведите ко мне Исломиддина!

- Ассалому-алейкум! – переступив порог землянки, Николай поприветствовал Масъуда на языке дари и остановился лицом к лицу с ним.

- Ваалейкум бар салом! Как самочувствие? – также поприветствовав Николая, спросил Масъуд.

- Слава Оллоху, самочувствие хорошее, Омир Сохиб.

- Говорят, научился читать и писать на языке фарси?

- Научился чтению «Алифбо» (Букварь), читаю «Чоркитоб» (Четверокнижие). Слава Оллоху, теперь упражняюсь в чтении Корана. Молюсь регулярно.

- Кто тебе помогает в этом?

- Дети акои Киёмиддина. Потом Солех Мухаммад прислал мне книги. – несколько смущенным тоном ответил Николай.

- Ручка, тетрадь есть?

- Да, есть, Омир Сохиб.

- Почему не вернулся в свою воинскую часть?

- По законам Советского Союза меня арестуют и посадят в тюрьму. Хочу остаться здесь, служить вместе с моджахедами. Слава Оллоху, принял ислам, стал мусульманином. Как говорят моджахеды, вы дали мне имя Исломиддин. Я с радостью принимаю это имя. И если вы, Омир Сохиб, разрешите, останусь с моджахедами.

- Я в курсе твоих дел, Исломиддин. – сказал Масъуд. – Скажу Солеху Мухаммаду, чтобы ты, как инструктор, обучал моджахедов владению оружием. Хочешь остаться с моими телохранителями? – серьезно спросил Масъуд. – Я все время испытываю затруднения из-за отсутствия переводчика с русского языка на дари. Если у тебя есть желание, вместе с тем, как будешь инструктором и моим телохранителем, будешь еще и моим переводчиком. Если когда-нибудь тебе это надоест, скажешь, освободим. Что на это скажешь?

- Что вы прикажете, то и сделаю. Буду служить и делать то, что вы считаете достойным для меня. – сказал Николай, как моджахеды уважительно приложив обе руки к груди.

- Иди, скажи коко Тоджиддину, чтобы выдал тебе оружие. И будь вместе с моими телохранителями. Поступил мужественно, благородно, тебе ответят тем же! Понял меня, Исломиддин? – спросил Масъуд.

- Я благодарен вам, Омир Сохиб! – сказал Николай и весьма довольный исходом беседы, вышел было из землянки, как Масъуд остановил его:

- Исломиддин, продолжай изучать Коран. Коран – послание Творца-создателя. Сказал, что регулярно молишься. Это правда?

- Да, Омир Сохиб. Молюсь регулярно. Да услышит мою молитву Оллох!

- Это хорошо. Я принес тебе книги. У себя на родине читал книги?

- Да, иногда читал, понемногу.

- Не понемногу читать надо, а заняться этим надо регулярно и больше. Чтение развивает мышление и мировоззрение. Бери вот эту книгу. – протягивая Николаю книгу, сказал Масъуд. – Она напечатана на фарси. И читать тебе будет легко, и алфавит выучишь заодно. Горького читал, знаешь?

- Алексея Максимовича Горького изучал в школе, знаю.

- Здесь его произведения «Детство», «В людях», «Мои университеты». Солеху Мухаммаду отдал как-то «Избранное Гафиза», чтобы тебе передал. Бери у него, читай, выучи газели наизусть.

- Хорошо, Омир Сохиб. Гафиз – поэт высокого полета.

- Оказывается, знаешь его! Это хорошо. – отметил Масъуд, задумавшись. – С родителями переписываешься?

- Письма отправляю, а ответов от них не получаю. Скорее всего, мои письма до них не доходят. Не исключено, что представители советской службы безопасности перехватывают мои письма. Однажды у Киёмиддина получил письмо от командующего советскими войсками Бориса Громова. Он приказывал мне вернуться в свою воинскую часть. Мол, он гарантирует мне свободу. Я отказался. Я не верю им. Если вернусь, арестуют, лишат меня свободы. Вы добры ко мне, Омир Сохиб. Я никуда не хочу уходить. Если вы разрешите, останусь вместе с моджахедами.

- Да, они способны на любые подлости. – поддержал его Масъуд.- Надо искать пути и связаться с родителями, чтобы они знали, что ты жив и здоров. В этом мире человек живет надеждой. Кто знает, может, обстоятельства будут складываться так, что представится и такая возможность, и ты вернешься к себе домой, на родину.

Я в курсе всех твоих дел и твоего жизненного пути. Этот француз Кристоф де Понфилий своими фильмами прославил тебя на весь мир. Поэтому советское командование так забеспокоилось и ищет к тебе подходы. Важно, что ты благородный и мужественный человек. Оллох даст, представится возможность, отправлю тебя на родину. Тогда и жить будешь по-другому. Не случайно кто-то из великих писал как-то:

**Кунад намлинс бо намлинс парвоз,
Кабутар бо кабутар, боз бо боз.**

**У каждого рода своё однородье,
Голубь с голубкой, сокол с соколом.**

Еще об одном спрошу тебя. Ты только не стесняйся и говори правду. Какие чувства связывают тебя с дочерью Киёмиддина?

- От вас ничего не утаишь, Омир Сохиб. Одила влюбилась в меня. Она тоже мне нравится.

- Ее зовут Одила?

- Да, Омир Сохиб.

- Ты, действительно, благородный мужчина, Исломиддин. С таким благородным сердцем ты обязательно обретешь счастье. Готовься, сам засватаю ее тебе. Жизнь скоротечна. Да и возраст твой подходящий. Да еще чужестранец ты. Сколько мучений пришлось терпеть тебе вдали от родины, от родных и близких, в огне войны и

кровапролитий. Кто знает, что случится с нами завтра? Если создашь семью, может, и наследник какой от тебя останется, след какой-то оставишь о себе.

- Омир Сохиб, я теперь не считаю себя чужестранцем,. Привык уже к этим местам, не мучаюсь никак.

- Кому ты это говоришь, Исломиддин? Мне тоже, как и тебе, когда-то пришлось скитаться по другим странам, вкусить этот горький хлеб. Знаю, это очень тяжело. До конца дней своих не забуду, как не смог присутствовать на похоронах матери. Ее хоронили, а я в этот день находился в Пакистане и не смог попрощаться с ней. ...

Таковыми вот соображениями руковожусь, когда говорю, что сам буду женить тебя. Ты, Исломиддин, будешь счастливым человеком! Ладно, до свидания! Можешь идти.

- До свидания! – ответил Николай и, окрыленный произведенным впечатлением, вышел из землянки. Он был безмерно рад, что Масъуд засватает за него Одилу, и жизнь его потечет по новому руслу. Счастливее себя он другого более не представлял. До сегодняшнего разговора он считал себя полностью оторванным от родины, от родных и близких. Однозначно считал, что по возвращению на родину его сразу арестуют и посадят в тюрьму. И вспомнилась ему военная присяга, которую он принял:

«...Если я нарушу эту мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара Советского закона и ненависть трудящихся. ...» Вспомнил текст присяги и ему показалось, будто только вчера он стоял в строю и с автоматом на груди в торжественной обстановке произносил эти фразы и подписывался под текстом присяги. И этот документ во время судебного процесса будет основным свидетелем, на основании которого гуманный суд Советского Союза вынесет свой вердикт.

После беседы с Масъудом что-то опять екнуло под грудью у Исломиддина. Он опять вспомнил свой родной Некрасовск, родителей, близких. Будто они заново родились для него. И вместе с тем, Исломиддин открыл для себя и нечто другое, святое, сокровенное: Никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах ему не забыть эти самые дорогие и близкие для него образы. Они всегда с ним.

Когда Масъуд освободил из плена и предоставил ему полную свободу выбора, Николай заново пересмотрел и сравнил свое нынешнее положение с тем, какое могло ожидать его на родине, если он примет решение вернуться туда. О суровости законов Советского Союза он знал не понаслышке. Ему сразу вспомнилась отчего-то страшная участь, постигшая военных заключенных городов Мари и Кушки Туркмении. Вспомнил и напрочь выбросил, было из головы и мысль о возвращении на родину. Но тут вспомнил и другую фразу Масъуда относительно представившейся возможности и складывающихся условий для его возвращения на родину. Как говорится, времена меняются, меняются и люди. Не исключено, что наступят и такие времена и будут созданы такие условия, когда его возвращение может быть вполне осуществимым делом, без каких-либо тяжелых последствий для него. Где-то в подсознании у Николая вновь вспыхнул огонек надежды:

«Так ведь кроме отца и матери, единственной сестры на этом свете у меня из родных больше никого нет. – думая, размышлял Николай. – Еще и любимая Наташа. Боже, с той счастливой беззаботной поры, что я провел на родине, сколько времени-то прошло? От родителей, от Наташи до сих пор ни одного письма не получил. А ведь каждый месяц пишу им и одноклассникам письма, а ответов нет. Может, из войсковой части отправили им письмо с извещением о моей смерти? Может, мои сослуживцы Валерий и Виктор сообщили моим родителям, что я убит? Но ведь о нашем выходе из расположения воинской части кроме старшины никто не знал, и никто ничего не ведал о том, что случилось с нами потом.

А Масъуд утверждает, что по фильмам француза Кристофа де Понфилия меня уже знают по всему миру. Действительно, Кристоф снял фильм о моем нынешнем положении, о том, что я думаю о войне в Афганистане. Неужто и его показывали в

Советском Союзе? Пропавши все это пропадом, главное, чтобы родители узнали, что я жив.

Нет, нет! Фильм Кристофа ни за что не будут показывать у нас на родине. Ибо в фильме этом – одно сплошное разоблачение грязной захватнической политики Советского Союза. ...» - такого рода размышления не давали Николаю покоя. А после беседы с Масъудом огонек надежды вновь блеснул перед его взором.

Нынче, вспоминая церемонию своих проводов в армию, Николай понял, что он по сравнению с тем периодом своей жизни возмужал, и теперь каждое слово матери понимает по-другому, как благословение: «Сынок! Береги себя при любых обстоятельствах! У меня кроме тебя больше никого нет на этом свете! Кроме тебя больше некому гроб мой нести!» Больно кольнула его сердце прощальная фраза матери. Будто само собой, как пленка кино, прокрутил в памяти все пережитое. И невольно пришел к выводу, что от самого прибытия в Афганистан до сегодняшнего дня он только и делал, что следовал наставлениям матери, благодаря чему и остался жив. А ради чего, он не считал важным размышлять про это, ибо все уже было ясно. «Мать! Ты великая женщина!» - восклицая, Николай мысленно обращался к ней.

... Теперь все свое время Исломиддин проводил рядом с Масъудом. С каждым днем он открывал в Масъуде человека необыкновенного, почтенного, заслуживающего уважения. Перед Исломиддином предстал не тот великий и прославленный полководец, о котором ходили легенды, которого уважали как свои, так и враги, а простой обыкновенный мужчина, каких тысячи. Но во много раз умнее, прозорливее других, глубоко разбирающийся в психологии и натуре людей, тактике руководства людьми, отлично понимающий тактику и стратегию ведения боя с противником, во много раз превосходящим его войско, как по численности, так и по боевому оснащению. Плюс ко всему этому, Исломиддин заметил, что не было и дня, когда Масъуд по какой-либо причине не совершал бы обряд намаза или откладывал бы его на время. В обращениях с людьми он был весьма прост, учтив и вежлив. Никогда не повышал голоса. Всегда был чист и опрятен. В одежде был скромен, и одевался как все другие моджахеды. Неприхотлив был и в еде. Питался простыми блюдами, какие всегда были под рукой. Часто ограничивался даже куском лепешки и пиалкой зеленого чая. Сколько помнил Исломиддин, не было и ночи, чтобы Масъуд дважды ночевал в одном и том же месте. По поступающим ежедневно сообщениям он понимал, что на него готовят покушение. Враг не дремал. Во вражеском стане намечались мероприятия, разрабатывались планы по его физическому устранению. И всякий раз коса их находила на камень, планы рушились. Благодаря четкой работе своих верных людей во вражеском стане, Масъуд всякий раз на один или два хода опережал своих недругов, заставлял их ошибиться, и террор не удавался. Он прекрасно отдавал себе отчет, что во имя спасения жизни людей, доверивших ему свои судьбы, не имеет права рисковать своей жизнью. Поэтому всегда действовал весьма осторожно, о своих планах и предстоящих делах ни с кем не делился.

По сложившейся раз и навсегда привычке, день свой он начинал с утренним пением петухов, когда солнечные лучи с востока только начинали очерчивать гребни гор Гиндукуша. Совершив омовение и закончив обряд намаза, час с лишним проводил над чтением Корана. Завтрак его тоже был неприхотлив. Ограничивался лишь миской молока, пиалкой чая и куском лепешки. Затем начинался его рабочий день. Отдавал поручения, слушал отчеты командиров, совершал обходы участков, встречался с людьми. Так продолжалось до последних солнечных лучей. И всегда в кармане носил книжку с творением великих мыслителей Востока. Большей частью брал с собой «Избранное Гафиза».

Наблюдая за образом жизни Масъуда, Исломиддин тоже решил во всем следовать ему, ибо этого требовали сложившиеся обстоятельства. Все время находясь рядом с Масъудом, Исломиддин иначе жить и действовать не мог. Согласовывая свой образ

жизни с Масъудом, он стал замечать, что с каждым днем его поведение, его действия все больше становятся похожими на других моджахедов. Улучшается его самочувствие, здоровье. Выходило, что плен сказан в его жизни положительным образом. Заслужить доверие людей своего окружения это для Исломиддина означало остаться в живых. Моджахеды не только не убили его, наоборот, приблизили к себе. А сам Масъуд не только поверил, но и доверил ему свою личную безопасность. «А ведь я, хотел того или нет, когда-то являлся врагом Масъуда. – делал выводы Исломиддин. – А этот человек своим благородством и мужественностью из врага смог сотворить друга. Может быть, и те стихотворные строчки, которые часто твердит Масъуд, сказаны не случайно:

**Ба даст овардани дунё нунар нест.
Якero, гар тавонї, дил ба даст ор.**

**Завоевание мира, это не ремесло,
Если сможешь, завойю сердце одного.**

Да, человеческое общество помнит много воин и героев. Но такого, как Масъуд, умеющего прощать своего кровного врага и сотворить из него верного друга, по-моему, в истории такие случаи, если и были, то единичны.

Пока в моих жилах течет кровь, до конца жизни буду верен Масъуду, служить его идеалам, его религии. ...»

Глава XV

**Назор кофила они санар кунад шабгир,
Ки нолаам бирасонад ба дараи Панлшер.
Дар он диёр, ки борад зи осмонаш хун,
Дар он диёр, ки рӯяд зи хоки он шамшер.
Дар он диёр, ки хуршед нар санар сояд
Лабин ба хоки шанидони канрамони далер. ...**

**Сколько бы не стонал ночной ветер,
Что донесет его стои до пешеоы Панжшен.
В том краю, где льётся с небо кров,
В том краю где солнцем утром коснётся.
Лбом своим могиль павщих борцов.**

Лютовала зима. Был канун нового года по христианскому летоисчислению. В этом горном крае никто и не помышлял отметить эту дату, ибо абсолютное большинство населения исповедовало ислам. А по мусульманскому календарю до нового года Навруз впереди еще было несколько месяцев. Только один Исломиддин вспоминал, но ни с кем не делился воспоминаниями, как отмечали новый год у него на родине. Принял ислам, стал мусульманином, вроде и наступление нового года по христианскому календарю не так уж должно его волновать. Но не мог. Душа все еще тянулась к своим истокам, в былое прошлое, когда всем Союзом, вместе с другими нациями и народностями, несмотря на разницу в вероисповедовании, ежегодно отмечали эту дату. Вспомнил и былое выражение: «Как встретишь новый год, так и проведешь его!» Но как само наступление нового года по христианскому календарю, так и его празднование были чужды населению кишлаков ущелья Панджшер. Кроме, как солдаты и офицеры сороковой советской армии, как в Панджшере, так и по всей округе, никто не отмечал это празднество. Исломиддин, привыкший по-иному встречать эту дату, понял это и по самой атмосфере, царившей вокруг.

К этому времени Масъуд уже точно знал, что тщательно запланированное и подготовленное крупномасштабное наступление на Панджшер, утвержденное министерством обороны СССР и одобренное Политическим бюро ЦК КПСС, сороковая

армия шурави намерена начать сразу же после наступления нового года. О точной дате начала операции Масъуд узнал за сорок восемь часов до ее начала. К этому времени он уже успел закончить все дела по переселению населения в безопасные места. Дома, кишлаки по всему ущелью Панджшер опустели. Стороннему наблюдателю могло показаться, что в кишлаках не осталось ни одного человека, ни одной живой души. Все было тихо, пусто. Но Масъуд знал, что это далеко не так. Жители трех домов, находящихся под холмом Сарича, что у верховьях ущелья, ни за что не хотели покинуть свои дома. Тетя Зевар была одна из них. Сколько ее не уговаривали соседи, эта гордая, с особым упорством женщина так и не согласилась покинуть свою обитель. На то, правда, были и свои веские причины. Муж ее болел и его, тяжелобольного, нелегко было переносить с места на место. Соседи хотели, было помочь ей и с машиной, но она так и настояла на своем:

- В чужом краю мне с мужем будет еще тяжелей, чем здесь. Если Оллоху угодно забрать к себе наши души, уж лучше здесь, чем вдали от родной обители. А пока жива, вместе с дочерью Тоджинисо и невесткой будем печь лепешки для моджахедов. Это как же будет, если мой единственный сын Джамил останется здесь с моджахедами, а я уеду на чужбину? Сказала «Не пойду!», значит, не пойду! Все, больше не отговаривайте!

Заррагуль и Мохитобон, соседки Зевар, видя, что эта умная и мудрая женщина остается, тоже остались в своих домах.

«Кто знает? Может, их тоже Зевар уговорила остаться, чтобы испечь лепешки моджахедам?» - окинув взглядом ущелье, мысленно спрашивал себя Масъуд. За этой картиной моджахеда наблюдали уже сверху, перебираясь на другую южную сторону горного хребта, покинув ущелье, чтобы на время и самим обезопаситься.

За два дня до окончания срока договора о прекращении боевых действий между моджахедами и советскими войсками в ущелье Панджшер советская сторона начала боевые действия. Советские войска начали наступление, желая полностью реализовать план, тщательно подготовленный в течение одного года.

Ранним утром два боевых вертолета облетели ущелье. Не прошло и много времени, как шурави начали штурмовой бомбовый удар. От взрыва снарядов дальнобойной артиллерии, казалось, содрогнулось все ущелье. Столбы дыма и пыли поднялись над ущельем. Так продолжалось два с лишним часа. Вскоре над окутанным пылью и дымом ущельем появились истребители-бомбардировщики. Освободившись от своего смертоносного груза, одни, скрываясь за горизонтом, уходили в аэродромы Кабула, Багрома, Шинданга и Термеза, тут же на их месте появлялись другие.

**Алайни мо сафи тайёра меомад,
Ва бўи ланги як сайёра меомад.**

**Против нас стая железных птиц летела,
В воздухе запахло мировой войной.**

... В это самое время, когда советская боевая авиация обрабатывала ущелье Панджшер, за горным хребтом, в ущелье Поранди, на другой стороне ущелья Панджшер армия Масъуда в две с половиной тысячи моджахедов спокойно выжидала, когда закончится эта акция шурави. Масъуд ждал, когда завершит свое дело авиация, и в ущелье вступят сухопутные части врага.

...Обработка ущелья авиацией и тяжелым орудием продолжалось непрерывно, целый день. Единственными свидетелями всей этой картины стали маленькое семейство тети Зевар и женщины-соседки, оставшиеся в кишлаке, чтобы испечь лепешки для моджахедов. Как только началось наступление, тетя Зевар всполошилась, не знала, то ли самой спрятаться от бомб и снарядов, то ли дочку Тоджинисо с невесткой упрятать куда, причитая, умоляя Оллоха беречь их. Увы, ей так и не удалось вырвать своих родных из безжалостных когтей смерти. Ее больной муж и невестка Арус были убиты осколками упавшего снаряда. Живыми остались она сама со своей дочерью

Тоджинисо. Как только стало утихать немного, Зевар встала, пошла искать своих близких. Погибшую невестку она нашла под завалами обрушившейся стены дома. Здесь же нашла и тело больного мужа. Оба трупа сама Зевар вынесла на веранду. Она уже не плакала, все это делала молча. Будто и чувств никаких у нее уже не осталось. Под вечер, после сумеречного намаза пришли соседки Мохитобон и Заррагуль, тоже пожелавшие остаться в кишлаке, чтобы испечь для моджахедов лепешки. Увидев эту картину, они тоже остались и сели рядом с трупами. В полночь за лепешками пришел Джамил и узнал о случившемся. В это самое время Зевар как бы очнулась, пришла в себя. Обняла сына и громко зарыдала, головой билась об стену, запричитала, сожалела о рано ушедшей из жизни невестки, унесшей с собой и не родившегося еще ребенка. Только теперь Заррагуль и Мохитобон поняли, почему Зевар все это время держала руку над сердцем невестки и молчала. На какое-то время после смерти невестки ребенок был еще жив. Зевар держала руку над сердцем, чтобы, умирая, ребенок не мучился. Об этом своем горе она знала сама. Не желая ни с кем поделиться этой страшной истиной, она вся ушла в себя. Потому и молчала. Как только пришел сын Джамил, Зевар дала волю своим чувствам, разрыдалась. ... По ее причитаниям и действиям соседки решили, что она сошла с ума. И причину этого ее горя они видели не в смерти невестки, а в предсмертной агонии так и не успевшего родиться маленького человечка. ...

Оба трупа похоронили рано утром, прямо во дворе дома под тутовником, опасаясь быть замеченными самолетами и вертолетами шурави, с раннего утра кружившими над ущельем.

А до этого был вечер дня предыдущего, когда самолеты и вертолеты шурави, отбомбившись, улетали прочь. Закончив сумеречный намаз, Масъуд привел своих моджахедов к южным склонам ущелья Панджшер. И, начиная с кишлака Гулбахор, моджахеды приступили к минированию всех участков дороги, ведущей к самой конечной точке ущелья и по которой завтра советской бронетехнике и пехоте предстояло двигаться вглубь ущелья.

К этому часу Масъуд уже знал о смерти мужа и невестки тети Зевар. Других потерь у Масъуда не было. Не успела рассеяться предутренняя мгла, как моджахеды закончили минирование. Масъуд теперь ждал наступления своего часа. Теперь, считал Масъуд, шурави сначала предстоит сражение с тысячами минами, а не с моджахедами. Две с половиной тысячи моджахедов, вооруженных, как говорится, до зубов, заняли свои боевые позиции на склоне горы и ждали прибытия войск шурави, чтобы понаблюдать за тем, как они будут воевать с этими минами.

Вечером того же дня командиры советских эскадрилий бомбардировщиков-истребителей доложили генералу Б. Громову, что в ущелье Панджшер не осталось ни одной живой души. Мол, нападение это для душманов было столь внезапным и мощным, что они не смогли даже опомниться и оказать сопротивление, разом были уничтожены, и завтра советские войска беспрепятственно могут войти в ущелье и направиться в северные провинции Афганистана. Потерь среди советских экипажей нет.

Все были довольны таким развитием событий. В штабе Бориса Громова вспомнили, что эта победа знаменательна еще и тем, что она была добыта без единой потери со стороны советских войск. В предыдущих же боях в Панджшере советские войска встречали на своем пути такое яростное сопротивление моджахедов и несли столько потерь в живой силе и технике, каких не было в других провинциях Афганистана. В честь этой своей победы командующий сороковой армией Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане, генерал Борис Громов устроил в своей резиденции в Кабуле торжественный ужин. Генерал вместе со своими командирами до глубокой ночи отмечал успешное завершение первой и основной фазы операции.

Ранним утром следующего дня прохладу утренней тишины прорезал гул двигателей машин и бронетехники. Прошло несколько минут, и сквозь завесы легкого утреннего тумана легко можно было различить, как из-за горного склона возле кишлака Гулбахор в ущелье Панджшер въехала голова колонны советского военного транспорта с флагами на башнях впереди двигавшихся танков и БТР. Сто единиц боевой техники, три тысячи солдат и офицеров пехоты въехали в ущелье, чтобы довершить дело, начатое авиацией и артиллерией.

В этой движущейся колонне наметанный глаз Масъуда сразу вычислил бронетехнику и машины с установками «Катюша» и залпового огня «Град». Тяжелые танки преодолели первые сто-сто пятьдесят метров. В эту самую секунду ущелье потряс грохот взрывов двух противотанковых мин. От взрыва разорвало гусеницу первого танка, и тяжелая машина, кружась на месте, опрокинула на бок и второй, сзади двигавшийся танк. Со склона горы видно было, как советские солдаты всполошились. Думая, что по танкам стреляли из гранатометов, солдаты начали беспорядочную стрельбу по холмам и горным склонам. Действительно, в это самое время из-за скалы на какие-то секунды показался моджахед с гранатометом. «Оллох Акбар!!!» - раздался его возглас, и вслед за грохотом залп ударил в бок следующему танку. Тяжелая машина загорелась. Вышедшие из строя танки загородили собой дорогу, заставив колонну остановиться. Запаниковали солдаты и офицеры, находящиеся на борту грузовиков. Соскакивая с машин, пехота вела беспорядочный огонь по склонам горы и близлежащим холмам. К ним присоединились танки, боевые машины пехоты и БТРы, ведя такой же беспорядочный огонь из своих пушек и крупнокалиберных пулеметов. В грохоте взрывов снарядов советские солдаты не разобрали, как залпами из гранатометов моджахеды вывели из строя и сзади идущие танки. Движение вперед на этом узком участке было закрыто. Подбитые замыкавшие колонну танки закрыли и пути отступления назад.

- Убрать подбитый танк с дороги! – громко крикнул по рации старший офицер, находящийся в танке, идущем сзади. И четыре пехотинца, придерживая длинный трос, подбежали было к горящему танку, чтобы отбуксировать его в сторону. Выпущенная по ним автоматная очередь двоих сразила наповал. Видя, как в смертельной агонии корчатся их сослуживцы, двое оставшихся в живых тут же спрятались за подбитым танком. Из-за танка и они начали, было отстреливаться, как тут же стали легкой добычей моджахедов, устроившихся между скалами, на правом берегу реки Панджшер и ожидавших своего часа. Находящиеся у подножья холма, советские солдаты и офицеры, их бронетехника были видны моджахедам, как на ладони. Они становились для них живыми мишенями. Заработали снайперские винтовки, автоматы, пулеметы и гранатометы моджахедов.

В эту минуту над ущельем показались советские боевые вертолеты. Держась на недосыгаемой для гранатометов и ДШК высоте, вертолеты начали обстрел горных склонов. Укрываясь в своих окопах, моджахеды были готовы и к такому развитию событий. Ракетные снаряды, сбрасываемые вертолетами по позициям моджахедов, все летели вхолостую. Моджахеды лишь наблюдали за их грохотом и брали на мушку солдат и офицеров, спрятавшихся за валунами, засуетившихся внизу возле своих машин, бронетехники.

Видя, что попытка взять на буксир и оттащить в сторону подбитый на дороге танк не удалась, старший офицер приказал танкисту столкнуть его в реку и тем самым освободить дорогу другим. По приказу командира четвертый, пятый, десятый, сороковой, пятидесятый и сотый танки выдвинулись вперед. Не успел пройти и десяти метров, как грохотом мощного взрыва мины ведущий танк был чуть приподнят на бок, затем вновь тяжело опустился на землю и загорелся. Видя это, следующие за ним танки остановились. Видимо, была дана какая-то команда всем экипажам, что все тридцать – сорок танков одновременно повернули стволы своих орудий в сторону скал

и начали обстреливать склоны горы. Казалось, от грохота взрывов снарядов содрогнулось все ущелье. Огромные столбы дыма, пыли взметнулись ввысь. И так продолжалось где-то двадцать – двадцать пять минут.

Наблюдая за происходящим, командиры советских воинских частей, видимо, были довольны таким развитием событий, что сочли необходимым дать команду выступить еще тремстам своим пехотинцам, подняться на склоны горы, чтобы добить укрывшихся там между скалами душманов. Не успев сделать десяти – двадцати шагов по склону холма, как одна за другой стали взорваться мины. Солдаты видели, как от каждого взрыва в воздух поднимались тела их сослуживцев, подорвавшихся на минах. Эта страшная картина, видимо, обескуражила их настолько, что остальные остановились, не решаясь двигаться дальше. Но в следующее мгновение поняли, что и эта их задумка не вполне эффективна, ибо теперь они становились уже живыми мишенями для снайперов и пулеметчиков душманов, расположившихся в своих окопах. Им теперь ничего не оставалось делать, как прятаться за валунами и ждать, когда утихнет стрельба.

Советские войска, вступившие сегодня в ущелье, вовсе и не думали отступать. По итогам еще вчера проведенной ими операции и поступившим сведениям, они были уверены, что в ущелье Панджшер не осталось ни одного живого существа, и некому будет оказать им, какое бы то ни было, сопротивление. Складывающаяся же ситуация внесла в их действия определенную сумятицу. Они на какое-то время потеряли контроль над развитием событий. Все шло теперь не по их сценарию. Разом заработали все радиостанции, имеющиеся у командиров экипажей бронетехники и пехоты. Все они докладывали своему начальству о реальном положении дел. Ожесточенное сопротивление духов, с которым столкнулись советские воинские подразделения уже у входа в ущелье Панджшер, ввергло в глубокое смятение и генерала Громова, и других военачальников Советских подразделений. Борис Громов, казалось, на какое-то время утратил способность четко осмыслить складывающуюся ситуацию, чтобы сделать отсюда необходимые для себя выводы, скорректировать дальнейшие действия своих подчиненных. Но в ту же минуту понял, что необходимые выводы были сделаны не им, а его главным врагом, Масъудом. Б. Громов хотел, было выругаться матом, но, оглянувшись, сдержался. Еще раз, обведя взглядом сидящих, смеющихся, курящих своих помощников-генералов, понял, что они еще не в курсе происходящих событий. Б. Громов закурил. Едва сдержав свой гнев, чтобы не выдать своих чувств, он вышел на балкон.

Полковник Сиротинин, по радиостанции сообщивший Б. Громову о ситуации, складывающейся в Панджшере, в приемной генерала ждал дальнейших распоряжений. Глубоко затягивая дым сигареты, Громов хотел этим как-то успокоить свои нервы. Но в данный момент не помогала и сигарета. Его мозг, казалось ему, не в состоянии был вместить разом наплывшую нагрузку, своим громадным объемом тяжело давившую на психику: «Сотни убитых солдат и офицеров, потери в технике и вооружении, печальные слухи, дошедшие до Москвы, до министра обороны и Политбюро! – думал Б. Громов. – Позор на всю страну, на весь мир! Надо же! Я – генерал Громов, и еще четыре опытных генерала, даже генерал Гордеев, участвовавший и победивший в Великой Отечественной войне – и все мы не смогли сломить, справиться с одним Масъудом и его босоногими голодранцами! Будь он проклят этот Масъуд! Каким же все-таки недостижимым он стал для нас, черт подери его! Рассказать ли этим безбожным дряхлым тупорылым генералам о ситуации в Панджшере? – задался вопросом Б. Громов, выбросив окурок сигареты. – Объяснить или нет, от этого и толку-то никакого. Лучше уж промолчу пока и дам команду войскам не отступать ни на шаг. Это уже седьмое по счету наступление на Панджшер, и столько же раз терплю поражение. Смог покорить весь Афганистан, а с одним Масъудом и ущельем Панджшер никак не могу справиться! Позор!»

Анализируя весь свой план операции по захвату Панджшера, итогам вчерашнего наступления, Б. Громов на все сто процентов был уверен в своей окончательной победе над Масъудом, и думал, что дорога в северные провинции Афганистана уже открыта. Он теперь понял, что, думая так, глубоко просчитался. Только теперь он понял, что Масъуд вместе со своими моджахедами вовсе и не пострадал. Наоборот, избрав другую тактику ведения боя, он переиграл нас, застал нас врасплох и теперь может уничтожить все наше войско. Распорядившись не отступать ни на шаг, Б. Громов решил, во что бы то ни стало, каких бы то жертв это ни стоило ему, разом и навсегда покончить с Масъудом и его моджахедами.

«Надо иметь мужество признать, что до сих пор никому не удалось сломать хребет Масъуда. И не только мне, но и всем другим советским командирам. Своей отвагой и мужеством Масъуд еще раз доказал, дал нам понять, что наше вторжение в Афганистан – ошибочное, принудительное, незваное ...» - думал Б. Громов, как нить его размышлений прервал голос его заместителя:

- Товарищ генерал! Вас просит полковник Петров Николай Васильевич из Панджшера! Б. Громов вошел в свой кабинет.

- Уже при въезде в ущелье потеряли четыре танка, два БТРа и сотню солдат убитыми. Все вокруг заминировано! Не можем и шагу двигаться вперед! Товарищ генерал, если дальше идти, все поголовно погибнем! – в трубке раздался голос полковника Петрова.

Б. Громов хотел, было отдать приказ отступать, как вспомнил наставления Маршала Советского Союза С. Л. Соколова, некогда первым вступившего в должность командующего Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане:

- Громов! Если не разрешишь проблему Масъуда и Панджшера, подаешь в отставку! И он обратился к полковнику Петрову:

- Полковник! Пока жив хоть один солдат, категорически запрещаю отступать! Пусть все оружие пропадет пропадом! Только вперед! Ни шагу назад! Понял меня, Петров?!

- Так точно, товарищ генерал! Вас понял! – ответил Петров, и Громов положил трубку телефона. Вновь закурил и вышел на балкон. Он понял, что ему тесно в кабинете, воздуха здесь не хватает ему. Кашлянув, Б. Громов понял, что и здесь ему не так уж уютно как хотелось бы: Пыльная буря затмила собой весь Кабул.

Масъуд как всегда находился возле своей землянки на горном склоне напротив кишлака Аъноба и, наблюдая в бинокль за ходом боя, руководил действиями своих моджахедов. После того, как были подбиты два головных танка, следующие в колонне транспортные средства пытались шаг за шагом двинуться дальше, вперед. И с каждым шагом натыкались на мины. Каждый очередной взрыв поднимал на воздух или транспортное средство, или солдат и офицеров, случайно напоротившихся на эти мины. Вдобавок к этим трудностям моджахеда своим прицельным огнем сверху не давали советским солдатам поднять головы, сориентироваться в местности, согласовывать свои действия. И в итоге советские части несли большие потери.

Складывающаяся картина боя разворачивалась прямо перед глазами командующего частями советских войск, задействованных в операции, полковника Петрова. Как кадровый военный, имеющий опыт ведения боя и в условиях Афганистана, Николай Васильевич прекрасно понимал всю пагубность своих последующих действий. Но он прекрасно помнил и приказ генерала Громова: «Ни шагу назад!.. Только вперед!..»

Сражение продолжалось. Получив приказ о продолжении наступления и продвижения вперед, лязганье гусениц БМП и танков возвещало о том, что вновь возобновилось движение, но не прошло и минуты, как раз за разом вновь раздалось два страшных взрыва. Танк, расстелив сзади гусеницу, начал кружить и остановился, закрыв собой путь следующей за ним колонне. Между тем ни на секунду не смолкала перестрелка. Число советских военнослужащих, сраженных автоматными и пулеметными очередями, меткими снайперскими выстрелами, росло на глазах. Видя безысходность положения, некоторые военнослужащие бросались в бурлящую холодные волны реки Панджшер,

становились легкой добычей природной стихии. Другого выхода, кроме как принимать брошенный моджахедами вызов, у советских солдат и офицеров не было. И они вынуждены были принять бой, поминутно редая в численности солдат и единиц боевой техники. Отступить назад – по-прежнему приказа не поступало, идти вперед – это однозначно равноценно было идти на мины, на верную смерть. И пока они находились здесь, не прекращали стрельбу и моджахеда, занявшие удобные позиции на склонах холмов с обоих берегов реки. Когда вся советская колонна длинной полосой в два километра расстелилась по ущелью, моджахеда начали обстреливать ее из гранатометов.

Сверху уже невооруженным глазом можно было определить, что под густой черной пеленой дыма, поднявшейся уже над ущельем, горит советская колонна бронетехники и пехоты, взятая в огненное кольцо. Горело все – и подбитые танки, БМП, БТРы, автомашины, и люди, громко кричащие и бежавшие, сами не знающие куда бежать и, не найдя другого пути спасения, бросающиеся в волны реки. И река уносила их тела. На какое-то время можно было видеть, как барахтались они в бурлящих волнах буйной реки. А потом исчезали из виду. То ли уходили ко дну и тонули, то ли уплывали дальше, в надежде, что останутся живы, выплывут где-то, подальше отсюда. ...

Солнце еще не успело опуститься за гребень горы, как в дом тети Зевар за лепешками для моджахедов пришли Джамил, Солех Мухаммад и Хусайнхон. Сверху из кабины боевого вертолета летчики заметили этих троих моджахедов, видели, в какой дом они вошли. Совершив круг над кишлаком, вертолет пошел пикировать этот дом. Две выпущенные ракеты, взорвавшись, начисто слизнули половину дома, разрушив оставшуюся часть. Пулеметная очередь, казалось, должна была добить находившихся там людей. Конечно, если они еще оставались живыми. Сделав еще один круг над кишлаком, не заметив движения людей, убедившись, видимо, что в живых никого уже не осталось, вертолет улетел в ту сторону, где шел бой.

Солех Мухаммад и Хусайнхон поднялись из под завалов, осмотрели, пощупали себя. Они были целы и невредимы. Лишь у Хусайнхона была поцарапана голова. Оглянувшись по сторонам, увидели и Джамилу, лежавшего чуть дальше от них, в углу. Подойдя к нему, на животе Джамилу увидели зияющую рану – осколком снаряда ему разорвало живот. Он был мертв. Тетя Зевар тоже не пострадала. Она вышла из внутреннего дома, стряхнула с себя пыль и пошла искать свою дочь Тоджинисо. Не было и Заррагуль с Мохитобон. Хусайнхон и Солех Мухаммад тоже пошли искать и нашли обеих убитыми у калитки, в луже крови и грязи. Не найдя свою дочь дома, Зевар выбежала во двор и остановилась как вкопанная. Тоджинисо ее лежала прямо посреди двора. Увидев ее, Зевар никак не хотела верить, что ее дочь мертва. Подбежала, увидела свою дочь в крови, бездыханной. ...

О случившемся узнал и Масъуд. И в полночь он сам пришел в дом к тете Зевар. Она сидела над изголовьем четырех трупов. Масъуд присел рядом. Слова в таких случаях были лишними. Молчаливая картина трагедии сама говорила за себя. ...

И в это самое время сотни таких же трупов лежали на дороге у входа в ущелье Панджшер. Над этими телами никто пока не склонял голову. Никто не оплакивал этих убиенных, ибо это были тела советских солдат и офицеров, чьи родные и близкие находились за тысячу километров отсюда, и они еще не знали о случившейся с их родным дитя трагедии. Оплакивать их будут потом, со всеми почестями, какими положено провожать покойных в последний путь. И пока они еще не знали об этой трагедии, несколько дней они могут жить спокойно, думой о том, что их сын жив и скоро, наверное, вернется к себе на родину, домой!..

Глава XVI

Дард омаду ранъомаду нирмон омад,

**Абр омаду бод омаду борон омад.
Шуд хонаи зиндагӣ зи бунёд хароб,
Ман хуфта, ки сели хонавайрон омад.**

**Пришло боль и мучение, прошло и хирмон,
Тучи надвинулись счастье ветер подул и пошел дождь,
Разрушился дом жизни от основания,
Я в заблуждение, как ливень пошел разрушение.**

Обо всем, что случилось в тот день в ущелье Панджшер, средства массовой информации довели до мировой общественности. Мир восхищался мужественностью Масъуда и его сподвижников, стеной вставших против целой армии одной из сверхдержав мира. Знали обо всем этом по всему миру, но не в Советском Союзе. Для Советского Союза это было огромной трагедией, не делавшей честь как советскому военному командованию в лице министерства обороны, так и Политбюро ЦК КПСС, руководящему всей жизнедеятельностью этой огромной страны. И могущественный аппарат Комитета Государственной Безопасности СССР принимал все меры, чтобы информация об этой страшной трагедии не дошла и до умов советских граждан. Малейшее упоминание об этой трагедии жестко пресекалось, виновные привлекались к уголовной ответственности. Только по доставлявшимся в Советский Союз гробам люди узнавали, что кого-то из близких людей убили. Но в какой стране, на какой войне, никто не знал. География адресатов была настолько обширна, что если бы и за день по всему Советскому Союзу привезли сотни, тысячи таких гробов, никто и не догадался бы об истинных масштабах этой трагедии. Это были лишь капли в огромном море под названием Советский Союз. И сколько будет еще таких гробов, никто не мог знать. Война в Афганистане продолжалась, не видно было ее конца и края.

Несмотря на все потери, руководители Советского Союза вовсе и не помышляли о выводе войск из соседнего Афганистана. И было отчего. Советские политики в своей деятельности руководствовались более масштабными задачами, добывались более высоких целей, выходящих далеко за интересами отдельно взятого региона. И во имя этих своих высоких идей, они готовы были идти на любые жертвы. Цель, как говорится, оправдывала средства. Они опасались, что, если отступят назад, выведут свои войска, тут же на их место придут американцы, разместят здесь свои военные базы, установят свои ракеты, нацеленные на Советский Союз.

На этом фоне Фактор Масъуда и его моджахедов был для советских политиков не столь значительным, чтобы мог создавать для них какие-то серьезные помехи. Его считали объектом, который до поры до времени может помешать осуществлению планов, задуманных Советским Союзом. Далекому от большой политики мировых сверхдержав Масъуду было не до их разборок. Его, выходца из простого народа, всю жизнь прошедшего среди таких же, как он простых людей, на арену борьбы интересов мировых сверхдержав вывела не большая политика, а жизненные интересы таких же, как он сам, простых людей, волей судьбы оказавшихся в этом пространстве. Каждый из моджахедов, как и сам Масъуд, встал на защиту своей земли, родного дома, родных и близких им людей. Потому они и оказывали столь яростное сопротивление иноземным врагам, потому они и одерживали порой и локальные победы, что перед ними стояли конкретные цели и задачи, ради которых готовы были бороться с иноземными врагами до последнего вздоха. Этот фактор и послужил тем вдохновляющим мотивом, благодаря которому они в седьмой раз смогли свести на нет все усилия шурави по захвату ущелья Панджшер.

- ... Временно покидаем ущелье. – обратился Масъуд к своим командирам. – Пусть шурави спокойно забирают тела своих убитых солдат. Пусть и на родине у них знают, что означает прийти на чужую родину с мечом, чем чреват захват чужой земли, чужой родины! А мы уходим в безопасные места. И с наступлением весны, к празднику

Навруз, вернемся вновь. Чтобы обустроить свои дома, свой Панджшер. Думаю, полученный отпор шурави запомнят надолго. В этом бою мы им сломали хребет. Теперь им не выпрямиться, до седьмого колена они должны помнить это.

Прежде чем собратиться в путь, мы должны навестить мазары (кладбища), отдать дань уважения нашим предкам, прибывшим сюда некогда из Дахбеда Самарканда, обустроившим это ущелье и теперь упокоившимся в тех могилах. Весной мы обязательно вернемся, другой родины у нас нет!

После того, как похоронили родных и близких тети Зевар, Масъуд собрал моджахедов и известил их о своем намерении на время уйти в Андароб.

- Пусть шурави забирают тела своих убитых солдат. – еще раз сказал Масъуд. – Мне кажется, что они больше не сунутся в Панджшер. Готовьтесь, уходим все вместе. Хотя предстоит долгий и опасный путь, другого выхода я не вижу.

Затем Масъуд пошел к тете Зевар.

- Тетя Зевар, давайте собирайтесь, с нами пойдете, к нашим родственникам.

- Омир Сохиб, у меня кроме вас нет других родственников. Шурави всех убили. Теперь куда, к кому мне идти-то? Я не могу оставить здесь погибших родных. Оллох не простит меня!

- Солех Мухаммад, Хусайнхон, вы остаетесь с тетей Зевар. Сделаете все, что ей будет угодно. Нам необходимо идти. До свидания, тетя Зевар. – Масъуд не мог переносить слезы этой женщины, был убежден, что ему не удастся переубедить ее. Поручив Солех Мухаммаду и Хусайнхону заботиться о ней, Масъуд знал, что они отведут ее в кишлак Поранди, где смогут отыскать ей и крышу над головой.

Масъуд впереди, моджахеды за ним, все вместе покидали ущелье Панджшер. Пройдя между кишлаками Бозорак и Джангалак, увидев упавшие еще с детства знакомые дома, заборы и стены домов, на какую-то минуту Масъуд вспомнил и свое детство, прошедшее в беззаботной беготне между этими вот дворами, в этих домах, между этими заборами, вспомнил и людей, живших некогда в них. Сердце екнуло.

Уходя все дальше от родного кишлака, Масъуд углубился в размышления:

«Все равно шурави не уйдут из Афганистана. С божьей милостью, на этот раз постараюсь втянуть их в бой в окрестных с Панджшером ущельях северных провинций. Для этого сперва необходимо в Андаробе, Фархоре и Бадахшоне переговорить с местными улемами, руководителями волостей, населением, создать советы. Это значит, создать в регионе структуры управления и обороны будущего Афганистана.

Хорошо, что с пользой для дела использовали и временное перемирие. Благодаря нашей пропагандистской работе, теперь в наши ряды готовы встать не двести или триста моджахедов, а три тысячи. Их необходимо научить владеть оружием, тактике ведения боевых действий.

Шурави сейчас уподобились извивающейся раненой змее, жаждущей отомстить своему обидчику, не желавшей умереть, как стальная пружина сжимающаяся, чтобы нанести страшный смертельный укус. Новое правительство Афганистана жаждет того же. Потому и объединились они, чтобы добиться единой для себя цели.

А как обстоит дело с Хикматёром, Наджибом и другими группировками? Сам Хикматёр страшнее десятка вооруженных религиозных и партийных групп. Этот кровопийца вот уже двадцать лет, как враждебно настроен ко мне».

Неволью Масъуда, вышедшего победителем во вчерашнем бою, осенила мысль, что его теперь стали волновать не такие мелочи, как фактор Хикматёра или Наджиба, а другие, более масштабные задачи, проблемы глобального характера, решающие судьбы не отдельно взятого человека, а население региона, страны. Возникли же образы этих личностей перед взором Масъуда только потому, что в последующих сражениях желает он того или нет, вынужден будет иметь дело с этими первыми палачами Афганистана. Масъуд вспомнил, что впервые с Наджибом он встретился еще в детстве, потом в годы своей молодости, когда учился в политехническом институте

Кабула, встретился и с Хикматёром. С тех пор и продолжается вражда этих двух личностей с Масъудом.

Вот уже который год, как Хикматёр создал свою партию и собрал вокруг себя обманутых моджахедов. Занят он теперь грабежами и убийствами. А Наджибулло, несколько лет возглавлявший Государственную службу безопасности Афганистана, теперь поднялся еще выше по служебной лестнице. Эти двое всю жизнь пытались физически устранить Масъуда. Для этого готовы были не брезговать любыми методами.

Масъуд вспомнил и свое детство, когда вместе с Наджибулло каждый в отдельности имел свою футбольную команду, и почти каждый день играли на улице Кортаи Парвон Кабула. Не помнит, что было тому причиной, но однажды между ними разгорелся спор.

С того времени прошло много лет, и Масъуд отчего-то вспомнил и тот случай. «Детство. Какая же все-таки безмятежная пора нашей жизни! - сладостно вывел про себя Масъуд. – Да, не вернуть теперь нам той поры. Помнится, я собрал своих друзей и по всему полю разбросал камни, чтобы навредить своему сопернику. С того времени прошло много лет. Кто знал, что я сменю ручку и тетрадь автоматом, и по совету Хикматёра со студенческой скамьи политехнического института приду в Панджшер, всю свою жизнь отдам служению ислама, борьбе с коммунистами, а Наджибулло станет руководителем Государственной службы безопасности Афганистана, и наша детская вражда перерастет в обоюдную ненависть? И теперь вот уже, который год, мы воюем друг с другом. За это время его ведомство арестовало и пытало великое множество моих друзей, по приказу Наджибулло были убиты лучшие мои друзья-моджахеды.

Несмотря на всю свою кровожадность, у Наджибулло есть, хоть и небольшое, чувство патриотизма. Но Хикматёр кроме, как приносить людям горе, ничего хорошего людям не делал. Оказывается, мне легче свести счеты с самой могущественной державой мира, нежели найти противоядие Наджибу и Хикматёру. Они всю жизнь борются за карьеру, богатства, ради этого готовы на любую подлость.

Кто знает, может быть, после того, как покончим с шурави, судьба вновь сведет нас с этими двумя друзьями детства. И эта встреча означала бы начало кровопролитной битвы. А чтобы пойти с ними сотрудничать, во благо общества идти на мировую, даже не знаю, как себе и представить это.

Итак, почти десять лет, как я воюю с шурави, а Хикматёр – прихвостень пакистанцев, ждет, когда мы доведем войну до победного конца, и он войдет в Кабул, чтобы занять какой-нибудь высокий пост. И это тогда, когда Хикматёр имеет опытных, хорошо подготовленных моджахедов, бронетехнику, боеприпасы, но не сражается с врагами Афганистана. Да, это однозначно. Хикматёр ждет того дня, когда мы с моджахедами выгоним с нашей земли шурави, и он выступит против нас. Что делать, из-за должностей и кресла вновь прольется кровь тысячи наших же братьев.

Масъуд решил, как только прибудет в Андароб, созовет совет старейшин и первым делом наряду с другими проблемами поднимет и вопрос Хикматёра. Как гласит народная мудрость, семь раз отмерь, один раз отрежь. Масъуд всегда и во всем, где необходимо было мнение старейшин, советовался с ними. И это всегда давало свои добрые плоды. Народ поддерживал его, и он, благодаря его доверию, всегда добивался успехов. ... Размышляя в таком духе, перевалив горный перевал, Масъуд со своими моджахедами спустился в долину Андароб. Перед их взором открылись поля и сады яблонь, абрикосов, покрытых еще снегом. Как только они подошли к лугу, Масъуд первым делом присел и напился холодной воды в речушке, берущей свою воду из горных снегов. Велел всем остановиться, умыться, совершить полуденный намаз, отдохнуть часок. А сам вместе с Азмуддином, Фахим Мухаммадом и Исломиддином спустился еще ниже. Совершил омовение и взялся за намаз. Пятичасовая ходьба по горным тропам порядком утомила большинство молодых моджахедов.

Закончив с этим обрядом, все расположились у ручья, вытащили из своих узелков съестное, состоящее из лепешек, толченых ягод тутовника, разложили на расстеленные на землю платки и приступили к трапезе.

Окидывая взглядом раскинувшуюся внизу долину, Масьуд вспомнил весеннюю пору, когда он был здесь. Восхищенный представившейся взору картиной, он не мог поверить своим глазам, что все это видит наяву: огромное пространство было усеяно живым многообразием красок цветов и трав. От легкого ветерка, ласкающего поля и луга, казалось, будто бегут, наплывают волны, донося запах трав и цветов. Окунувшись в эту красоту, невольно открываешь для себя, что в такт этой гамме красок поют куропатки, жаворонки и другие певчие птицы, составившие единый ансамбль. Проводив взглядом кружившего на огромной высоте горного орла, Масьуд обратил взор на горный хребет, куда улетел пернатый властелин здешних мест. И заметил на склоне горы кусты миндаля, зацветшего яркими цветами. Опуская взгляд ниже по склону, натолкнулся на такие же кусты боярышника. В это мгновение Масьуд понял, что еще кто-то к месту вклинился в этот общий хор голосов. Вслушиваясь повнимательнее, понял, что это пчелки, перелетая с цветка на цветок, своим визжанием дополняют и свою струну в общий хор. «О, Оллох, какая же это красота! Какая благодать!» - воскликнул про себя Масьуд, восхищаясь этой красотой.

В эту минуту Масьуд вспомнил, что жизнь человеческая состоит не из одних воин и кровопролитий, что есть и другая жизнь, неподвластная нам, людям, непохожая на нашу людскую жизнь, независимая от прихоти людской. Жизнь, понимание которой подвластно только тем, кто в силах воспринять, желает понять ее. И жизнь эта заключена в объятия природы. Если мы, люди, осознаем это, сможем и ее существование использовать себе во благо. Для этого мы должны спуститься на землю обетованную, понять свою сущность и действовать соразмерно понятиям мотивов человеческого бытия.

«А ведь, если вдуматься, сколько бы я не пытался, я никак не могу воспринимать как следует эту окружающую меня красоту, – выводил про себя Масьуд. – Да, понимаю, эта гармония по-своему очень красива. Но сказать, что я наслаждаюсь этой красотой в полной мере, я не могу. И причина тому – эта проклятая война, застилавшая собой понимание всей этой красоты природы, гаммы чувств.

И вновь мысли Масьуда вернулись к сегодняшней действительности. Вспомнил, что в Афганистане в настоящее время действуют сотни вооруженных группировок. «Каждый из командиров этих групп воюет не из каких-то там высоких патриотических побуждений. Всеми движет амбициозное чувство обладания властью, карьеры. Кто на этом фоне сможет объяснить им, что мы должны иметь одну общую для всех цель, к достижению которой стремимся? Только тогда нам удастся добиться желаемых результатов, если эти цели будут направлены во благо всего Афганистана, а не в карьеристских интересах отдельно взятого полевого командира. Кто сможет переубедить большинство моджахедов, чтобы те сложили оружие и взялись за обустройство своего края? Похоже, если дело и дальше так пойдет, конца и края этой бойне не видать ни нам, ни нашим детям». - подумав, решил Масьуд и лег на снег, направляя взор на бескрайние дали голубого неба. В нем теперь смешались и хорошие, и плохие чувства. Он был рад тому, что сегодня его окружает такая благодать. Поводом для плохих мыслей была и вчерашняя картина, представшая перед его взором в доме тети Зевар.

«Да, шурави и здесь нас найдут. Нам и здесь не будет от них покоя. – думал Масьуд. – Если они нападут на нас и здесь, найдем выход и из этого положения. Но как быть с десятками сотнями вооруженных группировок Гулбиддина Хикматёра, орудующих в приграничных с Пакистаном районах Афганистана?»

Догадки Масьуда оказались точными. Не прошло и недели, как на небе над Андаробом появились советские вертолеты.

- Анализы показывают, что шурави ищут расположение моджахедов. – наблюдая за летящим вертолетом, сказал Масъуд. И тут же по рации связался с Огосохибом, поинтересовался обстановкой. Спустя некоторое время кто-то из приближенных доложил Масъуду по рации, что скоро шурави забросят десант в провинцию Тахор, в Толикон, а не в Андароб.

Это известие вновь опечалило Масъуда, ибо выходило, что очень скоро центр тяжести боевых действий перекинется и в северные провинции Афганистана, прольется море крови. Потерпев поражение в Панджшере, шурави теперь решили отказаться от тех возможностей, которыми могли бы располагать, если бы захватили жизненно важную стратегическую артерию – дорогу Панджшера. Лишившись этой возможности, они решили пробиться к северным провинциям Афганистана воздушным путем, перебрасывая туда свою пехоту и большое количество десантно-штурмовых бригад. Поразмыслив, Масъуд понял, что такой вариант развития событий может быть вполне на руку и моджахедам. При такой тактике ведения боя шурави действовали без поддержки своей бронетехники, что моджахедам несколько развязывало руки, а шурави, наоборот, действовали бы скованно, ограниченные в действиях и в пространстве. Что еще вселяло уверенность в Масъуде, так это то, что в последнем бою в Панджшере моджахеды в качестве трофея взяли большой арсенал стрелкового оружия и боеприпасов. И при последующих боях, какие могли разгораться уже в Андаробе, этот арсенал мог бы сослужить моджахедам хорошую службу.

Наблюдая за советскими вертолетами, мирные люди, населявшие и близлежащие к Андаробу кишлаки, тоже поняли, что гроза войны очень скоро может прогреметь и над их кишлаками. Через своих людей Масъуд сообщил всем им о той участи, какая настигла жителей кишлаков ущелья Панджшер, и призвал всех быть готовым к боям, молодым взять в руки оружие и присоединиться к моджахедам, чтобы защитить свои дома от шурави.

Масъуд связался по рации с Солех Мухаммадом и Хусайном, поинтересовался положением в Панджшере. Оттуда ему сообщили, что с тетей Зевар все в порядке, шурави увезли трупы своих военнослужащих, и, наверное, в Панджшер больше не сунутся. Масъуд объяснил им ситуацию с Андаробом.

- Омир Сохиб, тогда нам с Хусайнхоном куда идти? – спросил Солех Мухаммад.

- У меня к вам важное дело! Как можно быстрее приходите сюда, в Андароб! Сейчас же отправлю к тете Зевар кого-нибудь, а вы отправляйтесь в путь! – приказал Масъуд.

После того, как Гуломсахи сообщил Масъуду об этом десанте, Масъуд засуетился. До того места, куда должны были забросить советский десант, было слишком далеко. «Надо, во что бы то ни стало, опередить их и первыми нанести удар по десанту! – размышлял Масъуд. – Если не воспользуемся внезапной атакой, потом нам придется туго» Тут же Масъуд собрал опытных моджахедов, знающих здешние горные тропы и отправил разведать позиции советского десанта. Вернувшись через неделю, разведчики доложили, что десантники кроме Толикона находятся и в Хисораке. В обоих кишлаках численность десантников не превышает трехсот человек. У шурави имеются минометы, дальнобойные орудия, вертолеты.

- Регистони! – Масъуд обратился к Солех Мухаммаду, уже прибывшему вместе с Хусайнхоном в Андароб. – Вместе с доктором Абдулло берете на себя руководство операцией. В вашем распоряжении будут командиры Гадо, Суфи-ДШК, Хаётхон, Мухаммад Исо. Всего двести моджахедов. Мы с Азмуддином и Фахим Мухаммадом будем вашими помощниками и советниками. Готовьте моджахедов к походу. Отправляемся!

- Омир Сохиб, дорога дальняя, путь лежит через перевал. Нужно будет грузить тяжелое вооружение на ослах и лошадях. А у нас до сих пор всего этого нет под рукой. – сказал Солех.

- Отправляйте местных моджахедов по кишлакам за ослами и лошадьми. – распорядился Масъуд, обращаясь к Солеху. – Я отчего-то не подумал об этой стороне дела. В кишлаках обращайся к вождям племен от моего имени, пусть помогут!

Действительно, там без дальнобойного оружия нам не обойтись. А все это нести отсюда на своих плечах, дело тоже неосуществимое.

Ранним утром следующего дня моджахеды вышли в путь. Местами путь пролежал через узкие высокогорные тропы. Соблюдая необходимую в таких случаях дистанцию осторожность, примерно сто лошадей и ослов, нагруженные оружием и боеприпасами, с трудом преодолевали узкие участки горных троп.

Через сутки, приблизительно в полночь, уставшие, порядком измотанные люди подошли к расположению вражеских частей. Сняв с лошадей и ослов снаряжение, отвели их подальше, на пастбище. Ночь была темная. В сопровождении местных моджахедов, хорошо знавших эти места, отряды Масъуда подошли к позициям врага. Осматривая местность, моджахеды выбирали места и позиции, откуда им удобнее было вести бой. Строго-настрога всем было приказано: Задолго до наступления рассвета всем занять удобные для себя позиции. Как только начинает светать, ни единым движением не выдавая себя, в течение всего дня все будут наблюдать за передвижениями солдат, уточняют расположение огневых точек противника. Операцию намечено было начать следующей ночью.

Незадолго до восхода солнца на горизонте показались два вертолета. Облетев ущелье до кишлака Хисорак, не заметив укрывшихся моджахедов, один из них приземлился прямо на территории, занятой десантниками, а другой улетел в сторону кишлака Толикон. Опытные, выдавшие виды, моджахеды, знали, как действовать, когда над головой кружат боевые вертолеты. Услышав гул моторов, увидев его, сразу, как сурки, все скрылись из виду. Да и люди, сидевшие в кабине и салоне вертолета вряд ли догадывались, что в этих местах уже находятся моджахеды. С другой стороны и вертолеты прилетели из Багрома не для поиска моджахедов, а привезли своим частям провизию, что-то другое, необходимое. Потому, видимо, и летчики не проявляли особую бдительность.

Солех Мухаммад, руководивший ходом операции, по совету Масъуда отправил в Хисорак двух местных моджахедов, чтобы те разведали горные тропы и изучили позиции вражеского отряда. Конспирации ради, поручил им сначала незаметно перебраться к людям, сторожившим лошадей и ослов, взять двух ослов, переодеться в гражданскую одежду, и, под видом местных жителей, отправиться в кишлак, уточнить пути подхода к солдатским палаткам, и с наступлением ночи вернуться к моджахедам.

Через час вертолет вновь поднялся в воздух и улетел. Масъуд подумал, что пилоты так и не заметили присутствия моджахедов. И приступил, было к разработке и составлению плана ночной операции, как вдруг на горизонте со стороны Багрома показались шесть вертолетов. Не прошло и минуты, как вертолеты окружили окрестные высоты и начали высаживать десант. Масъуд понял, что враг знал об их присутствии и хотел застать моджахедов врасплох. Не исключено, что через час-другой моджахеды окажутся в ловушке и будут уничтожены.

- Регистони, мы оказались в западне. – наблюдая за передвижением десантников, сказал Масъуд, обращаясь к Солех Мухаммаду и Фахиму, приглашенным вместе с другими командирами к нему. – Ни в одном из предыдущих боев мы не оказывались в столь глупом и трудном положении. Шурави нас окружили. Во что бы то ни стало, надо прорвать кольцо окружения, спастись! У кого какие предложения?

Фахим удивленно посмотрел на Азмуддина, Азмуддин на Солеха Мухаммада. Все молчали.

- Регистони, вы руководите операцией. Первое слово за вами. – Масъуд обратился к Регистони.

- Омир Сохиб, мы находимся ближе к палаткам, чем к десантникам. Основные силы врага находятся внизу, в палатках. Они не ждут нашей атаки. Если мы предпримем попытку атаковать отряды, находящиеся в палатках, наш удар по ним будет внезапным. Предлагаю атаковать тех, кто внизу, в палатках. Выходим в открытый бой! Если надо будет, вступим и в рукопашный бой. Другого выхода я не вижу. – предложил свой вариант Регистони.

- Хорошо! Ваше мнение, Фахим Мухаммад! – выслушав руководителя операции, Масъуд обратился к своему заместителю.

- Я тоже поддерживаю мнение Регистони. Я тоже не вижу другого выхода. – сказал Фахим и умолк.

- Я тоже согласен с Регистони. – сказал Масъуд.- Сначала ударим по основным силам врага. Потом будем действовать по обстановке. Пока вражеский десант будет спускаться вниз, мы попробуем быстрее успеть добраться до их палаток. Расправимся с ними и попытаемся отойти в безопасное место.

Регистони, подними всех моджахедов на ноги, чтобы окружить врага! Времени мало! Смотри, улетели ли их вертолеты в Багром за десантниками? Да хранит нас Оллох! Омин!

Пока десантники занимали боевые позиции, Масъуд со своими моджахедами начал быстро спускаться к палаткам. С каждым метром все ближе и ближе становились ближайшие палатки. Солдат, находившихся в палатках, наверняка, по радиации уже успели уведомить об отряде моджахедов, расположившихся вблизи их позиций. Но, как десантники, что находились на высотах, так и солдаты, что находились в палатках, и думать не могли, что моджахеды решатся на столь дерзкий шаг - пойти в открытый бой.

Как и следовало ожидать, атака моджахедов оказалась настолько внезапной, что солдаты в палатках не успели и опомниться, подготовиться, как оказались в шквалистом огненном кольце. Прошло еще немного, и завязался рукопашный бой, длившийся где-то час. Большею частью солдаты были убиты. Большие потери понесли и моджахеды. В это время до слуха Солеха Мухаммада донесся голос Масъуда:

- Регистони, уведи моджахедов в гору! С минуту на минуту прилетят вертолеты! Потом будет еще труднее! Пока не успели спуститься десантники, успеем уйти!

Десантники, спускавшиеся с горы, видели как моджахеды в виде маленьких движущихся точек по узким труднопроходимым горным тропинкам, между валунами и скалами, карабкались в гору, отдаляясь все дальше и дальше от того места, где только что шел бой.

Вертолеты вновь появились. Шесть боевых машин высадили десант и приступили к охоте над моджахедами. Ущелье Хисорак был обработан снарядами и залпами крупнокалиберных пулеметов. Казалось, даже ни одна скала не осталась вне поля зрения боевых летчиков. Операция по уничтожению моджахедов длилась до самого заката солнца, когда ущелье окутал вечерний сумрак. Вертолеты улетели. Не прошло и много времени, как вернулись обратно. Высадили десант. Стороннему наблюдателю нетрудно было определить, что советские подразделения намерены взять в кольцо и задушить отряд моджахедов. Казалось, у моджахедов кроме, как попытаться прорвать кольцо блокады, другого выхода не было. И, судя по той силе, какой располагали в этом бою советские части, эта попытка моджахедов была обречена на провал.

Советским офицерам, командующим действиями своих отрядов в предстоящем бою, невдомек было, что в этом бою принимал участие и сам прославленный Масъуд, за поимку которого обещано вознаграждение в миллион советских рублей. И теперь он тоже находился в кольце этой блокады. Знай это, они, наверняка, бросили бы сюда и имеющиеся резервы, чтобы расправиться с ним, отличиться перед своим командованием и получить «Золотую звезду» героя Советского Союза.

Абдулгани из Хисорака, вместе с Хаётхоном, по поручению Регистони отправившиеся в кишлак еще перед наступлением, до сих пор не вернулись в расположение, прятались

под скалами от советских вертолетов и десантников. Еще никто из моджахедов не знал, что Абдулгани был ранен в ногу. Пуля задела кость. Он не мог двигаться, и Хаётхон на своих плечах переносил его с места на место, укрываясь от противника, чтобы найти удобное безопасное место, перевязать ему ногу и избежать большой потери крови. Как только появились над ущельем вертолеты, Хаётхон положил Абдулгани под скалу, снял с него сапог и только теперь понял, насколько пуля раздробила ему ногу. Не теряя секунды, Хаётхон быстро снял свою чалму и перевязал ею ногу раненому Абдулгани.

- О, Оллох! Всегда умолял тебя сразу лишиться меня жизни, чем ранить. Сил нет терпеть боль!.. – стоная, прикусывая губу от страшной боли, твердил Абдулгани.

- Брат, чему быть, того не миновать! Судьбой, видно, predeterminedено случиться этому! – Хаётхон пытался успокаивать Абдулгани.

О случившемся с Абдулгани моджахеды узнали под вечер. Его брат Шер, находившийся здесь же вместе с моджахедами, взял с собой друга Абдулгани Мухаммадрахима и пришли к раненому. Решено было вывести его из зоны боя и отвести домой. До дому было примерно час пути. Но, находясь в блокаде, под обстрелом, не то, что отвести раненого куда-нибудь, даже перемещаться с места на место было небезопасно.

Масъуд ломал голову над тем, как можно без жертв, сквозь ночную тьму, вывести своих моджахедов из образовавшегося кольца блокады. Пока нет вертолетов, и враг в ожидании рассвета бездействует, есть хоть какой-то шанс выбраться из этого кольца. И было бы преступно, если не воспользоваться этим шансом. С наступлением рассвета, при таком плотном кольце окружения, когда на голову будут сыпаться тонны снарядов, град автоматных и пулеметных очередей, под прицелами снайперских винтовок сделать это уже будет практически невозможно. Плохо было то, что в этом ущелье он не так хорошо знал местность, ее тропы. Масъуд не терял дух. Он был убежден, что из любого трудного положения есть какой-то выход. Только надо искать и найти его.

- Солех, Фахим, подойдите ко мне! – донесся едва слышный голос Масъуда. И две черные тени встали из-за скалы и направились по направлению голоса. – Тихо, скрытно отыщите моджахедов, хорошо знающих местность. Вместе с ними исследуйте, обговорите, как можно быстрее, пока не наступил рассвет, выйти из блокады. Во что бы то ни стало, к рассвету мы должны выбраться из этого кольца. Думаю, сами все поняли, и нет необходимости рассказывать вам, что ждет нас утром. Действуйте!

Солех и Фахим скрылись в темноте. Очень скоро привели к Масъуду Мухаммадрахима, живущего в Хисораке и всю свою жизнь проведшего в этих местах.

- Брат, как зовут тебя? – спросил его Масъуд.

- Мухаммадрахим.

- Мы сейчас окружены! Знаешь тропу, по которой можно тихо, незаметно выбраться из этого кольца?

Юноша молчал, видимо, думал о чем-то. Судя по его молчанию, Масъуд понял, что создавшаяся ситуация сбила с толку и этого юношу.

- Ты вроде чем-то опечален, не так ли? – спросил его Масъуд.

- Брат ранен! – ответил юноша.

- Где он?

- Там, под скалой. – указывая куда-то вбок ответил юноша.

- Как вывести твоего брата, это я беру на себя. А ты знаешь те тропы, через которые мы этой же ночью смогли бы выйти отсюда живыми и невредимыми? – спросил вновь Масъуд.

- Да, все эти тропы я знаю, как свои пять пальцев. Если так, то я иду впереди, а все остальные будут следовать за мной. Чтобы выйти из ущелья мы должны не спускаться вниз по ущелью, а подняться выше по нему. Когда было светло, видел, как шурави внизу плотным кольцом окружили местность. На том месте, где мы стоим сейчас, нам оставаться тоже очень опасно. Сверху над нами стоят десантники. Есть несколько

выходов, но десантники могут нас поджидать и там. Если же мы пойдём выше, там ущелье сужается, и все тропинки сходятся в одну, очень узкую тропинку. Хотя тропинка и узкая, но намного безопаснее. Нас с обеих сторон будут прикрывать горные скалы. Другого выхода из ущелья нет. Главное, тихо бесшумно следовать по этой тропинке.

- Солех Мухаммад, прикажи двум-трем моджахедам забрать с собой раненого брата Мухаммадрахима. – распорядился Масъуд. – Предупредите всех, чтобы тихо, бесшумно следовали за Мухаммадрахимом. Я иду вслед за вами.

- Омир Сохиб, может быть, пойдёте впереди, вместе с нами? – спросил Солех

- Сказал же, я иду последним, вслед за моджахедами.

Солех хотел, было, ещё что-то сказать, но, подумав о чем-то, замолчал. Он знал, что Масъуд всегда действует так, как сам скажет.

Лишь просвещенный в планах моджахедов мог догадаться, что змеей ползущей вверх по ущелью между скалами черная полоса это и есть те моджахеда, для уничтожения которых советские войска перебросили огромное количество пехоты, десанта и уже утром при поддержке вертолетов должны покончить, расправиться с ними.

Моджахеда двигались тихо, бесшумно, стараясь дышать даже беззвучно, чтобы в ночную прохладу солдаты шурави не услышали и лишних звуков, выдающих душманов.

Каждый шаг все дальше уводил их от угрозы быть обнаруженными и приближал их к заветной развязке, как вдруг Мухаммадрахим остановился и оглянулся. До выхода из опасной черты оставалось всего где-то несколько шагов, как сверху раздались

несколько продолжительных автоматных очередей. Моджахеда остановились и прижались к скалам, некоторые слегли на землю. Хаётхон, шедший в трех шагах от Мухаммадрахима, услышал, как он упал. Из-за шквалистого огня Хаётхон и шагу не смог сделать в его сторону. Прижавшись к скале, Хаётхон по язычку пламени

определил, откуда стреляют. Направив в ту сторону дуло автомата, Хаётхон стал ждать, когда еще раз раздастся выстрел, чтобы по пламени накрыть огневую точку противника. Своего он дождался. Вслед раздавшемуся выстрелу он нажал на курок.

Автомат умолк, а за ним было слышно, как, скатываясь и, ударяясь по камням, на землю упало чье-то тело. Стрельба прекратилась. Все вокруг умолкло. Хаётхон

направился к Мухаммадрахиму. Увидел его лежащим прямо на тропинке. Пригнувшись, левой рукой приподнял голову, прислушался к дыханию. Мухаммадрахим не дышал.

Запах крови ударил Хаётхону в ноздри. Прижав руку к его груди, понял, что тело изрешечено пулями, Мухаммадрахим убит. Хаётхон поднял тело убитого и двинулся по указанному Мухаммадрахимом пути дальше. Следуя теперь за Хаётхоном, моджахеда

вышли на открытый широкий луг. Легкий предрассветный ветерок ударил в лицо моджахедам. Свежий бодрящий воздух действовал успокаивающе. Казалось, все теперь позади. Последним, кто поднялся и вышел из ущелья, был Масъуд. Глубоко вздохнув, он осмотрелся. Предутренний рассвет четко очерчивал вершины Гиндукуша.

...

Час спустя над ущельем Хисорак вновь появились вертолеты. Начиная прямо у входа, кончая последними кишлаками, расположенными выше по ущелью, винтокрылые

машины продолжали бомбить. Вертолеты скрылись за горизонтом, появились истребители СУ-16. Бомбардировка продолжалась. Участь, постигшая ущелье

Панджшер, повторилась и с Хисораком. Но в ущелье уже никого не было. Масъуд со своими моджахедами успели выйти из кольца блокады и укрыться в другом ущелье.

Смерть, настигшая моджахедов в этом бою, опечалила Масъуда. Вечером следующего дня он вместе со своими телохранителями прибыл в дом к отцу погибшего

Мухаммадрахима. Выразив им свои соболезнования, понял, что со смертью

Мухаммадрахима семья лишилась кормильца. Соседи, старцы, жители кишлака – все стали свидетелями, как в трудный час Масъуд, как бы ему самому трудно ни было,

выполняет свой человеческий долг. Проведав семьи погибших моджахедов, Масъуд

участвовал и на церемонии похорон Мухаммадрахима, и его соседа Шера, тоже погибшего в этом бою. Обещал помочь раненому Абдулгани.

- До Толикона далеко. Как отвести туда Абдулгани? – спросил доктор Абдулло у Масъуда, когда они заговорили о спасении Абдулгани.

- Раз уж нет у нас вертолетов, нет нормальной дороги для езды на машине, следовательно, единственный способ везти его – на лошади или на осле. Другого выхода у нас нет. – заключил Масъуд.

По своему опыту доктор Абдулло знал, что при таком ранении, когда кости на ноге раздроблены, если вовремя не успеть принять нужные меры, может начаться гангрена. А у доктора под рукой были лишь лекарства и средства, способствующие лишь остановке кровотечения.

Масъуд вспомнил, что еще до начала операции в Панджшере он отправил оттуда в Хисорак и лекарей. В их числе был и Устод Сайид Юсуф, известный как опытный хирург и который год лечащий моджахедов.

- Устод, ваш сын Абдусамад возмужал. – Масъуд говорил с Сайидом Юсуфом по рации. – Настало время и женить его. Смотрите, не опоздайте с женитьбой. Мы вместе с Абдусамадом теперь на фронте. А вы заняты лечением больных. Кто его будет женить-то?

- Омир Сохиб, Я тоже об этом думаю. – ответили на другом конце. – Все по воле Оллоха. Если останемся живы, этим летом, думаю, пригласить вас на его свадьбу.

- Спасибо! Останусь живой, обязательно приду на свадьбу. Сегодня отправлю Абдусамада вас проведать. Договоритесь насчет свадьбы, мы обязательно придем!

- Как хорошо! Соскучился по нему. Буду очень рад увидеть его!

- До свидания, устод!

- До свидания, Омир Сохиб!

Смазав и перевязав рану на колене Абдулгани, доктор Абдулло обложил колено дощечками и еще раз перевязал, чтобы от дорожной тряски раненая нога не шаталась и не болела.

Хаётхон и Абдусамад с трудом усадили раненого Абдулгани на лошадь и двинулись в сторону Толикона.

Ситуация не была стабильной и в Толиконе. Единственное, что отличало здешний медпункт от жилища простых жителей кишлака, было то, что в помещении были койки для больных, и само помещение содержалось в чистоте. И еще здесь были врачи разных специальностей, готовых оказать медицинскую помощь нуждающимся.

Нехватка медикаментов чувствовалась и здесь. Медицинский персонал испытывал трудности и из-за нехватки необходимого медицинского оборудования.

Доктор Сайид Юсуф, мужчина высокого роста, с черными волосами и черными бровями, опустившимися над такими же черными, как уголь, глазами, занятый уходом за больными, жил ожиданием прибытия своего сына Абдусамада и раненого из Хисорака. Уже и забыл, сколько времени прошло с тех пор, как в последний раз видел своих жену и детей, оставшихся в Кабуле. Он чувствовал, что явно соскучился по ним. Но знал, что по не зависящим от него обстоятельствам, сам с этим ничего поделать не может. Занятый лечением больных и раненых, он тоже считался в джихаде, ибо свои знания целиком посвятил служению тому народу, который встал в защиту своего домашнего очага, родного края.

Вскоре прибыли и Хаётхон с Абдусамадом. Доктор Сайид Юсуф встретил их у порога медпункта. Увидев живым и здоровым своего сына, он, едва сдержав слезы радости, обнял его. Объятия отца с сыном, видимо, как-то подействовали и на Хаётхона, что он отвернулся, чтобы не помешать им в проявлении родительских чувств. Это по дороге Хаётхон узнал, что Сайид Юсуф задолго до начала кровавых событий, после окончания лицея, отправил сына за границу на учебу. Там Абдусамад выучил английский, хинди и французский языки. Вернулся на родину, а в Афганистане в это самое время был

совершен государственный переворот. Свергли шаха, и началась война. Ему и тысяче таких образованных специалистов стало теперь не до применения своих знаний на гражданском поприще. Одни стали жертвами террора, другие разъехались по другим странам, третьи, взяв в руки оружие, или примкнули к правительственным силам Афганистана, или встали на сторону моджахедов. Абдусамад пошел за Масъудом. Да и Масъуд не случайно торопил Сайида Юсуфа с женитьбой сына. Он придерживался той логики, что никто из моджахедов не застрахован от смерти. Любой бой для них может оказаться последним, смертельным. Потому им следует завести семьи, чтобы думать и о потомках своих. Абдусамад же был парнем умным и образованным. К такому выводу пришел и Хаётхон, пока вместе с Абдусамадом находился в пути к Толикону.

Доктор помог Хаётхону и Абдусамаду перенести и положить раненого Абдулгани в койку и приступил к его осмотру. Из-за высокой температуры и большой потери крови, Абдулгани лежал весь бледный, с сухими потрескавшимися губами. Доктор попросил Абдусамада дать раненому выпить чаю.

- О, Оллох! Лучше бы ты отнял у меня жизнь, чем оставил в таком положении! – похоже, от сильной боли начал бредить Абдулгани, стараясь терпеть боль.

- Что ты говоришь, сынок? Благодарю Оллоха, что оставил тебя в живых. – тешил его доктор.

После осмотра раны у доктора вид был неважный, он чем-то был обеспокоен. Трудность вся заключалась в том, что опытный врач понял, какие муки боли ожидают его впереди. Коленная чашка и кость бедра были настолько раздроблены, что кроме тяжелой операции ничего не оставалось делать. А в медпункте не то, что флюорографического аппарата и необходимых условий для операции и лечения, не было даже и элементарных медицинских инструментов для подобных хирургических операций. Обследовав раненые участки, доктор определил, что рана начала гноить. И если так будет продолжаться еще несколько дней, и невозможно будет оперировать, гангрены не избежать. Тогда, может, уже будет поздно. Пока у Абдулгани есть силы и может выдержать боль, надо срочно оперировать.

- Нижняя часть коленного сустава неподвижна. Не исключено, что пуля пробила основную кровеносную артерию. Раненый не чувствует боли и в пальцах ноги. – прояснил ситуацию доктор Сайид Юсуф, обращаясь к Хаётхону и Абдусамаду. – Пойдем ко мне, выпьем по пиалке чаю.

Простившись на время с Абдулгани, они вышли.

- Дорогой Абдусамад, как ты? – обращаясь к сыну, спросил Сайид Юсуф.

- Слава Оллоху, все хорошо! Когда нет боев, спокойно, тихо. Ну, а когда бой, то сами понимаете, каково нам! – обращаясь к отцу, ответил Абдусамад.

- Омир Сохиб - мужчина надежный! Находясь рядом с ним, уму-разуму научишься, станешь настоящим мужчиной, хозяином своих слов и поступков. – довольный ответом сына, отметил Сайид Юсуф. – Кстати, знаешь, что? Мать уже присмотрела для тебя невестку одну. Как раз по твоему вкусу. Будь на то воля Оллоха, и свадьбу сыграем. Хватит тебе холостяком бегать. Мы о внуках уже мечтаем. Пора и об этой стороне жизни подумать.

Абдусамад молча слушал отца.

Судя по обстановке в рабочем кабинете Сайида Юсуфа, это помещение одновременно служило доктору и жилой комнатой. На полу был расстелен старенький палас. Одеяла, курпачи и подушки были сложены в углу комнаты.

- Вот это и есть все мое хозяйство, сынок! – указывая на свое скромное жилище, сказал доктор. – Ночевать будете здесь. Провожу вас утром.

- Брат, дневной поход для нас опасен. – сказал Хаётхон. – Вас встретили, и то хорошо. Лошади чуть отдохнут, и мы двинемся обратно. Дорогу знаем. Ночью прохладно, лошади не будут уставать. Слава Оллоху, завтра прибудем на место.

- Хорошо, останьтесь хоть немного, чтобы сыном мог насмотреться! – попросил доктор Хаётхона.

- Будь на то наша воля, мы бы с большим удовольствием остались. Но, как уже сказал, днем ехать опасно. Потому лучше отпустите нас, чтобы хоть ночью выехали. Так намного безопаснее будет для нас. Да и Омир Сохиб строго-настрого приказал нам срочно вернуться. – настоял на своем Хаётхон.

- Ладно, уж. Коли так, вы попейте пока чаю, а мы вместе с коллегами посоветуемся насчет операции Абдугани. – сказал Сайид Юсуф, расстелив перед гостями дастархан, на котором кроме одной лепешки ничего больше не было. – Извините, другого съестного не нашлось у меня, чтобы вас угостить. Вы спокойно посидите, чайку попейте, а я пойду.

Сайид Юсуф торопился. И было отчего. В здешних кишлаках не было электричества, а день близился уже к вечеру. Доктор решил уже при свете дня оперировать ногу, чтобы потом в темноте при свете керосиновой лампы не пришлось долго мучиться.

Посоветовавшись со своим коллегой Мухаммадом Атои, доктор Сайид Юсуф подготовил все необходимое, что имелось под рукой, и приступил к операции.

- Обезболивающее средство имеется. Хорошо, что и новокаин нашелся. – отметил Сайид Юсуф, обнадеживая своего коллегу. – Что поделаешь, если не оперировать, парня потеряем. Жалко будет его. Насколько я знаю, дорогой Атоджон, у вас рука легкая. Я не раз убеждался в этом, наблюдая за вами. Все больные, кого вы лечили, быстро выздоравливали. Ато – это значит дар Оллоха. И отец ваш, видимо, не случайно дал вам такое имя.

- Устод, не преувеличивайте. В похвалах вы возвели меня аж до небес. Какой я доктор-то? Если я чего-то и стою, то это только благодаря вам и вашему опыту. Если и чему-то научился, то все это я перенял у вас. И не более того. – скромно заметил своему наставнику Мухаммад Ато.

После того, как обезболивающее средство подействовало, хирурги приступили к операции. Разрезав рану на ноге, извлекая все сломанные и раздробленные на куски фрагменты кости, они обнаружили, что полностью раздроблена коленная чашка, повреждена основная кровеносная артерия, оборваны сосуды, связывающие сустав с центральной нервной системой.

- В наших условиях восстановить все это невозможно. – сказал Мухаммад Ато. – Устод, если не ампутировать ногу ниже колена, гангрены не избежать. Что прикажете делать?

- Дорогой Ато! Я тоже, как и ты, иного выхода не вижу. Жалею, что нет у нас под рукой необходимого современного оборудования для восстановления всего этого, а то я бы с удовольствием сделал все, чтобы поставить парня на обе ноги. Увы, хотя это и страшно, другого выхода я не вижу, придется ампутировать! Есть еще одна проблема.

- Какая, устод?

- Ногу надо ампутировать выше колена, а у нас нет для этого необходимых инструментов.

- Вы правы, устод. Об этой стороне дела я как-то и не подумал. – сказал Мухаммад Ато.

- Вы пока подождите, я сейчас вернусь. – сказал Сайид Юсуф и вышел в соседнюю комнату, где хранились хирургические инструменты и тут же вернулся.

- Как всегда вы находите выход из любого положения. – отметил Мухаммад Ато, увидев в руке у Сайида Юсуфа знакомый инструмент, - Этим инструментом мы ведь недавно ампутировали руку мужчине по имени Аюб. Не так ли, устод?

- Да, ты прав Мухаммад Ато. Это та самая ножовка, которой пилят железо. Но я, правда, заменил ее старые зубцы на новые. Надо промыть зубцы спиртом и закончить операцию пока обезболивающее средство не перестало действовать.

Ближе к полуночи операция была закончена. Когда Сайид Юсуф вернулся в свою комнату, понял, что Абдусамад и Хаётхон ушли, не простившись с ним. Горько вздохнул

и заметил на паласе лист бумаги. Поднял и при свете керосиновой лампы прочел следующее: «Дорогой отец! Прости, что уходим, не попрощавшись! Твой Абдусамад»
Ранним утром следующего дня все находящиеся в больнице Толикон были разбужены яростным воплем Абдулгани:
- О, Оллох! Будь проклята эта война! Что плохого я сделал, что на всю оставшуюся жизнь меня лишили и единственного брата Мухаммадрахима, и ноги!? ...

Глава XVII

**Дареѓо, додари лѣнам маро кушт,
Ба ѱ нон додаму нонам маро кушт.**

**Как жаль, мой брат родной меня убил,
Я вскормил его и мой корм меня подавил.**

- Можно сделать звук радио погромче? – вопросом попросил Масъуд водителя грузовика Мухаммада Гафса, затем обратился к мужчине, сидящем рядом:
- Абдусамад, слышал новость?
- Какую, Омир Сохиб? – вопросом на вопрос спросил Абдусамад.
- Печальную! Вот послушай! – указывая на радио, сказал Масъуд.
Мухаммади Гафс прибавил звука. Теперь отчетливо слышался голос плачущей женщины. Она говорила и читала стихотворные строчки, задевающие человека за живое:

**Чархи фалако, маро ба чарх овардї,
Кўлоб будум, маро ба Балх овардї.
Кўлоб будум, ови ширин мехўрдум,
Саргашта маро ба ови талх овардї.**

**О судьба, ты так скрутила меня,
Я был в Кулябе, привела меня в Балх.
Был в Кулябе и пил слакую воду,
Обратно меня привел к горькой воде.**

Женщина так и не смогла сдержаться, заплакала. Ее плач, видимо, подействовал и на Масъуда, и на его спутников, что он вновь обратился к водителю:

- Дорогой Мухаммад, останови-ка машину!
Водитель остановил машину. Абдусамад и Мухаммад поняли, что Масъуд желает послушать ее в более спокойной и тихой обстановке, когда машину не трясет на ухабах и кочках дороги, а впереди путь пролежал по горной дороге, еще более ухабистой и неровной, нежели на равнине. Все трое замолкли и стали прислушиваться к словам незнакомой женщины. Женщина взяла себя в руки, перестала плакать и теперь спокойным голосом говорила:

- Доведите до всех слушателей передачи «Хоки Ватан» (Земля родная), что мы находимся вдали от родины, родных и близких, на чужбине, в Афганистане. Мы – беспризорные, никому здесь не нужны. Своего младшего сына Ахмада взяла с собой сюда. Другие мои дети Хуршед и Тоджинисо, Фарход и Фаридун остались в Бохтарском районе Кургантюбинской области Таджикистана. Пожалуйста, доведите мои слова до слуха тех командиров, кто виноват в наших бедах! Пусть они услышат мой голос и поймут, что значит быть вдали от родины. А мы сами находимся в степях Кундуза Афганистана. ... - голос женщины вновь перешел в вопль, и она стала читать эти стихотворные строчки:

**Пешонии шўри, шўри, шўри намаким,
Ѓам додию, Ѓам додию, кардї ғамаким
Эй додари лѣн, камонта бимон ба замин,**

Кӯлобӣ тағам мешава, ғармӣ амаким. ...

**О моя горькая – горькая судьба,
Замучила, замучила и достала меня.
О брат, да будет между нами примирение,
Кулябц и Гармцы вы оба мне родня.**

- Слышал, Абдусамад? – опечаленным голосом спросил Масъуд и замолк, указав водителю поехать дальше.

Видя, что Масъуд умолк, ушел в себя, Абдусамад и Мухаммад тоже не посмели сказать что-то. Голос женщины сменила минорная песня в исполнении известного народного Гафиза Таджикистана Одины Хошимова. Вслушиваясь в содержание газели, Масъуд еще ниже опустил голову. Спутники поняли, что и газель затронула полководца до самых глубин сердца. И полет фантазии, охватившей всего Масъуда, увел его в дальние дали.

«О, Оллох! Что это за жизнь такая, что случилось с этим несчастным народом, что навлек на себя это зло? Ведь и те таджики, что живут нынче за рекой, в Таджикистане, тоже наши братья, нашей же нации, нашей же веры. Чего они между собой не поделили, что затеяли войну между собой? Чего им-то не хватает? Мало нам этой затяжной войны на афганской земле, что таджики затеяли ее? Да еще не с каким-нибудь внешним врагом, как у нас, а между собой устроили эту бойню! Теперь простой люд стал беженцем, покинул родные края, перешел к нам, надеясь найти здесь себе убежище от крови и смерти. Какая у этой несчастной женщины жизнь сложится в песчаной степи Кундуза? Одному Оллоху ведомо, как она там живет. Без каких-либо нормальных условий для жизни, без мира и согласия. Кроме, как от Оллоха, видимо, больше не от кого ей и другим, как она, беженцам, ждать помощи!

Поедем в Панджшер, проведем родственников и сразу отправлюсь в Кундуз. Посмотрю, каково там беженцам из Таджикистана.» - решил про себя Масъуд и обратился к Абдусамаду:

- Свяжи меня с Солех Мухаммадом!

Не прошло и минуты, как Абдусамад передал трубку Масъуду.

- Омир Сохиб, я вас слушаю! Что прикажете делать? – раздался голос Солех Мухаммада.

- Как ты там, Регистони?

- Все в порядке, Омир Сохиб!

- Ты знаешь, каково таджикским беженцам?

- Неважно у них! Не знаю, что и делать-то! Нет у них ни крыши над головой, ни еды какой-то нормальной! Детей теряют!

- Жди! Оллох даст, помощь им будет оказана! До свидания!

- До свидания, Омир Сохиб!

Подумав немного, Масъуд вновь обратился к Абдусамаду:

- Свяжи меня с устом Сайёфом из Пакистана. Потом с доктором Мирдодом Панджшерским из Кабула

Радисту Абдусамаду, как память компьютера хранившему в своей памяти все необходимые Масъуду номера телефонов, не было смысла листать телефонный справочник. Он быстро дозвонился сначала до Устода Сайёфа:

- Ассалому-алейкум, Устод Сайёф! Как ваше самочувствие?

- Воалайкум бар салом! Слава Оллоху, нынче я в добром здравии! Как ваше самочувствие, дела, Омир Сохиб?

- Слава Оллоху! Все в порядке пока. Понадобились палатки, Устод Сайёф! Много палаток! Таджикские беженцы остались без крыши над головой. Необходимо раздобыть еще где-то около пятисот печек. Сколько сможете, буду вам благодарен. Пока все! Вечером с вами еще раз свяжусь! До свидания!

- До свидания, Омир Сохиб! Сразу займусь вашими делами! – послышался на другом конце провода.

Затем Масъуд связался с доктором Мирдоди Панджшери, работавшем заместителем министра сельского хозяйства Афганистана и попросил его по мере своих возможностей выслать таджикским беженцам, находящимся в Кундузе, какие-то объемы продуктов питания. Убедившись, что помощь беженцам будет оказана, Масъуд облегченно вздохнул. Он из своего горького опыта знал, что такое быть беженцем в чужой стране. Особенно в зимнюю пору, когда плюс к жизненным невзгодам гнетут и холод, и голод, и другие неудобства.

Теперь, возвращаясь несколько грустным с севера страны, из Калъаи Бахораки Файзабада, услышав рыдания той женщины, что выступала по радио, Масъуд на время забыл о своих бедах и решил во что бы то ни стало протянуть руку помощи и таджикским беженцам, находящимся далеко не в лучших условиях, нежели и сами афганцы.

«Все эти беды пройдут. Но память человеческая останется» - невольно вспомнилась Масъуду эта народная мудрость. Выглянув в окошко, на гребнях гор заметил белизну снега. Понял, что через неделю-другую этот снег спустится уже и на равнины. Нелегко придется жить тем беженцам в Кундузе. «Что за люди эти Ризвони Алимардон и его брат Бахром, принесшие своим же землякам столько бед и горя? Как таджикским беженцам, так и афганцам, они кроме горя ничего не принесут. Какие преступления они совершили у себя на родине, что вынуждены бежать и рыскать по горам и долинам Афганистана? Какой же ты после этого мужчина, если вместе со своими четырьмя боевиками не мог найти себе места на родине и сбегал в Афганистан? Еще и здесь не можешь спокойно жить. Пустился убивать своих же невинных земляков. Да еще с моджахедами Афганистана решил тягаться силой, на мирных людей направляешь оружие. Здесь уже достал население Файзабада, что они вынуждены обратиться за помощью к Масъуду. Ты, вчерашний молокосос, если только сейчас взял в руки оружие, так моджахеды слышат звуки выстрелов с самого рождения, воспитаны духом войны. Если бы ты не был мусульманином и нашим гостем на этой земле, уже в первый день своего прибытия сюда был бы пленен этими самыми моджахедами. А ты, оказывается, не подчиняешься ни своему руководству от оппозиции таджикских властей, не желаешь считаться и с нашими местными властями. - размышлял про себя Масъуд. – Не успели избавиться от шурави, как нам на голову навалились новые беды. Мой давний друг Хикматёр вновь вышел на поле битвы. Кроме Панджшера и северных провинций, Хикматёр и его сподвижники продолжают бесчинствовать во всех остальных провинциях Афганистана. Еще не успел разобраться с ними, как сообщают: Некий Ризвонбой из Таджикистана пересек реку Пяндж, укрепился в крепости Бахорак Файзабада и начал беспредел. Я сказал ему: «Если ты такой уж сильный, иди, протяни руку помощи своим землякам-беженцам!» Но он не послушался, ответив: - Там находятся и наши вооруженные противники. Если пойду, вновь начнется перестрелка, будут убийства!

- Ладно, тогда почему самим афганцам не даешь спокойно жить?

- Виноваты в этом ваши же моджахеды!

- Виноваты они или нет, они на своей земле. Вы, невинные, как наш Хикматёр, убиваете своих же братьев. Не находите себе места у себя на родине, приходите в наш и без того войной забитый Афганистан, и затеваете конфликт с нами. Не думаете о последствиях? Ваша великая вина в том, что вы с оружием в руках встали против своего же народа. Страшнее позора, чем этот, нет, и не может быть! Я вас переведу в Кабул, ближе к себе, чтобы всегда были под контролем. Посмотрим, какую еще подлость там будете проявлять.

То, что Ризвон согласился с моим предложением, факт тоже обнадеживающий. Одного раздражителя мало будет. ...»

Нить размышлений Масъуда прервал телефонный звонок. Абдусамад сообщил Масъуду, что Солех Мухаммад из Кундуза желает переговорить с Масъудом.

- Регистони, все ли там в порядке?

- Омир Сохиб! Боевики Хикматёра бомбят население Кундуза и места расположения беженцев из Таджикистана! Что делать, не знаем! Среди беженцев много убитых и раненых!

Масъуд молчал. Он ехал в Кабул. По пути хотел было заехать в Панджшер, узнать, какова там обстановка и вернуться в Кабул, как это печальное известие перечеркнуло все его планы. Регистони ждал распоряжений Масъуда.

- Брат, Регистони! Временно выкинь из головы любую мысль о сопротивлении Хикматёру и вместе со своими подчиненными берись за спасение таджикских беженцев! Свяжись с властями Кундуза! Передай им мою просьбу о помощи беженцам! Везите беженцев в Боги Ширкат! Вы ступайте, я скоро приеду!

Этой своей акцией Хикматёр желает очернить нас! Поступая так, он постарался, видимо, чтобы все это выглядело так, будто это – подлость Масъуда, а не Хикматёра! До свидания!

- Мухаммад, дорогой! Едем в Кундуз, а не в Панджшер! Разворачивай, едем в Кундуз!

- Омир Сохиб, до Панджшера осталось совсем немного! – Мухаммаду тоже хотелось проведать свою семью.

- Пойми, Мухаммад! Твои дети дома. Живы, здоровы, ничего с ними не случилось.

Сегодня не довелось проведать их, ничего страшного, завтра проведаете. Но в Кундузе Хикматёр поступил не по-мужски и неблагородно: Видит, что с нами напрямую ему не тягаться, так, решил поступить подло, убивая ни в чем неповинных беженцев из Таджикистана, желает, чтобы все это выглядело так, будто сделали это мы, а не он. А там, в лагере, в основном женщины, старики и дети. И все беззащитные. Им не дали жить у себя на родине, а здесь бомбит их Хикматёр.

Ты, Мухаммад, понимаешь, наверное, почему он так делает? Этим он пытается очернить нас, на весь мир. Сегодня или завтра все мировые средства массовой информации будут трезвонить об этом.

Мухаммади Гафсу ничего не оставалось делать, как развернуться и направить машину в сторону Кундуза.

Судя по наступившей тишине, каждый из сидевших в кабине углубился в свои мысли.

Масъуд вспомнил: «Хикматёр, как и Наджиб, всю жизнь выступал против Масъуда. Сегодняшняя его акция тоже не исключение. Прикрываясь маской ислама, Хикматёр всю жизнь занят братоубийством. Главная же его цель – захватить власть, обладать силой. И для достижения этой цели он готов убивать тысячи своих сограждан. Если бы был командиром мужественным, присоединился бы к нам, выступил бы против шурави, защитил бы Афганистан от нашествия кафилов. Но нет! Когда решается судьба страны, он, как хитрая лиса, стоит в стороне, смотрит, ждет, чья возьмет. Пока идут разборки, он не сидит, сложа руки, убивает, но своих же сограждан, выдавая их за врагов ислама. Сегодня видит, что шурави собираются покинуть страну, начинает бомбить то Кабул, то какой-то другой город или поместье. И опять – братоубийство. Он воюет против меня, а я – против него. И я не могу убить его, и он не может убить меня. А в этой бессмысленной братоубийственной войне убито уже не одна тысяча молодых афганцев. Как говорят, воюют цари, страдает же народ. Из-за этой войны сотни, тысячи, десятки тысяч рядовых граждан страны скитаются по горам и весям, другим странам мира. Может, на свете нет страны, где бы не было афганских беженцев. Кто соберет их всех? Ни Гулбиддин и Дустум и не я сам. Мы все – лишь послушные исполнители чьей-то воли, по их прихоти вышедшие на тропу войны, чтобы убивать таких же, как и мы сами, простых рядовых граждан этой страны.

Может, это все следствие нашей же невежественности, что мы как какие-то там слепцы, убиваем друг друга, чтобы потом пришел кто-то другой, более

могущественный, чтобы остановил нас и стал командовать нами, как на протяжении веков использовали нас наши же властелины? К власти приходят и уходят Зохиришах, Довудшах, Наджибшах и другие подобные им шахи. Властвуют определенное время. Вместо того, чтобы строить что-то, разрушают имеющееся, затем погибают от рук своих же невежественных сородичей и пускают страну на произвол другого, такого же невежественного, как и сами, властелина.

Нужна сильная твердая рука, здравый ум, мудрость, чтобы искоренить невежество, сплотить народ, направить развитие общества в нужное созидательное русло.

Школы и медресе почти не функционируют. Редкие состоятельные люди отправляют своих детей на учебу в другие развитые страны мира. Проучившись там, вкусив сладость той жизни, молодые специалисты уже не возвращаются в свою страну, остаются там жить и работать. Следовательно, специалисты, образованные люди Афганистана будут работать на пользу других стран.

Еще хуже обстоят дела и с женщинами страны. Правда, что в школах женщины получают какое-то образование. Но затем всю последующую жизнь они проводят под паранджу, лишены всяких условий получить квалифицированное образование, служить процветанию родного края. Кто знает, может, не случайно, и в названии самой страны содержится крик, вопль, что народ ее только и знает, как испокон веков кричать во всеуслышание о своих бедах, не зная, что такое мир, благоденствие. ...»

- Омир Сохиб, куда повернуть? - прервав нить размышлений Масъуда, послышался голос водителя.

- Остановись здесь же, чуть в стороне от дороги! – сказал Масъуд, видя, что находятся возле аэродрома Кундуза. – Абдусамад, свяжись по рации с Регистони, спроси, где он находится.

Мухаммад остановил машину возле одного жилого дома. На другой стороне дороги какой-то старик босыми ногами месил глину. Увидев его, Масъуд представил себе, каково этому старику трудно пришлось, что в эту пору осени он вынужден лезть босыми ногами в холодную глину. Он вышел из кабины и подошел к старику.

- Ассалому-алейкум, дядя! Оллох в помощь! – воскликнул Масъуд.

- Воалейкум бар салом, браток! Спасибо! – сказал старик, и, видя, что незнакомый мужчина направился к нему, оставил кетмень прямо в глиняную массу, вышел ему навстречу.

- Случайно ты не попутчик какой-то? Давай, выпьем по пиалке чаю вместе! – поздоровавшись с Масъудом за руки, пригласил старик.

- К добру все, дядя! Я из здешних мест. Хотелось бы узнать, как беженцам здесь живется-то? Какие у них условия жизни и быта?

- Живут они хуже нас. Бомбили их! Взамен всех лишений обстреливали их! Только и слышно было, как кричали, вопили, рыдали! Будь проклята немощная старость! Кроме, как услышать их крики, ничего не мог поделать, чтобы хоть как-то помочь им.

- Дядя, а не знаешь, кто их обстреливал-то?

- Говорят, что это были люди Хикматёра.

- Дядя, говорят ведь, не рой яму другому, сам в нее попадешь. Так и со злом. Рано или поздно то же самое случится и с тем, кто творит это самое зло!

- Так то оно так. Но пока они получают за содеянное зло, еще больше зла могут натворить!

- Дядя, а не холодно ли вам босыми ногами месить глину в такую пору -то?

- Холодно, браток, но что поделаешь, если нет помощника? Был, правда, единственный сын. Участвовал в джихаде. Так его шурави убили. Слава Оллоху, дом мой полон пока маленьких детишек, а крыша не замазана. Пока зима не наступила, думаю, замазать ее, чтобы зимой не протекала. Сколько сам смогу, столько и буду работать. Ничего, Оллох поможет, что-нибудь придумаем. Что скажешь, браток?

- Конечно, дядя, Оллох обязательно поможет!

В это время Абдусамад обратился к Масъуду:

- Омир Сохиб, Регистони на связи, ждет вас!

- Извини, дядя, мы по одному важному делу приехали. Нам пора. Успехов вам!

- Ничего, спасибо! Раз уж поинтересовались и моей жизнью, да поможет и хранит вас Оллох!

Масъуд сел в кабину машины и взял трубку.

- Дорогой Солах, мы здесь, у въезда в Кундуз. Где вас найти?

- Мы в аэродроме, среди беженцев!

До свидания! – попрощался Масъуд и обратился к водителю: - Едем к беженцам, на аэродром.

Машина выехала на проезжую часть дороги. Взору Масъуда открылась эта песчаная степь. Он вспомнил, что приезжал в эти безжизненные песчаные места еще в первые дни, когда стояла сильная жара и сюда стали прибывать таджикские беженцы.

Интересуясь их условиями пребывания здесь, Масъуд как-то приметил среди них и приветливого парнишку. Увидел, и невольно задался вопросом: «Надо же, чтобы Оллох сотворил человеческое создание таким прекрасным и привлекательным, что и насмотреться им невозможно было!» Парнишка этот стоял чуть дальше и наблюдал за взрослыми дядями, беседующими между собой.

Масъуд беседовал с людьми, но не мог оторвать глаз от парнишки. Потом невольно подошел к нему, протянул ему руку, поздоровался. Погладив парнишку по черным запыленным волосам, спросил:

- Как тебя зовут?

Парнишка, видимо, не понял Масъуда, что посмотрел на мать, стоявшую тут же, рядом.

- Моего родненького сыночка зовут Ахмадшох! – ответила женщина, прикусывая губами кончик своего марлевого платка.

- Вот оно как! Именем моего отца назван этот красивый парнишка! Ну-ка, иди ко мне! Как живешь-то Ахмадшох?

Парнишка то ли от смущения, то ли по какой-то другой причине, не смог вымолвить и слова. Только провел пальцами по своим высохшим от песчаного ветра губам и стал внимательно, как бы многозначительно, смотреть в лицо Масъуду.

Масъуд прижал голову парнишки к своей груди, утешив его:

- Дорогой Ахмадшох! Будь мужчиной! Жизнь так устроена! Пройдет и хорошее, и плохое! Настанут добрые времена, и заживете вы хорошей жизнью! – и, обращаясь к другим собравшимся беженцам, уже громче сказал: - Прошу, не чувствовать себя здесь чужими! Я возьмусь за решение ваших проблем! Знайте, вы все вернетесь к себе на родину!

Потом при содействии Масъуда всем беженцам были розданы сахар, лепешки, рис, другие продукты питания.

... Выйдя из машины, Масъуд услышал страшный вопль какой-то женщины. Подойдя поближе, увидел ее обезображенное лицо, растрепанные волосы. Ее вопли перешли в причитание и до слуха Масъуда донеслись срифмованные строки:

**Шермарду панълавони очае,
Шони бетахти равони очае.
Беарӯс, бе хонумони очае,
Дар ғарибӣ бе нишони очае.
Бачамой! Бачамой! Бачамой!**

**Мой богатырь и герой не неглядный,
О, мой юный царевич без трона.
Без семьи и без невесты оставшись,
Где – то в чужбине, без вести пропавший,
О мой сын, о мой сын, о мой сын.**

Масъуд оказался втянутым в круг проблем несчастных беженцев, подвергшихся бомбежке. К нему сразу прибежали Солех Мухаммад с несколькими моджахедами, оставленными Масъудом для присмотра за беженцами. По глазам, красным от недосыпания, и распухшим лицам своих моджахедов Масъуд понял, что и беженцам пришлось тяжело. Выяснилось, что беженцы при помощи моджахедов успели похоронить и часть убитых. Некоторые же, похоронив близких, собирались перебраться в другое место. Не хватало и гробов, чтобы перенести тела убитых. И моджахеды вместе с беженцами ждали, пока вернут гробы, чтобы отнести на кладбище другие тела.

Хотя по шариату и не положено было подойти к женщине, Масъуд не выдержал, подошел к причитающей женщине. Ее слова так подействовали на Масъуда, что ему стало невозможно слушать дальше, и пошел вдоль рядов погибших. Масъуд успел насчитать более тридцати трупов. Над убитыми телами рыдали женщины, их родные и близкие. Последним в этом длинном ряду лежало тело маленького мальчика, чем-то привлекшего сейчас Масъуда. Сердцем он учуял что-то. Вглядываясь в его лицо, он не мог поверить своим глазам. Лицо это было до боли знакомо Масъуду. ... Да, перед ним лежал тот самый Ахмадшох. Будто ножом, прямо в сердце ударили Масъуда: воткнули и повернули на сто восемьдесят градусов. Он присел на колени и прижался к окровавленному безжизненному телу мальчика. И все, кто стоял рядом, услышали сердце рвущие слова Масъуда:

- Ахмадшох! Ахмадшох! Родненький ты мой! Несчастный ты мой! Ты убежал от своих убийц, и оказался убитым моими земляками! Хотел убежать от смерти, пришел сюда, а здесь в степи Афганистана нашел не спасение, а смерть!

Я обещал тебе, что верну тебя обратно, на родину, но не смог сдержать своего слова! Прости, Ахмадшох! Я проявил слабость! Ты прости меня! Я виноват перед тобой, родненький ты мой!

Стоявшие поблизости люди также опустили головы, пряча друг от друга так и накатывающие капли слез. Все на время будто и забыли, что перед ними плачет не тот тридцатипятилетний Масъуд, который из-за войны не успел еще жениться, а отец, который рыдает горькими слезами над окровавленным телом своего единственного, самого дорогого для него в жизни человека – своего чада.

Ъамегўянд, чун марде бигиряд, арш мелунбад,

Ъазорон арш лунбад нам, гане мардина мегиряд.

Когда мужчина плачет, всё небо дрожит,

Хоть тысяча небо дражит, но мужчина иногда плачет.

Масъуд встал, вытер платком слезы. Пытался успокоиться, взять себя в руки, но пережитое чувство все еще властвовало над ним. Он в какой-то мере чувствовал себя виноватым перед матерью этого мальчика и сотни убитых беженцев, ибо убил их его земляк Хикматёр. А Масъуду не удалось предотвратить эту бойню.

- Устод Сайёф из Пешавара спрашивает Омир Сохиба! – связист Абдусамад доложил Солеху Мухаммаду. Хотя Солех Мухаммад хорошо знал, что случилось что-то срочное, безотлагательное и необходимо срочно доложить Масъуду, но, зная выдавшего виды полководца более двадцати лет, и впервые увидевший, как он проливает горькие слезы, он не осмелился беспокоить его, и сам пошел поговорить с Устод Сайёфом.

- Устод Сайёф, вы уж извините! Омир Сохиб на какое-то время занят. Это я – Солех Мухаммад. Если что-нибудь хотите передать ему, говорите, я передам.

- Дорогой Солех! – послышался на другом конце провода. – Как вы там поживаете? Все ли хорошо у вас?

- Слава Оллоху! Вы как себя чувствуете?

- Все хорошо! Передайте Омину Сохибу, что все, что он заказал, приготовил!

Передайте ему, чтобы распорядился перевозкой груза!

- Обязательно передам, устод! Как только будет возможность, сразу передам ему ваши слова!

- До свидания!

- До свидания!

Усталый, опечаленный, Масъуд подошел к машине. Никто из беженцев так и не понял, кто был этот мужчина, пришедший и поддерживавший их в самый тяжелый момент их жизни. Только несколько мужчин и женщин, увидев, как он рыдает вместе со всеми, подумали, что это еще один мусульманин, узнавший о постигшей беженцев участи и пришедший облегчить и себе и им страдания.

Масъуд сел в кабину, оставив дверцу открытой, чтобы переговорить с Солех Мухаммадом.

- Дорогой Солех, сколько беженцев разместили в саду?

- Половину, Омир Сохиб. Остальные были заняты похоронами родных и близких. Как только закончим дела с похоронами, отвезем и остальных.

Помолчав немного, Масъуд вновь распорядился:

- Переговорите с властями Кундуза, чтобы не оставили беженцев голодными. По твоим глазам вижу, что о чем-то еще хочешь спросить.

- Устод Сайёф просил передать вам, что все, что вы просили, заготовлено. Только не знают, каким путем отправить этот груз.

- Вот это уже другое дело, дорогой Солех! Я заказывал у него палатки, печки для нужд вот этих таджикских беженцев. Хорошо, что смог раздобыть. Оплуху будет угодно, этой же ночью поеду в Кабул и поговорю с Устодом Раббони. Вышлем самолет и отправим все это сюда. Распределение и размещение палаток поручаю вам. Как можно быстрее разместите людей в саду, чтобы этот Хикматёр еще не навлек беду на их голову. Если больше нечего сказать, я уезжаю.

Масъуд хотел, было проститься и захлопнуть дверцу, но вспомнил еще что-то, приоткрыл дверцу и сказал:

- Солех Мухаммад! Беженцев охранять днем и ночью. Чтобы еще какая-нибудь вооруженная бандитская группа не напала на них. Если с Хикматёром и его сподвижниками сам не разберусь, вам будет трудно.

Да, и еще. Чуть было не забыл. Завтра отправь троих четверых молодых к въезду в кишлак. Вот к тому дому, что возле единственного тополя. - рукой показал Масъуд, указывая на одиноко стоявший тополь. - Прямо напротив того тополя живет старик. Его сын погиб в джихаде. Старику одному трудно. Пусть ребята помогут ему замазать глиной крышу. Добрую окажем ему услугу этим. Будет благодарен нам!

Я сам прямо сейчас поеду к руководителю волости Кундуза, попрошу его хотя бы на время обеспечить беженцев лепешками. Вы оставайтесь здесь, с ними. До свидания!

- До свидания, Омир Сохиб! – ответил взаимностью и Солех Мухаммад.

Машина направилась в сторону Кабула. Переправившись через перевал Соланг величественного горного хребта Гиндукуш, дорога эта связывала юг и север с востоком и западом этой страны.

Уставший от сегодняшних потрясений, Масъуд сидел сзади, рядом с Абдусамадом, а Мухаммади Гафс вел машину. Тишину нарушал лишь гул мотора.

- Мухаммад дорогой! Если увидишь, где есть вода, останови машину, надо помыться, время послеполуденного намаза близко. – прервал молчание Масъуд.

- Хорошо, Омир Сохиб.

- Если сильно устал, скажи. Или Абдусамад сядет за руль, или сам сменю. – обратился к водителю Масъуд. - Сегодня с утра, как мы в пути. Хочешь, не хочешь, устанешь.

Знаю, особенно трудно приходится водителю. Ничего, приедем в Кабул, отдохнешь. По дороге мы с Абдусамадом сменим тебя. Думаю, ехать нам придется всю ночь. Хорошо, что в пути не придется опасаться бомбежек и преследований.

- Хикматёр бомбил Кабул, разрушил город! – вставил Абдусамад.

- Не говори, брат. Хикматёр наделал столько бед, столько разрушил, сколько не было в Афганистане в течение многих веков. Помнишь, чтобы сесть на царский трон, ракетами бомбил Кабул? И чтобы он не разрушил город, мы вывели из Кабула в Панджшер моджахедов и все оружие. Он принес больше разрушений и бед, нежели шурави. Убежден, он будет продолжать свои бесчинства и дальше, если его не остановить. Я смог найти управу многим интервентам, но с этим своим земляком не смог найти общий язык.

Лучше уж расскажу вам об одной ссоре, которая произошла между мною и Хикматёром. Долгую дорогу легче перенести, когда беседуешь. ... – Масъуд хотел было начать свой рассказ, как Мухаммад перебил его и остановил машину:

- Омир Сохиб, вот и вода!

- Спасибо тебе, дорогой! – поблагодарив его, вышел из кабины Масъуд. Абдусамад и Мухаммад тоже присоединились к нему.

Прямо у дороги какой-то неизвестный добродетель выровнял небольшую площадку под суфу, расстелив на нее циновку, приспособив ее для совершения молитвы. Тут же у суфы стоял пластмассовый кувшин с водой для совершения омовения.

Расстелив на суфу свой молитвенный коврик, путники совершили намаз и вновь сели в машину. На вечернее небо надвигался сумрак. Надвигались и черные тучи, начал дуть холодный ветер, предвещавший дождь.

- Похоже, выпадет снег. – сказал Масъуд, усаживаясь в машину.

- Еще не рановато? – спросил Масъуда Мухаммади Гафс, включив двигатель машины.

- Может, ты и прав. Но мне поясницу ломит. Это у меня к холоду. Отсюда и говорю.

Проклятие! Годы, прожитые в скитаниях, в горах, между скалами, в холод и мороз, не прошли бесследно. Все тело теперь в болячках. По ночам, как только поясница начинает стрелять, гляжу, через час начинает лить дождь. Сейчас то же самое. Потому и говорю, что это все, может быть, к первому снегу. У нас с вами есть, слава Оллоху, крыша над головой. А вот каково там, в Кундузе, таджикским беженцам?

Да, кстати, Абдусамад, свяжись-ка еще раз с Устод Сайёфом. Узнаем, какие принял меры.

Повозившись с рацией некоторое время, Абдусамад передал трубку Масъуду.

- Устод, как ваше самочувствие? – услышав на другом конце провода голос Устода Сайёфа, спросил Масъуд.

- Слава Оллоху! Живы, здоровы! Как там у вас?

- У нас тоже пока все в порядке. Что нового?

- Раздобыл четыреста палаток. Столько же, или чуть больше, печек. Как все это отправить вам, не знаю!

- Спасибо вам огромное, Устод! Если Оллоху угодно будет, завтра же вышлю транспорт! Ждите! Нам и беженцам вы оказали неоценимую услугу! Благодарю вас! До свидания!

В салоне движущейся машины вновь воцарилась тишина. Судя по капелькам, ударившим по лобовому стеклу, начал накрапывать дождь.

- Омир Сохиб, вы остановились на рассказе о вашей ссоре с Хикматёром. – напомнил Абдусамад.

- Да, верно! Говорил с Устодом Сайёфом и чуть было забыл рассказать вам про эту ссору. – отметил Масъуд. – прежде, чем начать рассказ, хочу отметить, что в быту и в повседневной жизни, как Солех Мухаммад и Устод Сайёф, всегда надо быть полезным своему народу. Солех, к примеру, в течение двадцати лет как родной брат находится рядом со мной, участвует в джихаде, и всегда, при любых трудностях, не помню случая, чтобы хоть когда-нибудь, где-нибудь спасовал перед трудностями. Всегда находился в первых рядах противоборствующих. Не раз сам твердил: «Или пан, или пропал!» И еще эту рубаи услышал и выучил из его уст

Гар дард барад, дарди замонат бубарад,

**Гар об барад, оби калонат бубарад.
Дар навзаи хушкида чї завраќ ронї?
Бигзор, ки туфони ланъонат бубарад.**

**Коль боль уносит, пусть боль времени уносить,
Колт утонуть, то в море утонуть.
В пустом бассейне, что гребешь напрасно,
Да пусть заберет нас веселенной тайфун.**

Сегодня вы сами видите, как, игнорируя любые меркантильные выгоды, борется за безопасность и благополучие таджикских беженцев. Это и есть, по-моему, проявление мужественности, высокого человеколюбия.

Устод Сайёф тоже из числа таких людей. В эти кровавые годы его заслуга перед афганским народом тоже велика. А уж сколько он помог нашим моджахедам. Оружие, мины, боеприпасы, продовольствие и еще многое другое, чем он помогал нам из Пешавара. Если бы не было этой помощи, мы не победили бы шурави.

А этот негодяй по имени Гулбиддин Хикматёр – полный антипод Солеху Мухаммаду и Устоду Сайёфу. Уж сколько лет я сам знаю этого типа, не помню, чтобы хоть раз он делал кому-то добро. Кроме убийств, грабежа, насилия и всего, что противоречит законам ислама, ничего другого за ним нет. Еще одно доказательство его подлости – сегодняшняя бомбежка лагеря таджикских беженцев!

Масъуд замолк. На какое-то время воцарилась тишина.

- Расскажу вам историю, которая приключилась со мной двадцать лет назад, во время революции против Довуда. Одного из ближайших моих друзей Джонмухаммада, одержавшего немало побед и во время партизанской войны, обвинили в шпионаже. Дело в том, что мы с Джонмухаммадом были беженцами в Пакистане. Там же его и посадили в тюрьму. Об этом сообщил нам один друг и сказал, что пакистанские службы безопасности разыскивают и меня. Будто бы и я сотрудничал с Джонмухаммадом. Тот друг поведал мне, что все это уловки Хикматёра. Мол, он этим способом хочет убрать и меня. Я и раньше, во время революции, когда мы учились в политехническом институте, в Кабуле, знал о коварствах Хикматёра. Знал, на какую подлость он готов идти, чтобы добиться своих мерзких целей. Именно по его подлой наводке, по обвинению в том, что он коммунист, был убит прогрессивный молодой человек по имени Сайдол.

Да, когда арестовали Джонмухаммада, я понял, что рано или поздно возьмутся и за меня. Будет лучше, если я сам пойду и поговорю с Хикматёром и сотрудниками службы безопасности Пакистана. Заодно узнаю что-нибудь и о Джонмухаммаде. Я был убежден, что Хикматёр готов оклеветать, убрать со своего пути Джонмухаммада и назначить на его место ответственного за джихад в провинции Кунор своего человека по имени Мавлави Джамилуррахмон.

Взял с собой два пистолета. Один заткнул за пояс, другой привязал к ноге. Взял с собой и друга по имени Аюб. В том ведомстве нам с Хикматёром устроили очную ставку. Действительно, Хикматёр пытался обвинить меня в шпионаже, утверждая, будто при допросе сознался в этом и Джонмухаммад.

Прямо в лицо сказал Хикматёру, что именно из-за его революции, свершенной против Довуда, и погибли лучшие прогрессивные люди Афганистана. Услышав это, Хикматёр тут же вытащил, было свой пистолет. Но я опередил его, наставив на него свой. Аюб тоже держал его на прицеле. В конфликт вмешались сотрудники службы безопасности Пакистана, и мы покинули здание без перестрелки и кровопролития. Не прошло и недели, как казнили Джонмухаммада. Как я уже сказал, с того дня прошло двадцать лет. И Хикматёр до сих пор занят убийством таких же мусульман, как Джонмухаммад. Вот за что и с какого времени берет свое начало наша вражда с Хикматёром. Последнее злодеяние Хикматёра – бесчеловечное, подлое убийство маленького

парнишки по имени Ахмадшох и таких же, как он, десятка его земляков в лагере таджикских беженцев в Кундузе. И все эти убийства совершаются по приказу этого палача по имени Хикматёр.

Масъуд замолчал. Молчали Абдусамад и Мухаммади Гафс. Направив взор по обе стороны дороги, вьющейся все выше и выше по перевалу Соланг, каждый был занят теперь своими мыслями.

Масъуда не покидал образ того парнишки по имени Ахмадшох. Перед его взором был и тот живой Ахмадшох, с которым он встретился когда-то, и этот, с такими же добрыми глазами смотревшими ему в лицо. Но теперь уже безжизненными. «Что он хотел сказать в те мгновения, когда жизнь его еще висела на волоске?» - спрашивал себя Масъуд, и никак не мог найти ответа на свой вопрос, чтобы хоть как-то успокоиться. С каждым днем гнев Масъуда нарастал как снежный ком. Невольно открыл для себя, что самыми дорогими теперь для него существами, оказывается, были родной отец Ахмадшох, погибший на чужбине, в странствии, и этот парнишка тоже по имени Ахмадшох, и тоже на чужбине, и в таком же скитании, как и родной отец Масъуда. ... Это отец настоял, чтобы Масъуд поступил в политехнический институт Кабула и, проучившись, стал инженером-строителем. Поступить-то поступил, но в дальнейшем в числе сотен таких же, как он прогрессивно мыслящих молодых, оказался втянутым в деятельность партийных религиозных группировок, стал членом амбициозных группировок. И с тех пор ручку, тетрадь, чертежи и книги пришлось сменить на огнестрельное оружие. С того времени понятия «мир», «мирное строительство» стали для него понятиями абстрактными, отвлеченными от реальной жизни.

Масъуд вспомнил, что еще утром хотел, было, проездом заехать в родной кишлак, проведать родственников, но как только узнал об обстреле таджикских беженцев Хикматёром, тут же свернул в сторону Кундуза. И опять виной всему этому считал Хикматёра. ...

Наступал рассвет. На фоне зимнего голубого неба начали вырисовываться очертания горных хребтов Гиндукуша. Путники, перевалив последний поворот перевала Соланг, свернули в сторону первого же кишлака. Вдали слева Масъуд заметил купол и узнал в нем башню на кладбище Клинор. И мгновенно в памяти Масъуда всплыла картина той трагедии, которая разворачивалась несколько лет назад. Клинор был водителем. Видя, что тормоза отказывают, он выходит из кабины, надеясь подставить под колеса камень, чтобы машина не скатилась в глубокое ущелье. Увы, ему не удается сделать это, и, видя, что может опоздать, сам бросается под колеса. Остановившая тем самым машину, спасает жизнь пятидесяти пассажирам. Выйдя из машины, пассажиры поняли, какой ценой Клинор спас им жизнь. ...

- Дорогой Мухаммад! Все равно нам с Абдусамадом не дал водить машину. Вижу, страшно устал. Останови где-нибудь, совершим намаз, немного отдохнем и двинемся дальше. – обратился Масъуд к водителю.

Вскоре они прибыли в местечко Зобулсиродж. Каждый раз, когда Масъуд проезжал мимо этого кишлака, перед его взором открывалось своеобразное кладбище советской бронетехники. Здесь сотнями валялись «трупы» подбитых танков, БМП, БТРов, другой советской военной техники, некогда воевавшей и ставшей добычей моджахедов. И каждый раз, проезжая мимо этого кладбища, Масъуд, хватался руками за голову, закрывал глаза, опускал голову еще ниже, чтобы не видеть эту зловещую картину.

Перед взором Масъуда вновь промелькнул образ Клинора. «Да, мужественный и благородный Клинор пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти других»:

- О, Оллох! Да будет земля ему пухом! Омин! – Масъуд обратился к Абдусамаду: - Абдусамад, говорил ведь, что ночью выпадет снег. Посмотри на горные вершины. Все покрыто снегом.

- Да, Омир Сохиб! Увидел и вспомнил про Кундуз. Не могу теперь представить себе, как там бедные таджикские беженцы коротают дни и ночи.

- Приближаемся к Кабулу. Поговорю с Устодом Раббони. Оллох даст, со дня на день привезут беженцам и палатки. Хорошо, что смог уговорить главу таджикской оппозиции Сайида Абдуллои Нури на переговоры с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном. Оллох даст, в скором времени они встретятся. Надо срочно отправить этих беженцев к себе на родину. Если в зимнюю стужу останутся здесь, все умрут от холода и голода. Представь себе, мы находимся у себя на родине, и то сколько мучаемся. А им, чужестранцам, как будет?

Настал-таки тот счастливый день, когда самолеты привезли в аэродром Кундуза так нужные палатки, печки, керосиновые лампы, продукты питания. Под руководством Солеха Мухаммада Регистони моджахеды раздали это все голодным таджикским беженцам. Этим Масъуд спас беженцев от голодной холодной смерти. ...

Глава XVIII

**Ѓами дунё даруни синаи ман,
Ѓами ман дар дили дунё наѓунлад.
Вся боль веселенной в душе моей,
Но моя боль невыносимо веселенной.**

Масъуд, занятый делами ущелья Панджшера и ситуацией в северных провинциях Афганистана, не знал о положении внутри самого Советского Союза. Иначе говоря, не понимал, что за семьдесят лет существования этой сверхдержавы мира врагам коммунистического режима удалось-таки ослабить ее мощь, довести до ручки, и эта некогда мощная держава доживала свои последние годы жизни.

После смерти Брежнева Андропов тоже руководил недолго. Устранив его, посадили на трон больного Черненко. Не дожив и года, ушел из жизни и этот вождь коммунистов. К власти пришел Горбачев. То, что натворил Горбачев в стране Советов, многим было ново и не всеми понято и воспринято, как хотелось бы самому генеральному секретарю ЦК КПСС.

Занятый строительством своих военных укреплений, Масъуд думал, что советские войска намерены остаться в Афганистане еще долго. И потому тщательно готовился к очередным наступлениям на свои позиции. Отразив еще два наступления шурави, Масъуду стало известно, что очень скоро шурави покинут Афганистан. Это известие очень обрадовало полководца. Из северных провинций он тут же прибыл в Панджшер, в Джангалак. Он решил отремонтировать, привести в надлежащий вид родительский дом. Не прошло и часа, как возле его дома притормозила машина с какой-то надписью по бокам. Из машины вышли молодой, красиво одетый молодой мужчина вместе с односельчанином Масъуда коко Куддусом. Поздоровавшись с Масъудом, коко Куддус представил ему своего спутника, молодого француза, представлявшего одну международную организацию, изъявившей желание провести населению кишлака питьевую воду из ближайшего родника. Мол, договоры уже заключены, осталось только пройти по оставшимся домам жителей кишлака, чтобы договариваться и собрать у них часть денег за покупку водопроводных труб.

- Кумандон Сохиб, коллеги посоветовали мне заехать к вам. – обратился к Масъуду француз.

- Поступаете весьма благородно! – узнав о цели визита гостей, сказал Масъуд. – Давайте, сядем, вместе пообедаем, отдохнете чуток, поговорим.

- Еще одно дело у меня к вам. – несколько смущенным тоном сказал француз.

- Пожалуйста, говорите, я вас слушаю! – ответил Масъуд.

- У каждого из жителей кишлака собрал по двадцать долларов. Вы, как командир, может быть, дадите за пять – десять семей? Потому и заехали к вам.

Проведя рукой по лбу, немного подумав, Масъуд сказал:

- Дорогой брат! На это благородное дело я бы с удовольствием заплатил за всех моих односельчан! Но, как ты сам видишь, какой у меня дом. Я тоже, как и все. Как и у всех, у меня тоже нет никаких денег, чтобы заплатить. Если что-нибудь и раздобуду, то буду платить вам наравне со всеми моими односельчанами. Если не будет и этих денег, то вынужден буду пойти занять у кого-нибудь из родственников. Иного выхода у меня нет. Брат, я не из тех командиров, которые только и заняты обогащением своего состояния. Если бы было что-нибудь, отремонтировал бы родительский дом.

Пошарив свои карманы, Масъуд нашел-таки необходимую сумму денег, отдал французу и предложил ему погостить у него. Француз вежливо отказался, сел в машину и уехал.

Проводив гостя, видя, чем занят Масъуд, коко Куддус обратился к нему:

- Омир Сохиб, давайте соберем соседей, родственников, и они помогут вам.

- Дорогой коко! Если и придут помогать, ничего в этом плохого нет. Но я хочу, чтобы сам отремонтировал родительский дом. Отец оставил мне свой дом, а я этот дом оставляю своим детям. Что на это скажешь, коко?

- Не знаю, Омир Сохиб, теперь что и сказать вам на это. Но в любом случае я поговорю с соседями и приду к вам на помощь.

- Дорогой коко! Эти твои слова уже послужили мне бальзамом на сердце. Если придут помощники, починим ограду для машины. Прошлогодние ивовые прутья сломались. Понадобился черенок для лопаты, не смог найти. Попросил Хусайнхона, он принес из Бозорака.

Коко Куддус ушел. Некоторое время спустя, пришли Солех Мухаммад и доктор Абдулло. С собой в целлофановом пакете они принесли мясо индейки.

- Омир Сохиб! Сегодня праздник для всего народа Афганистана. Шурави покинули нашу страну! – радостно объявил Солех Мухаммад.

Солех Мухаммад и доктор знали о выводе Советских войск из Афганистана, и эту радостную весть хотели отметить вместе с Масъудом.

- Регистони, я твой должник! – сказал Масъуд. – Этой своей акцией шурави застали меня врасплох. Я думал, что они останутся у нас как минимум двадцать, двадцать пять лет!

- Если бы остались здесь еще три-четыре года, не снести было бы им и сотню другую голов своих солдат и офицеров, и сотню другую наших моджахедов. – вставил Солех Мухаммад.

- Мне кажется, что Америка сожрет–таки шурави, - включился в разговор доктор Абдулло. – Через своих шпионов Америка разрушит шурави изнутри, и сама будет властвовать миром. Уже сейчас внутри самого шурави неспокойно. Своевременным выводом своих войск из Афганистана они сделали доброе дело. Мы благодарны Оллоху за это!

- Где господствует гнет, там нет устойчивости и в столпах государственности. – заметил Масъуд. – Мы с шурави так и не поняли друг друга. Слава Оллоху! Теперь их кровавые кованые сапоги не будут ступать по нашей земле. Это уже большой успех для нас всех. Одному Оллоху ведомо, сколько ущерба нанесли себе и нам шурави за эти десять лет войны.

За все эти годы войны пришлось встретить всего лишь двух добрых людей в стане шурави. Один из них Анатолий, прибывший к нам от Андропова, чтобы заключить с нами мир, и второй – пленный Исломиддин. Этот молодой человек – единственный, кто понял, что такое ислам, принял его и стал мусульманином.

Да, кстати, с наступлением мира надо позаботиться, чтобы он создал и свою семью.

- Этими делами руководит Регистони, Омир Сохиб. – сказал доктор Абдулло.

- Доктор, сказав так, сами не сторонитесь. – заметил Масъуд. – Исломиддин стал нашим братом. Тут уж мы всем миром должны взяться за это дело!

- Ладно, пусть Регистони поговорит с отцом невесты Киёмиддином, определятся с днем свадьбы. Мы с вами тоже не будем сторонними наблюдателями. – согласился с Масъудом и доктор Абдулло.

- На свадьбу Исломиiddина вносят свою лепту все моджахеды. – заметил Масъуд. – Так и объясните всем. Исломиiddин столько лет послужил нам. Ни разу не видел, чтобы он где-то в чем-то подвел нас. В нашей стране кроме нас с вами у него больше нет никого. Мы ему теперь стали родными и близкими. Кроме нас с вами ему больше не на кого опереться, надеяться. Пройдут годы. Кто знает, его дела останутся на страницах истории Афганистана. Кто видел хоть одного русского, который оказался бы в плену у моджахедов Афганистана и стал бы верным сыном этого народа, этой нации?

В этом мире никто не вечен. После того, как не станет нас с вами, народ обязательно скажет, что мы с вами не убили своего смертельного врага, попавшего в плен. Наоборот, приютили, воспитали и женили как родного сына. И, если судьбе будет угодно, обязательно когда-нибудь он вновь вернется к себе на родину.

Регистони и доктор Абдулло, у меня к вам просьба. Как только будут созданы все необходимые условия, отправьте Исломиiddина домой, к своим родителям, родственникам, землякам. Чтобы как все нормальные люди жил нормальной счастливой жизнью. Это мой наказ вам!

Пока Масъуд беседовал с Солех Мухаммадом и доктором Абдулло, Хусайнхон привел четверых молодых помощников, тоже моджахедов.

- Омир Сохиб, узнав, что вы затеяли ремонт дома, привел вот ребят на хашар*. Пусть помогут быстрее закончить дело. Это профессионалы своего дела. Они, как и вы, архитекторы и каменщики. Если Оллоху будет угодно, сегодня же закончим и с возведением забора, и с оштукатуриванием внутри помещения.

- Спасибо вам, дорогие! – обрадовался Масъуд. – Видимо, Солех Мухаммад и доктор Абдулло знали, что созовут людей на хашар, что взяли с собой и тушу индейки, чтобы было чем угостить вас.

Хусайнхон, раз уж пришли на хашар, помочь мне, то начнем, пожалуй, изнутри. Сначала закончим обделку, затем перейдем на веранду, и, если будет еще время, возьмемся за оштукатуривание стен.

Вот одного недоглядел. Так у меня в сарае нет соломы для глины. Хусайнхон, ты хорошо знаком с соседями. Договорился бы с кем-нибудь из них, раздобыл бы немного прелой соломы.

Хусайнхон взял мешок, лежащий в углу веранды и направился в сторону дома соседа. Во время обеденного перерыва работники собрались отдохнуть.

- Регистони, может быть, нам с вами вместе с доктором Абдулло стоит спуститься к реке? Я что-то соскучился по плаванию. – обратился к своим друзьям Масъуд.

- Такой выдался прекрасный день! Как нам не идти и не искупаться, Омир Сохиб? – спросил доктор Абдулло, и втроем направились к реке. Несмотря на жару, дети были заняты игрой в футбол. Их игра пришлась по душе и Масъуду. Он вспомнил и свое детство, до поры до времени прошедшее вот так, безмятежно. Из Хирота отец Масъуда привез семью в Кабул. Здесь Масъуд собрал вокруг себя своих сверстников, создал команду и начал устраивать соревнования с командами других улиц. Как-то, играя, вдруг между ним и Наджибулло разгорелся спор, и дело чуть не дошло до драки. Что здесь и сейчас было интересно для Масъуда, так это тот факт, что тот самый Наджибулло, являясь теперь руководителем Афганистана, до сих пор не забыл о том скандале детства и до сих пор ненавидит Масъуда.

Вспомнил Масъуд и моджахеда по имени Комрон, которого Наджиб подготовил специально для покушения на Масъуда. Так, вместо того, чтобы убить Масъуда, тот моджахед пришел к нему, положил перед ним пистолет с глушителем и признался, сколько денег ему обещали люди Наджибулло, чтобы он убил Масъуда.

- Я ничего не имею против Наджибулло. Но не знаю, почему он столько лет хранит в себе ненависть ко мне. Причем он не просто какой-то обыкновенный афганец, а глава государства, которому доверена судьба почти двадцати миллионов человек. А сам он человек такой низкой породы, с такими низкими чертами характера.

Правда, после проверки информации я отпустил Комрона. А он, из-за боязни расправы Наджибулло, покинул Афганистан и теперь живет в Германии.

- Омир Сохиб, задумались о чем-то? – доктор Абдулло прервал нить воспоминаний Масъуда.

- Дорогой Абдулло, мне жалко Наджиба. Сам в курсе его угрозы перед наступлением шурави на Панджшер. Помнишь, мы с тобой вместе даже читали письмо Кормала и Наджиба?

- Да, помню. – сказал доктор Абдулло. – Помню только его угрозы, когда писал: «Если не сложите оружие и не сдадитесь, покажу вам, какая у нас сила. Поймаю, свяжу, и живым и здоровым передам шурави. Генерал Варенников мечтает своими руками повесить вас на виселице!»

- Помнишь, какие только должности мне предлагали? – спросил Масъуд, шагая вдоль реки. – Они не знают, что я полководец, а не какой-то им подобный чиновник, желающий о карьере и высоких должностях. Мне важнее спокойствие моего края, предпочитаю мир, нежели высокие должности. Хочу видеть свой Афганистан процветающей страной. Но что поделаешь, если пока руки не доходят до всего, что нужно для этого?

*Хашар – работа, дело, за которое люди берутся сообща, всем миром, на безвозмездной основе.

Масъуд на какое-то мгновение замолк и вновь заговорил:

- Дорогой Абдулло и Регистони! Знайте и запомните, что десять лет войны с шурави ничто по сравнению с той бедой, какую вслед за шурави навалят потом на нашу голову наши же соотечественники. До сих пор и Хикматер, и Пакистан, и Наджиб, и другие наши соотечественники из боязни перед шурави не могли позволять себе чего-то лишнего. Как только шурави покинут нашу страну, все эти вооруженные бродяги поднимут головы и объявят себя хозяевами Афганистана. Одному Оллоху известно, сколько еще бед принесут людям эти безбожные суеверные твари в человеческом облики. Если суждено видеть это и нам, сами потом станем свидетелями их деяний. Не зря в народе говорят:

**Ман аз бегонагон наргиз нанолам,
Ки бо ман нар чї кард, он ошно кард.**

**Я не в обиде от чужих людей,
Все что делали со мной, то только родные.**

Прикрываясь маской ислама, в течение многих столетий эти нелюди до основания разрушили Афганистан, довели народ до полной нищеты и бесправия, пролили реки его крови. И впредь ничего хорошего от них ожидать не придется. Будет еще хуже. – горько вздохнув, Масъуд взмахнул рукой. – Да черт со всем тем, что будет потом! Хотелось бы мне хоть один день подышать как человек, свежим воздухом мира, пожить вне политики, не думать о войне и государстве. Увы, оказывается, это невозможно.

Давайте, отойдем подальше от детворы, в более укромный берег реки, где кручина. Там и искупаемся.

Доктор, я все еще храню на память то письмо Кормала и Наджиба. Может, и наступит тот час, когда брошу его в лицо этим изменникам родины. Скажу им: Низость, подлость, лизоблюдство ваше заставило вас так низко пасть перед шурави. Понимая это, хотели и меня, унизив, уподобить себе? Нет, не выйдет! Вы не знаете Масъуда. Горный орел и грозный лев никогда никому не подчинялись, ни перед кем не падали на колени! И если им суждено умереть, то и смерть они примут достойно, как подобает птице высокого полета, грозному льву, при жизни не признающему слабость!

С уходом шурави власть осталась у Наджиба, он осиротел. Теперь, когда ушел главный дракон – шурави – свои волки и шакалы в лице местных полевых командиров, разбросанных по городам и весям страны, поднимут головы, нападут на обессилевшего Наджиба, загрызут, разорвут его в клочья.

Всем им, в том числе и этой гиене по имени Гулбиддин Хикматер, веками преклонявшего колени перед Пакистаном, крупно повезло. Вот увидим, вооруженный до зубов пакистанской стороной, он войной пойдет на Кабул. Этим шакалом всегда движет корысть, властолюбие! Для достижения своих меркантильных целей он готов на любую подлость.

- Омир Сохиб, опять о политике заговорили. – заметил Масъуду доктор Абдулло. – Так ведь обещали же, не возвращаться к этой теме.

- Да, брат, хватит! Если еще хоть одно слово произношу на эту тему, все, я виноват. – сказал Масъуд, сняв с себя одежду. И в ту же секунду бросился в бурлящий поток. Регистони с доктором Абдулло некоторое время наблюдали, как он взмахивает руками, как держится в холодной воде. Судя по увиденному, можно было вывести, что только теперь Масъуд по-настоящему испытывает то наслаждение, за которым, собственно говоря, и спустились они сюда. Они тоже окунулись в эти бурлящие холодные волны реки Панджшер, берущие свои воды у подножья Гиндукуша. ...

Через неделю, преодолев несколько линий сопротивления, моджахеды Панджшера во главе с Масъудом вошли в Кабул. Не причинив вреда Наджибу, Масъуд приступил к созданию нового правительства нового Афганистана. Сначала отправил свое воззвание всем действующим полевым командирам Афганистана, пригласив их на экстренное совещание, чтобы вместе обсудить условия создания нового государства. В этом воззвании, в частности, Масъуд сообщал всем этническим, политическим, религиозным группировкам о свержении действовавшего коммунистического режима в стране. Мол, пусть сами руководители, командиры решают, каким быть новому Афганистану, какой строй выбрать, кого избрать министрами, руководителями государства. Что касалось самого Масъуда, так он всем им дал понять, что вообще не намерен претендовать на какой-либо важный государственный пост, если сам народ не изъявит такого желания.

Учредительное собрание состоялось в городе Пешаваре Пакистана. В течение десяти суток его участники так и не смогли прийти к единому мнению, не смогли преодолеть барьер межэтнической, групповой, партийной и личной вражды. Видя такое развитие событий, Масъуд призвал участников еще раз рассмотреть вопрос и предупредил всех: Если делегаты не достигнут положительных результатов, вопрос о новом государственном строе Афганистана Масъуд вынужден будет вынести на рассмотрение совета старейшин Афганистана, улемов и командующих войсками Афганистана.

Предупреждение Масъуда сыграло свою положительную роль. Было решено, что руководителем Фронта Национального спасения сроком на два месяца назначается Сибгатуллохи Муджадади. Затем в течение четырех месяцев Бурхониддин Раббони будет исполнять обязанности руководителя государства. По истечении этого срока, то есть, через шесть месяцев, Маджлиси Милли, или Луи Джирга, путем голосования определят будущий политический строй Афганистана.

Из Пакистана Масъуд вернулся весьма довольный. И вновь заявил, что в новом правительстве Афганистана не претендует на какой-либо важный государственный пост. Он намерен вернуться в родной Панджшер, посвятить остаток своей жизни делу воспитания подрастающего поколения и служению исламу и изучению Корана.

Когда все партии, общественные организации и силовики были заняты созданием новой структуры государственного устройства Афганистана, Масъуд упустил из виду фактор Хикматёра. Он не догадался, что руководитель исламской партии Гулбиддин Хикматёр будет сторониться этих группировок и разрабатывает план вооруженного нападения на Кабул

Зная все повадки Хикматёра, Масъуд решил связаться с ним по радиации, побеседовать, договориться, чтобы вновь не разгорелось пламя войны, теперь уже между местным населением. На переговоры Хикматёр не согласился. Не находя другого выхода из создавшейся ситуации, Масъуд обратился к нему:

- Старинный и уважаемый друг, брат Хикматёр! Шурави ушли из Афганистана. Правительство Наджиба свергнуто. Мы решили создать новое государство, новое правительство Афганистана. Почему вы не сотрудничаете с нами?

- В Кабуле орудуют банды коммунистов и генералов. Я ненавижу их! – ответил Хикматёр.

- Власть коммунистов мы свергли! Больше они не посмеют и голову поднять! В новом правительстве нового Афганистана ни одному из них не будет места! – уточнил Масъуд, давая понять Хикматёру, что он не ответил-таки на поставленный вопрос. Хикматёр понял, что Масъуд раскусил его. И тогда он раскрыл свои карты:

- Я хочу войти в Кабул на танках, с возгласами «Оллох Акбар», под зелеными флагами ислама!

- Что касается возгласа «Оллох Акбар», то это правильно. Хороши и зеленые флаги ислама. Но какая необходимость в том, чтобы ты вошел в столицу на танках? – спросил Масъуд, - За эти десять лет войны, когда в Кабуле господствовали шурави и действовал коммунистический режим, ты где был? Почему тогда не въехал на своих танках в Кабул, чтобы сломить войска шурави, свергнуть коммунистический режим и самому сесть на трон? А теперь, господин Хикматёр, хочешь на всем готовом прийти? Если меня опасешься, то знай: Я во всеуслышание заявил, что вовсе не намерен занять какой-нибудь важный государственный пост в новом правительстве Афганистана. Если намерен нападать на Кабул, я вынужден буду защитить его.

Масъуд и раньше знал, что единственным врагом всего афганского народа является Хикматёр. И Пакистан снабжает его оружием, чтобы всегда был готов нападать, убивать, обескровить свой народ, свою страну сослужив тем самым службу своим иностранным спонсорам.

Масъуду ничего не оставалось, как связаться по радиации со всеми руководителями партий, общественных движений, с полевыми командирами и сообщить им о предстоящих планах Хикматёра. Через репортеров средств массовой информации возвестил мировую общественность о готовящейся акции Хикматёра, надеясь, что мировое сообщество не останется в стороне при определении и становлении будущего Афганистана. Но мировая общественность предпочла молчать.

Не прошло и недели, как на имя Масъуда стали поступать письма с тысячами подписями от общественных и религиозных движений, политических партий. Выражая в письмах свою озабоченность планами Хикматёра, они изъявляли свою готовность грудью выступить против Хикматёра, если руководство ими возьмет на себя сам Масъуд. Как моджахеды, так и рядовое население Афганистана, уже знали, кого собой представляет Хикматёр. Вместе с тем они знали и то, что только Масъуд сможет противостоять Хикматёру. Только Масъуд способен разоблачать все его планы, разобраться в хитросплетениях его поступков. И никто другой. Не выступай Масъуд против этого коварного и двуликого злодея, своей военной машиной Хикматёр способен раздавить всех. Раздавит и глазом не моргнет.

Масъуд был в курсе того, что за все время своего пребывания в Афганистане, шурави вели свои боевые действия за пределами столицы, в основном в Панджшере. Кабул и другие города Афганистана остались почти не тронутыми, не были разрушены войной. И если Хикматёр со своим войском войдет в Кабул, Масъуд прекрасно понимал, чем это будет чревато для столицы и ее жителей.

Обо всем этом знало как само население Кабула, так и его окрестностей. Но, будучи занятыми мирскими делами и заботами, это самое население не способно было защитить себя. Единственной надеждой их мог быть только Масъуд, своим

сопротивлением советским войскам доказавший, что способен защитить свой народ и от такого злодея, как Хикматёр. И свое заявление Хикматёру Масъуд уже сделал. Масъуд понимал, что враги извне теперь хотят сломать его изнутри, руками таких, как Хикматёр, послушных слуг. Поддерживая Хикматёра, они натравили на Масъуда и других вооруженных группировок.

Когда моджахеды Масъуда находились еще за пределами Кабула, Хикматёр в лице министра обороны Рафеъ нашел своего человека внутри правительства Наджиба и ввел своих моджахедов в Кабул. В это же самое время с северной части Кабула министр иностранных дел Афганистана Вакил впустил в столицу отряды моджахедов Масъуда. Два корыстолюбивых министра столкнули лбами двух ярых, враждующих между собой врагов, а сами наблюдали за разворачивающейся картиной братоубийства.

Моджахеды Масъуда, некогда воевавшие с войсками шурави и имевший большой опыт ведения боевых действий, взяли верх над противоборствующей стороной, вытеснили ее за пределы столицы. Но это все обошлось ценой огромных разрушений и жизней множества людей, в том числе и мирных граждан.

Несмотря на свое поражение, Хикматёр далеко не уходил от города, ибо вокруг него и поблизости не было сил, способных оказать ему сопротивление.

Пакистанский генерал Хамидгуль продолжал слепо толкать Хикматёра и его моджахедов в Кабул. С одной стороны он снабжал Хикматёра деньгами и оружием, с другой стороны выступал и неким посредником между ними для ведения переговоров о заключении мира.

... Зловоние, исходящее от разлагающихся человеческих трупов, заполнило весь город. Масъуд, хотя и знал о коварствах Хамидгула и Хикматёра, в надежде на мир все же согласился, было на ведение переговоров, но моджахеды, вставшие против Хикматёра, не хотели поддержать его. Видя это, Хамидгуль взял на себя роль того самого посредника, который и пригласил Масъуда на переговоры. В назначенный час он пришел к Масъуду.

В таких играх и авантюрах Масъуд был искушен. Ему успели надоеть эти интриги. Он хорошо знал, что все эти хитросплетения его недругов имеют только одну направленность – захватить власть. Находясь на посту главы государства, единомышленник Масъуда Бурхониддин Раббони послушался Масъуда и назначил Хикматёра премьер-министром Афганистана. Несмотря и на это, ракетный обстрел Кабула все еще продолжался. Масъуд так и спросил у Хамидгула: «Что желает этот наш с вами близкий друг?»

- Хикматёр утверждает, что в армии Афганистана служат коммунисты. Он требует расформировать эту армию. – пояснил Хамидгуль.

Опечаленный услышанным, Масъуд задумался. И было почему: «Хамидгуль и Хикматёр хотят расформировать с таким трудом созданную нами армию, сделать страну слабой беззащитной и самим завладеть ею»

- Опорой коммунистов Афганистана были шурави. И они ушли из Афганистана. Теперь коммунисты Афганистана ни на что не способны. Прежде чем покинуть Афганистан, армия шурави продала нам большую часть своего оружия. Теперь это оружие должно служить народу Афганистана. Коммунисты Афганистана, мы с Хикматёром тоже дети этой страны, этого народа. Так, нельзя ли, чтобы мы с Хикматёром пришли к взаимопониманию, нашли общий язык и прекратили братоубийственную войну, приступили к благоустройству страны? Сколько же нам с Хикматёром проливать кровь? Воюем мы, страдает народ, страна. Как вы сами знаете, в то время, как Хикматёр является премьер-министром Афганистана, его моджахеды бомбят Кабул. Спрашивается, где и какая в этом логика?

Помолчав немного, Масъуд развил свою мысль:

- Господин Хамидгул, прошу вас передать Хикматёру, что я даю ему ровно два дня срока. Если за эти два дня не прекратится бомбежка Кабула, вас обоих я выдворю из Афганистана, выгоню до ворот Пешавара Пакистана. ...

С момента этих переговоров Масъуда и Хамидгула прошло двое суток, но бомбежка Кабула все еще продолжалась. Масъуд приступил к выполнению своих обещаний. Правительственные вооруженные силы Афганистана вместе с моджахедами Панджшера и северных провинций в первый же день сражения отбросили боевиков Хикматёра на тридцать километров дальше от Кабула, чтобы выпущенные ими ракеты не достигали столицы Афганистана.

Став свидетелем этой картины, Хикматёр поклялся Оллохом, что еще на двадцать пять последующих лет объявляет Масъуду джихад. В это время Хикматёр еще не знал, что его покровители в Пакистане и еще в каких-то других странах уже передали его полномочия другим, новым мировым террористам, именуящим себя как движение «толибон». Таким образом, клятва, данная Хикматёром, автоматически утрачивала свою силу. Хикматёра вновь назначили премьер-министром страны, а Масъуду с его моджахедами, составлявшими основной костяк армии Афганистана, теперь приходилось защищать страну от другого, более кровожадного злодея, чем Хикматёр. Откуда появилась эта новая порода злодеев под названием «толибон», Масъуд еще не знал. Он понял теперь, что бомбежкой Кабула заняты не моджахеда Хикматёра, как раньше, а талибы. И командовал ими теперь не Хикматёр, а некий Мулло Умар. И покровителем этой новоявленной группы вновь выступали Хамидгул и Пакистан.

Войной истощенный Афганистан талибы заняли с юга страны и постепенно подошли к воротам Кабула. Они хорошо знали, что здесь их встретят моджахеда Панджшера под командованием Масъуда вместе с моджахедами северных провинций, Кундуза, Мазори Шарифа и части восточных провинций, взявшихся за создание нового государства Афганистана. В лице Масъуда талибы знали, с кем имеют дело.

В нынешней ситуации с талибами трудности Масъуда заключались в том, что он не обладал достаточной информацией как о самих талибах, так и об их предводителе Мулло Умаре. Это обстоятельство несколько сковывало ему руки, не давало широкого раздолья при разработке тактики и стратегии каждой предстоящей боевой операции. Вдобавок ко всему этому, моджахеда надеялись, что с уходом шурави наступят-таки спокойные времена, когда они смогут вернуться к спокойной мирной созидательной жизни. И такое стечение событий тоже не могло не сказаться в их общем настрое. Но с началом боевых операций с группировками Хикматёра все их радужные надежды рассеялись как туман на заре. Сражения с Хикматёром длились долго, разорили и без того разоренное обездоленное население страны. Большинство населения вынуждено было покинуть города, свои села, дома и в поисках куска хлеба перебираться в Иран, Пакистан и другие исламские страны. Не стали исключением даже командиры, советники и ближайшие сподвижники Масъуда. Новое государство Афганистана не справлялось с общим руководством страной. Именно в это непростое и нелегкое для всего Афганистана время и возникли на горизонте талибы. Вновь начались бомбежки, грабежи и убийства людей, расправы с теми, кто хоть каким-то образом выражал свое несогласие с их мнением и желаниями. Новые завоеватели Афганистана начали новый виток войны.

Прокручивая в своем мозгу все события последних недель, Масъуд пришел к выводу, что за всю свою жизнь он ни разу не оказывался в столь безвыходном положении. Сравнивая талибов и Хикматёра с войсками шурави, Масъуду было намного легче отдавать отчет каждому своему действию. При любом развитии событий шурави для афганцев были как чужестранцами, так и иноверцами. В случае же с Хикматёром и талибами картина вырисовывалась совершенно другая. Большинство сегодняшних его врагов были как его земляками, так и единоверцами. Исходя из этого, Масъуду вдвойне труднее было вести войну на своей земле со своими же земляками, пусть и яркими

врагами. Что еще затрудняло, сковывало ему руки, так это тот факт, что и талибы, и Хикматёр выступали под ширмой ислама, только себя и себе подобных считали истинными мусульманами, готовыми ради победы ислама во всем мире жертвовать и жизнью.

Масъуд видел, как талибы и их сподвижники день за днем все больше и значительнее, чем при шурави, разрушали, сравнивали с землей города и села Афганистана. Чтобы остановить это цунами, призвать талибов к миру, Масъуд направил письмо их руководителю Мулло Умару с предложением о заключении мира, пригласив его на переговоры.

Руководитель талибов согласился, но заявил, что переговоры эти состоятся на территории, находящейся под контролем войск талибов.

Близкие Масъуду люди, его советники категорически не согласны были с местом проведения переговоров, ибо при таком стечении событий не исключалась и прямая угроза жизни самого Масъуда. Масъуд тоже был согласен с ними, осознавал степень риска, но гордая натура, интересы своих сограждан стояли выше его личных. И он отправился к указанному талибами месту.

По дороге туда, когда до указанного места оставалось совсем немного пути, Масъуд обратился к своим сопровождавшим:

- Кто даст мне свой пистолет?

- Омир Сохиб, мой пистолет стреляет метко! – сказал один из полевых командиров Масъуда по имени Муслим, протянув Масъуду свой пистолет. Масъуд обратился к своему секретарю доктору Абдулло:

- Доктор Абдулло, вы оставайтесь здесь. Дальше я пойду один. Да хранит нас Оллох!

Масъуд один вошел на территорию, которая принадлежала талибам. Его провели в один из домов кишлака. Видно было, что, увидев прославленного полководца Масъуда одного, без охраны и без сопровождения, талибы опешили: Восхищаясь его смелостью и отвагой, талибы представили себе, что другой такой случая, когда можно будет легко расправиться с прославленным полководцем Масъудом, вряд ли им представится. Обрадованные таким стечением обстоятельств, они стали обсуждать между собой эту тему. Делая вид, будто вовсе и не подозревал обо всем этом, Масъуд спокойно подошел к поджидавшим его командирам, советникам и помощникам Мулло Умара. Как и подобает в таких случаях по законам Востока, Масъуд поздоровался со всеми присутствующими. Он заметил, что его окружают одни, обросшие бородами, звероподобные существа в человеческом облики, с видом палачей. Какое-то чувство брезгливости от всего увиденного как-то сразу охватило им. Мужественно подавив в себе это чувство неприязни к ним, он про себя назвал их группой разбойников. И когда начались переговоры, Масъуд не стал и спрашивать, кто они, кого представляют.

- Братья! В чем заключается цель вашего джихада и войны с нами? – обратился он к собравшимся.

- Установление законов шариата! Исламское государство! Эмират Мулло Умара! Сбор оружия! – лаконично коротко сказал один из длиннородых командиров, Масъуд потер себе лоб и спросил вновь:

- Всего лишь это?

- Пока это! Дальше посмотрим! – ответил тот же командир.

- Выполнение предъявленных вами требований вполне реально! – уверенным голосом заявил Масъуд. – Наше сегодняшнее правительство – исламское! Это значит, что первое ваше требование выполнено! Мы все – мусульмане до седьмого колена и, следовательно, сторонники установления законов шариата! И никогда не допустим, чтобы хоть какое-то наше действие противоречило законам шариата! Значит, и второе ваше условие принято, оно уже действует! Что касается вашего третьего условия относительно эмирата Мулло Умара, то с этим несколько трудновато. Другого, кто мог бы занять место Амиральмуъминина, я не знаю и не признаю!

Четвертое ваше условие – сбор оружия. Новое правительство Афганистана решило: Как только правительство укрепит свои позиции, приступит к сбору оружия у населения.

Оставив Масъуда одного, делегация талибов вышла во двор. И не затем, чтобы обсудить между собой сказанное Масъудом. А для того, чтобы договориться: пользоваться ли им удобным моментом его пленения.

Одни говорили, что если сейчас арестуют Масъуда, то армия и моджахеды Масъуда быстро разбегутся, и талибы легко смогут захватить Кабул.

Другие поддерживали первых, добавляя, что до этого также на переговоры приглашали руководителя государства Сибгатулло Муджадади. И когда тот пришел, был арестован и казнен. Мол, с Масъудом следует поступить также. Добыча, за поимку которой некогда шурави, Хикматёр и другие ее враги назначали миллионы долларов, сама пришла к ним. Не воспользоваться этим шансом, было бы глупо. Другого такого удобного момента, может, больше и не будет.

Третьи не соглашались ни с кем. Это был Мулло Раббони. Нет, не тот Бурхониддин Раббони, которого уважал и почитал Масъуд, а заместитель Мулло Умара:

- Нет, нет, мусульмане! Масъуда и пальцем трогать нельзя! Иначе весь Кабул и Афганистан зальются кровью. Народы Афганистана настолько уважают и почитают его, что если мы поступим с ним таким образом, и стар и млад поднимутся против нас.

Заметно было, что смелость Масъуда заставляла всех думать, прежде чем решиться на какие-то крайние меры. Не найдя другого, более приемлемого решения вопроса, собравшиеся командиры решили связаться по радиации с самим Мулло Умаром. Пока связист налаживал связь с Мулло Умаром, делегация талибов пришла к Масъуду, чтобы как можно дольше затянуть время, дожидаться-таки устного решения Мулло Умара о дальнейшей участи Масъуда. Чтобы Масъуд не догадывался об истинных целях талибов, последние поднимали, как им самим казалось, животрепещущие вопросы дня. Но так казалось только самим талибам. Масъуд, будучи человеком проникательным, наученным своей несладкой жизнью, вовсе не хотел уйти от талибов с пустыми руками. Главной его целью при сегодняшних переговорах было достижение мира, пусть даже временного перемирия. Масъуд искал пути заключения этого мира, ибо очередной виток военных действий не сулил как моджахедам, так и мирному населению Афганистана ничего хорошего. Десять лет, проведенные в постоянных сражениях с шурави, четыре года таких же боев с Хикматёром, гонения и кровопролития изрядно обескровили как моджахедов, так и население страны.

Прекрасно понимал создавшуюся ситуацию и сам Мулло Умар. И отправил он свою делегацию на переговоры с Масъудом не ради достижения мира. На этой стадии Мулло Умару был нужен мир, но только после физического устранения командующих противоборствующих им сил. И если на эти переговоры пришел не кто-нибудь другой сподвижник Масъуда, а лично он сам, то такого поворота событий вряд ли кто ожидал и в стане командующих талибами. Неожиданный визит самого Масъуда ошарашил даже самих командиров, не подготовившихся, как следует, к визиту командующего столь высокого ранга. Время шло, а советники никак не могли связываться с Мулло Умаром. Жалели, что как назло связь подводит их, и Мулло Умар запаздывает с вынесением решения. Масъуд, нутром чувствуя хитрость коварного врага, обратился к ним:

- Поговорите со своим руководителем. Вы со своей стороны выбираете двадцать улемов, мы со своей стороны выберем двадцать своих мудрых старцев. Что решит Совет старейшин, то и примем мы за основу. Заседание Совета старейшин состоится ровно через месяц. До проведения заседания Совета старейшин обеим сторонам прекратить ведение боевых действий. При несоблюдении данных условий я вынужден буду принять адекватные меры. Хочу вам заметить: В настоящее время для народа Афганистана ничего другого, кроме мира, я не желаю.

Масъуд встал и простился с делегацией талибов. Выйдя из дома, он шел мимо сотен вооруженных до зубов боевиков, провожающих его тихо, молча, лишь взглядом. Они

были наслышаны о величии Масъуда. Если бы где-нибудь в другом месте, кто-нибудь другой сказал бы им, что этот, совсем не богатырского телосложения, мужчина, одетый в простенькую одежду рядовых моджахедов, и есть тот самый прославленный Масъуд, с горсткой своих моджахедов десять лет воевавший и победивший целую армию такой сверхдержавы как СССР, наверняка, никто бы не поверил. Под пристальным суровым взглядом талибов Масъуд шел один, без сопровождения, почти, что без оружия, если не считать тот пистолет, который взял он с собой на всякий случай. Никто не смел и преградить ему путь. И было отчего. Каким бы невежественным ни был человек, в минуту смертельной опасности он будет знать и ценить жизнь. А жизнь талибов, как и моджахедов Масъуда, всегда висела на волоске от смерти. Талибы знали, что великий Масъуд пришел к ним не с войной, а с миром. Пусть даже хрупким, временным, но все-таки спасительным. А воевать и умирать, как известно, желают не все. ...

... - Омир Сохиб, вы убили нас без единого выстрела! – увидев Масъуда живым и здоровым, воскликнул Доктор Абдулло и обнял его, хотя до этого ни разу в жизни не осмеливался на такой поступок.

– К добру все, брат! – сказал Масъуд. – С нами Оллох, друзья! И пока мы живы, Оллох берет нас под свою защиту.

По разговору и походке спутники Масъуда поняли, что Масъуд весьма доволен итогом переговоров. Так и было. Масъуд был доволен тем, что ему удалось договориться с талибами о мире еще на месяц.

С той встречи Масъуда с командирами талибов прошел ровно месяц. Талибы ждали начала переговоров.

В назначенный день на переговоры не явился ни сам Мулло Умар, ни его представители-улемы. Вместо этого талибы начали бомбежку и наступление на Кабул. Озаряемый вспышками бомб и ракет, Кабул громыхал всю ночь. Услышав канонаду бомбежек, Масъуд уже не смог остаться в своем штабе в Кабуле. Вместе со своими телохранителями, Доктором Абдулло и Солех Мухаммадом выехали за город, чтобы в более спокойной обстановке разработать план сопротивления талибам. Взвесив все плюсы и минусы складывающейся в городе ситуации, Масъуд уже в пути передумал, решил не оказывать сопротивления. Он знал: Поступи Масъуд так, во-первых, была высока вероятность того, что будет слишком много убитых из числа мирного населения. Во-вторых, у Масъуда не было сил и средств вывести все городское население за пределы города, в безопасные места, ибо талибы уже успели окружить город. Главари талибов приступили к осуществлению своих давно задуманных планов, и согласиться на какие-то там переговоры о мире и речи быть не могло. Масъуд вспомнил и об устоде Бурхониддине Раббони. Шел четвертый месяц, как он взял на себя руководство страной. И талибы уже хотят его физического устранения.

- Надо предупредить устода и сообщить ему о наших планах. Будет лучше, если и он на время покинет город. – сказал Масъуд. – Чтобы оказать сопротивление талибам, наших сил хватит. Но слишком много жертв будет со стороны мирного населения. И если такое случится, то и наше сопротивление будет бессмысленным. Думаю, будет лучше, если вернемся в свой Панджшер и посмотрим, как дальше будут разворачиваться события.

Доктор Абдулло и Солех Мухаммад, сидевшие рядом с Масъудом, по давней привычке знали, что в эти минуты Масъуд занят своими мыслями, и не стоить мешать ему. Оба замолчали. Проехав квартал Парвон, машина, на которой они ехали, приблизилась к подножью горы. Масъуд попросил водителя остановить машину.

- Доктор Абдулло, давайте поднимемся на тот наш излюбленный высокий холм. – указав рукой куда-то в темноту, сказал Масъуд.

С высоты было видно, что Кабул погрузился во мрак. Он был обесточен. Лишь кое-где в окнах мерцала керосиновая лампа. Ступая по извилистой тропинке, Масъуд вместе со своими спутниками вскоре оказались на самом верху холма.

Масъуд неслучайно взобрался на этот холм. Еще в свои молодые годы, когда их семья жила здесь, Масъуд поднимался на этот холм и часами любовался открывшейся панорамой городских улиц. Хотя с тех пор прошло много лет, всякий раз, проезжая мимо этого места, что-то изнутри напоминало ему и о существовании того памятного холма. И Масъуд обязательно поднимался сюда. Видел, что и открывающаяся взору панорама другая, и ситуация иная. Но что-то близкое, теплое, дорогое заставляло его вновь и вновь подняться сюда, вспомнить былое.

- Брат, Солех Мухаммад, знаешь, что здесь прошла часть моей жизни? – несколько усталым и опечаленным голосом спросил Масъуд.

- Знаю, Омир Сохиб. Не раз об этом рассказывали. – ответил Солех.

- Этой ночью я не смог остаться в Кабуле и вместе с вами приехал сюда, чтобы поговорить по душам. Здесь и поговорим, и вспомним былое прошлое, когда мы с друзьями вот здесь, за этим холмом, играли в войну. Затем спускались вниз, разделялись на две команды и гоняли мяч. В одной команде играл я, а в другой – Наджиб. Так сказать, противостояли друг другу, и это противостояние позже вылилось в неприязнь, переродившись затем и в ненависть. Стали врагами. Да хранит его Оллох, прячется сейчас где-то от талибов. Не дай Оллох, поймают его талибы. Разорвут в клочья. Говорят, будто семью свою он отправил в Германию, а сам остался здесь. Если узнаете о его местонахождении, дайте мне знать, чтобы связался по радиации со мной. Попробую найти возможность отправить его проведать своих детей.

- И это все, Омир Сохиб, вы делаете в ответ на все его злодеяния и покушения на вас? – удивленно спросил Солех Мухаммад.

- Солех Мухаммад, лучшая черта настоящего мусульманина – это умение прощать грехи и своему врагу. Сколько бы он не покушался на мою жизнь, сам видишь, не смог причинить мне вреда. Пусть в судный день сам ответит за свои грехи. Как-никак, наши молодые годы прошли вместе. Наджиб – одно, а талибы совершенно другое. Это – зараза. Можем ли мы найти способ искоренения этой заразы? Вот что сейчас главное для нас. Что вы скажете? – обратился Масъуд к Доктору Абдулло и Солех Мухаммаду.

- Если уж вы, Омир Сохиб, не находите ответа, то нам откуда найти? Действительно, на талибов трудно найти управу. – согласился с Масъудом Доктор Абдулло.

- Ответить на этот вопрос нетрудно: Панацеи от них нет. Под ширмой ислама они объявили войну всему человечеству. Этим запятнали и ислам, и мусульман. Увидев женщину с открытым лицом, сразу отрубают ей голову, или вешают на виселице. Коран трактуют по-своему, с выгодой для себя. И так добавляют от себя и сотни правил, выдают как основополагающие законы ислама и требуют от мусульман их беспрекословного соблюдения. И теперь центр мусульманской страны, город Кабул заливают кровью наших же братьев и сестер-мусульманок.

Ни разу в жизни я не сталкивался с такими трудностями. Мы жаловались, что шурави – кафиры. Но им не было и дела до наших религиозных обычаев, обрядов и традиций. Даже Хикматёр не позволял себе идти на такую подлость. Откуда берет свое начало это невежество, и куда оно нас ведет, я не знаю.

На время Масъуд замолк. Но не вытерпел, продолжил свой монолог:

- Хотел, было обговорить с вами план сражений с талибами. Подумал и решил, что сопротивление и сражение с талибами сейчас кроме большого кровопролития ничего нам не дадут. Это нам не Панджшер, чтобы можно было увести народ из-под обстрела и потом начать сражение. Потеряем не только моджахедов, могут быть убиты и тысячи мирных жителей Кабула. Возвращаемся в Панджшер, чтобы не разорить Кабул и не пролить много крови. Это мое окончательное решение.

Масъуд замолчал, вглядываясь куда-то в далекую даль над Кабулом. Солех Мухаммад и Доктор Абдулло тоже молчали. Они не ожидали от Масъуда такого решения. В течение двадцати лет совместной борьбы им с Масъудом приходилось побывать в различных передрягах, но видеть Масъуда в таком беспомощном, усталом состоянии

ни разу не приходилось. Они помнили, как Масъуд находил выход, казалось, из самого безвыходного положения, обеспечивал своим моджахедам успех. Но сегодня он оказался бессильным перед талибами, перед своими же единоверцами, у которых с ними, считай, и кровь общая, и обычаи едины, и вера одна.

- Омир Сохиб, - осмелился все-таки спросить Солех Мухаммад. – Знаю, очень устали от этих воин. Но вы же сами учили нас, что даже в те критические минуты, когда поражение налицо, постараться найти в себе силы и бороться за достижение цели. Так, что же сегодня с вами случилось, что вы разуверились в своих силах? Ведь все моджахеда, правительственные войска в вашем распоряжении.

- Солех Мухаммад, кроме, как на Оллоха, мне уповать больше не на кого! Да, всю жизнь воевал с врагами веры и свободы Афганистана. Это были чужие афганскому народу люди, из другой страны. Сегодня ситуация совсем другая. Получается, тот, ради кого я воевал всю жизнь, сам встал против меня. Я не могу воевать со своим братом, сестрой, матерью. Это племя обвиняет кафиром, отрубает голову, казнит мою сестру, которая учится, преподает в медресе. Чтобы убить своего же брата, обвязывает себя так называемым поясом шахида и идет на самоубийство, называя это джихадом. Всеми своими злодеяниями они очернили священный ислам. Они хотят втянуть нас с вами в эту братоубийственную бойню. Но у меня не хватает силы воли воевать со своим народом. Я терплю поражение не от сопротивления врагу, а оттого, что руки наши будут омыты братской кровью. Я сражен без боя.

Своими злодеяниями талибы погубят и здравый рассудок, и прозревшее око, и чистоту религии – словом всех нас и все самое святое, что есть сейчас у нас. Они позорят нас на весь мир.

«Бойся того, кто не боится Оллоха!» Эта мудрость веков неслучайно дошла и до нас. Весь мир окажется под угрозой их террора.

Для того, чтобы сломить талибов, американцы послали своих представителей договариваться с нами о поставках оружия и авиации. Но я не принял их предложения. Они одним выстрелом хотят сразу убить у двух зайцев. Их оружием уничтожить свой народ – раз, шурави покинул нашу страну, американцы, воспользовавшись тем фактом, что снабдили нас оружием, будут настаивать на ввод своих войск в Афганистан – два.

Мы не хотим в этой жизни зависеть от кого-то. Кроме, как перед Оллохом, больше ни перед кем не буду преклонять колени. – глубоко вздохнув, Масъуд вновь задумался о чем-то и продолжил. - Поеду к себе в Панджшер, домой. В скромную отцовскую обитель, под защиту для всех нас мазаров святых. Теперь на этом белом свете я не могу ходить с высоко поднятой головой. И видеть не хочу их мерзкую рожу!

Объявите всем моджахедам и армии, что Масъуд вернулся к себе домой, в Панджшер, в отцовский дом.

Сказав это, Масъуд встал и начал спускаться с холма. Его телохранители, Солех Мухаммад и Доктор Абдулло последовали за ним. Видно было, что в эти минуты все были объаты каким-то чувством недоумения, печали, разом охватившей всех.

Утром следующего дня по всему Афганистану разнесся слух: Во избежание лишнего кровопролития среди мирного населения и разрушения Кабула Масъуд вернулся в Панджшер.

Безо всякого сражения был сломлен своими же земляками, и талибы захватили Кабул. Царский трон достался талибам. Они стали властелинами Афганистана.

Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Пакистан, являвшиеся покровителями и пособниками талибов, официально признали вновь созданное правительство Талибов. Четко не представляя себе исходящую от них угрозу всему миру, Организация Объединенных Наций и Соединенные Штаты Америки разместили представителей Талибов в Нью-Йорке.

Глава XIX

**Ватан, омад банър, аммо набинам гул ба домонат,
Наояд наѓ маи шодї зи мурѓ они ѓазалхонат.
Ба љи мављхун мелўшад аз анњори хандонат,
Ба љи лола рўяд доѓ аз тарфи биёбонат.**

**Весна пришла, Отчизна, не видно радости твоей,
Не слышно, как поёт в саду веселый соловей.
Вода течет в твоих ручьях, похожая на кровь,
Тюльпанов нет, поля бледны, без трав и без цветов.**

Весна в Панджшере такая же особая, необычная, как и во всех других уголках земли. Со своей красотой и живописностью гор. Необычность ее еще и в том, что по сравнению с долинными районами, она наступает здесь позднее обычного. Когда горные вершины Гиндукуша блестят еще снежной белизной, в низовьях, по берегам реки Пяндж, на южных склонах перевала Соланг уже начинает зеленеть весенняя трава. Под теплыми ласковыми лучами солнца буквально повсюду оживляется природа. Прозрачно чистый воздух насыщен теперь новыми запахами. Человека, понимающего гамму весенних красок, красоту окружающего пейзажа, душу заполняет какое-то особое трепетное чувство, непередаваемое словами. Глубоко вдыхая весь этот аромат, вслушиваясь в пение первых весенних птиц, остается лишь восторгаться прелестью природы, отдавшись своим сокровенным, от глубины души идущим чувствам. Этот ласковый легкий ветерок действует на человека успокаивающе. Будто и не было войны.

«О, человек, благодари Оллоха, что дожил-таки и до новой весны!» – наблюдая за открывающейся картиной, размышлял про себя Масъуд вернувшийся в свой родной кишлак и на время забывший о войне. Теперь Масъуд наслаждался этой благодатью мирной жизни. Он направил взор на вершины гор Мунджахур и Кулохи Мола. Снежные шапки все еще украшали их макушки. Видно, холода все еще держались в вышине гор, чего вовсе не скажешь о макушке горы Сафедрег, находившейся на юго-востоке, прочувствовавшей наступление весны и успевшей избавиться от своего зимнего головного убора.

Этим утром Масъуд встал с приподнятым настроением. Совершив утренний намаз, как обычно сел за чтение Корана. Как только взошло солнце, положил Коран в мешочек, положил в нишу и вышел во двор. Погода стояла прекрасная. Внимание Масъуда привлекло пение птиц. Повернул к ним свой взор и на протянутой проволоке заметил длинный ряд сидящих и поющих вразнобой ласточек. Увидел их и вспомнил, что еще в прошлом году прямо под потолком его дома парочка ласточек успела обжить оставшееся еще с позапрошлого года гнездо, снесла яичек. Оглянулся и заметил на земле куски разбившегося гнезда. «Видать, бомбежки сказались и в судьбе этих пернатых. Что ж, теперь заново придется свить себе гнездо. Лучше оставлю дверь открытой, чтобы они смогли залететь и заняться своим гнездышком. А ведь если подумать, и эти ласточки, и их родители родились здесь же. Улетев в теплые края, с наступлением весны вновь вернулись туда, где родились. Как-никак родная сторона все время тянет к себе, даже и этих безобидных пернатых» - подумал Масъуд, и понял, что точно такая же судьба складывается и у него. Только ему, в отличие от птиц, надо будет отремонтировать отцовский дом. Чтобы отстроить себе новый дом, у него не было ни денег, ни средств. «Обойдемся пока и этим» - решил Масъуд.

Вслушиваясь в пение птиц, Масъуд наслаждался этой красотой и заметил, что его жена Паригуль несет в кувшине воду из родника Чашмаи Бедак.

- Мать Ахмада, видишь, как рады весне и нам с тобой эти ласточки?

- Вижу. – ответила Паригуль, направляясь в сторону дома.
- Дверь оставь открытой. Если захотят, пусть дома, если нет, то пусть на веранде построят себе гнездышко.

Паригуль поставила кувшин на землю, открыла дверь. Увидев, что дверь вновь захлопнулась сама собой, открыла ее и положила у косяка камушек, чтобы не закрылась. А сама пошла к таганке, чтобы кипятить чай.

- Отец Ахмада! Когда пойдешь в сад, на обратном пути принеси немного сухих веток. Дрова кончились. Нечем печь лепешки.

- Принесу, жена! Раз уж печешь лепешки, то испеки несколько кульчи* (колобок) Идем в Поранди, на свадьбу Исломиддина!

- Если уж свадьба у них, тогда почему нас не пригласили? – спросила жена.

- У Исломиддина сейчас каша в голове, сам не знает, что делать. Свадьба Исломиддина – это наша свадьба. Сама знаешь, его родителей здесь нет, чтобы ему было на кого опереться. А вместо родителей, родных и близких ему нынче будем мы с тобой. Вот и поступим так, как положено родителям. Поженим его, представится возможность, отправим домой, на родину. Мать Ахмада, мир стал другим. Готовься, завтра утром идем на свадьбу.

Поищи там в своем сундуке, найди отрез, платок какой-нибудь для невесты. Я-то из денежного довольствия самого Исломиддина купил все необходимое, заказанное братом Киёмиддином и тетей Хамидой, послал им через Солех Мухаммада. Но есть еще и другие расходы. Пусть, люди видят и знают, что и приемные родители жениха тоже пришли не с пустыми руками.

*кульча – колобок.

Своей неожиданностью и тем обстоятельством, что война еще на закончилась, и кто знает, что завтра может случиться с Исломиддином, известие о предстоящей свадьбе Исломиддина несколько омрачило, было настроение Паригуль. Она считала, что будет лучше, если отложить со свадьбой до лучших времен, когда все успокоится, Исломиддин вернется к своим родным и близким и у себя на родине сыграют свадьбу. Но, видя категоричность мужа, поразмыслив, вывела, что конца краю войны еще никто не знает, а жизнь идет своим чередом. Будет лучше, если молодые справят-таки свою свадьбу. Выходило, что муж все-таки прав, и она теперь была рада, что утром следующего дня идут на свадьбу своего приемного сына.

Взяв в руки лопату и топор, Масъуд прошел за дом, направился в сад. Он хотел заготовить дрова из сухих веток, а заодно подготовить место для молодых саженцев. И если сможет достать саженцы яблони, сможет расширить и территорию сада. Не прошло и часа, как к нему пришли гости. Из машины вышли устод Бурхониддин Раббони и стройный мужчина высокого роста, с открытым лицом, хорошо одетый, примерно одного возраста с Масъудом. Прогуливаясь, разговаривая, обходя сад, они подошли к Масъуду как раз в то время, когда он рубил сухие ветки на деревьях. Масъуд весьма уважительно относился к Раббони, и, увидев его, отложил топор и направился к гостям.

- Ассалому-алейкум, Омир Сохиб! – бодро поприветствовал Масъуда Раббони. – Вы оставили Кабул нам, а сами вернулись в родительский дом. Думали, что этим избавитесь от нас, но нет. Кто ищет, тот и найдет. Вот мы и нашли вас!

- Воалейкум бар салом, Устод! Добро пожаловать в мой дом! Я ведь еще до возвращения сюда предупредил вас! А вы меня вините в чем-то! – сказал Масъуд, надеясь выйти из неловкого положения. – Устод, извините! Я слеп перед жизненными трудностями! Больше сил нет противостоять талибам! Но ведь, вы же прекрасно знаете, что я всю жизнь воевал с чужеземцами. А талибы теперь – мои же земляки, братья наши. Это те же пушту, хазора, узбеки и таджики, обманутые талибами и теперь воюющие на их стороне. Получается, воюя с ними, убиваем своих же братьев, разрушаем свою же страну. Воевать с талибами для меня значит решиться на

самоубийство. А я не могу пойти на самоубийство. Скажите, кому тогда все это пойдет на пользу? Из этих вот соображений решил вернуться в родительский дом, заняться мирным трудом!

- Видно, у нас с вами судьба так складывается. – заметил Раббони.

- Дорогие гости, собственно, чего мы здесь стоим-то? Давайте, пройдем в дом. – предложил Масъуд гостям. – Видать, Оллоху угодно было, чтобы сегодня вы были моими гостями! Пожалуйте в дом!

- Гостя, что сейчас со мной, зовут Сайид Абдуллои Нури. – Раббони представил Масъуду рядом стоящего мужчину. – Этот человек является руководителем Партии Исламского возрождения Таджикистана. Он прибыл к вам за помощью в решении одной важной проблемы. Как вы знаете, Омир Сохиб, наши таджикские братья, как и мы с вами, столкнулись между собой в братоубийственной войне.

- Если смогу хоть чем-то помочь нашим таджикским братьям, буду премного благодарен ниспосланной мне судьбе! – заметил Масъуд. – Пройдите в дом. Ради доброго дела я готов жертвовать и жизнью своей. Устод Сайид Абдуллои Нури мне знаком. Насколько я знаю, вы, устод Раббони, имели телефонный разговор с Эмомали Рахмоном. Беседовали о заключении мира между таджикскими противоборствующими сторонами. К какому решению пришли, я не в курсе дела, поскольку в то время был занят мыслями о талибах. Прибыл в Панджшер, и все важные дела там остались незавершенными.

- Омир Сохиб. – Раббони обратился к Масъуду. – Вы правы. Сами же и сказали, что сама обстановка в Кабуле осложнилась. Для проведения переговоров необходима спокойная безопасная обстановка. Если уж вы с этим не справитесь, то больше некому. К кому тогда обратиться-то?

- Устод, вы с нашим уважаемым гостем не будете испытывать никакой нужды. Я с превеликим удовольствием возьмусь за это дело. Как говорится, если мы и сломлены, то еще не побеждены! – сказал Масъуд.

Беседуя, гости прошли во двор, и телохранители сообщили, что у родника Чашмаи Бедак под яблоней приготовили гостям место для беседы и отдыха. Впереди Масъуд, гости за ним - все прошли туда и сели на расстеленные курпачи за дастарханом. В ту же минуту положили на дастархан только что выпеченные на тануре горячие лепешки. Приятный запах лепешек щекотал аппетит.

В это время за воротами дома остановилась еще одна машина. Из кабины вышли братья Масъуда Ахмад Зиё и Ахмад Вали и направились в дом. Братья обменялись объятиями и крепким рукопожатием. Стороннему наблюдателю нетрудно было догадаться, что встреча родных братьев состоялась спустя годы разлуки. Предстояли часы бесед родных братьев. А вспоминать и беседовать, им было о чем. Война, разлучившая их на долгие годы, не могла пройти бесследно, еще больше укрепила в их памяти эту братскую связь.

Воодушевленный встречей с родными братьями, Масъуд заметно повеселел, стал сговорчивее. Через минуту-другую на его лице и не было той грусти, которая осталась после долгих лет беспокойной военной жизни. Беседуя, братья внимательно рассматривали друг друга.

В двух табаках принесли далду. Пары, разносившиеся от этого блюда, ласкали ноздри запахами весенних трав. Телохранители принесли весенние суманаки-колобки и шурбо (суп). Взяв в руку суманак, Масъуд поцеловал его, сказав:

- Покойная мать варила и пекла такие же суманак-кульчи.

Кивком головы братья подтвердили его слова. Будто и Паригуль тоже знала, что сегодня за одним дастарханом сядут братья, что специально испекла любимые всеми братьями суманаки-кульчи.

- Я сегодня счастлив, что наконец-то избавились от войны, и чувствую себя настоящим человеком, живущим как простые рядовые граждане. Может быть, поэтому ко мне

сегодня приехали и мои родные братья, и дорогие моему сердцу гости. Спасибо вам, что пожаловали в нашу скромную обитель, уважаемые гости! Мне очень приятно, что сегодня впервые за многие годы мы можем говорить не о войне, а о мире!

И тут Масъуд вспомнил, что еще утром жена попросила его принести дрова, а он, занятый беседой с гостями, заметив на голове Сайида Абдулло Нури тюбетейку, вспомнил, что не только забыл принести еще утром заготовленные дрова, да в придачу и шапку свою оставил там, в саду.

- Мухаммад, брат дорогой! Там, в саду, есть связка дров, а на ней моя шапка. Иди, пожалуйста, принеси-ка их. Вышло так, что я и вовсе забыл про них.

Видимо, сказанное Масъудом понравилось Раббони и Сайид Абдулло Нури, что оба, улыбаясь, переглянулись.

- Если уже сейчас стал таким рассеянным, то не знаю, каким буду, если Оллох даст дожить до вашего почтенного возраста. – Масъуд обратился к Раббони.

- Омир Сохиб, у вас такая уж привычка, что за дастарханом не можете сидеть без головного убора. – заметил Раббони.

- И то правда, Устод! Почти всю жизнь прожили вместе. И как не вам знать о моих привычках. Кстати, Устод, прошу простить меня. Забыл спросить: Какой чай предпочитает наш гость? Зеленый или черный? – Масъуд обратился к Раббони.

- Тот чай, что вы называете зеленым, мы называем его синим, хотя имеем в виду тот же зеленый чай. Зеленый приятнее! – сказал Сайид Абдулло Нури.

Желая перевести тему разговора в другое русло, устод Раббони обратился к Масъуду:

- Что нового в северных провинциях страны?

- На днях прибыла сюда группа старейшин из Бадахшана и других провинций. Они тоже опасаются талибов. Жаловались, что не успели избавиться от шурави, как оказались в омуте талибов. Оказывается, некоторые представители Мулло Умара ездили в северные провинции и агитировали народ поддерживать талибов. Но народ, как говорили те старики, не поддерживает талибов.

Эти старики были посланы оттуда делегатами, чтобы попросить меня не оставить их в беде. Будто бы вместо шурави теперь к ним придут талибы.

Конечно, я был удивлен такому повороту событий. Зная, что дорога на север лежит через Панджшер, и талибы тоже попытаются пройти туда через это ущелье, а я призван охранять население Панджшера, обещал тем старикам, что, охраняя население Панджшера, постараемся не дать в обиду и население северных провинций. Попросил их передать своим односельчанам, чтобы жили спокойно. Если возникнут трудности, мы будем с ними. Пусть обученные моджахеды из северных провинций не разойдутся никуда и будут наготове. Как только поступит команда, пусть примкнут к нам. Будем действовать вместе. А вместе мы – сила!

А чтобы они ушли со спокойной душой, сказал им, что я тот же Масъуд, которого они знают и помнят. И в беде никогда их не оставлю. Они ушли довольные и обещали в нужный час прийти ко мне. На том мы и расстались.

Раббони был доволен этим рассказом Масъуда. Понял, что и он сам не останется без надлежащей поддержки, ибо в тех сражениях, какие произошли с шурави в северных провинциях, Раббони тоже был в первых рядах сторонников сопротивления.

- Занятые беседой, не пропустите бы нам и время намаза! – посмотрев на свои часы, сказал Раббони. – Как раз, самое время.

- Вы где остановились? – спросил Масъуд у Сайида Абдулло Нури, когда закончили намаз, видя, что гости собираются уехать.

- В гостинице «Континенталь»

- Оллох даст, через день-два сам найду вас и вместе с Устодом Раббони поговорим, обсудим все и организуем вашу встречу с президентом Таджикистана, господином Эмомали Рахмоном. Вы сами знаете, в каком нынче положении находится наша страна. Знаю, что и в вашей стране неспокойно, много противоречий. Но во имя мира, спасения

нации, возвращения беженцев на родину, надо пойти и на определенные уступки обеим сторонам. Знаю, что сознательность таджикского народа отличается от нашей. У нас же десятилетия длится война, отбросившая нас назад на столетия.

Иногда в случае необходимости я созваниваюсь и беседую с вашим министром безопасности Сайдамиром Зухуровым. Мы давние знакомые. Оллох даст, через него свяжусь и с президентом, договоримся о месте и дате проведения вашей встречи. Думаю, все будет хорошо. И потом, доктор Раббони тоже человек добрейшей души. Будут решены и проблемы, связанные с вашими беженцами.

Хотел бы спросить у вас одну вещь, если не возражаете.

- Пожалуйста. Я вас слушаю! – сказал Сайид Абдулло Нури.

- Каким языком говорить с Ризвоном и его сподвижниками, чтобы вернуть их на родину?

Сайид Абдулло Нури, видимо, не ожидал этого вопроса, что задумался, прежде чем ответить. Он не знал, как ответить, какой совет дать Масъуду, ибо был в курсе того, что натворил Ризвон как у себя на родине, в Таджикистане, так и в Афганистане. Ризвон ненавидело население обоих государств. Не выдержав натиска правительственных сил Таджикистана, Ризвон с четырьмястами своими боевиками сбежал из Гармского района в Тавильдаринский, перешел реку Пяндж и обосновался в Файзабаде Афганистана. Видя, что действия Ризвона никем не контролируются, и он позволяет себе много лишнего, Масъуд привел их к себе в Кабул. Но Ризвон и здесь продолжал заниматься беспределом. ...

Но как бы там ни было, Сайиду Абдулло Нури надо было ответить на вопрос Масъуда. Подумав немного, он сказал:

- Омир Сохиб, Ризвон и его соратники находятся не под моим руководством и не в моем подчинении. Если бы нашли возможность отправить их на родину еще до возвращения беженцев, с вашей стороны было бы весьма благородно.

Масъуд, всю жизнь имевший дело с такими же, как Ризвон вооруженными группировками, прекрасно понял намек гостя. Он тоже был согласен с его мнением. Потерев рукой лоб, он предпочел молчать, нежели поделиться своими размышлениями с Сайидом Абдулло Нури.

- Омир Сохиб, позвольте поблагодарить вас за ваше хлебосольство и такой радушный прием! С вашего позволения мы откланяемся! – обратился Сайид Абдулло Нури к Масъуду. Тут Масъуд вспомнил о свадьбе Исломиддина

- Устод, у меня к вам и нашему гостю есть еще одна просьба. – обратился он к Раббони.

- Мы вас слушаем, Омир Сохиб.

- Завтра в ущелье Поранди у нас намечается свадьба одна! Женить нашего Исломиддина. Что будет, если и вы вместе с нашим уважаемым Сайидом Абдулло Нури как наши почетные гости пожелаете туда?

- Да хранит нас Оллох! Приду, Омир Сохиб, обязательно приду и нашего гостя с собой возьмем. Действительно, свадьба Исломиддина это свадьба всего нашего населения.

Смотрите, Омир Сохиб! Куда делись все эти сильные мира сего, вооруженные до зубов военные? Судьбе, видать, угодно было, чтобы мы в течение этих десяти лет терпели от них много бед и разорений. Они все ушли, остался только один Исломиддин, считавший Оллоха единым божеством и принявший ислам. Он теперь очень дорог всем нам! Мы обязательно придем на его свадьбу!

- До свидания, Омир Сохиб!

- До свидания! – попрощался с гостями Масъуд.

Слухи о свадьбе Исломиддина дошли и до Кабула. Хотя десяткам вооруженным группировкам, воюющим с талибами, было не до свадьбы и тем более до какого-то там Исломиддина. Новостью же в этих слухах было то, что справляет свадьбу не кто-нибудь, а Исломиддин, в бытности христианином и воевавшим с моджахедами Масъуда, потом принявший ислам, ставший мусульманином и собирающийся жениться на мусульманке. Причем, в роли свата выступает не какой-то там неизвестный рядовой

афганец, а лично сам Масъуд, и женит он своего же телохранителя. Услышав эту новость, репортеры газет, журналисты и операторы мировых западных телекомпаний, мусульманских стран устремились в Поранди, чтобы запечатлеть исторический момент, донести это известие до мировых агентств.

Масъуд женит Исломиддина на одной из красивейших девушек горного ущелья Поранди. И он обещал, что в случае наступления благоприятных условий отправит Исломиддина к себе домой на родину, к родным и близким.

Сколько бы старожилы не листали страницы своей прошлой истории, так и не нашли такого полководца, кто как Масъуд настолько уважительно отнесся бы к своему врагу. Если враг в лице Николая воспринял все с ним случившееся как должное и принял ислам, стал мусульманином и стал жить и служить Масъуду по законам, принятым этим обществом, то в ответ на все это Масъуд приютил, обогрел, приблизил его к себе, взяв к себе на службу. И счел себя обязанным, если сам Николай того примет, женить его на возлюбленной. Благородности выше этой никто и не помнил. Да, воевать и побеждать своего злейшего врага - удел великих полководцев. Но поступить с этим же врагом так благородно – на подобное способен не каждый. Это и есть героизм, благородство высшей степени.

К тому времени, о котором идет речь, все советские пленные были освобождены и разошлись кто по своим домам, а кто подался в чужие страны, чтобы избежать наказания на родине. Николай же остался в Панджшере, в той самой мечети, что в кишлаке Бозорак. И стал служить самому Масъуду. Вскоре прославился в округе и сам Николай. Теперь Исломиддина знали как надежного телохранителя и близкого Масъуду человека.

Узнав о свадьбе Исломиддина, из Нуристана и Бадахшана, Баглона и Хирота, Кабула и Мазори Шарифа стали прибывать в Поранди моджахеды, жители кишлаков, стар и млад. Все они, наслышанные об Исломиддине, приходили, чтобы своими глазами увидеть, какой он на вид этот «урус», какой подвиг совершил, что заслужил доверие самого Масъуда, выступившего приемным отцом Исломиддина и главным сватом этой свадьбы.

Свадьба Исломиддина была еще и поводом, чтобы население кишлаков смогло собраться вместе, отметить весенний праздник Навруз, хоть один день отдохнуть вдоволь от повседневных забот и хлопот. Причем все это в компании самого прославленного Масъуда. Конечно, они понимали, что такая возможность вряд ли представится им и в ближайшем будущем. Население кишлака Поранди готовилось к свадьбе Исломиддина и прекрасной Одилы.

После того, как Масъуд отказался от высоких должностей в правительстве Афганистана, чтобы дотла не разрушить Кабул, не пошел воевать с талибами и вернулся в Панджшер, его авторитет в глазах простых граждан Афганистана возвысился до невысказанных высот. Народ теперь окончательно поверил, что среди тысячи командиров и полководцев Масъуд тот единственный, кто ради спасения своего народа от произвола и насилия, ради интересов своей родины готов жертвовать и своим благополучием, и, если это необходимо, и своей жизнью. В его лице народ нашел того истинного мусульманина, чьи слова и поступки ни на йоту не отступают от требований заповедей Корана.

К тому времени талибы, хотя и успели уже захватить большую часть всей территории Афганистана, но не пользовались таким авторитетом, каким пользовался Масъуд. И оставалось непобежденным лишь ущелье Панджшер с его непокорным грозным львом Масъудом во главе.

Торжества начались с раннего утра. Под звуками народной песни молодежь затеяла свои игрища. В одном кругу борцы мерились силами. В другом месте бравые молодцы были заняты метанием камней. Доносившиеся до слуха звуки выстрелов говорили о том, что где-то в конце кишлака стрелки состязаются в меткости. В этот день наряду со

свадьбой Исломиддина народ отмечал и праздник Навруз – наступление нового года по восточному календарю. Радовались этим двум событиям все.

Узнав о прибытии Масъуда, улемы и старейшины окрестных кишлаков стали стекаться у дома Киёмиддина. Судя по их радостным лицам, они были весьма рады такому стечению обстоятельств. Когда же они увидели, что Масъуд прибыл на свадьбу вместе со своей семьей, обрадовался этому не только Киёмиддин, но и женщины кишлака. Они сочли это за уважение к семье Киёмиддина, ко всем жителям кишлака Поранди.

Судя по тому многоголосию овец, коров и коз, которое доносилось из хлева Киёмиддина, это помещение уже не могло вместить в себе такое количество скотины, привезенной отцу невесты в подарок к свадьбе. Часть животных пришлось поместить в хлев у соседней.

Как только Масъуд вошел во двор Киёмиддина, услышал звуки пения панджшерских ребят, понял, что они соревнуются в песнопении с порандийцами. От увиденного и услышанного на какое-то мгновение вспомнил и свою свадьбу. Вспомнил, что тогда из-за опасения нападения врагов он не смог вот так торжественно и красочно организовать и справить свою свадьбу. Все прошло тихо, незаметно. Даже без участия близких друзей, родственников, хотя и сейчас было не так уж спокойно, чтобы можно было не опасаться ничего. Масъуд знал, что враг по-прежнему не дремлет, готов расправиться с ним в любую минуту, если представится такая возможность. ...

Сегодня, как и положено вести себя, Масъуд радовался вместе со всеми, как и подобает в праздничный день. Он считал себя счастливым, что является частичкой вот этих простых своих земляков и, как они, может себе позволить радоваться вместе со всеми.

Юноши, видимо, затеяли байтбарак, что до слуха Масъуда дошли и эти строки:

**Духтар, ки вафо намекунад, яъне чї,
Ранме ба гадо намекунад, яъне чї?
Абрўра камон кардаву, моњора нишон,
Як тир хато намекунад, яъне чї?**

**Неверная подруга, что это значит,
Без жалостна к нишему, это что значит?
Нахмурила брови и целилась в нас,
Ни разу не промахнулась, что это значит?**

Изменив тон, подхватил его другой юноша:

**Лаб ба лаб, сина ба сина бошуме,
Аз анорош чашида бошуме.**

**Губа в губы, груд на грудь,
Лакомиться бы гранатом сплым.**

В такт ему поддержал третий:

**Ёраки сурху сафед аз ма ризо,
Рост гў, лўяки хобут ба кулю?**

**Моя лунолика, довольна мной,
Признайся правду, хочешь ли ты меня?**

Аплодируя так же в такт, другой юноша продолжил:

**Духтар намака реза,
Орда майда мебеза.
Дастум, ки ба лўнуш хўрд,
«Вой-вой» када мегреза.**

**Девушка словно соль рассепной,
Сеет муку не торопясь,
Как дотронусь до неё,
Крик и вопли в устах у неё.**

«Мир и благоденствие! Какой же это бесценный дар, богатство-то какое!» - подумалось Масъуду, услышав пение молодых. И в это время заметил, как во двор Киёмиддина вошли Доктор Абдулло, Солех Мухаммад и Масъуд Халили. Поздравив встретившего их у ворот Киёмиддина, они подошли к Масъуду. Узнав о прибытии Масъуда, откуда-то появился и Исломиддин.

- С праздником тебя, Исломиддин! – поздравил его Масъуд, по-молодецки похлопав его по плечу.

- Благодаря вам, Омир Сохиб, я дожил и до этих празднеств! Добро пожаловать! – немного смутившись, сказал Исломиддин. – Вас также поздравляю. Это и ваша свадьба, Омир Сохиб!

- Это правда, Исломиддин. Это наша общая свадьба! Это свадьба всего Афганистана! Если бы обстоятельства так не сложились и не выступили бы на арену войны талибы, намерен был пригласить и привезти на эту свадьбу и твоих родителей, чтобы и они вместе с нами радовались. Пусть весь мир увидит, что наша жизнь состоит не из одних воин и кровопролития, что и мы умеем радоваться, жить по-людски: справлять свадьбы, создавать семьи, воспитывать детей. Будь счастлив, Исломиддин! Пусть Оллох осчастливит твой быт, вашу совместную жизнь! Как только представится возможность, вместе с невесткой отправлю вас к твоим родителям. Не горюй, не печалься! Радуйся как мы, что дожил и до таких светлых и радостных дней!

Сегодня мы с женой, наш брат Киёмиддин и твоя свекровь апаи Хамида - все население Поранди и Панджшера будем тебе вместо твоих родителей и родственников! Будь счастлив, дорогой Исломиддин!

Окрыленный такими пожеланиями Масъуда, Николай почувствовал в себе новый прилив сил и энергии.

Пришедшие на свадьбу гости увели Масъуда с собой в местечко Хазорчашма, находившееся чуть дальше от дома Киёмиддина, ниже по кишлаку Поранди, чтобы вместе посидеть часок-другой, побеседовать, вдохнуть весеннего воздуха.

Торжества Навруза и свадьбы слились воедино. Праздновал весь кишлак. Каждый находил себе занятие по душе. Как в доме главных виновников торжества, так и на площади возле мечети в огромных казанах дымились суп-шурбо и плов. В отдалении, в таких же огромных казанах, возле которых копошились женщины, варились суманак, далда и другие блюда национальной кухни, традиционные при таких торжествах. Женщины отмечали особенно, как-то по-своему. Стороннему наблюдателю сразу бросалось в глаза какое-то отличие в действиях женщин кишлаков Поранди, Панджшер и других сел северных провинций от женщин других провинций Афганистана. Судя по их поведению, здешние женщины чувствовали и вели себя более раскрепощено, нежели женщины других провинций. И еще одним доказательством тому могло быть и поведение Одилы, отстоявшей свое право любить и выходить замуж за любимого человека, сломив тем самым и сложившиеся веками устои. Своей решительностью она смогла сломить и сопротивление своих родителей, победить всякие предрассудки и выйти замуж за любимого человека, пусть даже другой нации и другой страны, даже враждебно настроенной к ее родине. Одила была единственной девушкой, которая своим поступком осмелилась бросить вызов предрассудкам, пустившим глубокие корни в умах населения в течение тысячелетий. «За свое счастье на этой земле каждой женщине самой необходимо бороться!» - этой фразой, видимо, и обосновала свой поступок сама Одила. Сегодня она чувствовала себя на вершине счастья.

Когда вокруг нее собрались подружки, видно было, что она и не скрывает от них своего счастья. Сама готовилась ко всем предстоящим обрядам обмывания, одевания в свадебный наряд и смотринам. Сама надела на ухо серьги, а на шею ожерелье из мельчайших бусинок. Ее от рождения черные глаза блестели, как угольки. От этого она становилась еще красивее, привлекательнее. Подружки спокойно, с особым усердием, сплели в косы ее длинные до колен волосы, прикрепили к ним весенние цветы.

Когда пришла Паригуль, Хамида поговорила с другими своими подругами и решила поручить обмывание головы невесты жене Масъуда.

- Все свадебные расходы, начиная от сватовства, кончая сегодняшним днем, взял на себя Омир Сохиб.- отдаленно начала Хамида, обращаясь к своим подружкам. – Если не сочтут за труд и проявят любезность, я бы хотела, чтобы обязанности по обмыванию моей дочери взяла на себя супруга Омир Сохиба. Насколько я знаю, Паригуль сама женщина добрейшей души и дети у нее такие же прекрасные и воспитанные. Глядишь, и у моей дочери пойдут такие же дети, и она тоже, как и Паригуль, будет такой же счастливой!

В ответ женщины все дружно кивали головой, выражая этим и свое согласие с матерью Одилы. Судя по доносившимся со двора звукам дойры, в это же самое время пожаловали в гости и другие женщины кишлака.

Местечко Хазорчашма, как и весь Поранди, напоминало место торжества. Праздник Навруз и здесь был в разгаре. Масъуд сидел с другими и любовался этой картиной. Казалось, вместе с людьми радовалась этим празднествам и природа. Все вокруг буйствовало, журча и колыхая на легком ветру, под яркими солнечными лучами.

- Вам слово, Омир Сохиб! Скажите что-нибудь! Может, прочтете что-нибудь из творений великих классиков? Мы, право, давно соскучились по хорошим, содержательным стихам. – обратился к Масъуду Масъуд Халили, сидевший напротив Солех Мухаммада.
- С удовольствием!

**Маро биништ сўнбати ёрони намдам аст,
Дидори ёри номутаносуб лананнам аст.**

**Беседа с друзьями это наш рай,
Встреча недруга, это просто яд.**

- Бай, бай! – смакуя отметил Доктор Абдулло. Bravo, Омир Сохиб! Вы этими строчками вдохнули в меня свежую жизненную струю.

- Омир Сохиб, почитайте еще что-нибудь из тех великих творений. – попросил на сей раз Доктор Абдулло.

И Масъуд продолжил:

**-Ман аз бозуи худ дорам баче шукр,
Ки зўри мардумозорї надорам.**

**Я благодарен силе своей,
Что не могу обидеть людей.**

**Ишкат расад ба фарёд, ар худ ба сони Нюфиз,
Куръон зи бар бихонї дар чордањривоят.**

**Лишь тогда возможно достигнешь заветной цели,
Кгда подобна Хафизу читаешь Коран и его четырнадцать стилей.**

- Омир Сохиб, прочитай еще один бейт, чтобы душа успокоилась! – попросил Масъуд Халили. И Масъуд прочел следующее:

**- Як нарфи суфиёна бигўям, илюзат аст,
Эй, Нури дида, сулўбењаз лангу доварї.**

**Позвольте, вымолвит правдивое слово,
Мир лучше раздора и войны.**

**Чун гунањгоре, ки нар соат аз ў узве буранд,
Чархи сангиндил зи ман нар дам кунад ёре лудо.**

.....

**Как грешника наказавшего каждый час,
Злая судь каждый миг разлучает нас.**

Теперь ваша очередь, Халили. – Масъуд обратился к Масъуду Халили. – В моей жизни ни разу не было случая, чтобы, вспоминая Кабул, не вспоминал вместе с ним и знаменитое стихотворение вашего покойного отца, устода Халиуллохи Халили и не наслаждался бы его глубинным смыслом.

Брат, лучше уж сам прочитай его нам, ибо твое чтение еще прекраснее.

Приложив правую руку к груди, Масъуд Халили начал читать стихи:

**-Мушки тоза меборад абри банмани Кобул,
Мавли сабза мекорад куну барзани Кобул.
Абр чашми тар дорад, сабза болу пар дорад,
Накнати дигар дорад сарву савсани Кобул. ...**

**Свежесть дарит весенние тучи Кабула,
Зеленеет горы и поля Кабула,
Тучи словно плачут, травы словно летят,
Ароматом иным пахнут цветы Кабула.**

- В этом же духе еще что-нибудь, пожалуйста! – вновь попросил Масъуд.

**- Диле, к-ў ошики рўят набошад,
Намеша гарка дар хуни лигар бод.**

**Серце неполюбившее тетя,
Да будет вечно в раздоре и печали.**

- Благодарю вас, Масъуд! – восхищенный содержанием строк, воскликнул Масъуд. – Пожалуйста, продолжай читать. Никому не сравниться с вами!

И Масъуд Халили продолжил:

**- Сел аз вайрона бо рухсори гардолуд рафт,
Зуд мемолад фалак рўи ситамгарро ба хок.**

**С запылённой лицом прошел ливен,
Быстро справляется мир с злодеем.**

- Да хранит тебя Оллох, Масъуд. Ты покори нас! – раздался возглас Масъуда. – Будь проклята эта война! Из-за нее мы лишились этого бесценного духовного богатства. Вы, брат, счастливый человек, что нашли и выучили наизусть эти стихи. Продолжай, пожалуйста!

И Масъуд Халили продолжил:

**- Дарё надод як даме обе нубобро,
Охир зи данр дасттинё ин пиёла рафт.**

**Река не дала пузырьку воды напиться,
Пиале с миром пустой суждено растаться.**

**Шамъ баъд аз куштани парвона касди худ кунад,
Хуни нонак шўълаи домони котил мешавад.**

**Губя мотылька, свеча сама погасает,
Невинно пролитая кровь унесёт за собой убийцу.**

.....
- Устод Раббони пожаловали! – обратился юноша к Масъуду.

- Приведите Устода к нам. – попросил его Масъуд, восхищенный тем, что из уважения к организаторам свадьбы, несмотря на свой пожилой возраст, сам Раббони лично

пожаловал к ним из Кабула в Поранди, на свадьбу Исломиддина. Поздоровавшись со всеми, Бурхониддин Раббони, одетый во все белое, вместе со своим гостем Сайидом Абдулло Нури прошли и присоединились к сидящим.

Юноша с кувшином воды в руке прошелся по кругу, и все гости вымыли руки. Затем на тарелках принесли жареное мясо, кебаб.

- Прежде, чем сюда прийти, мы сначала пошли поздравить Исломиддина с праздником. Только потом пришли сюда, к вам. – сказал Раббони перед тем, как начать есть. – Какой же добрый молодец этот ваш Исломиддин. Сам вышел нам навстречу, весьма учтив и вежлив.

- Если бы он не был таким, разве я принял бы его как родного брата и женил бы на красавице из Поранди? – шутя, спросил Масъуд. – Пусть будет счастлив! Мы тоже, благодаря его свадьбе, пожаловали сюда и встретились с вами. Кстати, устод, до вашего прихода мы здесь были заняты чтением стихов. Масъуд Халили обласкал наш слух и покорила чтением творений великого Халиуллохи Халили. Вот поедем, предоставим слово и вам, устод. Было бы великим грехом, если при такой красивой погоде и красивом пейзаже не читать строчек из творений великих поэтов.

- С удовольствием, Омир Сохиб! Прочитаем! – сказал Раббони, подтверждая сказанное Масъудом.

И действительно, как только собравшиеся закончили трапезу и перешли к чаепитию, началось чтение стихов.

Первым начал устод Раббони:

**- Барфи пирі менишинад бар сарам,
Намчунон табъам лавоні мекунад.**

**Снег старости свалилось на голову,
Но молодость всё же напоминает о себе.**

**Мор то рост нагардад, наравад дар сўрох,
Рост шав, то битавоні ба ланад ғунлидан.**

**Змея не выправившись не войдёт в щель,
Буд справедливым, чтоб земля приняла тебя.**

**Оъаз лигарам аз наваси он лаби ширин,
Пуробила чун хўшаи ангур барояд.**

**Мечта о её сладких губах, загубила меня,
Словно сочные винограды мои вопли стони.**

- Устод, этими высокими строчками молодость вспомнили! – сказал Масъуд, обращаясь к Раббони и затем обратился к Сайиду Абдулло Нури: - Устод, чем вы нас порадуете? Сайиду Абдулло Нури ничего не оставалось, как присоединиться к компании:

**- Ишк агар нест, акл бе лян аст,
Дар дилат чиллаи зимистон аст.**

**Без любви, разум бессылен,
Будто в сердце обитает зима.**

**Аз номи диёри ман чї пурсї,
Обест миёни гул фитода.**

Чио спрашивать о судьбе моей отчизны,

Она подобна росинке, павшей на лепесток

- Благодарю вас, Устод! – Масъуд обратился к Сайиду Абдулло Нури, выражая свое восхищение. – Любовь к родине! Какая благодать! Это, как мне показалось, то, что нынче на устах у всех таджикских беженцев. Оллох даст, в ближайшие дни возьмемся и за установление мира таджиков. Вы, устод Раббони, будете нашим покровителем.

- С великим удовольствием! – сказал Раббони, приложив руку к груди.

- Перед приготовлениями к свадьбе Исломиддина я имел телефонную беседу с нашими таджикскими друзьями. – пояснил Масъуд. – Они выразили свое согласие. Осталось только определить место и дату встречи. На переговоры приедет сам господин Эмомали Рахмон. Эта добрая новость – для вас, наш уважаемый гость! – сказал Масъуд, обращаясь к Сайиду Абдулло Нури. Гость выразил свою благодарность и Масъуду за хорошую весть.

- Омир Сохиб, в доме Киёмиддина вас ожидают губернаторы Бадахшана, Нуристана вместе со старейшинами. – доложил один из телохранителей Масъуда, и он вспомнил, что, действительно, ему нужно было с ними встертиться и поговорить. Еще неделю назад они отправили свою делегацию к Масъуду, чтобы он вместе с устом Раббони приехал к ним. Масъуд, в свою очередь, обещал им, что очень скоро приедет к ним. А тут начались приготовления к свадьбе Исломиддина, и Масъуд не смог поехать к ним. Не дождавшись Масъуда, губернаторы и старейшины сами приехали к нему. Чтобы не заставить гостей ждать его, Масъуд с разрешения сидящих покинул их и направился к дому Киёмиддина.

Свадьба была в разгаре. Под пением народных гафизов молодежь устроила танцы. Женщины тоже радовались по-своему, устроив свой хоровод за домом.

Старейшин и губернаторов, прибывших из северных провинций, Киёмиддин поместил в доме своего соседа Мухаммада Юсуфа. Увидев у порога дома Масъуда, старики встали из-за дастархана. С каждым из гостей Масъуд поздоровался за руки, поинтересовался их здоровьем. Устод Раббони тоже был с Масъудом.

- Гости дорогие, - обратился к гостям Масъуд, после того, как все сели. – Приношу вам свои извинения, что из-за свадьбы Исломиддина своевременно не смог поехать к вам. Завтра хотел, было поехать, как вы сам приехали. Еще раз прошу простить меня.

- Омир Сохиб, это и послужило нам поводом, чтобы мы вот все вместе решили приехать к вам, заодно и прогуляться по вашим краям. Нам эта поездка очень понравилась, поверьте. Это к добру все! – сказал губернатор Бадахшана Диловаршох.

- Да поможет нам Оллох, все дела будут сделаны в лучшем виде. – сказал Масъуд, - Как я понял, вы приехали ко мне поговорить о своих делах. Пожалуйста, я вас слушаю.

- Омир Сохиб, - начал Диловаршох. – Сегодняшняя обстановка у нас, слава Оллоху, нормальная. Все спокойно. Но, как мы знаем, талибы намерены захватить наши территории. Два дня назад их представитель прибыл ко мне из Кандахора. Говорил о планах талибов. Я не смог сдержаться, вспылал. Они хотят повесить множество наших женщин. В тюрьмах Кандахора и Пули Хумри от голода погибло много пленных. Не приведи Оллох и нам дожить до таких страшных дней! Некому защитить нас от талибов! Омир Сохиб, мы пришли к вам за помощью! Пожалуйста, в трудные для нас дни не оставляйте нас одними! Омир Сохиб, будьте нашим покровителем!

Чем дольше слушал их Масъуд, тем тяжелее ему становилось на душе. Он весь вспотел. После слов Диловаршоха все замолкли. Не было желания говорить и у Масъуда. Но поставленный вопрос требовал принятия решения. Масъуд понял, что гости за этим и пожаловали к нему. Вздохнув, Масъуд обратился к ним:

- Я же говорил, что отказываюсь продолжать воевать. Собственно из-за этого и вернулся из Кабула в родительский дом. Но вы, уважаемые гости, вновь призываете меня к защите родных рубежей. Ваша просьба тоже обоснованная. Вы хорошо осознали, что насилие, которое могут учинить талибы нам, в десятки раз страшнее,

нежели произвол шурави. Мы должны сплотиться еще крепче, чем прежде. Талибов я назвал международными террористами. Эта чума угрожает всему человечеству. Прикрываясь ширмой ислама, они очерняют этот же ислам. Их угроза и опасность не признает ни границ, ни наций и народностей. Это - новая явленная чума конца двадцатого столетия. Что же делать? – Масьуд на какое-то время задумался и вновь продолжил: - Я вновь призыву всех моджахедов Панджшера, Поранди и близлежащих ущелий, и мы вместе прибудем на север. Теперь я вынужден буду договариваться с нашим прежним врагом шурави, закупить у них самолеты, вертолеты, другую боевую технику, чтобы воевать с талибами.

Масьуд вновь замолчал. Видно было, что напряженно думает о чем-то очень важном. В ожидании решения Масьуда все молчали. Масьуд заговорил:

- На все это я прошу у вас недельный срок. Надо закончить одно очень важное дело. Будет на то воля Оллоха, через неделю я буду в вашем распоряжении.

- Омир Сохиб, вы своим решением возвысили нас аж до небес. – обратился к Масьуду Диловаршох. – Мы даже не знаем, как вас отблагодарить за такую поддержку! Без вас мы не в силах защитить свой дом, свой кишлак, свое население! Без вашего руководства мы – никто! Поверьте, мы говорим это с полным осознанием складывающихся реалий! Спасибо вам!

- Друзья познаются в беде, гласит народная мудрость. Мы будем благодарны только в том случае, если сможем протянуть другу руку помощи в трудные минуты. Чем сможем, тем и поможем. Если у вас есть желание, приглашаю вас погостить и у меня! Добро пожаловать, дорогие гости! Мы всегда рады дорогим гостям!

- Омир, Сохиб, мы благодарны вам и за такой теплый прием, и за то, что вы не отказали нам в нашей просьбе! Сегодня хозяин торжества принял нас со всеми почестями. Спасибо ему! Теперь мы с вашего позволения отправимся к себе домой. Пожалуйста, благословите нас! – обратился к Масьуду тот же Диловаршох.

... По узкой горной тропе гости направились к перевалу Ховок. Солнце близилось к закату. Дул ласковый теплый весенний ветер, ласкающий путникам лица. Звуки музыки слышались все отдаленнее.

... - Какие возникли трудности, Омир Сохиб. – обратился к Масьуду Раббони, после того, как гости ушли.

- Причина откладывания поездки на север заключается в скорейшем урегулировании конфликта между противоборствующими силами Таджикистана, возвращении их беженцев на родину. – ответил Масьуд. – Я в курсе происходящих у них конфликтов. В этом противоборстве не обошлось и без вмешательства извне. В свое время, какое горе свалилось на голову этих людей, что стали беженцами, понять нетрудно. Опасаясь за свою и жизнь своих родных и близких, они вынуждены были покинуть свои дома, родину. Теперь, когда в Афганистане к власти пришли талибы, этим беженцам тоже будет нелегко. Вы сами видите, что беженцы у себя на родине вели другой, свободный образ жизни. Их женщины ходят открытыми лицами. И если талибы доберутся и до них, то одному Оллоху ведомо, что будут творить там эти нелюди. Опасность быть подвергнутыми насилию и убийствам возрастает многократно. Поэтому, мы должны как можно скорее способствовать тому, чтобы конфликт между противоборствующими сторонами был решен как можно скорее. Надо быстрее отправить беженцев к себе на родину и потом заняться решением своих проблем.

Президент Таджикистана сам выходец из народа, человек добрейшей души. Необходимо организовать его встречу и переговоры с Сайидом Абдулло Нури, чтобы вопрос был решен положительно.

Устод Раббони и Сайид Абдулло Нури вернулись в Кабул. Раббони по телефону связался со своими таджикскими друзьями и обговорил все детали переговоров.

Масьуд, будучи приглашенным советским политиком Евгением Примаковым в Кабул, хотел одним выстрелом убить сразу двух зайцев. А именно: с помощью этого

выдающегося политика решить и вопрос установления мира в Таджикистане, а заодно и решить проблему закупки оружия у Советского Союза.

Масъуд знал, что талибы рано или поздно все равно нападут на Панджшер и другие северные провинции Афганистана. К этому времени они уже успели захватить большую часть всей территории страны. И захват Панджшера и северных провинций они считали делом времени.

Чтобы не допустить такого развития событий, Масъуду нужны были оружие, боеприпасы. Он хотел укрепить свою армию, сделать ее еще сильной и стойкой.

Утром следующего дня представитель Масъуда прибыл в столицу Таджикистана – город Душанбе, принес письмо на имя председателю Комитета Национальной безопасности Республики Таджикистан генерала Сайдамира Зухурова. В письме говорилось о создании необходимых условий для поездки президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Кабул.

После прибытия представителя Масъуда в Душанбе, его беседы с Сайдамиром Зухуровым, между ним и Масъудом наладили прямой телефонный разговор:

- Дорогой Сайдамир! Нам с вами необходимо организовать встречу господина Эмомали Рахмона с господином Нури. Я, как следует, подготовился к этой встрече. Приняты все меры безопасности. Мне жалко таджикских беженцев. Поспешите с возвращением беженцев в Таджикистан. Обстановка в самом Афганистане беспокойная. Впредь будет еще хуже. ...

Приготовления к проведению встречи и переговоров между лидером Объединенной таджикской оппозиции и президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном длились несколько дней. Наконец, по прошествии некоторого времени Евгений Примаков и Эмомали Рахмон прибыли в Кабул. Радости Масъуда не было предела.

Масъуд знал, что талибы способны на любую подлость. Остановившись тайком от талибов в гостинице «Континенталь», находящейся в юго-восточной части Кабула, Масъуд взял под свой личный контроль безопасность дворца шаха, аэродром и все пути, ведущие к месту проведения переговоров.

Переговоры начались. У Масъуда, наблюдавшего за ходом переговоров, особую симпатию вызвал облик двух личностей – Эмомали Рахмона и Сайдамира Зухурова. Масъуда поразила корректность, учтивость, вежливость, спокойствие Сайдамира Зухурова при любых ситуациях. В лице Эмомали Рахмона он обнаружил черты настоящего таджика, мудрого, дальновидного руководителя-политика. Масъуд понял, что именно Эмомали Рахмон способен решить все проблемы своего народа, и, конечно, при помощи этого человека беженцы обязательно, очень скоро вернутся к себе на родину. И постепенно, наблюдая за ходом своих мыслей, Масъуд открыл для себя, что он мечтает увидеть на царском троне Афганистана такого же руководителя, способного спасти, вывести свой народ из хаоса войны и бесправия, анархии и произвола к светлому дню мира и радости, благоденствия и процветания всей страны.

Масъуд был благодарен судьбе, что именно ему суждено было выступить инициатором встречи и переговоров двух личностей, решавших судьбу будущего Таджикистана. Наблюдая за ходом переговоров, Масъуд пришел к убеждению, что таджики очень скоро поймут друг друга и придут к миру, сведя на нет угрозу развала государства таджиков.

- Господин Зухуров! – обратился Масъуд к Сайдамиру Зухурову при беседе. – Вы сами своими глазами видели, как мы живем. Это не жизнь, а всего лишь жалкое существование, на которое обрекла нас долгая затяжная война. Дай Оллох, чтобы ваша страна не видела такой войны!

- Знаю. – согласился с Масъудом Сайдамир Зухуров. – Наш руководитель Эмомали Рахмон – человек благороднейшей души, с добрыми помыслами. Он – дальновидный и мудрый политик. Убежден, они с господином Сайидом Абдулло Нури очень скоро поймут друг друга. У нас в Таджикистане обязательно воцарится мир. Благодарю вас,

что, несмотря на все свои трудности, создали все необходимые условия, чтобы эта встреча, эти переговоры состоялись. Мы вам премного благодарны за такое благородство!

- Оллох даст, после того, как съезжу в северные провинции страны, организую и вторую встречу господина Эмомали Рахмона с господином Сайидом Абдулло Нури. – обещал Масъуд. – Обстановка у нас сейчас очень сложная. Талибы у власти. Некоторые поручения по поводу будущих переговоров я уже дал. Оллох поможет, следующая встреча состоится в Хустдехе. Там намного безопаснее, чем здесь.

- Если постараемся, чтобы мы быстрее пришли к миру и согласию, это будет полезно и нам, и вам. – поддерживая Масъуда, заметил Сайдамир Зухуров.

- Ты, брат, настоящий мужчина! Война осточертела мне! Когда говорят о мире, на душе у меня становится как-то легко, просторнее. Да будет проклята эта война, и само это слово! Мечтаю, чтобы мы все жили нормальной человеческой жизнью, со всеми ее человеческими заботами и хлопотами. Да, я живу этой мечтой и надеюсь на это светлое завтра! ...

Глава XX

**Зи бас бигзашт уирам дар лаъон талх,
Маро гардида мағ зи устухон талх.
Агар мӯре хӯрад хоку гили ман,
Бувад то мағ фират кому даъон талх.**

**Прошло мои годы сгоречью,
Все тело моё загоречело.
Если муравей пропитается моим прахом,
Вес вкус его оречет.**

Избавившись от войны, Масъуд хотел, было какое-то время отдохнуть и от житейской суеты. Но, видимо, ему не суждено было и отдохнуть спокойно. Всю жизнь проводивший в горниле боевых действий, и дня не знавший покоя в своей прожитой жизни, стал чувствовать, что с годами все пережитое заметно повлияло и на его здоровье. Полученные в правой ноге и в плече огнестрельные ранения иногда мучили, давали о себе знать. И подобно чабану, месяцами сопровождавшему по горам отару овец, находясь под дождем и снегом, часто проводившим ночи напролет, где попало, у Масъуда начала побаливать и поясница. Ему становилось тяжело от этого. Всю свою жизнь ни разу не прибегавший к услугам врачей и лекарей, до сих пор не признавший боль в теле, Масъуд вдруг ясно осознал, что нет прежней силы, прежнего здоровья, той молодецкой удалы, которой всегда хвастался.

Думая и сравнивая свое сегодняшнее состояние с прошлым миром своего детства, юношества и молодости, он пришел к выводу, что благодаря прекрасно проведенному детству и юношеству он сейчас как-то держится, не дает слабину. А в те далеки годы, окруженный прекрасным ландшафтом, впитывая чистый горный воздух, он часто занимался закалкой организма физическими упражнениями, был здоровым и крепким юношей. Благодаря этому и держался пока на ногах. Но чтобы хоть как-то восстановить здоровье, он вынужден обратиться теперь и к врачам. К боли в пояснице, ноге и в плече прибавилась зубная боль, от которой Масъуду стало просто невтерпеж. Особенно осенью и зимой, когда становилось холодно и сыро. Влажный и холодный климат сказывался и на его здоровье. Тело его стало уже своеобразным барометром, остро реагирующим на любые изменения погоды.

Мучаясь от боли, Масъуд перебирал в памяти и прожитые страницы своей жизни, он невольно открыл для себя, что за все это время не было и ночи, чтобы он проводил ее

в кругу семьи, вместе с женой и детьми, в тихой спокойной обстановке, без каких-либо опасений за свою жизнь.

Зубная боль вновь дала о себе знать. В виду отсутствия врачей-стоматологов, Масъуд вынужден был прибегнуть к услугам народного лекаря. Какими бы отварами из различных лекарственных растений не пытался лекарь унять боль, все было напрасно. Масъуд осознавал: Во всем том, что страну покинули квалифицированные специалисты различных профессий, в том числе и врачи-стоматологи – во всем этом виновата разразившаяся война.

Обещав помочь таджикским беженцам с возвращением на родину, Масъуд понимал, что его неустанно мучают и мысли о них. От того, что там, в Кундузе, им живется нелегко, и с каждым днем обстановка может складываться и того хуже, Масъуд переживал. Он понимал, что и зубная боль его тоже во многом связана с пошатнувшимися нервами. Сколько бы он не пытался отвлечься от плохих мыслей, всякий раз мысленно он вновь и вновь возвращался к наболевшим вопросам, и ему становилось все хуже и хуже.

Сам факт прибытия Сайида Абдулло Нури, тоже являвшегося беженцем, к Масъуду, чтобы поговорить с ним и с устом Раббони об организации встречи и переговоров с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном, убеждал Масъуда, что и сами таджики заинтересованы в скорейшем возвращении беженцев на родину. Знающий из своего горького жизненного опыта, что значит жить и находиться в изгнании, Масъуд сразу же взялся за налаживание контакта с руководителями противоборствующих сторон, организации их встречи. При помощи председателя Комитета Национальной безопасности Таджикистана Сайдамира Зухурова связался с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном.

Жизнь, проведенная в критических условиях войны, когда все время приходится сталкиваться с человеческой натурой, научила Масъуда распознать человека, узнать, кого представляет собой тот или иной человек. Для этого ему достаточно было даже одной короткой встречи, беглого взгляда, короткой беседы с ним. Ему достаточно было перекинуться с ним парой фраз, и натура собеседника выворачивалась перед ним наизнанку.

Из своего телефонного разговора с Эмомали Рахмоном Масъуд вывел, что его собеседник человек доброй души, чуткий и отзывчивый руководитель, понимающий человеческую боль и страдания. Когда по приглашению Масъуда и Бурхониддина Раббони Эмомали Рахмон прибыл в Кабул и беседовал с ними и с Сайдом Абдулло Нури, Масъуд обнаружил в нем черты настоящего таджика, мусульманина. Тон беседы, уважение к собеседнику, которые проявил Эмомали Рахмон, очень понравились Масъуду. Он понял, что этот человек ставит интересы своего народа выше своих интересов и, следовательно, с ним можно иметь дело с пользой для общества. Масъуд замечал, что в ходе беседы Эмомали Рахмона с Сайидом Абдулло Нури иногда возникали разногласия. И всякий раз, руководствуясь высокими идеалами установления мира в своей стране, спасения народа, Эмомали Рахмон находил нужные слова, фразы, чтобы направить переговоры в созидательное русло.

Вечером, когда завершилась первая встреча руководителей, в комнату, где вместе с другими членами делегаций был и Эмомали Рахмон, пожаловал к ним и Масъуд, взявший на себя ответственность за обеспечение безопасности гостей. За пиалкой чая состоялась их беседа.

- Ну-ка, лев Панджшера! Давай-ка, сядем поближе друг к другу и побеседуем о жизни и быте! – весьма приветливо и очень дружеским тоном обратился Эмомали Рахмон к Масъуду, пригласив его сесть рядом с ним. – Я много слышал о вас, дорогой Масъуд. Счастлив, что теперь довелось и увидеть вас! – по-братски положив руку на плечо Масъуда.

- Я тоже весьма рад встрече с вами! – также приветливо сказал Масъуд.

- Мы только обрели государственность, вошли в большую политику. А вас, полководец Масъуд, весь мир уже знает. Весьма благодарен вам за то, что организовали нашу встречу с господином Абдуллои Нури. Вы с устом Раббони примите нашу искреннюю признательность. – сказал Эмомали Рахмон. – Откровенно говоря, каждый таджикистанец мечтает увидеть вас, героя Афганистана!

- Ну, что вы? Право, я никакого героизма не совершал, чтобы заслужить звание героя. Я просто встал на защиту своего родного дома, края и своей родины.

- Если приеду домой и скажу, что сидел рядом с самим полководцем Масъудом, беседовал, мне не поверят. Еще раз с господином Раббони примите мою искреннюю благодарность. Я понимаю, как вы благородно поступили, сколько сделали для наших беженцев! Мы никогда не забудем вашу доброту!

- Мы выполняли свой долг, господин Эмомали Рахмон! Как человеческий, так и мусульманский! Мы с вами одной нации!

- Дорогой Ахмадшох, - обратился Эмомали Рахмон к Масъуду. – Не называйте меня господином. Я тоже, как и вы, такой же простой таджик, кишлачный мужчина. Говорил ведь, совсем недавно вступил в большую политику. Еще не успел толком сослужить службу своему народу. Если с вашей помощью нам удастся вернуть на родину наших беженцев, это и будет первым моим добрым делом для моего народа. И заслуга в этом, в первую очередь, будет ваша с господином Раббони! Да, и потом, в нашей стране до сих пор еще не закончилась война. Еще не успели ликвидировать незаконные вооруженные формирования. Некоторые из них, насколько я знаю, обосновались и у вас, в Афганистане, продолжают бесчинствовать и здесь, тем самым, создавая проблемы и вам!

- Действительно, здесь некоторое время бесчинствовал Ризвон со своим отрядом. – пояснил Масъуд. – Это было в Файзабаде. Потом я привел их в Кабул. Они не осознают, что находятся в чужой стране и являются нашими гостями. Я им сказал, чтобы вернулись к себе на родину. Они не соглашаются. Здесь нынче господствуют талибы. У нас с ними много разногласий. В связи с этим мы с устом Раббони ездили в северные провинции. Ризвон и его отряд – еще одна головная боль для нас. Если бы не были таджиками и нашими гостями, мы бы давно свели с ними счеты. – сожалел, отметил Масъуд.

- Понимаю вас – сказал Эмомали Рахмон. – Все они требуют высоких должностей доходных мест. С этой целью взяли в руки оружие и встали против своих же братьев. Если Оллоху угодно, мы как-нибудь договоримся между собой. Главное то, что мы побеседовали с руководителем Объединенной таджикской оппозиции. Если договоримся о подписании протокола согласия и мира и скорейшего возвращения беженцев на родину, разобраться с незаконными вооруженными формированиями будет легко. Пожалуйста, какую должность, какие посты захотят занять в новом правительстве Таджикистана, мы им предоставим. Главное, чтобы сложили оружие, вернулись к мирной жизни и служили интересам всего Таджикистана. Насколько я знаю, у вас трудности в обеспечении оружием и боеприпасами? – спросил Эмомали Рахмон у Масъуда.

- Талибы причинили нашему народу много вреда. Задумали напасть на Панджшер и другие северные провинции страны. Мы должны, во что бы то ни стало, связаться с Россией. Вы живете с русским народом в одной стране и понимаете друг друга. – сказал Масъуд.

Уже по этому намеку Масъуда Эмомали Рахмон понял, о чем речь:

- На этот счет поговорю с министром обороны и министерством иностранных дел Российской Федерации. О результатах вас предупрежу. Вы будьте в постоянной связи с Сайдамиром Зухуровым. Что в моих силах, для вас сделаю. Вы же сами сказали, что мы – братья, одной нации, одной веры. В трудный период своей жизни наш народ нашел себе приют у вас. Вы же, несмотря на свои трудности, приютили их, не жалели

для них ничего, поделились с ним последним. Такое не забывается никогда. Мы тоже за то, чтобы и у наших соседей в Афганистане был покой и мир. Мы будем благодарны, если хоть какую-то помощь сможем вам оказать.

По мимике лица и по тому, как внимательно слушал Эмомали Рахмона, видно было, что Масъуд весьма доволен им. Он был рад тому, что в лице Эмомали Рахмона нашел себе еще одну опору, заботливого брата, готового в трудные дни подставить свое плечо. При этой беседе Масъуд словно забыл и о зубной боли и боли в пояснице. Скорее всего, он и не забыл, но не желал выглядеть этаким человеком, заботящимся только о своем здоровье, оставляя в сторону боль своего народа. Ему сейчас было важно решение проблем государственного масштаба, нежели сугубо личные проблемы. Прервав нить размышлений Масъуда, Сайдамир Зухуров обратился к нему:

- Господин, Масъуд! У нас принято, чтобы друзья и знакомые ходили друг к другу в гости. Мы с вами – одной нации, одной веры, соседи. Разделяет нас только река Пяндж. Да и река здесь ни в чем не виновата. Мы сами виноваты, что разделились на страны и народности. Приглашаем вас к нам в Душанбе, в Таджикистан. Мы с вами почти год переговариваемся по телефону, решаем свои проблемы. Сегодня в связи с важными делами мы у вас в гостях. Вместе с устом Раббони, как и мы, выберете удобное для вас время и приезжайте к нам в гости. Мы будем очень рады вам!

- Устод Раббони, пожалуйста, вам слово! – Масъуд почтительно обратился к Раббони. – Без вашего разрешения я уж никак не могу ответить на это приглашение. – переводя разговор в шутовское русло сказал Масъуд.

- С превеликим удовольствием принимаем ваше приглашение. – ответил Раббони. – Своим визитом к нам вы положили начало нашим добрососедским, дружеским отношениям. Мы обязательно поговорим об этом с Омир Сохибом. Откровенно говоря, я всю жизнь мечтал навестить усыпальницы Султана Увайси Карани, Мира Сайида Али Хамадони и других великих мыслителей, нашедших приют на вашей земле. Будь на то воля Оллоха, моя мечта обязательно сбудется!

- Нам как можно быстрее надо организовать встречу и переговоры о мире. – сказал Масъуд доктору Раббони после того, как ушли гости.

- Первый шаг сделан. В дальнейшем будет еще легче, Омир Сохиб. – заметил Раббони. – Какое же все-таки благородное дело сделано! Целых пять лет беженцы мучились здесь. Раньше, когда имели возможность, помогали им кое-чем. Теперь же, когда стали господствовать талибы, одному Оллоху ведомо, что ждет здесь этих несчастных.

- Вы правы, устод! – поддержал его Масъуд. – Как только закончим свои дела, с вашего позволения поедем в Душанбе. Зубная боль порядком замучила меня. Перед гостями не решился заговорить о ней. У нас специалистов своих, опытных врачей нет. Разрешите связаться с Сайдамиром Зухуровым, чтобы просить его согласия на пребывание в Душанбе. За это время успею и зубы вылечить. Слава Оллоху, какими же добрыми людьми оказались и Эмомали Рахмон, и Сайдамир. Счастлив тот народ, у которого такие славные сыны.

- Может, вместе поедем? – спросил Раббони.

- Будет еще лучше, если поедем вместе. – ответил Масъуд. – Заодно посетим и усыпальницы великих мыслителей Востока, и зубы вылечу, с помощью Эмомали Рахмона наладим связь и с Россией. Мне сообщили о готовящемся наступлении талибов на Панджшер. У нас, к сожалению, нет и надежного оружия для самообороны. Думали, избавились от шурави и Хикматёра, а оказались лицом к лицу с еще более коварным и жестоким врагом. Если уже сегодня не примем нужные меры по защите населения, потом будет поздно. Бомбежки шурави по сравнению с наступлением талибов ничто. Те бомбежки, оказывается, были лишь ягодками.

- Вы правы, Омир Сохиб. – сожалея, отметил Раббони. – Шурави не разрушили Кабул и другие города страны. Хикматёр и талибы же разрушили все дотла. Будто эти города не

были их собственными городами и страной. От Кабула остались лишь руины, да нищий обездоленный и голодный народ.

- Устод, этими словами словно сыплешь мне соль на рану. Будто иголку воткнул мне в сердце! Напомнил мне зверства и разрушения, учиненные Хикматёром и талибами в Кандахоре и Кабуле. Однажды пришлось поехать и пройти по улицам Кабула. Все разрушено, ограблено. Население разъехалось кто куда. Кабул напоминает сплошную пустыню. Видно, судьба у нас такая уж горькая!

- Омир Сохиб, не терзай себя так жестоко! – желая успокоить Масъуда, сказал Раббони. – Оллох видит все это. Если Оллох сам не найдет на них управу, то мы с вами что можем сделать? Они захватили уже большую часть всей территории страны.

- Вы правы, устод! – согласился с ним Масъуд. – Мы должны думать теперь о своей безопасности!

В аэропорту столицы Таджикистана Масъуда встретил Солех Мухаммад Регистони, работавший в посольстве Исламской Республики Афганистан в Республике Таджикистан и имевший прямое отношение к делам между двумя этими странами. По договоренности с Раббони, в Таджикистан Масъуд приехал один. Город Душанбе, утопавший в зелени деревьев и представший перед взором Масъуда красотой своих проспектов и улиц, парков и садов, их многолюдьем поразил Масъуда. Впервые приехавший сюда, он уподобил город райскому уголку. Был последний месяц весны, и утро нового дня. Из аэропорта они с Солех Мухаммадом направились прямо в центр города. Будто и природа знала, что сегодня в город приедет такой гость, что еще утром грозовая туча полила дождем улицы города. Все вокруг блестело. Чистота и уют, благоухание улиц сказывались и в настроениях людей. Представший перед взором Масъуда городской пейзаж радовал его. Обычно, приезжая в любой другой, новый для себя город, человек сравнивает новое место со своим родным краем. Масъуд тоже не был исключением. Любуясь красотой столицы Таджикистана, он невольно вспомнил и свой родной Кабул. Увы, сравнение это было отнюдь не в пользу родного для Масъуда Кабула. Перед утопающим в зелени деревьев и красотой архитектурных сооружений, зданий и проспектов столицы Таджикистана Кабул напоминал пустыню. И виноватой во всем этом Масъуд признал долгую затянувшуюся войну в Афганистане. «Если в Афганистане война вынесла жизни смертный приговор, то в Таджикистане наоборот, жизнь победила войну!» - вывел про себя Масъуд.

Невольно Масъуд вспомнил и свое детство, бабушкины рассказы о сказочной красоте вечнозеленого Дахбеда Самарканда, о благоухании Гиссарской долины, о красоте и мощи бурлящей и грохочущей реке Зарафшан, о благодатном и плодородном крае Хатлоне и высокогорном крае Памире. Слушая бабушку, он мечтал, быстрее вырасти и поехать на родину своих предков, своими глазами увидеть, любоваться этой красотой. Взрослея, с годами он начал понимать, что бабушка тоже не случайно рассказывала ему эти былые сказки. Рассказывая, бабушка тем самым вкладывала в эти рассказы и свою любовь к своей родине, мысленно еще раз путешествовала по родному краю.

Спустя долгие годы нужда все-таки привела его на родину предков. По правде говоря, Масъуд успел однажды тайком от всех близких побывать в Париже. Но то, что сегодня увидел в городе Душанбе, как он сам считал, превзошло все его ожидания. Все здесь было в его вкусе, на таджикский лад. Своей самобытностью, южным колоритом, гармоничным сочетанием с окружающим. Открытые доброжелательные лица людей. Все было Масъуду по душе. Особенно ему понравились открытые лица девушек, не скрывающих свою красоту от чужих посторонних лиц. Наоборот, Масъуду показалось, что эти красивые, стройные, грациозные девушки выставляют свою красоту напоказ, чтобы и окружающие, и прохожие по достоинству оценили их.

Машина свернула на центральный проспект, и перед Масъудом открылась широкая улица с двусторонним движением, аллеей по середине, окутанная длинными рядами деревьев, а за ними многоэтажные здания, построенные в современном архитектурном

стиле. Любуясь этой красотой, Масъуд вспомнил, что когда-то он и сам мечтал составлять чертежи таких вот красивых высотных зданий, чтобы они своей величием украсили улицы его родного Кабула. Он понял, что виной всему этому была опять-таки эта проклятая война, сводившая на нет все его радужные мечты. Он понимал, что наступит время, когда и войне будет поставлен конец. Но он жалел о том, что ему, Масъуду, уже не суждено будет вернуть себе былую молодость, закончить учебу в политехническом институте и реализовать свои мечты. Да и Кабул некогда был красивым городом. Но оккупанты сравнивали город с землей. ...

Масъуд все еще наслаждался представшей взору красотой. Машина свернула за здание хукумата города Душанбе, где располагалось здание посольства Афганистана. Здесь его уже ждали афганские друзья-беженцы, нашедшие здесь убежище. Объятия, рукопожатия давних друзей прошли с той же искренностью, какими были и раньше. Отвечая на вопросы друзей, через окно Масъуд смотрел на улицу, на прохожих.

Час спустя Солех Мухаммад отвез Масъуда в республиканскую клиническую больницу Карияи Боло. Они зашли в кабинет к врачу-стоматологу по имени Довудшох. Увидев Масъуда, врач узнал его, встал, шагнул ему навстречу:

- Ассалому-алайкум, акои Ахмадшох! – бодро поприветствовал он Масъуда. – Добро пожаловать к нам!

Масъуд ответил взаимностью.

- Как раз позавчера Солех Мухаммад говорил мне о вас. Присаживайтесь, пожалуйста, вот сюда! – предложил Довудшох Масъуду, указывая на кресло.

Осмотрев зубы Масъуда, врач обратился к нему:

- Зубы необходимо лечить. Пока не заглушим нервный сосуд одного коренного зуба, боль вас в покое не оставит. Надо лечить и десна. – осмотрев зубы Масъуда, сказал Довудшох. Написав что-то на бумажке, протянул ее Масъуду:

- Пожалуйста, вот, я вам выписал кое-какие лекарства. Можете купить их и начать лечение.

Взяв бумагу, Масъуд хотел, было прочитать, что написано на ней. Но, не разобравшись с кириллицей, протянул ее Солеху Мухаммаду Регистони.

- Что за несчастье, когда мы не умеем читать кириллицу, а таджики – фарси?

При беседе с Довудшохом Масъуд вспомнил свой разговор с населением Фархора, Файзобода, Тахора, Толикона и Панджшера и хотел, было спросить, имеются ли у Довудшоха родственники в этих местах.

Довудшох обработал зубы и десна каким-то раствором, еще раз осмотрел зубы и протянул исписанную бумагу Масъуду:

- Я вот выписал вам эти лекарства. У выхода есть аптека. Там вы берете лекарства, используете и завтра снова приходите ко мне.

- Регистони, вы хорошо разбираетесь в кириллице. Помогите достать лекарства. - попросив Солеха Мухаммада об оказании услуги, Масъуд обратился к Довудшоху: - Так, теперь, доктор, скажите, сколько стоит ваша услуга? Пожалуйста. – протянул Довудшоху сто долларую банкноту.

- Господин Ахмадшох! – несколько удивленный таким развитием событий, начал Довудшох. – Мы до сих пор не привыкли к таким деньгам. Мы и не просим у вас денег за услугу. Для меня одно знакомство и беседа с вами – целое состояние! Поймите. Если скажу коллегам, что сегодня видел Ахмадшоха Масъуда, да еще осматривал его зубы и дал необходимые советы, мне не поверят. Я же говорил, что одна встреча и беседа с вами для меня уже целое состояние!

Довольный оказанным приемом, поблагодарив доктора за услугу, Масъуд попрощался с ним и вышел было, из его кабинета, как с лекарствами в руках вошел Солех Мухаммад.

- Этим раствором через каждый час будете полоскать рот. – указывая на лекарства, Довудшох начал инструктировать Масъуда. – Вот эти таблетки будете делить на три

части, и положите одну часть на больной зуб. Образовавшуюся слюну будете проглатывать. Завтра придете, обработаем зуб, и, если с корнем ничего не случилось, будем ставить пломбу. Если не получится, удалим. Избавитесь от боли.

- Дай Оллох вам здоровья, брат! – Масъуд поблагодарил Довудшоха и, пожав ему руку, попрощался с ним.

- Дорогой Регистони! С зубами уж разобрались, как следует. Но ты ведь знаешь, что сегодня пятница, а время полуденное. И нам надо где-то совершить намаз.

Посмотрев на свои часы, Солех Мухаммад сказал:

- Омир Сохиб, вы согласны, если я отвезу вас в мечеть Мавлоно Яъкуби Чархи?

- Ты еще спрашиваешь меня? Конечно, брат! И намаз совершим, и проведем усыпальницу святого! Здесь я в вашем распоряжении! – обрадованный, сказал Масъуд. Машина прибавила в скорости, направившись в сторону мечети Мавлоно Яъкуби Чархи, находившейся в другом конце города Душанбе. Больница, куда Солех Мухаммад привез Масъуда, была в южной части города. И Солех Мухаммад мог бы отвезти Масъуда и в близлежащую мечеть, в том числе и в мечеть казията Таджикистана. Регистони, успевший уже шесть месяцев проработать в Душанбе на дипломатической работе, был знаком со многими местами столицы Таджикистана и хотел, чтобы таким образом и Масъуд побольше путешествовал по городу Душанбе, знакомился с его достопримечательностями. С другой стороны, и сам Масъуд особо почитал самого Мавлоно Яъкуби Чархи. Поэтому Регистони решил не упустить шанса, отвезти Масъуда в святую для него мечеть.

Словно лев, выпущенный на свободу, Масъуд радовался каждой минуте своего пребывания в этом живописном городе, вдали от мест боевых действий и других беспокойных мест своей родины. Как казалось Масъуду, он находился на вершине блаженства.

Действительно, если попытаться войти в его положение, понять его состояние, сравнить картину тогдашнего Кабула с городом Душанбе, то можно представить себе, какие чувства бушуют в его мозгу. Представший перед взором пейзаж, вид города действовал на любого, впервые приехавшего, умиротворенно.

Утром следующего дня Масъуд вместе с Сайдамиром Зухуровым и Эмомали Рахмоном поехали на правительственную дачу, расположенную за городом, в живописном Варзобском ущелье. Масъуда, наблюдавшего за открывшейся красочной панорамой живописного ущелья, здешняя красота явно пришлась по вкусу. Он жалел, что раньше не мог приехать сюда, любоваться красотой этого райского уголка земли. Но вынужден был тешить себя тем, что и в былые годы, когда существовал Советский Союз, он никак не мог просто так взять, да и приехать сюда, ибо в те годы ворота шурави были открыты не каждому. Теперь же, когда Таджикистан стал суверенным, независимым государством, он, как и любой гражданин другой страны, мог запросто оформить необходимые документы и приехать сюда, когда ему захочется. Тем более, что двери соседнего братского Таджикистана, как заявил и сам президент Таджикистана, всегда для Масъуда открыты. Масъуд открыл для себя, что и дух народа, язык, обычаи и климат этой страны ему очень близки. Здесь он не чувствовал себя чужим, в чужом государстве.

При посредничестве Эмомали Рахмона, договорившись с ответственными работниками министерства иностранных дел, Федеральной службой безопасности и военными Российской Федерации, Масъуд разрешил проблему обеспечения оружием и боеприпасами. Впредь Масъуд мог в любое удобное для него время поехать в Москву, или послать свою делегацию для ведения переговоров и получения необходимой военной помощи.

Основной целью поездки Масъуда в Российскую Федерацию было восстановление дипломатических отношений с этой страной. Он знал, что после распада Советского Союза обстановка в корне изменилась и в самой России, политика страны стала

другой. Выходило, что где-то в течение нескольких лет жизнь во всем постсоветском пространстве стала совершенно другой. Что интересно было для Масъуда, так это то, что в отличие от Афганистана, все перемены здесь произошли без каких-либо воин и кровопролитий. Совсем не так, как в его стране. Приехав впервые в Таджикистан, лишь поверхностно познакомившись со столицей этой страны, он сразу понял, почему таджики могут договориться между собой о мире и дальнейшем развитии своего государства, а Масъуд со своими оппонентами в Афганистане никак не могут прийти к такому взаимному согласию. Причину такого несоответствия он обнаружил в уровне развития всех инфраструктур таджикского общества, наличия здоровых сил, способных вести народ по правильному, цивилизованному пути развития. Народ же Таджикистана, основной своей массой в течение семидесяти с лишним лет находившийся под влиянием шурави, в единой семье советских народов, находился на более высокой стадии развития, нежели воюющие десятилетия афганцы. Независимо от общественного строя, фактор цивилизованности общества сыграет свою положительную роль в развитии любого государства. Наблюдая за той жизнью, которой жила учащаяся молодежь, снующая по улицам города, за разговором простых граждан, за ритмом повседневной жизни душанбинцев, Масъуд убеждался в правоте своих умозаключений.

Масъуд еще раз мысленно прокрутил в своей памяти былую картину прошедших десятилетий. Начиная с молодых своих лет, он начал войну с коммунистическим режимом Довуда, Кормала, Наджиба, пока в Афганистан не вошли войска Шурави. Еще десять лет войны с войсками Шурави. Шурави покинули Афганистан, и Хикматёр с помощью Пакистана ввел в Кабул и в его окрестности свое двадцатитысячное войско. Не успел Масъуд со своими моджахедами свести счеты с Хикматёром, как на арену войны вышли талибы. По сути, талибы – это те же сподвижники Хикматёра, только сменившие свое название и обличие. Выходило, Масъуд, все эти годы воевавший за восстановление мира как в своем Панджшере, так и во всем Афганистане, так и не смог добиться своей цели. Ибо враг его был непобедим своей разноликостью. Народ же, в силу своей отсталости и необразованности, не в состоянии был отделить зерна от плевел, ждал, как говорится, пока кто-нибудь на блюдечке преподнесет ему этот самый мир в готовом виде. История же такого не помнит. Чтобы воцарился мир, надо взяться всем миром, а не в одиночку, каким выступал Масъуд и его сподвижники.

Все, как говорится, познается в сравнении. Сравнивая, узнаем, узнавая, познаем. Этот вывод напросился у Масъуда как-то сам по себе, в течение того времени, пока он пребывал в столице Таджикистана. Все больше и больше углубляясь в свои размышления, виноватым во всем этом Масъуд признал себя. Он упрекал себя в том, что за все эти годы ни разу не ездил в другие страны, чтобы видеть, как живут люди в других странах, какую политику ведут в этих странах, чтобы все лучшее взять и для своей страны. Выходило, что, прославившись на весь мир как Панджшерский Лев, Масъуд так и остался львом в вольере, не способным выходить оттуда, посмотреть мир, чтобы найти для себя и своих сородичей пути выхода на волю, на свободу.

«Хотя бы лет двадцать назад приехал сюда, коренным образом изменил бы тактику борьбы, избрал бы другой путь. - сожалея, мысленно корил себя Масъуд. – Увы, прошлого, как говорится, не вернешь. Ладно, это мы оказались в таком замкнутом пространстве, дальше своего носа ничего не видели. Тогда спрашивается, почему тысячи умных, образованных советских политиков избрали такую же, как и мы, тактику борьбы? Зачем они пошли на нас оружием, вызвав адекватный ответ? Выходит, что и они достижение своих целей видели только путем оружия, войны и кровопролития. Если бы они дали нам возможность приехать хотя бы в Душанбе и увидеть, как живут наши братья-единоверцы в Таджикистане, в единой семье народов СССР, чего они добились здесь, мы уже знали бы, что собой представляет Советский Союз и, возможно, пересмотрели бы свое отношение к шурави».

Всеми этими своими размышлениями Масъуд смог поделиться с Сайдамиром Зухуровым, только тогда, когда они остались вдвоем в Варзобе и спустились к реке, чтобы поговорить по душам. Своими сказочно красивыми горными хребтами Варзобское ущелье тоже было схоже с ущельем Панджшер. Река Варзоб была такая же бурная, как и река Панджшер. Отличало Варзобское ущелье от ущелья Панджшер только то, что по обоим берегам реки Варзоб располагались Дома отдыха, огромное множество павильонов, обустроенных для отдыха посетителей, и длинные ряды деревьев, по-особому украшавших пейзаж.

Сидя на огромном валуне прямо у воды, Масъуд снял свою обувь, свернул штанину до колена и опустил, было ноги в воду, как тут же выдернул.

- Ах, как холодно-то! – воскликнул он, обращаясь к Сайдамиру Зухурову.

- Конечно, холодно! Еще бы. Река же берет свои воды из ближайших вот ледников перевала Анзоб. – указывая на ближайшие горные вершины, сказал Сайдамир Зухуров. Потому вода холодная. Ваша река Панджшер немного теплее, потому что много пути преодолевает, пока доберется до ваших кишлаков. Потому вы и купаетесь в ней, что вода там теплее, чем в нашей реке. Попробуй, искупаться здесь. Холодно очень.

- А тебе не приходилось побывать в Панджшере? – спросил Масъуд.

- Бывал в вашем Файзобде, Фархоре, Мазори Шарифе, Кундузе, Кабуле и в других местах Афганистана. А вот в Панджшере побывать не приходилось. Видно, не суждено было побывать и на вашей родине.

- Будет на то воля Оллоха, вместе поедем. Панджшер наш, как и ваш Варзоб – очень красивое место. Но здесь, у вас, все обустроено. Да и вообще, вы счастливый народ. Мне кажется, что все несчастья и беды мира Оллох свалил на Афганистан. Может, мы сами провинились в чем, не знаю.

Устремив взор на бегущие волны, Масъуд замолк. Молчал и Сайдамир Зухуров. Да и вообще, он, как и все сотрудники этого ведомства предпочитали меньше говорить. Видя, что Масъуд углубился в свои размышления, Сайдамир Зухуров вынул из кармана пачку сигарет, взял сигарету и закурил, окидывая взором горный пейзаж.

- Акаи Сайдамир, можно спрошу что-то? – обращение Масъуда вернуло Сайдамира Зухурова к действительности.

- Пожалуйста, спрашивайте! Я вас слушаю! – ответил он.

- Все, что у вас есть, это все при шурави построено, или ваша страна и до этого была такая же?

- Да, это все построено при Советском Союзе. До этого город Душанбе был маленьким невзрачным кишлаком. Благодаря Советскому Союзу мы и имеем все это.

- Интересно. Смотрю вокруг. Все красиво, благоухает, жизнь кипит, все не так, как у нас, все по-русски, а мечети действуют, как ни в чем не бывало. Никому и дела нет, совершаете вы намаз или нет. Неужели все это богатство и изобилие вам дали шурави? Что-то мне не верится, уму не постижимо.

Сайдамир Зухуров лишь улыбнулся. Он понял, что в этой жизни никуда не ездивший, не видавший мира, прославленный полководец Масъуд в своем Афганистане кроме войны ничего хорошего еще и не видел. «Видимо, ему еще и невдомек, что люди давно уже покоряют космические пространства, что человечество в своем развитии шагнуло далеко вперед. А прославленный Масъуд вместе со своим народом остался далеко позади этого мчащегося вперед поезда под названием «Цивилизация». И во всем этом виновата проклятая война, откинувшая этот народ в невежество средневекового мракобесия. И кроме, как воевать, проливать человеческую кровь, убивать себе подобных, мало, что он знает» - вывел для себя Сайдамир Зухуров и обратился к Масъуду:

- Омир Сохиб, оказывается, мы счастливый народ, что в двадцатые годы двадцатого столетия и к нам пришла великая русская революция. Правда, поначалу и наши деды, как и вы, толком не понимали и не хотели понять и признать русских. Допустили много

ошибок. Из-за этого не обошлось и без лишних жертв. Некоторые сбежали и к вам, в Афганистан. Потом постепенно жизнь наша стала налаживаться, дела пошли, как говорится, в гору. И следствием стало то, что мы с вами видим. Все, что нынче мы с вами видим, это благодаря Советскому Союзу, нашему братству с русским и другими народами страны Советов. А ведь мы тоже прежде жили так же, как и вы, бедно, нищенски. Шурави, как вы изволите их называть, помогли нам построить новую жизнь, подняться на более высокий уровень жизни. Что скрывать? Мы благодарны великому русскому народу за все это. Мы были бы неблагодарным народом, если бы не признали эту простую истину. Это для нас аксиома жизни. Мы тоже в свое время были такими же необразованными, как и большинство афганцев. Чего греха таить, не было у нас и нормального места, где можно было справить естественную нужду. Советский Союз, русский народ дали нам все, что мы сейчас имеем. Построили для нас школы, готовили квалифицированных специалистов, строили заводы и фабрики, наладили строительство новой жизни, и теперь мы пользуемся плодами этой жизни.

По лицу Масъуда нетрудно было понять, что он чем-то встревожен, весьма недоверчив то ли к смыслу слов, сказанных Сайдамиром Зухуровым, то ли к свершившемуся уже факту. В его мимике легко читалось двойное чувство недоверия и какой-то ненависти. Но Масъуд ни единым словом не выдавал то, что бушевало в его мозгу, что волновало его так сильно. Он все еще молчал, все глубже погружаясь в какую-то бездну недопонимания чего-то.

- Неужели шурави не было дела и до вашей веры? – вдруг спросил Масъуд.

- Мы в достаточной мере соблюдали все свои религиозные ритуалы. Что совершаем намаз, соблюдаем Рузу*, по законам ислама проводим церемонию погребения умерших, никому не было дела. никто нам в этих делах не чинил препятствий. Иногда были, правда, и такие чиновники, которые доводили до сведения центральных властей в несколько искаженном виде. Мол, религия – это какой-то опиум

*Руза - пост у мусульман.

для народа и вредна обществу. Если нам и приходилось нести какие-то наказания за совершенные какие-то там проступки, то и это опять–таки от своих же «умников-карьеристов», ради достижения своих карьеристских целей готовых стелиться под кем угодно, выдавая желаемое за действительное. Но со временем все стало на свои места, вошло в нормальное, светское русло.

Масъуд знал, что Сайдамир Зухуров говорит правду. Ему нет резона врать или опасаться Масъуда, или, еще хуже, хвастаться перед ним. Раз уж зашел разговор, Масъуд решил выяснить, развеять туман своего недоверия существующему порядку вещей.

- Господин Зухуров! Не кажется ли вам, что я всю жизнь ошибался? – Масъуд поставил вопрос, что называется, ребром.

- А почему вы так считаете, и в чем заключается ваша ошибка? – вопросом на вопрос спросил Сайдамир Зухуров.

- Вся наша борьба, это наше десятилетнее противоборство против шурави разве было зря, ошибкой нашей? – свой вопрос Масъуд затаил еще круче.

Зухуров молчал. Он думал, как ответить на этот весьма трудный вопрос. Подумав еще немного, Сайдамир Зухуров решил следовать простой истине: «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Рано или поздно кто-нибудь обязательно скажет эту горькую правду Масъуду. Будет лучше, если сам скажет ему, прямо в лицо.

- Омир Сохиб, трудный вы задали мне вопрос. Боюсь, что не смогу ответить.

- Господин Зухуров, мы с вами люди военные. Всю жизнь имели дело с военными и с политиками. – положив руку на плечо Сайдамира Зухурова, обратился к нему Масъуд. – После того, как приехал в Душанбе и познакомился с вашей столицей, вот уже несколько дней задаюсь этим вопросом. Вас давно знаю как человека мужественного благородного. Среди таджиков и таджикистанцев более близкого себе человека, кроме

вас, у меня нет. За эти дни успел увидеть, познакомиться с вашим городом, уровнем жизни вашего народа, благоустройством города. Почувствовал себя в каком-то другом мире. Особенно на меня подействовало равноправие мужчин и женщин, как юноши и девушки чувствуют и ведут себя свободно, как относятся друг к другу. Откровенно говоря, я невольно открыл для себя, что завидую вам. И рад, что своими глазами увидел вашу счастливую жизнь. А я ведь всю жизнь воевал, боролся именно за такую жизнь, и так и не удалось мне добиться этого. Иметь хотя бы одну сотую часть всего того, что вы имеете, нам было бы достаточно. Вы, как родной брат, скажите, в чем я ошибся, где просчитался, что так и не добился того, чего хотел. Хотя бы знать напоследок о своих ошибках. У себя на родине мне никто об этом не скажет, и не посмеет сказать, поскольку у себя на родине я так успел прославиться, что если и знает кто-то о моих ошибках, боятся сказать прямо в лицо. Боятся все. Что делать, если наряду с гордыми и непоколебимыми личностями водятся у нас и люди трусливые, в силу своей трусости не желающие сказать правду прямо в лицо человеку, чтобы он исправил свои недостатки.

Понимаю, что за все годы борьбы и я немало допустил ошибок. Но до сих пор никто ни разу мне не говорил о них. Надеялся, что вы ответите на мой трудный жизненный вопрос, но, увы, и вы воздержались от правдивого ответа.

Сайдамир закурил сигарету. Видимо, от дыма сигареты Масъуду стало неуютно, что встал и сел на другой валун, напротив Сайдамира Зухурова.

- Акои Сайдамир, не лучше ли будет, если вместо того, чтобы курить, займешься совершением намаза, соблюдением обрядов ислама? Чистота тела и духа, здоровье будут гарантированы.

- Омир Сохиб, я как-то привык к этой вредной привычке. Теперь не могу бросить. Извини, что испортил тебе воздух.

- Если не ошибаюсь, ты еще и пьешь?

- Чего скрывать, изредка выпиваю по пятьдесят, сто граммов.

- Вот почему я возненавидел шурави. – заметил Масъуд и перевел разговор в шуточный тон. – Не вижу ничего такого предосудительного, чтобы вы отказались от этих привычек. Куришь, пьешь? Вдобавок к одной своей слабости еще совершаешь и другой великий грех – пьешь. Выпив, опьянеешь. Отсюда до совершения других страшных грехов, как говорится, и рукой подать.

Слушая Масъуда, Сайдамир Зухуров понял, что Масъуд шутит, и в этой шутке есть большая доля правды. Его родители, родственники до седьмого колена, как и сам Масъуд – все мусульмане. Сам Сайдамир, как и Масъуд, родился и рос в сельской местности, знаком со всеми мусульманскими обычаями своего народа. Хорошо знает суры Корана, ритуал совершения намаза. Хотя и возраст у него довольно-таки зрелый, но до сих пор не совершает намаз. Как же ему быть, если в те годы требование времени, политика государства была такова, что почитала она именно такого к себе отношения, не признавала, чтобы люди, занимавшие высокие должности, соблюдали требования канонов ислама: совершали намаз, соблюдали пост, исполняли какие-либо религиозные ритуалы. Сайдамир Зухуров был воспитан именно в таком духе, соблюсти который требовала от него коммунистическая партия, являвшаяся в годы Советского Союза авангардом общества, основной руководящей партией, движущей силой общества.

Теперь же, с обретением Республикой Таджикистан своего суверенитета, каждый волен сам решать, соблюсти ему религиозные ритуалы, или нет. Перед Сайдамиром Зухуровым, выросшем при том советском обществе, теперь этот вопрос не стоял.

Занятые своими размышлениями, оба сидели рядом, любясь красотой горного пейзажа.

- Все-таки, господин Зухуров, вы не ответили на мой главный вопрос. – нарушив молчание, спросил Масъуд. – Мне много раз приходилось убеждаться в высоком

интеллекте сотрудников разведслужб. Закурив сигарету, вы ловко ушли от ответа. Пока же я не услышу от вас ответа на вопрос о своих ошибках и просчетах, не оставлю вас в покое. Знаешь, брат, я ищу ответа на этот вопрос еще со времени ухода шурави из Афганистана. Может, вся эта борьба, убийства не нужны были? Мы зря кровь проливали? Как образованный ученый человек, много ездивший по миру, много выдавший в жизни, хорошо осведомленный в политических делах, что думаете по этому поводу?

Выкручиваясь, уходя от ответа, Сайдамир Зухуров все же убедился, что пока не ответит на его вопрос, ему нелегко будет избавиться от его назойливости.

- Омир Сохиб, вы сегодня наш гость, вынуждаете меня оценить вас и ваш уровень жизни на данный момент. Но ведь весь мир знает о вашем подвиге. Мир восхищен вашим талантом гениального полководца, великого военного тактика и стратега. На этом фоне кто я такой, чтобы вас оценивать?

- Вы, господин Сайдамир Зухуров, имеете звание генерала, а я полководец без звания. Вы мой друг, мой брат. Я хорошо знаю, что и у кого спрашивать. Если бы я в течение всех этих лет не ошибался, принес бы своему народу мир, счастье и процветание. Всю жизнь воевал, а в Афганистане до сих пор нет мира. Одному Оллоху ведомо, сколько еще продолжится эта война.

То, что я увидел здесь у вас в Таджикистане, об этом я и мечтал всю свою жизнь. Если вы не подскажете мне моих ошибок, то к кому мне идти тогда за советом? В этом мире кроме народа Таджикистана нет мне ближе друга и брата.

Масъуд замолчал. Он верил, что сможет уговорить Сайдамира Зухурова открыться. Сайдамир Зухуров, в свою очередь, принял молчание Масъуда за готовность к любому ходу разговора. Будь он даже не так уж и лицеприятен.

- Омир Сохиб, кроме, как открыто говорить вам обо всем, что думаю, мне ничего другого не остается делать. Вы сами своей категоричностью вынудили меня к этому. Потому будто готовы, если какие-либо слова мои прозвучат резко.

- Я сам этого хотел, дорогой друг! Давайте, говорите. Подробно. Я вас слушаю. – и Масъуд придвинулся к Сайдамиру Зухурову.

- Таджики, которые живут на этой стороне Пянджа, то есть, таджикистанцы, оказались не забытыми Оллохом, что на их землю ступила нога русского брата, совершившего у себя на родине революцию и приведшего эту революцию и к нам, избавив нас таким образом от средневековой отсталости, мракобесия. – начал Сайдамир Зухуров, всматриваясь в какую-то отдаленную точку в горах. – По истории мы знаем, что в первые годы установления Советской власти у нас было много недопонимания, в результате чего мы потеряли многих своих лучших, образованных, высокоинтеллигентных людей. Некоторые из них стали жертвами внутренних разборок, другие, чтобы не быть убитыми, вынуждены были покинуть страну, жить в изгнании, в других странах Востока. Что скрывать, в плане образованности, сознательности и наш народ в абсолютном большинстве своем находился на очень низком уровне развития. Великая Октябрьская Социалистическая революция, свершившаяся в самой России, вдохнула жизнь, привнесла свои добрые плоды и на нашей земле. Благодаря русскому брату, у нас открылись современные школы, где обучались грамоте и азам науки и стар и млад. Нас научили науке дехканства, культуре и искусству, построили нам заводы и фабрики, улицы и проспекты. Одним словом, научили, помогли жить по-человечески. И все это было основано на принципах равенства и братства всех народов, живущих во всем пространстве Советского Союза.

Советское государство было таким справедливым и гуманным государством, подобно которому не было нигде в мире. За семьдесят лет существования Советского Союза наш Таджикистан достиг таких высот в своем развитии, каких не помнит и наша история в течение прошедших девятнадцать столетий.

Прошло всего несколько дней, как вы, Омир Сохиб, гостите у нас в Таджикистане. Понимаю, что все это время вы сравниваете жизнь своего народа с нашей жизнью. И после таких вот размышлений вынуждены были обратиться ко мне со своим вопросом относительно каких-то ошибок, якобы допущенных вами в течение всего того периода, когда вы воевали, противоборствовали определенным силам извне. Я понимаю вас. Да, вам или нелегко будет слушать такие речи, или трудно понять то, что я вам говорю сейчас. Это ваше дело, верить мне или нет.

Сайдамир Зухуров на время замолчал, посмотрел в лицо Масъуду. Судя по сосредоточенному куда-то вдаль взгляду Масъуда, он внимательно все еще слушал Сайдамира Зухурова, тщательно пережевывая сказанное им. Сайдамир Зухуров продолжил.

- Виной всему вашему несчастью – затяжная война, разразившаяся в вашей стране, продолжающаяся и по сей день. И как закономерное следствие – остановка деятельности всех сфер народного хозяйства страны, погружение страны в хаос средневекового мракобесия. Что теперь следует ожидать от населения, девяносто процентов которых поголовно безграмотно, лишено всякого доступа к получению необходимого образования?

Сами прекрасно знаете, что миром, прогрессом должны руководить ум, мудрость, знание. Когда в стране нет всего этого, на первый план выступает мракобесие, предрассудки, нередко приводящие к хаосу, анархии. Оглянитесь вокруг, посмотрите, веками вами управляют предрассудки.

Омир Сохиб, как говорят, умному лишь намекни, и он сам все поймет. Потому я не стану подробно вам объяснять, что и отчего это все. Мой первый вывод таков: Пока ваш народ не освободится от плена суеверий и этих предрассудков, не видать вам мира, свободы, прогресса, процветания, равенства и братства.

Быть может, вы станете отрицать мои суждения. И в доказательство ошибочности моих взглядов, приведете в пример развитые арабские страны. Поймите, по воле Оллоха большинство тех стран, в отличие от вас, по своему географическому положению оказались в роли хозяев богатых мировых месторождений нефти и газа. Нефть и газ – это богатство, благосостояние, прогресс. За счет этого богатства живут и процветают эти страны. Афганистан же абсолютно лишен всех этих земных благ.

Это не вы навязали своему населению все эти предрассудки. Более того, вы оказались единственным из шестнадцати миллионов человек населения Афганистана, кто всю свою жизнь посвятил борьбе за освобождение своего народа от гнета и эксплуатации. Главные заказчики всего этого находятся не в Афганистане. Они находятся где-то далеко, стоят и смотрят, как разыгрываются их карты вашими руками. И, чтобы добиться поставленной цели, они используют для этого существующий в вашей же стране фактор. Сами, того не ведая, вы работаете на них. Вы варитесь в собственной каше. Вот вы сами преклоняетесь же этим предрассудкам, подчиняетесь веками сложившимся догмам, не отдавая себе отчета, ради чего, или, быть может, ради кого убиваете друг друга, своего же земляка, своего же соплеменника. Руководствуясь какими-то высшими религиозными соображениями, прославленный Масъуд хоть раз задался вопросом: Для кого и ради чего он столько лет воевал? Если бы вы спустились на землю обетованную, хоть раз подумали бы над этим бытием, возможно, пересмотрели бы и свое отношение к окружающему вас положению вещей. Но, чтобы вы не додумались до этих простых вещей, главный заказчик всех этих воинов и междоусобиц ваших не дремал, действовал, чтобы огонь войны не затухал, пока он не добьется своей цели.

С первых дней своего знакомства с вами я понял, что вы истинный мусульманин и ради установления ценностей ислама даже готовы жертвовать и своей жизнью. Это, конечно, похвально, когда человек идейно стойкий. Но основную свою ошибку вы допустили как раз тогда, когда на вашу землю вступила Советская армия. Если глубже

посмотреть на это, то окажется, что это вовсе и не ваша ошибка, ибо вся общественность Афганистана была пропитана духом предрассудков, вы этим были воспитаны с младенческих лет. Воспитанные духом ненависти к коммунистическому режиму, вы возненавидели и весь Советский Союз, весь его народ. В лице советских людей вы видели коммунистов, а русских считали и продолжаете считать кафирами, своими ярыми врагами. Вы не можете выбраться из плена подобных суждений, ибо шурави убили ваш народ, сожгли и сровняли с землей ваши дома.

Враги ваши, которых вы считали своими настоящими друзьями, неустанно твердили вам, убеждали вас, что если власть в Афганистане захватят шурави, то вас превратят в своих рабов, сделают вас кафирами, заставят отречься от своей веры. И вы верили им. Ибо еще ваши далекие предки были воспитаны в таком же духе, но не видели, не знали, что это за люди, которых вы называете кафирами. Если бы как мы жили с ними бок о бок, то за все годы совместного проживания в едином обществе, в единой семье народов Советского Союза пришли бы к такому же выводу, к которому мы пришли. Вот в чем вы ошиблись, Омир Сохиб.

Теперь, как вы сами видите, живя бок о бок с русскими, не то, что таджики и таджикистанцы, но и другие мусульманские народности, как узбеки, туркмены, татары, башкирды не стали кафирами, даже живя на территории самой России. Более того, сохранили и продолжали соблюдать свои обычаи и традиции. Никому не было и дела до их веры. Главное, чтобы в своей деятельности они не нарушали требований конституции страны. И так жили и работали в Советском Союзе десятки миллионов мусульман. Да, в единой семье народов СССР. Пусть звучит это несколько банально, но это так.

Теперь несколько слов о ваших ошибках. С моей точки зрения, уже с первых дней ввода Советских войск в Афганистан вы не захотели подчиниться шурави. И буквально до последних часов их пребывания на вашей земле вы воевали с ними, победили их своим умом, смелостью, стойкостью и мужеством, как великий полководец прославились на весь мир. А шурави с позором были побеждены и изгнаны с вашей земли.

После того, как последний солдат шурави покинул Афганистан, ваш соотечественник и брат Хикматёр первым выступил против вас. Затем на арену борьбы вышли талибы. Вы, прославившийся на весь мир как большой тактик и великий стратег, сумевший противостоять великой армии шурави, победившей даже фашизм, ничего не смогли противопоставить своим же братьям по вере. Вы были бессильны перед этой никчемной по отношению к шурави силой. Без борьбы и всякого сопротивления вы оставили талибам столицу страны, вернулись в свой родной Панджшер и предпочли сидеть, сложа руки, бездействовать. И это тоже вы – своими подвигами прославившийся на весь мир полководец Масъуд, перед которым преклоняет колени народ Афганистана.

Если бы вы без всякого сопротивления открыли бы дорогу шурави, мир сразу же был бы восстановлен, в ближайшие десять – двадцать лет Афганистан процветал бы как наш Таджикистан, народ зажил бы хорошо. Знаете, что, Омир Сохиб? Если бы вы с шурави нашли общий язык и не стреляли бы друг в друга, с обеих сторон не был бы убит ни один человек. Вы поступили наоборот. В итоге с обеих сторон имеем десятки, сотни тысяч убитых, разрушенные города и села Афганистана. И что еще обидно как для одной, так и для другой стороны, ни одна из сторон не смогла добиться поставленных перед собой целей. Получается, что кто был ни с чем, ни с чем и остался. Не в выигрыше оказались и вы. Остались с тем же туманным прошлым наследием предрассудков и догм средневековья. Теперь одному Оллоху ведомо, сколько это еще будет продолжаться с вами.

Даже если вы уладите дела с талибами и найдете с ними общий язык, на арену политической борьбы выйдут другие лидеры других движений и партий и все равно не

оставят вас в покое. Предрассудки и войны всегда идут рядом, бок о бок. Они существуют так на протяжении тысячи четырехсот с лишним лет.

Омир Сохиб, я тоже, как и вы, достиг определенного возраста. И всю свою жизнь посвятил безопасности страны. Более-менее имею жизненный опыт, знаю и ценю добро. Поделюсь с вами еще одной мыслью. Сколько бы вы ненавидели жизненный уклад русских, их нравы и обычаи, их привычки, поверьте, я до сих пор не встречал в своей жизни такого справедливого доброжелательного миролюбивого народа, как русский народ. Если первым делом по воле Оллоха мы, таджикистанцы, достигли такой степени развития своего общества, то это все благодаря великому русскому народу, как родной брат помогавший нам подняться из руин до таких небывалых до селе высот в своем развитии. Мы надеемся, что и впредь русский народ будет нам надежной опорой в своем дальнейшем развитии. И никто другой.

Серьезной ошибкой руководства Советского Союза при вводе войск в Афганистан было то, что они не смогли вести с вами и такими, как вы, руководителями, пользующимся народным доверием, работу, убедить вас, что они пришли к вам с добрыми намерениями.

Учитывая тот факт, что вами, в первую очередь, двигали устоявшиеся веками предрассудки, для начала они должны были пригласить вас хотя бы в Таджикистан, чтобы вы своими глазами видели, как живут сами советские граждане. Тогда вы, наверняка, поняли бы, что Советские войска пришли к вам отнюдь не с плохими намерениями. Увидев все наши достижения, вы поверили бы и в прогрессивность миссии Советских военных. Вы тоже, как и мы, зажили бы полноценной созидательной жизнью. Страна ваша развивалась бы год от года.

Задумавшись о чем-то, Сайдамир Зухуров сделал небольшую паузу в своем монологе. За все это время Масъуд и слова не проронил, весь переключился на слушание, хотя резкости в словах его собеседника было хоть отбавляй.

- Боюсь, что не будет конца и краю вашим внутренним войнам. - продолжил Сайдамир Зухуров. – Хотя и вас, великого полководца, никто в мире так и не смог победить, но вам не будет покоя от своих же братьев-единоверцев, по уши влезших в болото самодурства, средневекового мракобесия и предрассудков. Вы, Омир Сохиб, пожалуйста, остерегитесь своих же так называемых истинных мусульман, окруживших вас, а не чужестранцев.

Вспомнил и другую вашу ошибку. Вы в своей жизни до селе ни разу не выезжали в другие страны мира. Чтобы поправить свое здоровье и наладить связи с Россией, вы в течение трех-четырех дней гостите у нас, в Таджикистане. Судя по вашим впечатлениям о нашей стране, ваши взгляды на окружающий вас мир резко изменились. Я поговорил с нашим уважаемым президентом. Он распорядился, и в самом городе Душанбе, по улице имени Карамова, 12 вам выделили квартиру для вашего пребывания здесь. Сколько хотите, оставайтесь, живите здесь, займитесь своими делами. Заодно будете лечиться, восстанавливать свое здоровье.

- Спасибо большое, Сайдамир. – Масъуд поблагодарил Сайдамира Зухурова за проявленную заботу. – Я благодарен вам и за то, что прямо в лицо сказали мне о допущенных мною ошибках. Как говорится, кто что понял, каждому свое. У меня, Сайдамирджон, как и у вас, свой мир, свое мировосприятие. Каждый волен решать сам. Во всяком случае, это к добру, что вы сказали мне о моих ошибках и просчетах. Приму я их или нет, вред или польза от всего этого будет мне, останется на моей же совести.

У меня к вам есть еще одна просьба. Не могли бы найти временное жилье и моему телохранителю Исломиддину с женой? Хочу, чтобы он вместе со своей семьей какое-то время пожил здесь, прежде чем подготовит все необходимые документы и вернется к себе на родину. Думаю, с распадом Советского Союза появились и благоприятные условия для его возвращения к своим родным и близким.

- Эта ваша просьба легко выполнима, Омир Сохиб. Исломиддина с семьей разместим рядом с вами. Оллох даст, все дела будут в полном порядке.

- Дорогой Сайдамир, сегодня, здесь в Варзобском ущелье, похажем на наше ущелье Панджшер, я получил все ответы на волнующие меня вопросы. Я согласен с большинством ваших суждений. Век буду вам благодарен. Если можно, вы отдохните немного, а я на этом берегу реки совершу послеполуденный намаз. После намаза вновь продолжим нашу беседу.- вставая, сказал Масъуд, довольный, положив руку на плечо Сайдамиру Зухурову.

Сайдамир встал следом. Немного подумав о чем-то, вынул из кармана пачку сигарет, вытащил сигарету, закурил и зашагал от берега. ...

Глава XXI

**Дўстон, таню на ман номи Ватан гум кардаам,
Бехудам, чандон ки номи хештан гум кардаам.**

**О друзья, не только я забыл свою Родину,
Вне себя я, что даже потерял своё имя.**

Исломиддин собирался в путь. Масъуд велел ему обратиться в соответствующие правительственные учреждения, министерство иностранных дел и посольство, получить необходимые документы, разрешение на поездку, поговорить с Киёмиддином, друзьями, готовиться к поездке.

Государства и правительства Советского Союза, преследовавшего Исломиддина, теперь не существовало. Советский Союз развалился, распался. В великом противостоянии двух великих сверхдержав Америка одержала победу. Теперь появились и условия, необходимые для возвращения Исломиддина к себе на родину.

Узнав об этом, Хамида и Одила засуетились. Согласно сложившимся у сельчан обычаям, прежде, чем отправить молодоженов домой, к родным мужа, необходимо организовать торжественное пиршество для соседей, родных и близких. А в случае с Исломиддином событие это было особое. Как-никак прошло уже четырнадцать лет, как Исломиддин признал Афганистан своей второй родиной, сменил свое имя Николай на Исломиддин. Наравне со всеми мусульманами этого края строго соблюдал все обряды, обычаи и традиции ислама. Что еще важнее, несмотря на то, что Исломиддин жил на чужбине, все же нашел здесь и свое счастье, обрел семью, детей. Теперь, когда появилась возможность вернуться к себе на родину, по его же личной просьбе Масъуд заботится о его возвращении на родину.

За два дня до поездки дочери, зятя и внуков на родину Исломиддина Киёмиддин привел домой повара, зарезал барана, сварил плов. Наряду с соседями, родственниками на пиршество были приглашены Масъуд, друзья Исломиддина. За празднично накрытым дастарханом, в теплой дружеской обстановке все собравшиеся отметили церемонию проводов Исломиддина и его семьи. В их числе был и Масъуд, прибывший на торжество со своими друзьями, соратниками, чтобы отдать Исломиддину дань уважения за верность раз и навсегда выбранному делу, которому посвятил Масъуд всю свою жизнь. За все эти годы Масъуд убедился, что, несмотря ни на какие трудности и тяжелые испытания, Исломиддин мужественно перенес все тяготы и лишения, остался верен Масъуду до конца, стал ему почти, что родным братом. Исломиддин же, в свою очередь, с первых же дней своего знакомства с Масъудом вплоть до последних дней своего пребывания в Афганистане ощущал на себе братскую поддержку, отцовскую заботу и помощь Масъуда.

Когда ушли гости, Масъуд подозвал к себе Исломиддина, усадил рядом и спросил:

- Дорогой брат, все ли документы получил?

- Да, получил, Омир Сохиб. – коротко ответил Исломиддин.

- Самолет из Кабула завтра во сколько вылетает?

- Утром, в десять часов.

- Исломиддин, сам знаешь, что у меня много работы. Надо ехать в Кабул. Видно, так суждено, что завтра, может быть, и не смогу приехать в аэропорт, чтобы проводить тебя. Давай-ка, будем прощаться здесь же! Что скажешь?

- Что я могу сказать, Омир Сохиб? – ответил Исломиддин, опустив голову. – Откровенно говоря, мне трудно расстаться с вами. Этой ночью и глаз не сомкнул. Вспоминал все былое прошлое, проведенные вместе с вами годы. Если вы, как настоящий отец, не благословите меня, век не буду спокойным за все прожитое, пережитое и будущее своей жизни. Прошу вас простить меня, если с моей стороны было что-то не так по отношению к вам! ...

Исломиддин хотел еще что-то сказать, но голос его дрогнул, будто что-то застряло у него в горле. Переполненный волнением, он, похоже, готов был расплакаться. Но мужская слеза, как всегда, скупа. Он замолк, заглушив нахлынувшие, было чувства. Масъуд, положив руку на плечо Исломиддина, обратился к нему:

- Дорогой брат! Что поделаешь, видать, уж судьба твоя так распорядилась, чтобы ты оказался на нашей родине! Я по гроб жизни доволен тобой и благодарен тебе!. Все эти годы ты был мне как родной сын, ни в чем не отказывал, ни в чем не провинился, чтобы я тебя упрекал в чем-то! Спасибо тебе за все это! Я благословляю тебя, и век не забуду твою доброту!

Масъуд сделал паузу:

- Быть может, твои благородные черты тому причиной, что ты обрел здесь и семью, и своих прекрасных детей. Когда узнал, что сынишку своего ты назвал Ахмадом, очень обрадовался, что ты везешь имя моего отца и деда в Россию. Дочку, как я слышал, назвал именем своей матери?

- Омир Сохиб, мою мать зовут Катерина. Дочку назвал Катей, чтобы вдали от родины облик матери всегда был передо мной!

- Это хорошо, Исломиддин. Знаешь, что? Я тебе принес книги на память. Одна из этих книг – священный Коран, другая – «Избранное Саади». Бери эти книги с собой. Знаю, что не забудешь ущелья Поранди и Панджшер. Но и не забудь и Джангалака. Как только представится возможность, пиши письма, приезжай в гости, навести родных, друзей.

Масъуд передал книги Исломиддину и зачитал наизусть строчки из Саади:

**Дар рафтани люн аз бадан гӯянд нар навъе сухан,
Ман худ ба чашми хештан дидам, ки люнам меравад. ...**

**Каждый бредить что – то, когда покидает душа тело,
Я видел глазами, как уходит мой дух.**

Понял, Исломиддин, будто великий Саади специально к нашему с вами расставанию сочинил эти строки. В аэропорту города Душанбе тебя встретит Регистони и отвезет в твой дом. Наши таджикские друзья в центре города, рядом с моим домом по улице Каримова, 12, сняли дом и тебе. Пока наши друзья будут готовить тебе все необходимые документы, ты вместе с семьей будешь жить и отдыхать там. А эти деньги от меня тебе на дорожные расходы. – Масъуд вынул из кармана бумажные банкноты и сунул их Исломиддину в карман: - До свидания, Исломиддин! Да хранит вас Оллох и подарит вам с детьми долгих лет жизни! Омин!

Сказав это, Масъуд встал, зашагал к выходу. Исломиддин вышел следом, чтобы проводить его. Он чувствовал, что от слишком большого волнения у него нет и сил, чтобы что-то сказать Масъуду. Он не думал и не гадал, что в последний раз видит своего великого друга, брата, прославленного полководца Масъуда, осчастливившего Николая Быстрова, и эти прощальные проводы - последние проводы в жизни обоих. «На этом свете нет сердца, более величественного, нежели сердце Масъуда!» - мысленно произнес Исломиддин, и сам не понял, то ли от радости, то ли от мысли о

предстоящей разлуке, что капельки слезы одна за другой потекли по его щеке, застряли в бороде. Исломиддин был тронут за живое. Да, все, что он имел теперь, это все было, благодаря Масъуду. Даже тот факт, что он остался жив, и потом много, чего достиг в последующие годы своей жизни, было благодаря великой заслуге Масъуда, подарившего Исломиддину жизнь и помогшего ему крепко встать на ноги. Исломиддин вез из Афганистана жену, детей и книги, подаренные самим Масъудом. Это и было теперь тем богатством, которое вез с собой на родину. Начиная с этой минуты, он осознал себя полноправным человеком на этой земле. Вытерев краешком платка слезы, Исломиддин поднял голову, направил взор в сторону яркого солнца. Ему показалось, что и солнце радуется вместе с ним. Исломиддина переполняло высшее чувство восторга. ...

* * *

С того дня, когда старушка Хадичамох рассказывала Масъуду сказки, казалось, прошла целая человеческая жизнь. Последние дни двадцатого столетия близились к концу, и население городка Усть-Каменогорск Краснодарского края Российской Федерации, где жили родители Николая, готовилось отмечать Новый год по христианскому календарю.

После того, как Николай уехал на службу в армию, дома у него остались больной старик-отец и сестра Валентина, взявшая на себя все заботы по уходу за больным отцом и хозяйством.

Под вечер, когда еще сумерки не успели сгуститься, по деревне прошел слух, будто сын дяди Василия Николай живой здоровый вернулся из Афганистана домой.

- Как это вернулся, когда мы вот этими самыми руками вырыли ему могилу, положили в гроб и похоронили? Что, он ожил что ли? – недоуменно спрашивал сосед Василия, дед Петр. - Господи, сколько лет прошло с тех пор, а? По-моему, со времени гибели Николая прошло четырнадцать или шестнадцать лет, а они твердят, что вернулся живой и здоровый! Пойду, посмотрю, правда ли это?

- Ей богу! Николай живой и здоровый! Вернулся! – воскликнула Наташа, продолжая рассказывать. – Сама своими глазами видела его! Как вот вас вижу! Если не верите, сходите к ним сами!

- Николая видела? – спросила Наташа у его одноклассницы Веры, с которой все трое учились в одном классе.

- Врешь! – возмутилась, было, Вера.

- Ей богу! Сама с ним встретилась. – волнуясь, тараторила Наташа. – Он живой здоровый! Вернулся вместе с женой и детьми! Писаный красавец, каких не сыскать! Смотришь и не насмотришься!

- О, боже! Что за чудеса такие? Сколько лет прошло с тех пор, и на тебе радость! – удивленно, как бы мысли вслух проговорила Вера.

- Мне кажется, будто и полвека прошло. Мы с тобой тогда были совсем молоденькими, а теперь вот как постарели. Хорошо помню: Когда мы с тобой учились в школе, обе были влюблены в него! А как я ревновала к тебе!? Аж ненавидела тебя!..

- Помню, Вера! Но он не достался ни тебе и ни мне! Хотя я до сих пор испытываю к нему какую-то привязанность! Аж сердце щемит, когда вспоминаю его! Из-за большой любви к нему даже сыночка назвала Николаем.

- Действительно, ты была влюблена в него. Я тоже любила Николая. Ты знала это, но я, в отличие от тебя, не была с ним как Ромео и Джульетта. Видела, что ты отобрала его у меня, я выкинула из сердца и любовь свою к нему, нашла себе достойного молодца. Слава богу, живу хорошо. А не так, как ты, чтобы всю жизнь только и думать о нем!

- Я, Верка, ошиблась в жизни-то! Откуда мне было знать, что Николай живой и здоровый? Как-никак, четырнадцать лет прошло с тех пор, когда привезли гроб с его телом. Вместе с Екатериной Андреевной и дядей Василием все были в трауре. Ты же сама видела, Вера, каким горем я была объята тогда! Будь проклята эта война! Она

сгубила мою любовь, мою молодость! После его похорон, еще шесть лет жила надеждой какой-то. Но от него больше не было никаких вестей. Сказала себе, что если буду так терзаться, и жизнь моя вся будет загублена. Вышла замуж. Если бы знала, что жив, ждала бы! Я, несчастная, не знала, что на свете бывают и такие случаи! Теперь с кем поделиться этим горем, кому рассказать об этой своей печали, сама не знаю! Прошное не вернешь, Наташа! Приходи вечером, пойдем проведать его. Будем вспоминать молодость, любовь свою. Ну, как, придешь?

- Не знаю, Вера. Какая же польза от того, что я пойду туда?

- Приходи, подруженька! Заодно и Николая увидим, и Новый год вместе будем встречать!

- Ладно, Вера, приду! Сердце разорвется на части, если не приду и не увижу его! Приду, чтобы увидеть свою любовь, свою молодость!

Вместе с односельчанами в дом дяди Василия пришли и одноклассники Николая. Вера и Наташа тоже были с ними. Обе подружки пришли в нарядных платьях, чтобы еще раз вспомнить былые годы молодости.

Вечерний сумрак еще не успел опуститься на деревню, как молодые вырубili в ближайшем лесочке ветку ели, принесли домой, установили на стол, нарядили новогодними игрушками, и новогодняя елка заиграла всеми красками радуги.

В доме дяди Василия обстановка была праздничная. Гармонист Анатолий, успевший изрядно попить и опьянеть, напевал свои народные песни, мелодии, будто специально приглашал всех в дом дяди Василия, чтобы присоединились к общей радости всей родни Николая. Видно было, что возвращение Николая к своим родным было праздником не только для семьи Быстровых, но и всей деревни.

И это было неслучайно. Четырнадцать лет назад, когда Николай числился на службе в рядах Ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан, в дом дяди Василия привезли цинковый гроб. Дескать, ваш сын Николай Быстров, выполняя свой интернациональный долг по защите завоеваний апрельской революции Афганистана, в одном из боев пал смертью героя. Офицер и сопровождавшие его два солдата категорически запретили открыть крышку гроба. Мол, тело Николая было найдено спустя месяц после боя и возможно оно обезображено, что может негативно подействовать на психику.

Действительно, когда родители припали к гробу, Наташа заметила, как из щели в гробу выползали черви и прилипли к галошам тети Екатерины. Тут же Наташа собрала этих червей на ладонь, отнесла в огород и закопала там. Когда она вернулась, заметила, и ужаснулась увиденной картиной: Теперь по платью тети Екатерины ползало огромное множество этих червей. Наташа обняла ее, показала всем собравшимся этих червей и обратилась к тете Катерине:

- Тетя Катерина! Отойти от гроба! Черви прилипли к тебе! Боюсь, чтобы и тебя не сожрали! Смотри, еще несколько червей прилипли к твоему платью! Давай, отойдем!

Но мать никак не хотела отходить от гроба сына, обняв, целовала цинковый ящик, рыдала, не слышала слов Наташи.

С того страшного дня прошло ни много, ни мало, четырнадцать лет. И суждено было случиться такому, что, спустя долгие годы, Николай вернулся домой живым и здоровым. Правда, от того Николая, молодого, красивого парня не осталось и следа. Седина на висках и в бороде, худой, выглядел намного старше своих лет. Но, несмотря на все изменения, он был живой и здоровый, и это для всех его родных было главным.

Посмотреть на Николая пришла вся деревня. Все радовались такому стечению обстоятельств. Пиршество было в разгаре. Танцы и песни, веселье царило в тот вечер в доме Быстровых. Деревня вся вместе с этой семьей отмечала наступление нового года.

Когда сестра Валентина и красавица Наташа пригласили его на хоровод вокруг елки, он выдумал какую-то причину и отказал им, чем они были удивлены. Они поначалу

подумали, что смерть матери так огорчила Николая, и он не желает радоваться. Мужики-сверстники Николая все были пьяные и кружили в радостном хороводе, тянули и Николай присоединиться к ним, предлагали выпить по рюмочке с ними. Но Николай был непоколебим. Несмотря на все уговоры и красивые тосты, он и не дотрагивался до стакана со спиртным.

Никто из собравшихся не знал, что Николай принял другую веру, стал мусульманином и теперь строго соблюдает все каноны ислама. Не знали и того, что у него теперь имя другое – Исломиддин. За все годы пребывания в Афганистане никто ни разу не обращался к нему по имени Николай. Все звали его Исломиддином. И с этим именем, как близкий соратник прославленного Масъуда он прославился на весь Афганистан. Исломиддин тогда не ставил уже разницы между нациями и народностями. Понятие «мусульманин» для него было превыше всего. Хотя и не забыл он своего языка, своих христианских обычаев и традиций, праздников, но вовсе и не соблюдал их. У него на устах всегда и была одна фраза: «Ло илохо иллалоху Мухаммада Расулуллох». Война повороты судьбы сделали его истинным мусульманином. И сейчас никто из односельчан не знал всего этого, и обращались к нему, как Николай, хотя слышать это имя ему уже не хотелось.

Еще днем, когда уже прошло время намаза, он, с четками в руке и молитвенным ковриком на плече, хотел, было отойти куда-нибудь подальше от веселья и совершить свой намаз. Как-никак он пропустил уже послеполуденный и сумеречный намаз. Приближалось время вечернего намаза. Он считал, что, не совершив намаз, он не сможет спокойно лечь спать, ибо который год, как ни разу не пропускал время намаза. Не найдя удобного места и у себя дома, он смирился с мыслью, что вынужден пропустить сегодня этот важный обряд ислама и тайком от всех направился к деревенскому кладбищу. У Николая и сейчас не было особого желания пойти на кладбище. Но после того, как приехал в деревню и узнал от сестры и отца о смерти матери, в глазах его все померкло. Ему сказали, что после того, как привезли гроб с его телом, все эти годы о Николае не было ни слуху, ни духу. Даже его земляки-сослуживцы Валерий и Виктор, отслужившие армию и вернувшиеся домой, не знали и не ведали о том, что Николай попал в плен. Они тоже думали, что Николай пропал без вести и возможно убит.

По прошествии стольких лет с этой мыслью смирилась и мать Николая. И когда Советские войска были выведены из Афганистана, затем развалился и Советский Союз, мать получила от сына первое письмо. Она узнала почерк сына и поняла, что все эти годы ее обманывали со смертью сына. Все письма Николая до этого времени перехватывали и сохраняли сотрудники Комитета государственной безопасности. И эти письма никак не доходили до матери Николая. Она теперь однозначно знала, что ее Николай жив, здоров и находится в Афганистане. Измотанное за все эти годы сердце матери не выдержало такого удара. Она покинула этот мир, так и не увидев своего дорогого Николая.

Опечаленный этой горькой вестью, Николай припал на колени перед кроватью больного отца, припал головой к его груди и обнял его немощное старческое тело. Отец спокойно гладил лишь волосы сына, успокаивал его. Чувства, накопившиеся за все эти годы, видимо, пробудились по-особому, что нахлынули разом. Николай не в силах был сдерживать их, и разразился громким рыданием. Не выдержал этого и отец Николая. Родные чувства двух родных людей излились в горьком рыдании.

- Николай, родненький ты мой! Своим рыданием ты мне сердце искорежил!.. – едва слышно проговорил дед Василий, продолжая гладить голову сына. – Если бы мать была жива, она вынесла бы все это горе. Будь я проклят, сынок! Видимо, это жестокая судьба насмеялась над нами!

Старик немного замолчал, затем вновь продолжил:

- Нет, нет, Николай! Повинна во всем этом не судьба, а люди! Это они из-за своих корыстных целей, ради карьеры и высоких должностей позарились на чужие земли и ввергли всех вас в эту бойню! Сколько они народу убили-то? Сколько домов, сел, городов сожгли, сровняли с землей? Одному Богу все это известно!

Не хватало фашизма, принесшего в годы войны много горя нам. До сих пор под сердцем ношу тот страшный осколок. Он и сведет мен в могилу. Этого не хватало, так придумали ввести войска в Афганистан. Вновь кровопролитие, убийства! Господи, что это за жизнь такая у нас? Ты, Николай, ни в чем не виноват. Это они, руководители, политики виноваты. Они считают себя вершителями наших судеб! ..Узнав о возвращении Николая, на торжества пришел и поп местной церквушки. Поздравив Василия с этим событием, поцеловал крест на груди и сказал:

- Ты, дорогой Василий, самый счастливый на земле православный! Иисус Христос и Всевышний в этот праздничный день неслучайно привнесли в твой дом это радостное событие! Поздравляю тебя!

- И вам того же желаю, святой отец! – поблагодарил его Василий. Видно было, что хозяин очень доволен гостем. – Проходите, пожалуйста, будьте моим дорогим гостем! Пожалуйста, садитесь за стол, угощайтесь! – привстав, сказал дядя Василий, указывая на празднично накрытый стол. - Слава Богу, узнав о возвращении моего Николая, соседи пожаловали ко мне с гостинцами! Как говорится, чем богаты, тем и рады! Угощайтесь, пожалуйста! Вы, правы, святой отец! Не знаю, сколько еще осталось мне жить, господь Бог на старости лет осчастливил меня! Единственный сын с женой и внуками вернулся ко мне. Жаль, что всего этого не суждено было увидеть моей дорогой Катериночке! Царствие ей небесное! Да пусть земля будет ей пухом! Если бы дожила до этих дней, как счастлива была бы! Эх, сколько горевала-то, когда привезли гроб сына!..

Знаете, до сих пор помню те мгновения, когда она, несколько лет спустя, получила от Николая первое письмо с фотографией. Дрожащими руками подвела письмо к глазам, по слогам прочитала каждое слово, узнала, что ее Николай жив!.. Затем поднесла фотографию к глазам, прильнула к ней губами и, лишь вздохнув «Ах!..», упала к моим ногам. Быстро поднял ее и увидел тоненькую струйку крови, вытекшей изо рта и носа. Понял, сердце моей бедной старухи не выдержало переполненного чувства радости!.. Бедненькая!.. Умерла на моих руках!.. Ей не суждено было увидеть своего живого сына!.. Стойко выдержала удар судьбы, не умерла от горя, когда привезли гроб с телом сына!.. А спустя годы, узнав, что Николай жив, не смогла вынести переполнившего сердце чувства радости!.. Вот как Всевышний распоряжается судьбами нашими!.. Эх!.. Если бы была жива, увидела бы сына, невестку, внуков своими глазами!.. Вот была бы радость, а! ..

- А это чья фотография? – спросил поп, увидев приклеенную к стене цветную фотографию бородатого мужчину с широким лбом.

- Это фотография Героя Афганистана Ахмадшаха Масуда. Это он там, в Афганистане, все эти годы содержал моего Николая. Николай сам привез его фотографию!..

- Я про Масуда слышал, но видеть его не приходилось. Видно, что благородный и мужественный человек. Но будет лучше, если вместо его фотографии на стену повесите икону! – сказал поп.

- Святой отец, не знаю, как и быть, – смущаясь чего-то, сказал дядя Василий. – Николай говорит, что он большой должник Масуда. Сейчас для Николая самое дорогое – этот снимок. Он говорит, что Масуд подарил ему вторую жизнь! Как только пришел домой, первым делом сказал это и прикрепил фотографию к стене, над моей головой. У меня и сил не было возражать!

- Ладно, то, что повесил фотографию, греховного ничего нет! – вынужденный смириться с этим фактом, сказал поп. – Но у православного христианина дома должна быть и икона. Поскольку мы с вами таковыми являемся, перед нашим взором всегда

должен быть лик святых. Из церкви пришлю тебе икону. Господи, прости нас грешных! Как это так, что у живого православного христианина нет в доме ни одной иконы? Что это за жизнь такая?

Когда поп вышел из дому, увидел, как при свете фонарей на столбах веселится, танцует и поет молодежь. Поп хотел, было увидеть Николая, встретиться и поговорить с ним. Но, не найдя Николая среди пьяной беснующейся молодежи, он направился к церкви. К прибытию попа не проявил интереса и сам Николай. Он в это время был уже далеко от места торжества. Несмотря на ночную темь и холод, Николай направился к деревенскому кладбищу. В эти минуты в его сознании будто совершалась какая-то психологическая революция, с которой он ничего не мог поделать. Ясно было, что он вовсе не считал себя причастным к происходящим торжествам. Будто это все организовано было ради какого-то другого события. Он в какой-то мере был даже против такого пышного и помпезного торжества. О бушующих в его мозгу чувствах нетрудно было и догадаться, если хорошо присмотреться к нему. Но никому на радостях не пришло и в голову, что с Николаем. Весь замкнутый, ушедший в себя, он и словом не обмолвился ни с кем об этих самых своих чувствах. По дороге к кладбищу он вывел для себя, что вся эта суета, хлопоты, связанные с его возвращением и празднованием наступающего нового года, для односельчан лишь повод, чтобы еще раз выпить до упаду, радоваться, веселиться, согнать с себя тоску, однообразие скучной жизни. А ему, Николаю, все это казалось теперь неинтересным, излишним. Никто и ведать не ведал, что за все эти годы Николай стал совершенно другим человеком. Будучи на чужбине, в Афганистане, живя с моджахедами ущелья Поранди, он научился свободно владеть языком дари, фарси-арабским языком, и все свое свободное время посвящал чтению Чоркитоба (четверокнижица) и Корана, соблюдал традиции и обряды ислама.

...Размышляя, по колена погружаясь в рыхлый снег, Николай шел к кладбищу. Вскоре, найдя тропинку, вышел из деревни. Было уже темно и холодно, но Николай не чувствовал всего этого, он шел и шел. Двигаясь по широкому полю, вспомнил, что некогда и по этой вот пашне водил свой трактор ДТ-75. Память на какие-то мгновения пыталась вернуть его в былые годы молодости. Но горькая правда действительности брала свое. Он шел проведать, припасть к могиле самого близкого и дорогого человека на земле – матери. И тут же его осенила и другая мысль: он шел проведать и свою могилу. Пока жив, своими глазами сможет увидеть и свою могилу. Может ли быть страшнее трагедии, чем эта? ...

«О, Оллох, всемогущий и милосердный – мысленно пронеслось в голове Исломиiddина, когда он вплотную приблизился к калитке кладбища. – Дай мне силы, чтобы смог подойти к могиле матери и увидеть свою могилу! Ясно, что в этом гробу лежу не я. Тогда кто? Русский, украинец, таджик, татарин? Кто? Кем бы он ни был, в любом случае - человеческое дитя. С того времени не так уж много и прошло. Из нашей деревни призвали троих: меня, Валерия и Виктора. А из других мест как? За десять лет войны многие не вернулись домой. Много было убитых советских солдат в Соланге, Багроме, Мазори Шарифе, Кабуле, Панджшере, по всему Афганистану. О многих других погибших до сих пор нет никаких вестей. ...» Охваченный этими мыслями, Исломиiddин открыл железную калитку. Лязг железа вернул его в мир реальный. Каркая, вороны, сидевшие на ветке, улетели прочь. Свет, падавший от висящих на железных стойках лампочек, тускло освещал кладбище. Хотя и двадцать лет почти прошло с тех пор, как Исломиiddин бывал здесь, он прекрасно помнил, где похоронены члены семейства Быстровых. Пройдя по тропинке вглубь кладбища, Исломиiddин нашел-таки могилы деда и бабушки и понял, что и могила матери может быть где-то рядом. Интуиция не подвела. Он сразу нашел ее. Рукой очистил от снега надгробную плиту. При слабом свете, со снимка, смотрели на Николая ласковые материнские глаза, будто ожидавшие

сына. Именно такой и помнил Николай свою ласковую добродушную мать, всю свою жизнь посвятившую Николаю, мыслям о нем.

«Быстрова Екатерина Андреевна (1941 – 1990)» - Николай прочел надпись, присел на колени, прямо на снег. Замерзшими от холода руками погладил снимок матери и невольно прильнул губами к холодному мраморному надгробию, поцеловал мать в щечку. Хотел, было оторваться от камня, как почувствовал острую боль на губах. При поцелуе и не заметил, как от сильного холода губы прилипли к камню. Капельки крови потекли по губам.

Исломиддин не плакал. Где-то в груди у него что-то заклокотало. Он понял, что от горя захлебывается в рыдании. Жалостные чувства настолько были велики, что и рыданиям не давали выхода, чтобы выплеснуться разом. Он весь дрожал. ...

Николай вспомнил слова сестры Валентины, писавшей, что и могила Николая рядом с могилой матери. Привстав, он с трудом сделал несколько шагов вправо от могилы матери и остановился напротив другой могилы. У этой могилы тоже было мраморное надгробие. Замерзшие от холода руки уже и боли не чувствовали. Николай понял, что если не потереть руки, они могут замерзнуть. Взяв горстку снега, начал быстро тереть ей руки, чтобы почувствовать боль. Вскоре тепло прошло и по жилам. Почистив от снега фотографию на плите, Николай увидел на ней самого себя. А внизу было выведено: «Быстров Николай (1961 – 1984)». Вглядываясь в снимок и надпись, Николай не знал, как воспринимать все это, реагировать. Вмиг пролетел перед его взором весь афганский период его жизни. И пришел к выводу, что в жизни бывает всякое. Возможно все, даже и такие парадоксы. После долгих раздумий он вновь отошел к могиле матери. Присел было на колени, как в это мгновение закружилась голова. Отчего-то ему стало плохо. Уши чем-то заложило. В ушах свистело. Подумал: Чтобы не упасть, ему надо подняться. Но не смог. Оттолкнувшись обеими руками об землю, еле встал и сделал несколько шагов назад, прислонившись к стволу дерева. Хотел было глубоко вдохнуть воздуха. И в это мгновение почувствовал, как сильно бьется в груди сердце, будто он слышит его биение. Перебирая в памяти все бывшее, понял, что до сего дня такого с ним не случалось. Обычно в такие нелегкие для себя минуты Николай вспоминал самые дорогие мгновения своей жизни. Отчего-то сейчас в его мозгу быстро начал раздаваться гул двигателей боевых самолетов СУ-16, некогда пролетавших над Багромом и Панджшером Афганистана, обстреливавших кишлаки ущелий Поранди и Панджшер. Следом за ними в воздух поднялись вертолеты МИ-6, МИ-8, потом заработали установки залпового огня «Град». И раздались яростные крики женщин, детей, стариков, оказавшихся в зоне обстрела. Затем перед его взором возникали образы обезображенных трупов, безногих и безруких раненых, разбросанных повсюду. Николай обхватил руками голову. «Ло хавла вало куввата, иллоху биллохил вали ал Азим» - несколько раз повторил Николай эту фразу, и ему постепенно стало легко. Сердце начало успокоиться, лицо стало свежее, настроение начало приподниматься. Протянув руку, снял с ветки горстку снега и начал потереть ею лицо. Видя, что кризис миновал, Николай отошел от дерева, направился к выходу. Оглянулся. Все вокруг было тихо. Закрыв за собой железную калитку, Николай осмотрелся, чтобы найти тропинку, ведущую в деревню. Из деревни по-прежнему доносились звуки пения. Николай понял, что и свист в ушах тоже прошел, слух полностью восстановился. И вдруг ему стало не по себе от мысли, что как жену Одилу, так и детей его Катю, Ахмада и Акбара, здесь никто, кроме самого Николая не знает. Им там, в деревне, больше не на кого опереться. Заметив, что Николая нет дома, наверное, они пошли искать его.

Выйдя на пригорок, Николай совершил омовение, расстелил свой молитвенный коврик, приступил к совершению намаза. Повернувшись лицом к Каабе, Исломиддин громко зачитал «Азон». Далеко над снежным полем разнесся призыв правоверного мусульманина, возвещающего о начале священного для всех верующих мусульман обряда. Это был первый азон Исломиддина на земле его отцов и дедов, в этом крае, в

ночную темь, накануне конца двадцатого, начала двадцать первого столетия по христианскому летоисчислению. ...

Глава XXII

**Дилам меларзад имшаб аз фусуни чашми фаттонат,
Ки мебинам чу ашк аз бекарорі боз ларзонат.
Чу шамъ аз дард месӯзиву хун аз дида мерезӣ,
Магар ёд омад имшаб аз нуғӯми ашки тифлонат?
Ки бо минқор рангин мекунад тарфи гиребонат.**

**Серце в трепете от твоих прекрасных глаз,
Вижу тебя беспокойную как слеза в дрожах.
Как свеча догораешь и кровью залыта глаза,
Ты беспомощная дичь а я как сокол без крыло.
Клювом раскрасить твоё деяние.**

Годы шли один за другим, менялся мир и вслед за ним менялись и люди. От некогда былой сверхдержавы мира – Советского Союза – остались лишь воспоминания. Как сама держава канула в Лету, так в мир иной отошли и самодержцы, некогда вершившие и судьбы людские. В некогда былом великом семидесятилетнем противостоянии двух мировых систем, двух великих сверхдержав победителем вышла капиталистическая система, Соединенные Штаты Америки. Без применения каких-либо оружий массового поражения. Выдвинув основным своим козырем в борьбе со своим основным врагом на планете идеологическую войну. Потихоньку, исподволь истощая этот могучий организм, в конце концов она низвергла страну Советов, сведя на нет всю ее мощь и былую славу. Оставшиеся без своего главного покровителя в лице Центра - Москвы – многие, не по своей воле обретшие самостоятельность, на первых порах даже не знали, что им делать с падавшим им на голову суверенитетом. ...

Следы войны постепенно стали забываться и стираться из памяти людской. Масъуд торопился доделывать свои незавершенные дела. Находясь в Душанбе, при посредничестве и с помощью своих друзей Сайдамира Зухурова и Эмомали Рахмона связался с посольством Российской Федерации, добился поездки в Москву, чтобы заявить об угрозе терроризма мировому сообществу в лице движения Талибан.

Масъуду в этой поездке удалось создать атмосферу дружбы и взаимопонимания со своим, некогда ярим врагом, решить вопрос о закупке крупной партии оружия, боеприпасов и военной техники. Вскоре через территорию Таджикистана весь этот военный арсенал был доставлен в северные провинции Афганистана, куда еще не ступала нога талибов. Как и прежде, северные провинции страны, ущелье Панджшер находились под контролем Масъуда, вместе с Бурхониддином Раббони все время находившийся здесь же.

К этому времени талибы контролировали уже большую часть Афганистана. Друзья молодости Масъуда Наджиб и Хикматёр, ставшие впоследствии его ярими врагами, не были у руля власти и выжидали удобного момента, чтобы подлизываться талибам, войти к ним в доверие, и вновь встать у руля управления страной. Масъуд хорошо понимал, что очень скоро талибы или уберут их обоих со своего пути, или возьмут их в свою упряжку, чтобы пользоваться их поддержкой для захвата страны и усмирения народа.

После того, как были завершены все подготовительные дела к отражению атак талибов, ранним утром Масъуд взял с собой Солеха Мухаммада, Хусайнхона, сел в машину и вместе тайком приехали в Кабул. Когда они были в центре города, солнце стояло уже высоко. Несмотря на убийства и грабежи, жизнь в большом городе текла своим чередом. Стар и млад, пеший и с транспортом – все были охвачены суетой повседневных житейских забот. Не обращали внимания даже на грохот мин и автоматных очередей, раздающихся часто прямо посреди улицы, или в другом многолюдном месте города. Все куда-то торопились. Жизнь была дороже смерти.

Рядом с базаром, за поворотом, одна за другой начали останавливаться машины. Остановилась и следующая за ними машина, на заднем сиденье которой сидел Масъуд. Чтобы понять причину остановки, Масъуд стал осматривать улицу. Не найдя другого пути передвижения своей тележке, рядом с машиной Масъуда остановилась и женщина в паранджу. Фигура женщины чем-то напоминала Масъуду тетю Зевар.

- Дорогой брат! Пожалуйста, дай машину чуть назад, чтобы тележка моя смогла проехать! – попросила женщина, и по голосу Масъуд узнал в ней тетю Зевар. Осмотрев женщину с ног до головы, Масъуд обнаружил, что женщина босая.

- Подожди-ка меня здесь! Я сейчас приду! – обратился Масъуд к своему водителю, выходя из машины.

- Омир Сохиб, здесь небезопасно! Все вас знают! Не случится бы чему? – обратился к Масъуду Солех Мухаммад. – С минуты на минуту может начаться перестрелка! Пожалейте себя!

- Ради тети Зевар мне и жизни не жалко! – махнув рукой, сказал Масъуд. И, оглянувшись по сторонам, направился, догнав уходящую за машинами женщину, встал лицом к лицу с ней.

- Тетя Зевар! Месяцами искал вас, не нашел! Вы это, или я ошибся? – Масъуд обратился к женщине.

- О, дорогой Омир Сохиб! Конечно, не ошибся! Да, это я! Та самая Зевар! Вот до чего дожила-то! Будь проклята эта война! Вот этой тележкой и зарабатываю себе на жизнь! А живу на склоне горы Кортаи Парвон. Это там, где прошло твое детство и молодость, а я там, как животное, вырыла нишу и нашла нынче себе приют! И живу как живой труп! А в Панджшере не смогла остаться из-за того, что могилы самых дорогих людей были рядом! – сказала женщина и, о чем-то задумавшись, на мгновение замолкла. Потом продолжила свою мысль. - Слава Оллоху, Омир Сохиб, что суждено было вновь увидеть вас! А как поживает ваша семья-то? Жена, дети как?

Обведя взглядом пыльные, в крови, израненные ноги женщины, Масъуд не смог вымолвить и слова. Ему стало жалко ее. Вспомнил, что и оставаться ему здесь тоже небезопасно. Машины тронулись, дорога открылась. Сунув руку в карман брюк, Масъуд вытащил оттуда имеющиеся бумажные банкноты и протянул их тете Зевар:

- Тетушка, дорогая! Я обязательно найду вас и отвезу в Панджшер! – простился с ней Масъуд, и, видя, что к ним идут Солех и Хусайн, обратился к ним: - Сколько у вас в карманах денег, все отдайте тете Зевар! Я с вами потом рассчитаюсь! – остановившись на полпути к машине, сказал Масъуд. Солех и Хусайнхон так и сделали. Машина тронулась. Тетя Зевар с банкнотами в руках провожала взглядом отдаляющуюся от нее машину.

Срезав путь, машина направилась в юго-восточную часть города, где располагалась гостиница «Континенталь», в одном из номеров которой временно жил руководитель Объединенной таджикской оппозиции Сайид Абдулло Нури.

Масъуд тепло поприветствовал Нури и сказал ему, что ранним утром следующего дня вышлет за ним машину и вместе поедут в Хустдех.

- Если Оллоху угодно будет, завтра в сопровождении Сайдамира Зухурова туда прибывает президент Таджикистана Эмомали Рахмон. – сообщил Масъуд.

- О, слава Оллоху! С доброй вестью вы пришли ко мне! – поблагодарил Масъуда Сайид Абдулло Нури. – Это весьма добрый знак. А устод Раббони будет участвовать в переговорах?

- Все это мы организовали вместе с устодом Раббони. – заметил Масъуд. – Война между таджиками из Таджикистана – одно, а разборки в Афганистане – другое. Вы, дорогой Нури, как можно скорее завершите свои переговоры о мире, верните на родину своих беженцев! Вы еще не в курсе, какие у талибов планы. Они планируют новые неслыханные боевые операции. В том числе и нападение на лагерь таджикских

беженцев. Этим они хотят опозорить нас с вами, на весь мир представить нас в черном цвете.

Масъуд хотел, было продолжить беседу на эту тему, но, подумав, что многое из этого пока держится в тайне, перевел разговор в другое русло. – Когда я находился в Душанбе, вместе с тем, что лечил зубы, встречался и беседовал с Эмомали Рахмоном. Из беседы с ним я понял, что по воле Всевышнего вам повезло с руководителем. Вы должны быть благодарны Оллоху, что вашей страной руководит такой человек. Несмотря на реальную угрозу своей жизни, он все равно приехал в Кабул на переговоры с вами! Вы сами тому свидетель, как уважительно он обращался с нами. Эх, если бы Оллох нам послал такого мудрого дальновидного руководителя, народ сплотился бы вокруг него, Афганистан процветал бы! ...

Слова Масъуда весьма положительно повлияли на Сайида Абдулло Нури, что он отметил:

- Омир Сохиб, вашими устами говорит истина! Действительно, наш президент человек добрейшей души, политик очень дальновидный и мудрый! Я благодарен ему за такие его качества! При встрече с ним меня охватывает чувство гордости за то, что имеем такого руководителя!. Лицо его так и сияет божьей благодатью! Убежден, мы с ним найдем общий язык, вернем наших беженцев на родину! Но, Омир Сохиб, меня тревожит фактор Ризвона Алимардона.

- Решение проблем, связанных с Ризвоном, возложите на меня. Я это беру на себя. – сказал Масъуд. – Его брата Бахрома вместе со всеми его сподвижниками отправил через Бадахшан в Раштскую долину Таджикистана. Он пошел туда, где Ризвон в своей мечети устроил себе царский трон. Бахрома отправил туда и наказал, чтобы не занимался беспределом. Ризвон же пока здесь, вместе с некоторыми своими командирами. Он пока спокоен. Если задумает что-нибудь плохое, сам с ним разберусь. Будет, конечно, лучше, если и он вернется к себе на родину, не причинив ни себе и не другим никакого вреда.

Устод, хорошо, что вспомнили и про Ризвона. Я тоже думаю о нем. Он еще и ведать не ведает, почем фунт лиха стоит! Какие-то спонсоры из исламских стран дали ему пару-другую тысячу долларов и направили на войну со своими же братьями! Он и зазнался! Сам еще не ведая того, чем чревата война для народа, знать даже не желая, чего насмотрелся наш народ за все эти годы войны, того же навязывает и своему народу! Этого мы не допустим. Да, и вы сами, устод, видели, какие несчастья принесла война нашему народу! Чего уж там далеко за примером ходить? ...

Кишлак Хустдех находится в живописнейшем уголке провинции Тахор, на севере Афганистана. Масъуду хотелось именно здесь и организовать встречу и переговоры президента Таджикистана Эмомали Рахмона с руководителем Объединенной таджикской оппозиции, председателем Партии Исламского возрождения Таджикистана Сайидом Абдулло Нури. Преимущество выбранного Масъудом места с одной стороны заключалось в том, что Хустдех еще не был захвачен талибами, с другой стороны, Масъуд, успевший познакомиться с красотами Рамитского и Варзобского ущелий Таджикистана, хотел, чтобы и его таджикские гости наслаждались такой же красотой и в этом кишлаке Афганистана. Масъуд вовсе и не скрывал своего восхищения красотой увиденных им мест и желал порадовать и своих гостей чем-то схожим с таджикскими пейзажами. Большое впечатление произвела на Масъуда и его беседа с Сайдамиром Зухуровым. Анализируя свою беседу с ним, Масъуд понял, что впредь многое в своих делах и помыслах ему надо будет пересмотреть, изменить в духе времени, чтобы добиться желаемого. Как-никак, корни его восходят к этим народам, живущим по ту сторону Пянджа. По Масъуду выходило, что корни, хотя и остались те же, но контраст весьма резкий, и отнюдь не в пользу Масъуда и его соотечественников.

Размышляя о предстоящих таджико-таджикских переговорах, Масъуд вспомнил, какое гостеприимство оказали ему в Таджикистане эти его таджикские друзья. И Масъуд был

полон желанием ответить им тем же, пока они будут его гостями. В Хустдехе у Масъуда была своя штаб-квартира. Здесь он часто разрабатывал план своих очередных боевых операций. Здесь же он подготовил и все необходимое для встречи гостей из Таджикистана и проведения переговоров на должном уровне.

В назначенный день гости из Таджикистана прибыли в Хустдех. Переговоры состоялись. Стороны подписали протокол, заключили мир. Потом посидели вместе, за пиалой чая обсудили текущие дела и пошли, кто совершать молитву, а кто и рыбу ловить в речке.

Настал и момент прощания с гостями. Положив руку на плечо Масъуда, Эмомали Рахмон сказал ему:

- Полководец Масъуд! Ты оказал нам большую братскую услугу! Прими благодарность своего брата!...

Мирная, спокойная жизнь Масъуда длилась недолго. Не прошло с этого дня и много времени, как талибы напали на Панджшер. Масъуду не составляло особого труда воевать с талибами, поскольку он заранее знал, когда, в каком направлении, какой численностью и каким оружием талибы намерены начать наступление, и чего они хотят. Трудность для Масъуда заключалась лишь в том, что Масъуд никак не хотел воевать со своими же братьями по вере, земляками.

Именно поэтому он когда-то покинул Кабул, не считая нужным оказать сопротивление талибам.

О намерениях талибов знало и население северных провинций. Потому их руководители и старейшины племен пришли к Масъуду, чтобы он возглавил движение сопротивления. Недоумеваемая складывающейся ситуацией, люди с ужасом поняли, что избавившись от одной чумы в лице шурави, им на голову свалилась другая – талибы.

Масъуд тщательно готовился к отражению атак противника. Все время, пока талибы готовились к наступлению, Масъуд тоже вел подготовительную работу. Из числа молодых людей кишлаков северных провинций он набирал отряды моджахедов, снабжал их оружием и боеприпасами, проводил с ними учебные занятия. Кроме имеющегося у него в Панджшере оружия и боеприпасов, Масъуд успел закупить у России танки, БМП, БТРы, артиллерийские орудия, бомбардировщики, истребители, боевые вертолеты. Обо всем этом талибы еще не знали. Если бы и знали, не поверили бы, пока сами не увидели. Для них уму непостижимо было, что некогда злейший враг, с которым Масъуд воевал целых десять лет, сегодня может стать ему другом и оказать такую мощную поддержку. И тому было свое основание. Находясь в Душанбе и встретившись с российской делегацией, Масъуд обещал им, что в случае поддержки Российской стороны Масъуд не допустит, чтобы по Афганистану ступала и нога американцев. Русские пошли Масъуду навстречу. Они знали, каким авторитетом пользуется Масъуд среди населения Афганистана, как знали и то, что Масъуд никогда ни при каких обстоятельствах не свернет с выбранного пути, добьется поставленной цели. Помогая Масъуду, русские рассчитывали одним выстрелом убить двух зайцев: Свести на нет угрозу талибов на южные рубежи СССР, не допустить вторжения американцев в Афганистан. Руководствуясь именно этими соображениями, и пошли русские на сделку с Масъудом, оказав ему мощную военную поддержку. То, что талибы просчитались, и весьма серьезно, показали дальнейшие развития событий. Но пока они и духом не ведали, что их может ожидать и вовсе нежелательный для них исход.

Сколько бы Масъуд по рации не уговаривал талибов не возобновить наступление на Панджшер, талибы не уступили. Колонна бронетехники, военного транспорта длинной зеленой лентой въехала в ущелье. И вновь от грохота бомб и снарядов начало содрогаться ущелье. Атака талибов началась так же, как и с шурави, у входа в ущелье, с кишлака Гулбахор. Как и шурави, талибы с первого же километра начали наткаться на мины, подвергаться массивному обстрелу со склонов горы. Шквалистый огонь вынудил талибов отступить назад. В это же время на небе, над входом в ущелье, один

за другим появились бомбардировщики, поднявшиеся с аэродрома в Файзободе. Не ожидавшие такого развития событий, уже в самом начале боя талибы были подавлены и сломлены огневой мощью противника. И это в первом же бою. Они вынуждены были отступить и оставшиеся в живых талибы стали убежать в сторону Кабула. Наслышанные о боевой мощи Масъуда, они вовсе не ожидали, что у врага в арсенале имеется и авиация. Причем советская авиация, и очень мощная, способная подавить насмерть любого. Поддерживаемые самолетами, боевыми вертолетами с воздуха, уже к вечеру того же дня моджахеды Масъуда смогли отбросить талибов до самого Кабула. Чтобы не причинить вреда столице страны, Масъуд запретил ведение стрельбы по Кабулу. Это и помогло укrywшимся в Кабуле талибам остаться живыми, недостижимыми для Масъуда.

Талибы еще раз убедились, что воевать с Масъудом или оказать ему сопротивление под силу не всякому. Как в живой силе, так и в боевой технике талибы понесли большие потери. Казалось, это обстоятельство должно было радовать Масъуда. Но, судя по его виду, он вовсе не настроен был радоваться. Наоборот, он выглядел весьма озабоченным. И причиной тому было то, что в этом бою были убиты его же соотечественники. Как с одной стороны, так и с другой. Он был озабочен еще и тем, что не смог найти общего языка с талибами, чтобы предотвратить братоубийственную бойню. «Вот к чему приводит нас наша же невежественность! - вывел про себя Масъуд, понимая, что и вывод этот вовсе и не нужен сегодняшним его врагам. И задался вопросом: – Впредь, каким еще путем можно будет предотвратить эту бойню?»

После этой победы Масъуд вернулся в свою штаб-квартиру в Хустдех. Побыл здесь несколько дней, чтобы разработать план предстоящих боевых операций. Потом отправился в местечко Ходжа Баховаддин, где тоже имел свою штаб-квартиру и часть моджахедов проходила здесь курс обучения. Как раз здесь его и достала весть из Душанбе о несчастном случае. Сначала узнал по радио, а затем и по радиации сообщили Масъуду, что брат Ризвона Алимардона Бахром, которого недавно Масъуд отправил на родину в Таджикистан, вместо того, чтобы заняться мирным трудом, в кишлаке Сичарог Комсомолободского района взял в заложники семерых сотрудников ООН. Одного из заложников он тут же застрелил и выступил с ультиматумом перед таджикскими властями о предоставлении коридора его брату Ризвону для возвращения в Таджикистан с последующим предоставлением ему высокой должности во властных правительственных структурах Таджикистана.

В это самое время беглец Ризвон находился в Афганистане, под опекой и заботой Масъуда. И Масъуд собирался было уже в ближайшее время вернуть его на родину. Узнав об этой неслыханной дерзости Бахрома, вспомнив о подписании протокола о заключении мира между противоборствующими сторонами в Таджикистане, Масъуд одновременно был удивлен и озлоблен таким поворотом событий.

Не прошло и часа, как радист доложил Масъуду, что с ним желает поговорить сам президент Таджикистана. Из разговора с Эмомали Рахмоном Масъуд узнал, что Бахром взял в заложники и Сайдамира Зухурова, по поручению президента страны выехавшего в поселок Оби Гарм, чтобы вести с Бахромом переговоры об освобождении сотрудников ООН. Среди заложников наряду с дипломатами из Японии и Франции были и представители России. Из своего опыта Масъуд знал, что случившееся может послужить поводом для возникновения скандала и подорвать авторитет руководства Таджикистана на международной арене.

«Не исключено, что из-за ослиного упрямства этого придурка мир таджиков может оказаться на грани срыва. – размышлял про себя Масъуд. – Если бы Сайдамир оказался на воле, нашел бы выход из ситуации. Но и он оказался в числе заложников».

Из беседы с президентом Таджикистана Масъуд также вывел для себя, что таджикские друзья, не желая подлить масла в огонь недоброжелателей нового Таджикистана, не склонны вмешиваться в конфликт. И, если такой вариант развития событий не

исключен, то Масъуд тоже мог бы принять участие в развязывании гордиева узла. Подумав, Масъуд решил, что кроме, как согласиться, ему ничего не остается делать. Проблема усугублялась еще и тем, что о случившемся чрезвычайном происшествии знал уже и сам Ризвон. Поговорив с ним, Масъуд успокоил и его, ибо уже хорошо успел изучить натуру таких людей. Он был убежден, что при необходимости Ризвон вместе со своими боевиками может перебраться через реку Пяндж в Таджикистан, войти в конфликт с правительственными войсками, что может послужить очагом развязывания очередного витка гражданской войны.

Вертолет, доставивший Масъуда в Таджикистан, приземлился в аэропорту южного города Куляба. Свято чтивший память великих мыслителей и религиозных деятелей ислама, Масъуд первым делом посетил усыпальницу великого мыслителя, ученого Востока Мир Сайида Алии Хамадони в центре города Куляба. Прямо здесь совершил намаз. Городские власти, узнав о прибытии прославленного Масъуда, решили встретить его. Тут же в беседе с представителем руководства города Масъуд объяснил им, что не сумев в Афганистане связаться по радиации с Бахромом, решил прибыть в Куляб и уже здесь попробовать сделать это.

Масъуд знал, что в числе заложников есть и его друг Сайдамир Зухуров, являвшийся председателем Комитета национальной безопасности Таджикистана. Вместе с этим Масъуд ясно осознавал, что для достижения своих личных целей террористы способны пойти на любую подлость, даже хуже любого зверя. Бахрому, Ризвону и Толибову Масъуд причислял именно к таким индивидам. И если Масъуд не будет вмешиваться, не исключено, что вместе с другими дипломатами террористы расправятся и с Сайдамиром Зухуровым.

Масъуд вновь приехал в аэропорт города Куляба и при помощи сотрудников аэропорта по радиации хотел связаться с Бахромом. После долгих попыток связистам наконец удалось наладить связь. Бахром был на проводе.

- Дорогой Бахром! – обратился к нему Масъуд. – Приветствую тебя!

- Ты кто такой, что мне звонишь? – грубым тоном спросил Бахром.

- Это я. Ахмадшох Масъуд! Прилетел к вам! - ответил Масъуд.

Судя по длившейся паузе, Бахром, услышав имя Масъуда, не знал, как отреагировать, что и ответить.

- Видно, и у себя на родине не будет нам покоя! Говори, зачем приехал сюда, и какое твое дело до меня?

По тону разговора Масъуд решил, что Бахром или пьян, или одурманен наркотиком. Поэтому он несколько смягчил тон разговора.

- Дорогой Бахром! Грубость – не черта настоящих, благородных мужчин! Я приехал, чтобы просить тебя отпустить невинных дипломатов и моего друга Сайдамира Зухурова! Знаешь, что этим своим поступком ты на весь мир можешь опозорить таджиков и таджикистанцев?

- Опозорю, не опозорю, вам-то какое до этого дело? Идите, командуйте своими моджахедами! Не вмешивайтесь в мои дела!

- Дорогой Бахром! Не хочу делать вам одолжения, но все же вынужден напомнить вам, что и я когда-то приютил вас, накормил, напоил, присматривал за вами, чтобы и вам было спокойно и безопасно у нас в стране. Будьте, пожалуйста, благородны и проявите благоразумие! Хотя бы ради вашего брата Ризвона! Он до сих пор мой гость! И я в меру своих сил и возможностей приютил его, продолжаю присматривать за ним и сейчас. Освободите хотя бы Сайдамира Зухурова!

- Вы своим хлебосольством нас попрекаете? Соляная сопка Ходжамумин находится прямо перед вами. Взамен своего хлебосольства можете в тысячу раз больше взять оттуда соли и уходите! Я никого не собираюсь освобождать! Мне начхать на вашу просьбу! Ха, ха, ха!..

- Дорогой Бахром! – еще спокойнее заговорил Масъуд. – Послушайте меня! Впредь дорога ваша в нашу страну будет закрыта! Лучше уж успокойтесь и подумайте! Ради Оллоха! Умоляю вас! Отпустите хотя бы Сайдамира Зухурова!

- Сказал «нет», значит, нет! Вернитесь к себе на родину, там и командуйте своими! У себя на родине я сам хозяин, а не вы!

- Раз уж так, то пусть Оллох вас и рассудит! Впредь, если что и случится, пеняйте на себя! Прощайте!

Положив трубку, Масъуд вышел из здания аэропорта. Поговорив с сотрудниками Комитета государственной безопасности и другими официальными лицами, Масъуд взялся за освобождение заложников.

- Поселок Оби Гарм находится где-то в двухстах километрах от Куляба, к северу-востоку. – вглядываясь в карту Таджикистана, как бы про себя говорил Масъуд. - Следовательно, еще столько же со стороны Файзобода Афганистана. ...

... Час спустя с Файзобода Афганистана два боевых вертолета с отрядом вооруженных моджахедов на борту взяли курс на поселок Оби Гарм. ...

... Утром следующего дня мировые средства массовой информации передали по своим каналам: «В результате одной спецоперации, проведенной правительственными силовыми структурами Таджикистана, были освобождены заложники, захваченные отрядами незаконного бандформирования под командованием полевого командира Объединенной таджикской оппозиции Бахрома Садирова. ...».

По рации Сайдамир Зухуров поблагодарил Масъуда. Он еще не знал, что это был их последний разговор, и по воле судьбы им не суждено было больше встретиться, беседовать друг с другом как в былые добрые времена. ...

* * *

В последнее время Масъуд, сам того не замечая, выглядел усталым рассеянным. На здоровье он не жаловался. Обстановка в Афганистане была относительно спокойной. Народ был занят мирным трудом, постепенно восстанавливал разрушенное войной народное хозяйство страны. Министр обороны Афганистана Ахмадшах Масъуд был занят примирением межэтнических вооруженных группировок, укреплением обороноспособности страны.

Хотя талибы и были отброшены от столицы, и власть в стране была в руках правительства Афганистана, их военная угроза по-прежнему была очевидна. Масъуд знал, что фактор талибов еще не снят с повестки дня. Пока их могучие покровители в Пакистане не дремлют, от талибов можно ожидать еще много бед.

«Если человек опустился до такой степени, что живет на земле лишь ожиданием того часа, когда привяжет к себе так называемый пояс шахида и идет в гущу людей, чтобы подорвать себя, унести с собой жизни десятка других, ни в чем неповинных людей, то какой резон ожидать от него чего-то святого?» - вспоминая выходы талибов, мысленно задавался вопросом Масъуд.

Размышляя, теперь Масъуд открыл для себя, что он опасался больше всего не столько вторжения в Афганистан американских войск, или армии шурави, сколько своих же новоиспеченных братьев-мусульман, обучавшихся в спецшколах Пакистана и других исламских стран ведению диверсионной, террористической войны.

После второй и третьей своих поездок в Душанбе образ мышления Масъуда в корне изменился. Хотя Масъуд и сомневался и соглашался не со всеми доводами Сайдамира Зухурова относительно менталитета русских, но, ознакомившись с образом жизни таджикистанцев, архитектурой городских строений, красотой их улиц и проспектов, их свободной жизнью, и сравнив все увиденное с Афганистаном, пришел к выводу, что его таджикские друзья во многом правы, что следует брать с них пример.

«Как бы там ни было, все прошло. Теперь в Афганистане нет ни шурави, ни его мощи. Американцы добились того, чего хотели. Дорога в Афганистан теперь им расчищена.

Никто теперь не посмеет помешать им сделать это. Американцы считают себя мировыми судьями. Им, наверное, и решать теперь судьбы людские, творить все, что захотят. Что же остается делать народу Афганистана? Народу, который на протяжении веков остался безграмотным, необразованным, невежественным? Почему такое неравенство в мире? Когда же все-таки мы освободимся от этой нищеты и невежества, станем жить счастливой жизнью?» - Масъуд терзался констатацией печального факта и своими безответными вопросами. Единственный выход из этого тупика он видел в завершении всяких войн и в мире, который придет вместо войны. Он мечтал о наступлении того времени, когда и его народ заживет как соседние таджикистанцы. Этой надеждой и тешил себя Масъуд, размышляя о складывающейся в Афганистане ситуации.

Какое-то время Масъуд провел в Джангалаке, в кругу семьи. Быть может, интуитивно чувствовал что-то, но заметил, что до сих пор ни разу столько времени не проводил дома. Днем ходил в свой сад, часами прогуливался там, отдыхал под деревьями, читал книги. Хотя и наизусть знал все газели Гафиза, все же любил читать избранное этого великого поэта Востока. Этим своим занятием Масъуд как бы общался с поэтом, размышлял с ним о смысле жизни и бытия, тем самым успокаивал себя.

Совершив полуденный намаз, Масъуд со своим сыном Ахмадом спускался к реке. Сняв обувь, босиком прохаживался по берегу реки, любовался, как вдали мальчишки играли в футбол. Отойдя чуть дальше от кишлака, скрывшись за изгибом реки, Масъуд раздевался и вместе с сыном окунулись в водоворот реки. Стороннему наблюдателю казалось, что Масъуд всем своим существом отдавался радости купанья. Однажды Масъуд подозвал к себе сына Ахмада и сказал:

- Дорогой Ахмад! Я купаюсь в последний раз.

Не поняв ничего в этом утверждении папы, Ахмад спросил:

- Почему, пап? Куда-то собираешься?

- Нет! – коротко ответил Масъуд. – Вода Панджшера стала холодной!

Вглядываясь в облик отца, Ахмад понял, что он смотрит куда-то вдаль. Мысли Масъуда были устремлены куда-то далеко, понять которые, детскому уму еще не было дано. Ахмад подумал, что отец шутит, ибо был разгар лета, и вода в Панджшере не была столь холодной.

На следующий день, когда вместе с сыном Ахмадом прогуливался по саду, Масъуд попросил сына, указывая на ближайший холм:

- Ну-ка, сынок, беги-ка! Сможешь ли одним рывком подняться на вершину этого холма?

Ахмад бросил взгляд на холм и пустился туда бегом. Добежав до вершины холма, не переводя духа, быстро побежал обратно, к отцу.

- Дорогой ты мой! Вижу, что смог! Молодец! Когда умру, вот на той самой вершине и похороните меня! Каждое утро, проснувшись, приходи проведать меня!

В ответ маленький Ахмад ничего не смог сказать. Помолчав немного, видимо, размышлял над сказанной папой фразой, поняв смысл сказанного, сколько было сил, громко заплакал.

- Хватит! Хватит, сынок! Не позорь меня! Будет неудобно, если мать с сестрами услышат тебя! Ты же мужчиной стал уже! А мужчины не плачут! – Масъуд пытался успокоить сына, но все его слова были тщетны. Ахмад уже не в силах был взять себя в руки и перестать плакать. Потирая кулачками глаза, прижимаясь своей головкой к груди отца, продолжал хныкать, волны рыданий так и накатывали на него.

Масъуд понимал, какие чувства бушуют в маленьком сердечке сына. Он еще крепче прижал сына к своей груди, погладил, головой прижался к его маленькой головке.

- Жизнь такова, маленький львенок ты мой! Никто не вечен в этом мире, сынок! Как жаль, что ты еще совсем маленький и не стал еще молодым мужчиной! Мы все в этом мире – гости! Будь мужчиной, сынок ты мой дорогой!..

Отец с сыном вернулись домой. Им навстречу выбежали пять сестер, пятеро красивых голубков, словно пятеро цыплят куропаток. Так дочери любили своего папочку, своего старшего брата. Масъуд присел, раскрыл им навстречу свои объятия. Средняя дочурка окунулась в объятия отца. Фотима, Марям и Оиша окружили его. А самая маленькая Насрин сзади запрыгнула папе на шею и стала целовать его. Все были очень рады.

Паригуль, жена Масъуда, занятая у таганка приготовлением супа, наблюдая за этой картиной, тоже была довольна этим. Она прекрасно понимала состояние детей. Частые отлучки Масъуда не могли не сказаться в настроениях детей и самой Паригуль. В душе и она была благодарна судьбе за то, что наконец-то в Афганистане воцарился мир, и муж вернулся к мирной жизни, к своим детям и жене, так соскучившейся по нему. При развернувшейся перед ее взором картине, видимо, и в ее сердце зажглась искорка, готовая превратиться в огонь и своим жарким пламенем обхватить всего Масъуда, выплеснуть из себя истосковавшуюся за все эти годы боль тоски и разлуки. Но Паригуль не то, что само движение, но и саму мысль эту подавила в себе. Испокон веков женщине Востока не положено было при людях проявлять свои эмоции к мужу. Это могло обесценить ее женское достоинство. И Паригуль не была исключением. Ее уделом было лишь радоваться тем, что могут себе позволить сделать это ее дети. Этим и успокоила себя Паригуль, наблюдая за мужем и детьми.

Вечером Масъуд попрощался с семьей и уехал. Первым делом приехал в кишлак Руха, на кладбище Гулистон, где была похоронена мать Масъуда. Невольно он открыл для себя, что эта могилка и является для него единственной памятью о самом святом и дорогом для него человеке в этой жизни, и которая до сих пор связывает и удерживает Масъуда в Панджшере.

Масъуд подошел и присел на колени у могилы матери. Взяв в ладонь горстку земли с могилы, дотронулся до нее губами, поднес и потер ею глаза. Зачитал суру из Корана, посвятив ее памяти матери и всем усопшим. Ему подумалось, что и сюда он приходит в последний раз. Этот визит тоже был прощальным. Масъуд вспомнил: Когда умерла мать, ему было двадцать лет. Он вынужден был убежать в Пешавар Пакистана, пройти курсы подготовки моджахедов, не зная, что творится с матерью. В последние мгновения своей жизни матери так и не суждено было увидеть сына. Позже эти мысли очень больно кололи сердце Масъуда. Он никак не мог простить себе это свое упущение.

Покидая кладбище, Масъуд еще раз оглянулся, тяжело вздохнул и с опущенной головой пошел прочь.

Он приехал в Ходжа Баховуддин, в свою штаб-квартиру, чтобы проверить, выполнены ли его поручения, составить план обучения новобранцев, призванных в армейские ряды, утвердить список приглашенных в Таджикистан для участия в торжествах, посвященных Дню независимости этой республики и самому тоже готовиться к поездке в Душанбе.

На душе Масъуд был рад, что ему снова доведется встретиться со своими таджикскими друзьями.

Как только Масъуд прибыл в Ходжа Баховуддин, ему сообщили, что вот уже несколько дней, как его ожидают двое молодых марокканских телерепортеров Мухаммад Карим и Косим Бокули, являющиеся сотрудниками телекомпании Бельгии.

- Они мечтают, чтобы хоть час побеседовать с вами. – сказал ему сотрудник, ответственный за работу с представителями прессы. – Все документы у них в порядке, они прошли проверку, досмотр. Сопровождает их и коллега Фахими Дашти из телевидения Кабула.

Масъуд, питавший чувства особого уважения к репортерам, принял их предложение: - Будет лучше, если пойдем в рабочий кабинет. Там и завершим все свои дела! – предложил Масъуд. Репортеры тоже согласились с ним.

В эти мгновения Масъуд невольно вспомнил былые годы, когда его службой охраны руководил Исломиддин. В те годы не было случая, чтобы что-то лишнее могло ускользнуть от зоркого глаза Исломиддина. Он всегда вовремя опережал любые действия недремлющего врага, задумавшего покушаться на жизнь Масъуда и его сподвижников. Исломиддин тщательно досматривал любого, прежде чем пустить его к Масъуду. После отбытия Исломиддина на родину не было теперь у него той уверенности, какая была при Исломиддине. Масъуд, хотя и доверял своей охране, все же чего-то опасался. Он ясно осознавал коварство своего врага, особенно со стороны талибов.

Уважая репортеров, Масъуд согласился на беседу с ними. После процедуры приветствия и краткого изложения сути своего визита молодые марокканские журналисты, представившиеся репортерами Бельгийского телевидения, протянули Масъуду пятнадцать листов бумаги с изложенными на них вопросами. С этими бумажками Масъуд вошел в свой кабинет.

В этой поездке Масъуда сопровождал Масъуд Халили, выполнявший, в свою очередь, и обязанности переводчика. Знающий европейские языки, именно Халили беседовал с марокканскими репортерами на арабском и английском языках, набросал текст их вопросов на бумагу и предоставил Масъуду.

Несколько минут спустя Масъуд сообщил им о своей готовности к беседе. Репортер Кабульского телевидения Фахими Дашти, которого хорошо знали в окружении Масъуда, поговорил с репортерами и вслед за гостями вошел к Масъуду,

Беседа началась. Кабульский репортер, стоявший чуть позади своих коллег, отработанным чутьем заметил, что, хотя беседа и идет, но отчего-то видеочамера иностранного оператора не работает.

«Может, оператор забыл нажать кнопку какую-то?» - подумал Фахими Дашти и, чтобы не мешать беседе посторонними разговорами, указал на камеру, жестом давая понять оператору, что камера не работает.

И в это самое мгновение вслед за вспыхнувшим огненным пузырем раздался сильный хлопок, чем-то напоминавший звук лопнувшего футбольного мяча. Помещение разом окутал сплошной черный дым. В следующее мгновение из тьмы к оконному просвету бросилась человеческая фигура. По разбившемуся стеклу поняли, что он успел выпрыгнуть. За окном раздалась крики. Раздалась короткая автоматная очередь. Это потом поняли, что, оказавшись рядом с охранником, в надежде вооружиться, выпрыгнувший в окно репортер набросился, было на него. Автоматная очередь другого охранника тут же напал и сразила его. В комнату вбежали телохранители Масъуда. Дым стал рассеиваться. И перед взором телохранителей открылась страшная картина действительности. Масъуд лежал, опрокинувшись на спину, с развороченной грудной клеткой, весь в крови. Посреди комнаты, на полу, облитом кровью, в мертвельной судороге корчилось обезглавленное тело иностранного оператора. Весь потрепанный минными осколками, чуть дальше в луже крови лежал и Фахими Дашти. Уже по одному внешнему виду Масъуда Халили можно было понять, что и его тело изрядно напичкано осколками мины. В это время в комнате разгорелся пожар. Телохранители Масъуда быстро вынесли из комнаты тело Масъуда, вслед за ним Фахима Дашти и Масъуда Халили.

Масъуд пытался сказать что-то, но голос его застревал где-то в горле, захлебываясь кровью. Сколько бы телохранители не напряглись понять смысл его слов, им никак не удавалось сделать это. Лишь по его жестам руки они догадались, что он показывает в сторону Фархора, Куляба и Душанбе Таджикистана. Будучи в курсе дела, что недавно Масъуд был в Душанбе и лечился там, они догадались, что Масъуда необходимо срочно везти туда. Может быть, сейчас Масъуд единственную свою надежду связывал с таджикскими врачами. Потому туда и указывал рукой.

Ахмадшаха Масъуда, Фахима Дашти и Масъуда Халили срочно уложили в вертолет, и винтокрылая машина взмыла вверх, взяв курс на город Куляб Республики Таджикистан. Сквозь рокот двигателей машины едва были слышны все усиливающиеся стоны раненых. Масъуд, всю жизнь мечтавший о наступлении мужественной смерти, приложив голову к груди Хисайнхона, через иллюминатор смотрел на проплывающие мимо величественные гребни Гиндукуша. Хисайнхону, наблюдавшему за изменениями в его настроении, неведомо было, какие чувства бушевали в гордом и мужественном сердце великого льва Панджшера. Улыбаясь, Масъуд всматривался в эти снежные вершины все пристальнее. Кто знает, может, он всматривался в огромный багряный солнечный диск, опускавшийся за гребни гор, уводящий Масъуда в тот далекий сказочный мир детства, в мир его любимой и родной бабушки Хадичамох. ...

Видавший виды, Хисайнхон уже по устремленному вдаль взору Масъуда понял, в чем дело, отвернулся, чтобы не мешать ему отдаться самым святым и сокровенным воспоминаниям.

«...Ло иллоха иллалоху Мухаммада Расулуллох. ...Ашхаду анна ло иллоха иллалоху ашхаду анна Мухаммаду Расулаллох. ...» - едва выдавливали из груди губы Масъуда. Будто так и напрашивались у него и эти строки, подытоживающие весь период полета его птицы жизни по извечным просторам необъятной Вселенной:

**Чун барк яке дурахш андар афлок,
Бо дидаи оташину андешаи пок.
Монанди уқоб дар само бояд мурд,
Нарчанд ки оқибат фуру ої ба хок.**

**Как молния засверкай в этом мире,
Огненным взглядом и чистим мышлением.
Подобно орлу умри на лету,
Хоть твоё место всё же под землей.**

И Масъуд Халили, и Фахими Дашти, и все те, кто находился в салоне винтокрылой птицы, повернулись к Масъуду. Голова Масъуда была наклонена к иллюминатору. А за ним – огромный багряный диск солнца, медленно опускающийся за горные хребты величественного Гиндукуша. ...

Эпилог

Цена войны

После окончания войны в СССР были опубликованы цифры погибших советских воинов с разбивкой по годам:

1979 год	86 человек
1980 год	1484 человека
1981 год	1298 человек
1982 год	1948 человек
1983 год	1446 человек
1984 год	2343 человека
1985 год	1868 человек
1986 год	1333 человека
1987 год	1215 человек
1988 год	759 человек
1989 год	53 человека
ИТОГО	13 833 человека.

В дальнейшем итоговая цифра несколько увеличилась за счет умерших от последствий ранений и болезней после увольнения из Вооруженных сил. До

последнего времени безвозвратные потери в афганской войне (убитые, умершие от ран, болезней и в происшествиях, пропавшие без вести) оценивались следующим образом:

Советская армия - 14 427 человек
КГБ - 576 человек
МВД - 28 человек.
ИТОГО - 15 051 человек.

Точное число погибших в войне афганцев неизвестно. В официальных источниках наиболее часто встречается цифра 1 миллион погибших.

Примерно столько же – раненых и контуженных.

(Новогодний выпуск еженедельной газеты «Комсомольская правда» за 2009 год).

**ОгоньХудо, гувонн ман Оллоњааст,
Дар синан ман назор дарду оњааст.
Дар Холябанъваддин фитод додари ман,
Сӯзи дили ман зи марги Анмадшоњааст.**

**Хуни дили ту ба мулки Хатлони ман аст,
Сӯзи ду ланъон мудом бар лъони ман аст.
То рӯзи киёмат аз ғамат месӯзам,
Сӯят нигарон ду чашми гирёни ман аст.**

**Сарбайти назор дoston Пан(гъер аст,
Оғоз ба умри лъвидон Пан(гъшер аст.
Хоб аст ба Лънгалак яке шери жаён,
Оромганн Шонн Лънъон Пан(гъшер аст.**

**Пан(гъшер равам сайри гули лола кунам,
Ёде зи ғаму дарди дусадсола кунам.
Хокам ба данан додари хунинкафанам,
Хун гиря кунам, ба ёди ту нола кунам.**

2006 – 2008 годы.

Об авторе

Известный таджикский прозаик, член Союза писателей Таджикистана, Лауреат Премии имени Носири Хусрава Республики Таджикистан Саид Рахмон родился в 1941 году в селении Тихиён Ховалингского района Хатлонской области Республики Таджикистан. По окончании Государственного педагогического института имени Абуабдуллох Рудаки города Куляба Республики Таджикистан работал учителем средней общеобразовательной школы, затем собственным корреспондентом Комитета по телевидению и радиовещанию при правительстве Республики Таджикистан.

Поклонники пера Саида Рахмона знакомы с рядом его творений в жанре прозы. Роман «Полководец Масъуд» - одно из таких значимых его творений, удостоенное Премии имени Носири Хисрава в области литературы.

